

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА

О. Р. Т. З.

Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА,
В. И. ПИЧЕТА.

1812 - 1912

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ.

Томъ VI.

Издание Т-ва И. Д. Сытина.

===== ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ: =====

В. П. Алексѣевъ, ген. А. Н. Апухтинъ, П. А. Берлинъ, В. Я. Богучарскій, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, прив.-доц. В. А. Бутенко, прив.-доц. Н. П. Василенко, А. М. Васютинскій, полк. Н. П. Вишняковъ, К. А. Военскій, В. П. Волгинъ, Л. И. Гальберштадтъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ - Запольскій, Д. А. Жариновъ, проф. И. И. Замотинъ, И. Н. Игнатовъ, А. К. Кабановъ, В. В. Каллашъ, проф. Н. И. Карѣевъ, И. М. Катаевъ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, подполк. А. А. Кожевниковъ, Л. С. Козловскій, П. Н. Колокольниковъ, проф. ген. Б. М. Колюбакинъ, проф. бар. С. А. Корфъ, К. С. Кузьминскій, прив.-доц. І. М. Кулишеръ, С. Г. Лозинскій, проф. И. В. Лучицкій, проф. полк. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мендельсонъ, проф. ген. Н. П. Михневичъ, В. Н. Перцовъ, В. И. Пичета, проф. А. Л. Погодинъ, проф. М. А. Рейснеръ, проф. М. Н. Розановъ, кап. А. А. Рябининъ, И. С. Рябининъ, В. И. Семевскій, К. В. Сивковъ, Н. П. Сидоровъ, проф. Е. В. Тарле, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. Я. Улановъ, В. В. Филатовъ, И. М. Херасковъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, подполк. В. П. Ѳедоровъ и др.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1912.

Оглавление VI тома.

	<i>Стр.</i>
Франція безъ Наполеона. И. М. Херасковъ.	1

Заграничные походы.

I. Русская армія передъ походомъ въ Европу. Н. П. Михневичъ.	23
II. Прусскія реформы передъ войной за освобожденіе. Н. И. Карѣевъ.	29
III. Возрожденіе Пруссіи. М. А. Рейснеръ.	39
IV. Союзъ Россіи съ Пруссіей. В. Н. Перцевъ.	44
V. Европа и Наполеонъ. А. М. Васютинскій.	55

Конецъ Наполеона.

I. Первая реставрація. В. В. Филатовъ.	78
II. Наполеонъ на Эльбѣ. А. М. Васютинскій.	85
III. Сто дней.	
1. Возвращеніе Наполеона. Е. В. Тарле.	94
2. Ватерлоо. А. К. Дживелеговъ.	106
3. Второе отреченіе. А. К. Дживелеговъ.	115
IV. Наполеонъ на островѣ св. Елены. В. В. Филатовъ.	121
Русская армія во Франціи. А. С. Лыкошинъ.	130

Литературные отклики.

I. Наполеонъ и романтизмъ. Л. С. Козловскій.	155
II. Наполеонъ и Байронъ. М. Н. Розановъ.	170
III. Наполеонъ во французской поэзіи. И. М. Херасковъ.	180
IV. Наполеоновская легенда въ польской литературѣ. Л. С. Козловскій.	201

Перечень рисунковъ, помѣщенныхъ на отдѣльныхъ листахъ.

	<i>Стр.</i>
1. На морозѣ. (Верещагина)	1
2. На этапѣ. „Дурныя вѣсти изъ Франціи“. (Верещагина)	9
3. Отъѣздъ Наполеона изъ арміи въ 1812 г. (Шельминскаго)	17
4. М. И. Платовъ. (Неизв. худ.; въ Истор. музеѣ)	25
5. Патріотическія жертвы въ 1813 г. (Кампфа)	33
6. Наполеонъ въ 1814 г. (Мейссонье)	41
7. Сраженіе при Лейпцигѣ.	49
8. Карты походовъ 1813—1815 гг.	57
9. Ген. Моро и его адъютантъ Дессоль на развѣдкахъ. (Мейссонье)	65
10. На высотахъ Монмартра при взятіи Парижа. (Шукаевъ)	69
11. Прощаніе Наполеона съ маршалами. (Вернэ)	73
12. Отреченіе. (Сайн)	77
13. Вступленіе союзныхъ монарховъ въ Парижъ. (Совр. грав.)	81
14. Возвращеніе съ острова Эльбы. (Белланже)	89
15. Видѣнія Наполеона. (Дюпенъ)	93
16. Отъѣздъ Наполеона съ острова Эльбы во Францію 1 марта 1815 г. (Бомъ)	97
17. Возвращеніе съ Эльбы. (Штейбенъ)	105
18. Наполеонъ при Ватерлоо. (Штейбенъ)	113
19. Битва при Ватерлоо 18 іюня 1815 г. (Андрѣ)	121
20. Наполеонъ (на островѣ св. Елены)	125
21. Наполеонъ на островѣ св. Елены. (О. Рех)	129
22. Лагерь казаковъ въ Парижѣ. (Совр. грав.). Въѣздъ союзныхъ государей въ Парижъ. (Совр. грав.)	137
23. Выпускъ офицеровъ С.-Сирской школы въ 1813 г. (Г. Руссель)	145
24. Генералы Наполеоновской арміи	153
25. Два гренадера. (Коссакъ)	161
26. Наполеонъ въ Версалѣ. (Жирардэ)	169
27. Уничтоженіе Росбахской колонны французской арміей. (Вафаръ)	177
28. „1814 г.“ (Мейссонье)	185
29. Возвращеніе на островъ Лобау. (Муанье)	193
30. Гробница Наполеона въ Парижѣ	201
31. Перенесеніе останковъ импер. Наполеона I 15 декабря 1840 г. (Гюло)	205
32. Карта театра войны Россіи противъ Франціи.	

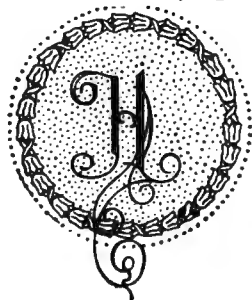

Эпизодъ изъ отступленія (Вайса).

=== Франція безъ Наполеона. ===

И. М. Хераскова.

1. Внутреннее состояніе Франціи въ моментъ отъѣзда Наполеона.

Давно до отъѣзда изъ Парижа въ мѣсь 1812 г. Наполеонъ обратился съ конфиденціальнымъ письмомъ къ вліятельнымъ представителямъ общества, желая узнать ихъ мнѣніе о внутреннемъ состояніи страны. Судя по тому, что говорить о полученныхъ Наполеономъ отвѣтахъ Савари, бывшій въ то время министромъ полиціи, можно думать, что они были далеко не успокоительнаго свойства. «Слишкомъ многіе люди, — пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ по поводу этихъ отвѣтовъ, — или боятся говорить о непріятныхъ

вещахъ или не умѣютъ сказать о нихъ иначе, какъ въ непріятной формѣ» ¹⁾).

Мало успокоительнаго вынесъ Наполеонъ и изъ своего послѣдняго разговора съ префектомъ полиціи Паскье наканунѣ отъѣзда. Паскье рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ²⁾, что въ отвѣтъ на его докладъ Наполеонъ, послѣ долгаго раздумья, сказалъ: «Все это правда, и тутъ еще одна трудность, кромѣ массы другихъ, которые ждутъ меня въ этомъ крупнѣйшемъ и опаснѣйшемъ предпріятіи, на которое я когда-либо рѣшался».

Едва ли когда-либо доселѣ Наполеонъ съ большей тревогой оставлялъ свое государство. Придворные балы, маскарады и спектакли, которыхъ въ теченіе зимы 1811—1812 года было дано небывалое количество, должны были, повидимому, маскировать эту тревогу отъ посторонняго взора. Своимъ же приближеннымъ, въ родѣ Савари, онъ нѣсколько разъ повторялъ передъ отъѣздомъ: «Огромную услугу оказалъ бы мнѣ тотъ, кто избавилъ бы меня отъ этой войны». (Duc de Rovigo. *Mém.*, VI, 226).

Главная причина тревоги Наполеона заключалась въ тяжеломъ экономическомъ положеніи страны, въ тѣсной связи съ которымъ находилось тревожное настроеніе народа. Континентальная система, введенная Наполеономъ въ угоду французскимъ промышленникамъ и какъ средство сокращенія могущества Англіи, повредивъ интересамъ этой послѣдней, еще большій экономическій ущербъ нанесла, въ конечномъ счетѣ, континентальной Европѣ и самой Франціи. Недостатокъ и дороговизна сырья довела французскую промышленность до тяжелаго кризиса; многіе изъ солидныхъ фирмъ потерпѣли крахъ, остальные держались казенными субсидіями. Обороты внѣшней французской торговли за пять лѣтъ до 1811 года понизились въ 1½ раза ³⁾. Недовольство капиталистовъ не оставалось для Наполеона тайной; незадолго до отъѣзда онъ въ слѣдующихъ энергичныхъ выраженіяхъ отчиталъ вызванныхъ къ нему представителей торгово-промышленнаго класса: «Вы толкуете между собой, что я не болѣе какъ солдатъ и, кромѣ своего ремесла, ничего не знаю, что я мало смыслю въ торговлю, что изъ окружающихъ меня также никто не способенъ подать мнѣ разумный совѣтъ, и что мои крайнія мѣры разорили все. Всѣмъ этимъ вы доказываете, что сами ничего не понимаете въ торговлю и промышленности. Вы думаете, что состоянія наживаются въ одинъ день, какъ одно сраженіе рѣшаетъ иногда судьбу всей войны?.. Я-то лучше знаю ваши дѣла, чѣмъ вы мои» ⁴⁾.

Наиболѣе тяжело экономическій кризисъ отражался, конечно, на положеніи малоимущаго и рабочаго класса... Остановка промышленныхъ предпріятій и затрудненія транспорта вели къ безработицѣ и страшной дороговизнѣ жизни, при чемъ къ болѣе длительнымъ причинамъ кризиса прибавилось случайное, въ видѣ крупнаго недорода 1811 года. Хлѣбныя цѣны росли съ ужасающей быстротой: въ 1809 году за гектолитръ пшеницы платили въ среднемъ 15 франковъ, а въ 1812 г. средняя цѣна пше-

¹⁾ Sovary. (Duc de Rovigo). *Mémoires*, т. V, p. 227.

²⁾ Pasquier. *Histoire de mon temps*, т. I, p. 525.

³⁾ Cp. Lavissee et Rambaud, т. IX, 412. *Histoire Socialiste*, VI, 522 и слѣд.

⁴⁾ *Histoire Socialiste*, VI, 531.

нищы возросла до 34 фр., а въ отдѣльныхъ случаяхъ до 60 и 75 фр. за гектолитръ. Въ нехлѣбородныхъ мѣстностяхъ сельское населеніе вмѣсто хлѣба въ 1812 году питалось уже отрубями и лебедой ¹⁾. На почвѣ безработицы и дороговизны жизни уже въ концѣ 1811 года начали вспыхивать по мѣстамъ рабочіе безпорядки, а въ началѣ 1812 г. броженіе проявилось и въ Парижѣ; для поддержанія умѣренныхъ цѣнъ на печеный хлѣбъ правительство стало выдавать здѣсь пособіе булочникамъ, хотя это и вело къ вздорожанію муки и другихъ продуктовъ; въ февраль пришлось раздавать парижскому населенію даровой хлѣбъ и устраивать дешевыя столовыя. Въ провинціи броженіе принимало еще болѣе крупныя

размѣры, такъ какъ на провинцію экономическія мѣропріятія правительства долгое время не распространялись. Жестокость, съ которою правительство Наполеона подавляло малѣйшее проявленіе того броженія, ясно показывала, однако, какую тревогу оно въ немъ вызывало. И чисто полицейскія и экономическія мѣры Наполеона носили одинаково деспотическій характеръ, и направлялись не только на «бунтовщиковъ», но и на главную опору наполеоновской монархіи—землевладѣльцевъ. Въ своемъ стремленіи покончить до своего отъѣзда съ безпорядками, возникавшими на почвѣ продовольственнаго вопроса, онъ готовъ былъ показать себя чуть ли не социалистомъ: «Собственники,—говорилъ онъ,—никогда не бываютъ въ согласіи съ народомъ, и первая обязанность государя, не слушая ихъ софизмовъ, стать на сторону народа» ²⁾.

¹⁾ См. Lavaley. Napoléon et la disette de 1812.

²⁾ Art. Guillois. Napoléon, т. II, p. 191.

Наибольше яркимъ проявленіемъ народнаго недовольства были мартовскіе беспорядки въ городѣ Канъ (Caen) въ Нормандіи. 9 марта огромная толпа, собравшись на рынокъ, стала шумѣть и кричать по поводу дороговизны хлѣба. Когда префектъ вмѣстѣ съ другими властями попытался успокоить кричавшихъ, они осыпали его оскорбленіями. Вечеромъ толпа чуть не разгромила сосѣднюю мельницу—разбила тамъ окна и разсыпала мѣшки съ зерномъ. Къ ночи беспорядки прекратились, однако, сами собой, и утромъ городъ принялъ обычный видъ. Мѣстныя власти отнеслись къ событіямъ довольно благодушно: префектъ расклеилъ воззваніе, упрекавшее населеніе за то, что оно поддалось убѣжденіямъ корыстныхъ вожаковъ, епископъ въ пастырскомъ посланіи напомнилъ своимъ пасомымъ о Богѣ, питающемъ небесныхъ птицъ, и всѣ думали, повидимому, что этимъ все дѣло и кончится. Но центральныя власти разсудили иначе: въ Парижѣ было рѣшено «примѣрнымъ образомъ наказать бунтовщиковъ», и въ Канъ былъ командированъ, снабженный обширнымъ полномочіемъ, адъютантъ императора графъ Дюронель съ четырьмя тысячами солдатъ и огромной арміей сыщиковъ. Съ ихъ прибытіемъ въ городъ воцарился настоящій терроръ. Обыватели не смѣли показываться на улицахъ; тюрьмы наполнились арестованными. Организованный наскоро военный судъ 14 марта уже вынесъ свой жестокий приговоръ, осудившій 8 человѣкъ (въ томъ числѣ 3 женщины) на смертную казнь, 8 на каторжныя работы и 9 въ долготѣнную тюрьму. Вслѣдъ за тѣмъ было рѣшено терроризировать и землевладѣльцевъ. Въ апрѣлѣ министерство разослало префектамъ циркуляръ, предписывавшій имъ обязать всѣхъ фермеровъ и собственниковъ земли доставлять на рынокъ определенное количество хлѣба для продажи его по предписанной имъ таксѣ. «Если, — говорилось въ циркулярѣ, — вы встрѣтите со стороны землевладѣльцевъ сопротивленіе, то растолкуйте имъ, что такова воля самого монарха, и что она клонится къ ихъ собственнымъ интересамъ: указанныя мѣры предупреждаютъ беспорядки и проявленіе необузданности, которыми всегда сопровождается продовольственная нужда, и которыя легко могутъ нарушить спокойствіе тѣхъ, кто не захочетъ содѣйствовать этому акту челоѣколюбія и патріотизма».

Наканунъ своего отъѣзда Наполеонъ посредствомъ императорскаго декрета облекъ эти мѣры въ форму закона, хотя большинство министровъ и настаивали на ихъ нецѣлесообразности. «Это былъ прощальный жестъ по адресу бѣднѣйшей части народа, — замѣчаетъ по этому поводу Паскъ¹⁾, — при помощи этой мѣры онъ хотѣлъ на время отсутствія обезпечить себѣ ее спокойствіе».

Принудительное снабженіе хлѣбомъ рынка вызвало со стороны помѣщиковъ и крестьянъ такое упорное сопротивленіе, что уже въ августѣ всѣ предписанныя циркуляромъ и императорскимъ декретомъ мѣры пришлось отмѣнить. Вотъ что писалъ по поводу ихъ префектъ Кальвадоса черезъ мѣсяцъ послѣ опубликованія декрета: «Цѣны на зерновой хлѣбъ все растутъ и дошли до невѣроятной цифры 75 франковъ за гектолитръ. Общественный порядокъ послѣ примѣрной расправы съ бунтовщиками хотя и не нарушается, но нищета дошла до крайнихъ предѣловъ... Де-

1) Hist. de mon temps, I, 509.

кретъ о таксъ обрадовалъ было населеніе, но радость смѣнилась печалью, когда въ результатъ ихъ продуктъ исчезъ совершенно съ рынка. Пришлось прибѣгать къ реквизиціямъ, а въ настоящее время захватывать иногда даже необходимые для самихъ земледѣльцевъ запасы. Въ дома упорствующихъ были введены гарнизэры ¹⁾ и повсюду произведена точная провѣрка запасовъ. Виновныхъ въ дачь ложныхъ показаній немедленно арестовывали и предавали суду. Но все доступное нашей регистраціи количество хлѣба будетъ скоро исчерпано, ничтожность нашей работы не замедлитъ обнаружиться, и тогда реквизицію придется производить наугадъ, что отниметъ у дѣла общественнаго продовольствія всякую почву.

Возвращеніе Наполеона изъ Россіи. (Карт. Алексѣва. 1849 г.).

Не могу подуматъ безъ ужаса о тѣхъ несчастіяхъ, которыя обрушатся на насъ, если хлѣба не хватитъ въ теченіе хотя бы дня» ²⁾.

Таковы были затрудненія, переживавшіяся правительствомъ на почвѣ экономическаго кризиса. Не менѣе серьезнымъ источникомъ народнаго недовольства были въ то время рекрутскіе наборы. Количество призываемыхъ на военную службу росло съ каждымъ годомъ; въ теченіе 1811 года было призвано уже 300.000 человекъ, а въ 1812 году общее количество рекрутовъ поднялось до 427 тысячъ. Въ солдаты забирали сплошь и рядомъ людей, не достигшихъ призывного возраста или по разнымъ причинамъ уже освободившихся отъ призыва: организація въ 1812 г. такъ называемой національной гвардіи имѣла спеціальною цѣлью привлечь на военную службу всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, по какимъ бы то ни было

¹⁾ Гарнизэры—экзекуціонные сыщики, которыхъ непокорные землевладѣльцы должны были содержать у себя на свой счетъ, выдавать имъ, кромѣ того, суточные деньги.

²⁾ Письмо prefecta Кальвадоса къ графу Дюронелю. См. Lavaley. Op. cit.

причинамъ не попавшимъ въ солдаты. Брала безъ всякаго жребія и гарантій законности, а попавшій на службу рѣдко уже возвращался домой. Забирали въ огромномъ количествѣ и лошадей, для выкупа которыхъ не отпускалось часто никакихъ кредитовъ. Населеніе упорно и злобно боролось съ рекрутчиной. Въ горахъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ бѣжавшіе отъ военной службы соединялись въ крупныя, вооруженныя дружины, вступавшія иногда въ настоящіе сраженія съ отрядами посылавшихся противъ нихъ солдатъ. Другіе, чтобы не попасть на военную службу, калѣчили себя — вырывали зубы, рубили пальцы и кололи глаза; беременныя женщины съ опасностью для жизни устраивали преждевременные роды, такъ какъ рожденіе ребенка могло спасти отца отъ рекрутчины. Въ 1811 г. число неявившихся къ призыву рекрутовъ достигло 80.000. Правительству пришлось прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ — карательнымъ отрядамъ (*colonnes mobiles*), гарнизерамъ, круговымъ порукамъ, распространявшимся порой на цѣлыя общины. Наборы 1812 года были въ глазахъ населенія особенно непопулярны, въ виду непопулярности самой войны. По словамъ Паскья, «если недовольство, вызывавшееся ими, не доходило до открытаго бунта, то, во всякомъ случаѣ, они во всѣхъ классахъ населенія вызывали глубокую скорбь» ¹⁾).

На этой почвѣ всеобщаго недовольства военщиной и экономической политикой государства большыя вопросы его внутренней и вѣншей политики принимали особенно острую форму. Въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ стоялъ церковный вопросъ — конфликтъ императора съ папой. Съ 1809 года папа Пій VII содержался по приказу императора въ Савонѣ на почти тюремномъ режимѣ. Но лишенный фактической власти надъ церковью, онъ пріобрѣлъ въ глазахъ католиковъ тѣмъ большій авторитетъ въ качествѣ моральной силы, въ качествѣ символа поруганной деспотическимъ государствомъ церкви. Духовенство, которое еще такъ недавно оказывало Наполеону огромныя услуги и освящало въ глазахъ населенія его власть, теперь, въ лицѣ наиболее вліятельной своей части, переходило въ лагерь его тайныхъ и явныхъ враговъ. Въ союзъ съ роялистскимъ дворянствомъ оно стало агитировать противъ имперіи, усиленно распространяя строго запрещенную во Франціи буллу Пія VII объ отлученіи Наполеона отъ церкви. Послѣдовали крутыя мѣры вплоть до арестовъ и ссылокъ священниковъ и даже епископовъ, но это только обостряло положеніе. Попытка Наполеона объявить себя, по примѣру Генриха VIII, главою національной церкви потерпѣла полное крушеніе. Во главѣ католической оппозиціи стояла, основанная іезуитами еще въ 1801 году, свѣтская конгрегация св. Дѣвы. Сперва въ качествѣ благотворительной организаціи она существовала открыто, а затѣмъ, послѣ того, какъ правительство распустило ее, еще съ большимъ рвеніемъ дѣйствовала въ качествѣ подпольной организаціи ²⁾). Улѣзая изъ Франціи, Наполеонъ былъ озабоченъ и церковнымъ вопросомъ. На спеціальномъ совѣщаніи министровъ было рѣшено усилить надзоръ за папой и водворить его неподалеку отъ Парижа. Уже изъ Дрездена Наполеонъ торопилъ Савари привести въ испол-

¹⁾ Hist. de mon temps, I, 500.

²⁾ См. Delidour. Histoire des rapports de l'église et de l'état en France.

неніе эту мѣру, ссылаясь на появленіе въ Генуэзскомъ заливѣ англійской эскадры, имѣющей будто бы своею цѣлью похищеніе папы изъ Савоны и водвореніе его въ Римъ. Савари немедленно исполнилъ приказъ: папа опять былъ схваченъ жандармами и подъ ихъ конвоемъ доставленъ изъ Савоны въ Фонтенебло. Изъ боязни народныхъ манифестацій его везли такъ быстро, что дорогой старикъ едва не умеръ.

Другимъ больнымъ вопросомъ внутренней политики Франціи было положеніе печати и общественныхъ свободъ. Бюрократическій режимъ тѣснымъ кольцомъ охватилъ страну, стараясь задушить въ ней всѣ проявленія общественной жизни. Строившіяся одна за другой государственныя тюрьмы не пустовали никогда. Для наполненія ихъ не требовалось судебныхъ формальностей: по откровенному выраженію императорскаго указа, онѣ именно и предназначались для тѣхъ, кто «не могъ быть привлеченъ къ суду по недостатку уликъ», или «публичный процессъ надъ кѣмъ грозилъ спокойствію государства». Народное представительство не существовало даже въ

той жалкой формѣ, въ какой оно сохранялось еще по конституціи VIII года: Трибунатъ былъ окончательно упраздненъ, а Законодательный корпусъ влачилъ жалкое существованіе въ качествѣ декораціи при самодержавной власти. Важнѣйшія законодательныя мѣры вплоть до утвержденія бюджета вводились императорскими декретами или, для большей торжественности, постановленіями сената, а засѣданія Законодательнаго корпуса за-

„Опъ!“ (Фламонъ).

нимались въ это время такими, не имѣющими къ законодательству никакого отношенія предметами, какъ доклады объ египетскихъ іероглифахъ или изобрѣтеніи компаса ¹⁾. Въ теченіе всего 1812 г. Законодательный корпусъ ни разу, впрочемъ, и не созывался. О положеніи при Наполеонѣ печати достаточно всѣмъ извѣстно. Извѣстно, какое значеніе онъ придавалъ ея оппозиціонному вліянію: «Если, — говорилъ онъ, — я сниму съ печати узду, я и трехъ мѣсяцевъ не останусь у власти». Ко времени русской войны узда на печати затянулась еще крѣпче. Газеты съ 1810 года были подчинены предварительной цензурѣ префектовъ, и число ихъ ограничено одной на каждый округъ; только въ Парижѣ, въ видъ исключенія, были разрѣшены три политическія газеты, не считая официальнаго «Moniteur». Нечего и говорить, что въ газеты эти не проникало ничего, что имѣло хоть косвенное отношеніе къ волновавшимъ современное общество вопросамъ. Читая ихъ, можно было подумать, что

¹⁾ См. Pierre. Histoire des assemblées politiques en France, 324.

ничто не интересовало тогда французовъ, кромѣ парадныхъ засѣданій сената, бракосочетаній иностранныхъ принцессъ и прорѣзыванья молочныхъ зубовъ у римскаго короля. Въ такъ называемыхъ «внутреннихъ извѣстіяхъ» они могли прочесть кромѣ этого развѣ о быкѣ, сорвавшемся съ бойни въ какомъ-то провинціальномъ городишкѣ, или о молніи, убившей крестьянскую семью, неосторожно ставшую подъ дерево во время грозы, а въ отдѣлѣ «внѣшнихъ извѣстій» объ успѣхахъ оппозиціи въ Англіи и о нищетѣ англійскихъ рабочихъ, «завидующихъ счастливому жребію и довольству своихъ французскихъ товарищей» ¹⁾. Единственно полнымъ и содержательнымъ отдѣломъ былъ въ газетахъ отдѣлъ театральной и литературной критики, занимавшей обыкновенно три четверти всего содержанія газеты. Но даже и этотъ отдѣлъ составлялся иногда при прямомъ участіи полицейской власти. Несомнѣнные документы свидѣтельствуя, что правительство старалось и эстетическія наклонности гражданъ эксплуатировать въ своихъ интересахъ. Въ концѣ мая 1812 года нѣкто Лемонтэ въ письмѣ къ министру полиціи обращалъ его вниманіе на недостаточное, по его мнѣнію, количество литературныхъ и театральныхъ новостей въ парижскихъ газетахъ. «Между тѣмъ, — писалъ Лемонтэ, — это самая лучшая пища для праздныхъ умовъ парижанъ, которые за недостаткомъ ея обращаются къ политикѣ... Оживленная дискуссія по этимъ вопросамъ была бы въ настоящее время какъ нельзя болѣе уместной. Распредѣливъ между газетами роли, можно организовать борьбу мнѣній, которая отличнѣйшимъ образомъ займетъ вниманіе публики и послужитъ темою для разговоровъ въ салонахъ... Если ваше сіятельство одобритъ мою идею, я при посредствѣ одного любителя итальянской музыки открою военное дѣйствіе на страницахъ «Journal de l'Empire», а черезъ г. Лакретеля постараюсь, чтобы кто-нибудь изъ чемпионовъ французской музыки, вооруженный съ головы до пятъ, выступилъ во «Французской Газетѣ». Эта маленькая война на извѣстное время отвлечетъ вниманіе отъ большой» ²⁾. Докладъ былъ горячо одобренъ министромъ, и дебаты о сравнительныхъ достоинствахъ итальянской и французской музыки на страницахъ парижскихъ газетъ, дѣйствительно, открылись и съ успѣхомъ велись въ теченіе всего лѣта.

Тяжкій полицейскій гнетъ давалъ въ странѣ постоянную пищу для республиканской оппозиціи, которая, на ряду съ роялистской оппозиціей, была для Наполеона тѣмъ болѣе опасной, что пускала глубокіе корни и въ арміи. Изъ среды офицерства по преимуществу вербовала своихъ членовъ тайная республиканская организація «филадельфовъ» ³⁾. Изъ рядовъ арміи вышелъ и самый опасный изъ республиканскихъ заговорщиковъ противъ Наполеона, генералъ Малэ.

¹⁾ См. Journal de l'Empire, 1812, 28 іюня и др.

²⁾ Histoire Socialiste, VI, 471.

³⁾ См. Nadiér. Histoire des sociétés secrètes dans l'armée.

2. Французское общество и событія русской войны.

Официальная жизнь Франціи съ отъездомъ Наполеона ни въ чемъ не измѣнилась. Части государственной машины работали правильно, и даже руководить ею долгое время продолжала рука императора: онъ и за границей продолжалъ получать подробные отчеты министровъ и входить въ малѣйшія детали управленія.

Официальнымъ благополучіемъ продолжала дышать и пресса. Но какъ ни старалось правительство занять вниманіе общества «маленькими войнами» на страницахъ газетъ, оно съ самаго начала было приковано къ

Солдаты великой арміи на обратномъ пути. (Л. И. Потт).

«большой войнѣ», непопулярность которой немедленно сказалась въ той готовности, съ которой французское общество ловило всѣ компрометирующіе военное начальство слухи и критиковало официальные сообщенія съ театра войны.

Официальные «бюллетени великой арміи» составляли въ сущности все, что жители Франціи могли узнать о войнѣ изъ газетъ, если не считать запоздалыхъ и тенденціозно подобранныхъ перепечатокъ изъ иностранныхъ газетъ и столь же тенденціозныхъ и болѣе чѣмъ безсодержательныхъ случайныхъ извѣстій. О характеръ же этихъ официальныхъ бюллетеней можно судить по тому, что сами чиновники, обязанные публиковать

ихъ, приходили нерѣдко въ смущеніе отъ ихъ содержанія. «Я помню, въ какой гнѣвъ пришелъ однажды Лавалетъ (директоръ почтъ),—говоритъ Паскѣ ¹⁾,—когда мы прочли съ нимъ въ одномъ изъ бюллетеней, что казаки дезертируютъ изъ арміи массами.

«Неужели они думаютъ,—воскликнулъ онъ,—что мы можемъ заставить кого-нибудь повѣрить этимъ баснямъ? Казаки бѣгутъ изъ арміи! Да вѣдь на войнѣ-то имъ только и пожить! Здѣсь они не теряютъ ничего и выигрываютъ все!»..

Немудрено, что и общественное мнѣніе съ большей охотой вѣрило частнымъ извѣстіямъ и слухамъ, чѣмъ тому, что писалось о войнѣ въ газетахъ. Скептическое отношеніе къ офиціальнымъ бюллетенямъ сложилось съ самаго ея начала. Извѣстіе о первыхъ успѣхахъ великой арміи въ Россіи никого не удовлетворяло; съ одной стороны, впечатлѣніе отъ этихъ успѣховъ ослаблялось неблагопріятными вѣстями изъ Испаніи, а съ другой стороны, «даже самые легковѣрные изъ парижанъ были, по словамъ Савари ²⁾, убѣждены, что дѣло шло пока объ отдѣльныхъ стычкахъ, не имѣвшихъ никакого значенія для исхода войны. Что же касается шансовъ на ея благопріятный исходъ, то они казались парижанамъ очень слабыми: слишкомъ ужъ поражала ихъ огромность лежавшаго передъ арміей пути... Ждали рѣшительной битвы, и въ сообщеніяхъ о мелкихъ сраженіяхъ видѣли только стремленіе успокоить избалованное побѣдами общественное мнѣніе»... «Послѣ взятія Смоленска,—говоритъ Савари,—всѣ желали одного—заключенія перемирія и водворенія арміи на зимнія квартиры. Толковали о томъ, что солдаты слишкомъ долго находятся въ походѣ, что, вѣроятно, одежда и обувь на нихъ совершенно растрепались и запасы провизіи скудны. Изъ сообщенія о прибытіи въ армію большихъ запасовъ муки и о закупкѣ всяческихъ продуктовъ заключали, что именно въ этихъ продуктахъ она и терпѣла нужду... Предавались и другимъ, не меньше прискорбнымъ, размышленіямъ, напримѣръ, что до сихъ поръ не удалось настичъ русскую армію, что разъ она ускользнула подъ Смоленскомъ, то ничего хорошаго не приходится ждать и отъ дальнѣйшаго движенія впередъ... Насыщали себя этими идеями и вздыхали о перемирії, какъ шагъ къ окончательному заключенію мира» ³⁾... Такое настроеніе не чуждо было даже представителямъ высшей власти.

Паскѣ передаетъ разговоръ съ морскимъ министромъ Декрѣ вскорѣ послѣ полученія извѣстія о взятіи Смоленска. «Движеніе императора къ Москвѣ—безумство,—воскликнулъ министръ,—онъ думаетъ, что всякія затрудненія разрѣшатся приказомъ о новыхъ наборахъ. Правда, сенатъ предоставилъ въ его распоряженіе еще 140.000 рекрутовъ, что составляетъ въ общемъ 440.000 человекъ въ одинъ годъ, но неужели вы думаете, что веревка, натянутая такъ туго, можетъ выдержать долго?.. Нѣтъ,—говорю вамъ,—это человекъ погибшій!» ⁴⁾ Даже извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи, изображенномъ въ бюллетенѣ, какъ рѣшительное пораженіе русской арміи, не измѣнило, по словамъ Савари, тревожнаго настроенія

¹⁾ Hist. de mon temps, II, 2.

²⁾ Mémoires, V, 290.

³⁾ Mémoires, V, 290.

⁴⁾ Hist. de mon temps, II, 2.

парижанъ. «Радость победы,—говоритъ онъ,—омрачалась мыслью о той страшной дали, въ которой она одержана. Къ событію отнеслись съ большимъ интересомъ, но это, кажется, и все. На площади Инвалидовъ пропалили 100 разъ изъ пушекъ; во всѣхъ церквахъ пропѣли *Te Deum*, но все это, несмотря на общее, казалось бы, чувство удовольствія, не разсыяло владычшаго обществомъ безпокойства» ¹⁾).

Вѣсть о вступленіи французовъ въ Москву, пришедшая черезъ нѣсколько дней послѣ извѣстія о Бородинскомъ сраженіи, подняла было надежды оптимистовъ; думали, что армія найдетъ въ Москвѣ обиліе запасовъ и желанный отдыхъ; върили слухамъ, будто бы русская армія отступила къ Твери, что Мюратъ двинулся во главѣ всей кавалеріи на Петербургъ. Но иллюзія продолжалась недолго: скоро узнали и о пожарѣ Москвы, и объ истинномъ настроеніи русской арміи.

Теперь молчать было уже невозможно; нельзя было газетными дискуссіями о музыкѣ отвлечь вниманіе общества отъ тревожныхъ мыслей и нежелательныхъ для правительства сужденій. И вотъ повсюду громко заговорили вдругъ о войнѣ и о новыхъ победахъ великой арміи. Журналисты, поэты, церковные ораторы присоединили свои голоса къ гулу побѣд-

„Колесницы фараона и войско его поразили Господь“.
(Карт. Кампфа).

ныхъ пушекъ и колоколовъ, чтобы общими усиліями заглушить тревогу въ сердцахъ французскихъ подданныхъ и укрѣпить въ нихъ пошатнувшуюся вѣру въ вождя государства и его счастливую звѣзду. Если въ изліяніяхъ этихъ и были крупины искренняго чувства, онъ безнадежно тонули въ морѣ официальной патріотической лжи.

Для автора прокламаціи, приложенной къ объявленію о новомъ *Te Deum* въ парижскихъ церквахъ, мечъ Наполеона не обыкновенный мечъ завоевателя: это мечъ мстителя за всю цивилизованную Европу, потрясенную когда-то набѣгами дикихъ варваровъ съвера съ «мечомъ Божиимъ» Аттилой во главѣ. Много вѣковъ цивилизованный міръ оставался не отомщеннымъ. «Но вотъ явился, наконецъ, посланникъ небесъ, нашъ августѣйшій монархъ и призвалъ съверъ къ отвѣту за пролитые имъ нѣкогда слезы и кровь. Тогда жестокіе воители хотѣли вернуть въ первобытное варварство человѣческій родъ; теперь ихъ полуварварскіе потомки

¹⁾ *Mémoires*, V, 301.

уже въ собственной странѣ возобновляютъ пожары и грабежи. Можно представить, что, въ случаѣ побѣды, они сдѣлали бы въ чужой! Нѣтъ, поистинѣ, весь міръ заинтересованъ въ нашихъ побѣдахъ!»¹⁾ Такъ писалъ архіепископъ парижскій Мори (Maury), — тотъ самый Мори, который въ день назначенія своего на архіепископскую кафедру, состоявшагося одновременно съ назначеніемъ на постъ префекта полиціи Паскье, нѣсколько разъ повторялъ, обращаясь къ послѣднему: «Императоръ разрѣшилъ теперь двѣ главнѣйшія нужды столицы — снабдилъ ее хорошей полиціей и хорошимъ духовенствомъ; теперь онъ можетъ быть спокоенъ за общественный порядокъ; архіепископъ и префектъ полиціи это почти вѣдь одно и то же»²⁾.

За правящимъ духовенствомъ выступили поэты. Послѣ извѣстія о взятіи Москвы появились десятки патріотическихъ одъ, воспѣвавшихъ грандіозность этого событія и ни съ чѣмъ несравнимое величіе его героя. «Я счастливъ, — поетъ одинъ изъ поэтовъ, — если звуки моей лиры будутъ угодны его слуху, если онъ милостиво улыбнется на мои творенія». Поэта умиляетъ зрѣлище Франціи, которая идетъ къ зениту своей блестящей славы, послушная законамъ и руководимая мудрымъ монархомъ, благоразуміе котораго всегда уравниваетъ чашки судьбы и ведетъ государство ко благу.

«Благородная родина, Франція, — восклицаетъ другой поэтъ, — сердце ликуетъ во мнѣ, видя твое величіе. Въ блескъ твоей славы засну я теперь моимъ послѣднимъ сномъ. Нѣтъ предмета, болѣе прекраснаго и болѣе достойнаго моихъ вдохновеній. Я современникъ величайшаго изъ героевъ. Полонъ чудесъ его несравненный вѣкъ. Его имя отражается каждымъ эхомъ. Солнце, съ твоихъ воздушныхъ высотъ ты видишь, какъ идетъ онъ впередъ. Окинь могучимъ окомъ прошлое, его самые свѣтлые дни и скажи, есть ли равный ему въ цѣломъ царствіи времени».

Статьи журналистовъ держались въ общемъ ближе къ землѣ, чѣмъ вдохновенія поэтовъ и духовныхъ особъ: имъ приходилось дѣйствовать не столько на чувства, сколько на здравый смыслъ. Однако соответствующій моменту патріотическій пафосъ былъ не чуждъ и газетнымъ статьямъ, посвященнымъ вступленію великой арміи въ Москву:

«Въ моментъ, когда громъ нашихъ побѣдъ прокатился эхомъ по всей Европѣ, когда императорскій орелъ взвился надъ Кремлемъ, древней резиденціей царей, мы не колеблясь направляемъ вниманіе читателей на высокія мысли, естественно внушаемыя этими грандіозными событіями». Такъ начинается одна изъ этихъ статей. «Въ событіяхъ этихъ, — продолжаетъ авторъ, — во всю ширь развернулась изумительная сила правительства, сумѣвшаго, при совершенномъ спокойствіи и мирѣ внутри страны, вести войну на двухъ концахъ Европы. Какой французъ, достойный этого имени, не почувствуетъ теперь, какъ ширится его мысль и возвышается духъ»³⁾...

«Какъ ни привыкли мы къ грандіознымъ замысламъ и кампаніямъ императора французовъ, но вступленіе этого монарха въ Москву кажется

1) Прокламація архіепископа Мори. См. Journal de l'Empire, 1812, 6 октября.

2) Pasquier. Hist. de mon temps, I, 415.

3) Journal de l'Empire, 1812, 6 октября. Перепечатки изъ Journal de France.

намъ чѣмъ-то выходящимъ за предѣлы всего, что давала намъ досель его полная чудесъ исторія ¹⁾... Разстояніе Парижа отъ Москвы, равное приблизительно разстоянію столицы Александра Великаго отъ столицы персидской монархіи, природа и климатъ страны, недоступной, казалось, для европейскихъ армій, воспоминаніе о великомъ полководцѣ, въ подобномъ же предпріятіи потерпѣвшемъ неудачу, сосѣдство азіатскихъ націй, которыя уже увидѣли въ своихъ рядахъ бѣглецовъ Бородинской битвы,— все это придаетъ наступательному движенію великой арміи характеръ какого-то чуда, напоминающаго знаменитѣйшіе походы древности»... Россія, по мнѣнію автора, завоеванная страна: обладаніе ею обезпечено за французами и отвращеніемъ къ военной службѣ русскихъ крестьянъ, и безвыходнымъ положеніемъ русской арміи: «Она идетъ по дорогѣ ссылаемыхъ въ Сибирь,—острилъ по ея адресу авторъ.—Должно-быть, русскіе вельможи и генералы захотѣли поохотиться на бѣлыхъ медвѣдей и оленей, попить у татаръ кобыльяго молока, поѣсть съ камчадалами собачьяго мяса!..»

«Однако,—съ грустью добавляетъ онъ,—находятся поверхностные люди, которые лишь въ слабой степени отдають себѣ отчетъ въ огромности потерь, понесенныхъ Россіей и въ почти отчаянномъ положеніи этой имперіи... Они воображаютъ, что русское правительство, удаляясь въ Казань, а оттуда, быть-можетъ, въ Тобольскъ, сможетъ выиграть время, собраться съ силами и вернуть потерянное. Это было бы справедливо, если бы Россія походила на Францію, которая на всемъ своемъ пространствѣ одинаково густо населена и одинаково плодородна». Въ дѣйствительности, доказываетъ авторъ, Россія представляетъ собою совершенно другую картину; собственно русскими могутъ считаться въ ней лишь 14 центральныхъ губерній, остальные или совсѣмъ почти не населены, какъ, напр., прикаспійскія или сибирскія степи, или же населены враждебными Россіи племенами, ждущими перваго случая, чтобы свергнуть съ себя русское иго: «Татары, донскіе казаки, грузины и проч. немедленно возстанутъ, какъ только услышатъ, что «царь царей» бѣжитъ на Волгу изъ своей, объятой пламенемъ, столицы»... (*Journal de l'Empire*, 1812, 7 окт.).

«Частныя письма» изъ Москвы, отрывки изъ сочиненій о Россіи, выдержки изъ русскихъ газетъ, документы въ родѣ царскихъ манифестовъ или прокламацій Ростопчина — весь этотъ матеріалъ, послѣ извѣстія о взятіи Москвы, наполнившій вдругъ парижскія газеты, долженъ былъ говорить о томъ же, о чѣмъ говорили статьи журналистовъ—о варварствѣ русскихъ, о ихъ полной растерянности, о безнадежности ихъ положенія и о близости мира: взятіе Москвы рѣшало судьбу всей войны. Что, однако, идея эта усваивалась парижанами не безъ труда, и что «поверхностныхъ людей» среди нихъ находилось немало, видно изъ того, какая масса ораторскаго, публицистическаго и поэтическаго вдохновенія была нужна для вняндренія ея въ ихъ умы.

¹⁾ Ibid., 7 октября.

3. Попытка государственного переворота въ Парижѣ.

Послѣ извѣстія о пожарѣ Москвы свѣдѣнія изъ великой арміи приходили въ Парижъ все рѣже и рѣже. Еще дольше не получало правительство вѣстей отъ самого императора. На почвѣ полной неизвѣстности о дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій легко рождались и находили въру разные тревожные слухи; настроеніе общества было до крайности напряженное. Сильное безпокойство царило въ частности среди парижскихъ купцовъ: на нѣсколькихъ собраніяхъ они уже довольно открыто выразили правительству свое недовѣріе ¹⁾.

Противникамъ императорскаго режима трудно было найти болѣе благоприятный моментъ для попытки активнаго выступленія, и они, дѣйствительно, воспользовались имъ.

Въ самый разгаръ патріотическаго ликованія французской прессы по поводу вступленія Наполеона въ Москву, въ одной изъ парижскихъ государственныхъ тюремъ вырабатывался противъ него планъ государственнаго переворота. Во главѣ заговорщиковъ стоялъ старинный, личный и политическій врагъ Наполеона генералъ Малэ (Malet). Онъ былъ арестованъ еще въ 1808 г. какъ участникъ раскрытаго полиціей республиканскаго заговора, и съ тѣхъ поръ не выходилъ изъ тюрьмы. Единственной

„Кукольная комедія или проходящіе черезъ Франкфуртъ плѣнные казаки“. (Теребелевъ, „С. От.“, 1813 г., № 18).

льготой, которой ему удалось, въ концѣ-концовъ, добиться, былъ переводъ въ лѣчебницу доктора Дюбюиссона, гдѣ политическіе заключенные содержались на болѣе легкомъ режимѣ. Здѣсь Малэ познакомился съ видными вождями роялистовъ, совместно съ которыми и выработалъ свой планъ. Для осуществленія его была выбрана ночь на 23 октября. (Какъ

разъ та ночь, когда французскій гарнизонъ подъ командой Мортье покидалъ московскій Кремль). Около 11 часовъ вечера Малэ бѣжалъ изъ лѣчебницы вмѣстѣ съ агентомъ роялистовъ аббатомъ Лафономъ.

На слѣдующій день рано утромъ командиръ одного изъ батальоновъ (или «когортъ» какъ они назывались) національной гвардіи полковникъ

¹⁾ См. Saulnier. Eclaircissements historiques sur la conspiration du général Malet, стр. 14—15.

Сульэ былъ разбуженъ незнакомыми ему людьми, одѣтыми въ форму дивизионнаго генерала, его адъютанта и комиссара полиціи. Они принесли ему поразительныя новости: императоръ скончался въ Москвѣ; сенатъ назначилъ временное правительство для выработки конституціи и немедленнаго заключенія мира съ Испаніей и Россіей; командованіе парижскимъ гарнизономъ поручено генералу Малэ. Приказъ его по ввѣреннымъ ему войскамъ вмѣстѣ съ копіей постановленія сената и другими документами генералъ, назвавшій себя Ламоттомъ, тутъ же вручилъ изумленному полковнику. Неожидаанность и необычайность извѣстій не заглушила, однако, въ старомъ офицерѣ привычки безпрекословно повиноваться своему начальству: видъ генеральскаго мундира и письменнаго приказа командующаго гарнизономъ было достаточно, чтобы уничтожить въ немъ всѣ зародыши сомнѣнія, и онъ немедленно исполнилъ всѣ распоряженія генерала.

Батальонъ былъ выстроенъ во дворъ казармъ, и солдатамъ прочли воззваніе генерала Малэ, его приказъ по войскамъ гарнизона и текстъ постановленія сената.

«Граждане,—говорилось въ воззваніи,—Бонапарта нѣтъ: тиранъ палъ подъ ударами мстителей за челоуѣчество... Въ этотъ навѣки памятный день соберемъ всю силу нашего духа и прекратимъ позоръ ненавистнаго рабства, какъ этого требуютъ отъ насъ и интересы націи и наша честь! Опрокинемъ режимъ угнетенія и вернемся къ свободѣ, чтобы никогда уже не выпустить ее изъ нашихъ рукъ! Сметемъ того, кто посягаетъ на волю народа, окажемъ защиту покорнымъ ей!.. Будемъ дружно работать надъ общественнымъ возрожденіемъ Франціи, проникнемся этой великой задачей! Достиженіемъ ея мы заслужимъ признательность современниковъ и удивленіе потомства и смоемъ съ націи позоръ совершенныхъ тираномъ злодѣяній. Если нужно, умремъ за отечество и свободу! Сольемся навсегда въ общемъ крикѣ: «да здравствуетъ нація!..»¹⁾ Въ приказѣ по войскамъ обѣщалась щедрая награда всѣмъ офицерамъ и солдатамъ, которые «сумѣютъ показать себя добрыми гражданами»...

Національная гвардія, организованная за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, состояла изъ молодыхъ солдатъ, большею частью насильно оторванныхъ отъ семьи и враждебно настроенныхъ къ императорскому правительству. Смерть императора, повидимому, немало ихъ не огорчила, и рѣшеніе сената передать верховную власть въ руки временнаго правительства, минуя наслѣдника престола и его мать, показалось вполне естественнымъ.

Слѣдуя полученному приказу, Сульэ отправился съ частью своего батальона къ зданію городской думы, гдѣ къ 9 часамъ утра, какъ сообщилъ ему «генералъ Ламоттъ», должно было собраться временное правительство.

Гюлэнъ.
(Музей 1812 г.).

¹⁾ Ernest Hamel. Histoire des deux conspirations du général Malet.

Когда губернаторъ парижскаго округа (префектъ Сены) Фото, вызванный курьеромъ, явился въ городскую думу, она была уже занята солдатами. Сопротивляться было бесполезно, если бы онъ этого и хотѣлъ, и потому, прочтя показанные ему полковникомъ документы, Фото распорядился отвести для временнаго правительства подходящее помѣщеніе. Быть-можетъ, онъ сдѣлалъ это даже не безъ удовольствія, такъ какъ въ списокъ этого правительства значилось и его собственное имя.

Назвавшій себя генераломъ Ламоттомъ былъ въ дѣйствительности самъ Малэ, а одѣтымъ въ форму адъютанта и комиссара полиціи — его ближайшіе сообщники — капралъ Рамо и бывшій студентъ Бутрэ. Забравши себѣ двѣ роты солдатъ, Малэ отправился прежде всего къ государственной тюрьмѣ, гдѣ находились въ заключеніи два враждебные Наполеону генерала Лагори (со времени заговора генерала Моро) и Гидаль, арестованный въ концѣ 1811 года по дѣлу о рабочихъ безпорядкахъ въ городѣ

Кларкъ.
(Музей 1812 г.).

Гросъ (на югъ Франціи). Врученный тюремному начальству приказъ объ освобожденіи обоихъ генераловъ былъ немедленно исполненъ, и задача Малэ этимъ сразу облегчилась. Своимъ новымъ сотрудникамъ онъ поручилъ устраненіе наиболее опасныхъ членовъ правительства и захватъ полицейской власти, а самъ отправился на Вандомскую площадь, чтобы овладѣть командиромъ парижскаго гарнизона и его главнымъ штабомъ.

Гидаль и Лагори удачно справились съ частью своей задачи. Министръ полиціи Савари и префектъ Паскэ были арестованы въ постели и подъ командой Гидалья отведены въ государственную тюрьму; военный министръ бѣжалъ, оставивши министерство въ рукахъ Гидалья; Лагори принялъ на себя обязанности министра полиціи и, въ качествѣ такового, принялся за разсылку приказовъ провин-

ціальнымъ префектамъ. Офицеры и солдаты, охранявшіе министерства и префектуру полиціи, такъ же легко, какъ и батальонъ полковника Сульэ, повѣрили извѣстію о смерти императора и признали законнымъ новое правительство. По словамъ одного полицейскаго агента солдаты муниципальной гвардіи (Garde de Paris), охранявшіе префектуру, едва узнавши о смерти императора, начали уже «поносить его память»¹⁾.

Но на Вандомской площади Малэ ждала неудача. Командующій гарнизономъ генералъ Гюллэнъ и офицеры главнаго штаба отказались подчиниться Малэ и признать подлинность предъявленнаго имъ сенатскаго указа. Съ Гюлленомъ Малэ расправился при помощи пистолета, но въ главномъ штабѣ офицеры успѣли схватить его, прежде чѣмъ онъ спустилъ въ нихъ курокъ. Въмѣстѣ съ нимъ былъ схваченъ и его «адъютантъ» Рамо:

¹⁾ Докладъ агента Veyrat префекту Паскэ.

См. Paschal Grousset. La conspiration du général Malet d'après les documents authentiques.

солдаты, ожидавшіе у входа, не слышали шума и не успѣли явиться на помощь.

На площади между тѣмъ среди выстраивавшихся тамъ по приказу новаго начальства отрядовъ царило оживленіе не похожее на скорбь объ умершемъ императорѣ. Одинъ изъ важныхъ сановниковъ хотѣлъ пройти въ квартиру Гюллэна, но былъ остановленъ часовыми. «Я графъ Реаль», сказалъ онъ. «Здѣсь нѣтъ больше графовъ», отвѣтилъ ему караульный офицеръ. (См. *Hamel*, стр. 221).

Офицеры штаба вывели связаннаго Малэ и Рамо на балконъ, выходящій на площадь, и прокричали солдатамъ, что передъ ними обманщики и что императоръ живъ. На площади произошло замѣшательство, а потомъ вдругъ раздались крики: «Да здравствуетъ императоръ!» Этимъ предрѣшалась судьба предпріятія, но Малэ не считалъ еще его проиграннымъ: онъ надеялся на помощь своихъ сообщниковъ, въ рукахъ которыхъ находилась городская дума, два министерства, префектура и значительная часть парижскаго гарнизона. Гидаль и Лагори не оказались, однако, на высотѣ положенія: они отъ первой неудачи потеряли присутствіе духа и безъ сопротивленія сдались явившимся ихъ арестовать офицерамъ. Савари и Паскъэ были немедленно освобождены; солдатъ увели въ казармы. Нѣкоторое упорство проявилъ лишь отрядъ, охранявшій префектуру: Паскъэ, явившійся туда изъ тюрьмы, былъ встрѣченъ солдатами ружьями на перевѣсь, и долженъ былъ спасаться отъ нихъ въ сосѣдней аптекъ. Но вскорѣ удалился и этотъ отрядъ, и жизнь города окончательно приняла свой нормальный видъ. Проснувшійся Парижъ узналъ о событіяхъ заднимъ числомъ.

Малэ. (Музей 1812 г.).

Если не считать участія случайныхъ прохожихъ въ задержаніи Савари, когда по дорогѣ въ тюрьму онъ пытался бѣжать отъ конвоя, да толпы любопытныхъ, собравшейся утромъ у городской думы, Парижъ ничѣмъ не успѣлъ проявить себя во время самыхъ событій; съ тѣмъ большей энергіей онъ проявилъ себя послѣ нихъ, высмѣявши правительство въ массѣ злыхъ эпиграммъ и сатиръ.

«Публика охотно дѣлаетъ полицію предметомъ своихъ насмѣшекъ», замѣчаетъ по этому поводу Савари ¹⁾. Нѣкоторыя высокопоставленныя особы, и въ томъ числѣ сама императрица, получили, наполненные ругательствами по адресу Наполеона, анонимныя письма. Письмо, полученное министромъ полиціи, любопытно своими намеками на злободневные экономическіе вопросы: «Хлѣбъ въ 10 су, кофе и сахаръ въ

¹⁾ Mémoires, VI, 14.

20,—писалось тамъ,—вотъ во что обошлось бы намъ паденіе этого чудовища, монополизатора, губителя и величайшаго преступника, какого изрыгалъ только адъ»¹⁾).

Событіе 23 октября сильно испугало правительство. Парижъ, который по картинному выраженію Савари, думалъ, что подъ нимъ гранитная скала, вдругъ почувствовалъ себя на вулканѣ²⁾. По его авторитетному въ данномъ случаѣ мнѣнію лишь случайныя причины помѣшали Малэ добиться серьезнаго успѣха. «Въ его власти могли оказаться казначейство и почта. Получая эстафеты изъ арміи, онъ зналъ бы о печальномъ положеніи войны, и ничто не помѣшало бы ему арестовать императора, если бы онъ прибылъ одинъ, или отправился ему навстрѣчу, если бы онъ возвращался съ охраной. Опасность, угрожавшая общественному спокойствію была велика: волей-неволей намъ пришлось убѣдиться, что далеко не во всемъ мы были сильны. Что особенно поразило всѣхъ, такъ это та легкость, съ которой армія повѣрила въ смерть императора, и то, что никто не вспомнилъ при этомъ о его сынѣ»³⁾).

Въ краткомъ официальномъ сообщеніи о покушеніи генерала Малэ, помѣщенномъ на другой день въ газетахъ, правительство постаралось скрыть отъ населенія его истинный смыслъ, представивъ его въ видѣ «мальчишеской выходки» (*équipée*) трехъ бывшихъ генераловъ, которые обманули нѣсколькихъ солдатъ національной гвардіи и учинили при помощи ихъ насилие противъ министра полиціи, префекта и коменданта Вандомской площади. Въ добавленіе къ этому сообщалось лишь, что «курсъ государственныхъ бумагъ не подвергся ни малѣйшему колебанію» и что «населеніе Парижа громкими криками въ честь императора выражало свое негодованіе противъ бунтовщиковъ, когда ихъ вели въ тюрьму и на судъ». Хотя правительство и увѣряло при этомъ, что «весь заговоръ родился въ головѣ Малэ и его двухъ сообщниковъ», но это не помѣшало ему произвести среди парижанъ массовые аресты: по утвержденію нѣкоторыхъ авторовъ общее число арестованныхъ и подвергшихся преслѣдованію по дѣлу Малэ достигало полуторы тысячи.

Если авторы правительственнаго сообщенія старались убѣдить общество, что предпріятіе 23 октября было дѣломъ всего лишь трехъ лицъ, то совершенно противоположнаго мнѣнія держался на него самъ Малэ. Когда предсѣдатель спросилъ его на судъ, кто былъ его сообщникомъ, онъ отвѣчалъ: «Вся Франція, и вы въ томъ числѣ, если бы я имѣлъ успѣхъ». Это было преувеличеніе, но все же отвѣтъ Малэ былъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ противоположное утвержденіе правительства; не даромъ большинство современниковъ, писавшихъ о покушеніи Малэ, вынесли впечатлѣніе, что неуспѣхъ его зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ чисто случайныхъ причинъ. Въ разговоръ съ секретаремъ министерства полиціи Сольнѣ, послѣ ареста, Малэ, по словамъ этого послѣдняго, слѣдующимъ образомъ представлялъ шансы своего предпріятія: «На моей сторонѣ было уже нѣсколько полковъ. Къ нимъ присоединились бы и другіе, тяготив-

¹⁾ Hamel. Op. cit., 285.

²⁾ Mémoires, VI, 43.

³⁾ VI, 39—40.

шіеся наполеоновскимъ режимомъ и желавшіе новыхъ порядковъ. Чтобы положить конецъ сопротивленію и гарантировать предпріятію полный успѣхъ, я приказалъ бы разстрѣлять Наполеона въ Майнцъ, побѣдитель или побѣжденный, я не сомнѣвался, что онъ поспѣшитъ пріѣхать, какъ только узнаетъ о заговорѣ. Я рѣшилъ, кромѣ того, сконцентрировать въ Талонъ на Марнѣ 50.000 человекъ, чтобы защитить съ этой стороны Парижъ. По минованіи кризиса я отпустилъ бы рекрутовъ домой, согласно заранее принятому мною обязательству. Я съ тѣмъ большею добросовѣстностью исполнилъ бы это обещаніе, что оно было главной причиной, побуждавшей полки слѣдовать за мной» ¹⁾).

Судъ надъ Малэ и его товарищами былъ скорый и рѣшительный: на разсвѣтъ 29 октября смертный приговоръ надъ 15 осужденными былъ приведенъ уже въ исполненіе. Парижане узнали объ этомъ, какъ и о самомъ судѣ, лишь на слѣдующій день, а еще черезъ день газеты напечатали и текстъ приговора. 14-лѣтній лицеистъ Лавинъ написалъ въ честь Малэ слѣдующую латинскую эпитафію, за которую былъ немедленно исключенъ изъ лицея:

*„Hic jacet infelix miserando carmine Malet
Flendus, cui, si non haesit fortuna, tyranni
Victima si periit, magnis tamen excidit ausis“.*

(Здѣсь лежитъ несчастный Малэ. Оплачемъ его скорбною пѣсней. Судьба была противъ него, и погибъ онъ жертвой тирана. Но великими были дерзання его...)

Малэ не ошибся, утверждая, что Наполеонъ немедленно вернется въ Парижъ, какъ только узнаетъ о его покушеніи. Получивши 7 ноября, около Дорогобужа, эстафету военного министра, онъ немедленно рѣшилъ ѣхать во Францію и при первой возможности покинулъ армію. Въ Парижъ первое, о чемъ онъ заговорилъ съ министрами, было дѣло Малэ. Чтобы убѣдить императора въ прочности трона, правительству понадобилось чуть не всѣхъ подданныхъ приводить къ новой присягѣ: высшія учрежденія имперіи во главѣ съ Законодательнымъ корпусомъ и сенатомъ въ полномъ составѣ должны были явиться къ нему для выраженія своего негодованія противъ «ужаснаго покушенія» (*horrible attentat*) Малэ, а вслѣдъ за нимъ прислали увѣреніе въ вѣрноподданническихъ чувствахъ и провинціальныя города, а также полки парижскаго гарнизона ²⁾).

Дюропель. (Музей 1812 г.).

¹⁾ Saulnier. *Eclaircissements historiques*, стр. 42.

²⁾ Bondois. *Napoléon et la société de son temps*, стр. 334.

3. Последнія бюллетени изъ Россіи и возвращеніе Наполеона.

Послѣ событій 23 октября прошла еще недѣля, пока пришли, наконецъ, вѣсти изъ арміи. Утѣшительнаго было въ нихъ мало. Напротивъ, 24 бюллетень великой арміи, появившійся въ газетахъ 2 ноября, опредѣленнымъ образомъ намекалъ на предстоящее отступленіе ея изъ Москвы «къ болѣе удобнымъ зимнимъ квартирамъ»: выпалъ уже снѣгъ, недѣли черезъ три должны наступить большіе морозы; раненные эвакуированы уже по направленію къ Смоленску. Несмотря на напечатанное въ газетахъ «частное письмо» офицера генеральнаго штаба, сообщавшее о прекрасномъ состояніи арміи, о легкости, съ которой французскіе сол-

„Оправданіе Наполеона передъ народомъ по прибытіи его въ Парижъ“. (Теребеневъ).

даты приспособляются къ новому климату и о томъ, что «ни одна страна въ мірѣ не знаетъ столькохъ приспособленій противъ холода, какъ Россія»¹⁾, вѣсть объ оставленіи Москвы послѣ начала зимы произвела на общество удручающее впечатлѣніе. «Еще не предвидѣли ясно всѣхъ грядущихъ несчастій, — пишетъ Савари, — но уже поддавались давленію оппозиціи: духовен-

ство осторожно, но непрестанно подкапывалось подъ вѣрнопопданническія чувства деревенскаго населенія»²⁾. Интересъ къ ходу событій проявлялся огромный: «Во всемъ Парижѣ не было дома, гдѣ не ловили бы съ жадностью всякую вѣсть о великой арміи. У всѣхъ были карты Россіи, и всѣ булавками отмѣчали на нихъ упоминавшіеся въ бюллетеняхъ пункты. Со страхомъ думали объ огромности разстоянія, которое предстояло пройти солдатамъ до зимнихъ квартиръ среди начавшагося уже холоднаго сезона»...³⁾

И вотъ опять, въ противовѣсъ пессимистическому настроенію общества заработали казенныя перья, и газеты запестрили патріотическими статьями. «Предстоящее движеніе арміи не должно никого удивлять, — пи-

¹⁾ См. Journal de l'Empire, 1812, 4 ноября.

²⁾ V, 304.

³⁾ Ibid., VI, 42.

сала 10 ноября «Газета Имперіи»:—ясно, что благодаря пожару Москва не могла стать для арміи удобнымъ мѣстомъ зимовки, а въ виду предстоящихъ холодовъ отысканіе зимнихъ квартиръ является для нея главнѣйшей задачей. Подобными же соображеніями императоръ руководился въ 1807 г., покидая на зиму восточную Пруссію, чтобы льтомъ продиктовать ей миръ въ Фридрихсбургъ и Тильзитъ. Каково бы ни было дальнѣйшее движеніе арміи, будемъ увѣрены, что какъ въ разгаръ военныхъ дѣйствій, такъ и во время зимняго отдыха, наши непобѣдимые легіоны сумѣютъ внушить непріятельскимъ ордамъ уваженіе къ себѣ. Воздадимъ хвалу этой предусмотрительности: она умѣетъ и ускорять побѣдоносную кампанію, и останавливать ее, когда этого требуетъ благоразуміе. Подумаемъ съ радостью о нашихъ друзьяхъ, сыновьяхъ и братьяхъ, которые вкусятъ нѣкоторое время отдыхъ подъ сѣнью родныхъ знаменъ... Сказать, что

императоръ оставилъ Москву, значитъ только сказать, что этотъ отецъ солдатъ всегда находится тамъ, гдѣ его присутствіе требуетъ важность операций. На его глазахъ одержана побѣда, его же око будетъ охранять безопасность побѣдоносной арміи»... ¹⁾). Слѣдующая статья газеты (17 ноября) старается истолковать движеніе арміи къ Смоленску какъ начало наступленія на Петербургъ: это скорѣе фланговое, чѣмъ отступательное движеніе.

„Усердная поставка рекрутовъ отъ французскаго народа“.
(Теребеневъ).

«Миръ не можетъ быть подписанъ иначе, какъ въ Петербургъ: значитъ концентрація великой арміи въ окрестностяхъ Смоленска и Витебска необходима, какъ предварительное условіе дальнѣйшихъ операций». Съ каждымъ новымъ бюллетенемъ положеніе журналистовъ становилось, однако, все болѣе затруднительнымъ; о движеніи на Петербургъ говорить уже не приходилось: нужно было какъ-нибудь объяснить, ставшее уже несомнѣннымъ, отступленіе арміи изъ Россіи.

Ихъ слишкомъ ужъ наивное пустословіе никого обмануть, конечно, не могло, и лишь подчеркивало полное отсутствіе у казенныхъ оптимистовъ сколько-нибудь серьезныхъ аргументовъ въ пользу ихъ оптимизма. Едва ли могли заглушить безпокойство народа и подоспѣвшіе 6 декабря коронаціонныя торжества съ ихъ хвалебными рѣчами, статьями и одами

¹⁾ Journal de l'Empire, 1812, 10 ноября.

въ честь императора и великой арміи. Бюллетени стали приходить еще рѣже: между 27 и 28 бюллетенемъ протекло 12 дней, между 28 и 29 почти три недѣли, да и содержаніе ихъ было слишкомъ ужъ однообразно и кратко: движеніе къ зимнимъ квартирамъ продолжается, здоровье императора превосходно, о русской арміи ничего не слышно. 13 декабря въ «письмѣ изъ Вильны» упоминалось, правда «о нѣкоторой усталости лошадей вслѣдствіе плохихъ дорогъ», но и это непріятное извѣстіе сейчасъ же вознаграждалось сообщеніемъ, что «потери великой арміи ничто въ сравненіи съ потерями русскихъ», и что, «соединившись съ корпусомъ, оставленнымъ въ Польшѣ, она количественно стала сильнѣе, чѣмъ при вступленіи въ Россію» ¹⁾).

Жестокая истина, о которой давно уже догадывались, только 16 декабря открылась парижанамъ во всей наготѣ: въ *Moniteur*'ѣ ²⁾ появился послѣдній, 29 бюллетень, содержаніе котораго однимъ толчкомъ разрушило всѣ выстроенные предыдущими сообщеніями карточные домики. «Съ 7 ноября,—писалось тамъ,—начались морозы; въ нѣсколько дней погибли десятки тысячъ лошадей; пришлось уничтожить значительную часть орудій. Армія, столь блестящая еще 6 ноября, 14 имѣла иной уже видъ, почти безъ кавалеріи, безъ орудій, безъ транспорта. За отсутствіемъ артиллеріи пришлось избѣгать сраженій и все время не останавливаясь идти»... «Сказать, что армія нуждается въ восстановленіи дисциплины, въ заново организованныхъ кадрахъ кавалеріи и артиллеріи и въ основательномъ отдыхѣ, говорилось въ концѣ бюллетеня, значитъ лишь сдѣлать выводъ изъ всего вышеизложеннаго».

«Разъ отдавшись мрачнымъ мыслямъ (*des calculs noirs*) воображеніе парижанъ не знало теперь границъ», рассказываетъ Савари о впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ 29 бюллетенемъ: «Армія, столько лѣтъ предметъ удивленія современниковъ, наполнившая исторію своими славными подвигами, рисовалась ему сплошнымъ огромнымъ караваномъ полузамерзшихъ, истощенныхъ людей» ³⁾. Увы, созданная воображеніемъ парижанъ картина была очень близка къ дѣйствительности!..

Въ тотъ самый день, какъ парижскія газеты напечатали жестокую правду (18 декабря), вернулся въ Парижъ и самъ императоръ. Его не ждали въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Онъ пріѣхалъ ночью, безъ свиты, въ дорожномъ платьѣ. Стража долго не открывала двери, такъ какъ не сразу его узнала. Газеты лишь 20 декабря кратко сообщили о пріѣздѣ Наполеона.

Страна холодно встрѣтила на этотъ разъ своего монарха. Сенатъ и Законодательный корпусъ явились, правда, еще разъ выразить ему свою вѣрноподданническую преданность, но «никогда еще,—по выраженію Паскья,—слова ихъ не отвѣчали такъ мало дѣйствительнымъ чувствамъ».

Ив. Херасковъ.

¹⁾ *Journal de l'Empire*, 26 ноября.

²⁾ Въ другихъ газетахъ 18 декабря.

³⁾ VI, 47.

Похороны Кутузова. (Воробьева) 1).

„Любовь народная твой гробъ сопровождаетъ,
Прими отъ ней еще сію посильну дань,
Пусть рвеніе въ насъ къ дѣламъ великимъ возбуждаетъ
Твой гробъ и пусть твой духъ предводитъ насъ на брань“.

— ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ. —

I. Русская армія передъ походомъ въ Европу.

Проф. ген. Н. П. Михневича.

1 (13) января 1813 года императоръ Александръ съ княземъ Кутузовымъ, отслуживъ молебенъ, перешли съ войсками Нѣманъ у Мереча и вступили въ герцогство Варшавское.

Въ главной квартирѣ, съ прибытіемъ къ арміи государя и многихъ лицъ свиты, произошла большая перемѣна противъ того, что было во

1) Н. М. Лонгиновъ въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову изъ Петербурга (12 іюня 1813 г.) такъ описываетъ похороны Кутузова: «Надо было видѣть этотъ наплывъ народа изъ города и окрестностей, воодушевленіе его не допустившее. не смотря на настоянія, просьбы и даже приказанія властей, чтобы катафалкъ везли лошади: лишь за двѣ версты отъ города выпрягли лошадей, и до Казанскаго собора не было недостатка въ благонамѣренныхъ гражданахъ, чтобы нести гробъ на плечахъ и двигать катафалкъ. Блескъ и пышность церемоніи не могли сравниться съ этимъ трогательнымъ зрѣлищемъ». Семѣ Кутузова была назначена стотысячная пенсія на вѣчныя времена.

время похода при штабъ князя Кутузова, гдѣ всѣ ходили запросто и нерѣдко въ сюртукахъ, сшитыхъ изъ солдатскаго сукна, и вообще жили, какъ спартанцы; теперь—вокругъ государя была блестящая свита, появилось много новыхъ лицъ, щегольскихъ лошадей и экипажей. Всѣ проявляли величайшую дѣятельность, писали и составляли планы для будущихъ военныхъ дѣйствій и очень были озабочены пополненіемъ войскъ и формированіемъ запасныхъ частей.

Къ фельдмаршалу Кутузову государь относился съ большимъ вниманіемъ и предупредительностью, и хотя принималъ рѣшенія самъ, но всегда посылалъ ихъ на его просмотръ и утвержденіе.

Передъ началомъ заграничнаго похода генераль-адъютантъ князь Волконскій былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба всѣхъ армій при фельдмаршалѣ князѣ Кутузовѣ. Это былъ давно испытанный и безпре-

Весна 1813 г. (Коссажъ).

дѣльно преданный государю человекъ, слѣдившій за точнымъ исполненіемъ всѣхъ распоряженій, исходившихъ съ этого времени только отъ государя.

Главнокомандующій III арміей, адмиралъ Чичаговъ, огорченный неудачными дѣйствіями на Березинѣ, неоднократно просилъ уволить его отъ командованія арміей, ссылаясь на свое совершенно разстроенное здоровье, но только 3 (15) февраля, во время блокады Торна, онъ сдалъ начальство надъ арміей Барклаю-де-Толли и уѣхалъ въ Петербургъ.

21 марта (2 апрѣля) императоръ Александръ показывалъ прусскому королю подъ Калишемъ главные силы арміи, всего въ числѣ 18.000 человекъ. Понесенныя во время войны 1812 г. огромныя потери еще не были пополнены; резервы же, выступившіе изъ Россіи, двигались медленно по непролазной грязи.

Графъ Витгенштейнъ, Блюхеръ и другіе генералы настаивали на необходимости перенесенія наступательныхъ дѣйствій за Эльбу. Кутузовъ,

Смерть Кутузова. (Грав. Карделли).

сторонникъ обоснованныхъ предпріятій, рѣзко возражалъ, сказавши однажды: «Самое легкое дѣло итти теперь за Эльбу, но какъ воротимся? Съ рыломъ въ крови!»

Впрочемъ, старику фельдмаршалу не пришлось видѣть исполненія своего предсказанія: 6 (18) апрѣля онъ сильно заболѣлъ и остался въ Бунцлау, а черезъ десять дней, 16 (28) апрѣля, его не стало.

На мѣсто Кутузова главнокомандующимъ русскихъ и прусскихъ армій былъ назначенъ графъ Витгенштейнъ.

Въ концѣ января 1813 года въ русскихъ войскахъ, бывшихъ за границею, состояло 138.318 человѣкъ, а именно:

1) У гр. Витгенштейна, со включеніемъ блокаднаго корпуса подъ Данцигомъ и бывшаго корпуса графа Палена. . .	52.174 чел.
2) Въ III арміи Чичагова	14.016 »
3) Въ главной арміи, у Плоцка.	18.628 »
4) У Милорадовича	12.456 »
5) У Винцингероде	17.191 »
6) У Сакена	18.892 »
7) У Ратта	4.961 »

Итого . . 138.318 чел.

Когда вопросъ о заграничномъ походѣ былъ рѣшенъ государемъ, то, по повелѣнію его, были приняты слѣдующія мѣры къ пополненію убыли въ арміи и къ снабженію ея всѣмъ необходимымъ:

1) Сформирована была резервная армія кн. Лобанова-Ростовскаго изъ всѣхъ бывшихъ въ имперіи резервовъ (173 батальона и 92 эскадрона), раздѣленная на 4 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ корпуса. Къ резервной

арміи должны были присоединиться находившіеся въ Россіи за бользною и ранами офицеры и нижніе чины.

Резервная армія должна была расположиться между Гродно, Минскомъ, Пинскомъ, Ковелемъ, Люблиномъ и Остроленкою, имѣя главную квартиру сначала въ Бѣлостокъ, потомъ въ Варшавъ.

Резервная армія должна была, и послѣ отправленія эскадроновъ и баталіоновъ въ дѣйствующую армію, неизмѣнно состоять изъ 128 эскадроновъ, 151 баталіона и изъ извѣстнаго числа артиллерійскихъ ротъ, составлявшихъ запасныя артиллерійскія бригады. Въ резервной арміи повелѣно содержать на пѣхотный полкъ по одному батальону, въ 1.017 человекъ, а на кавалерійскій полкъ по 2 эскадрона, въ 201 чел. каждый. Слѣдовательно, комплектъ 151 батальона и 128 эскадроновъ составлялъ:

Пѣхоты	153.567 чел.
Конницы	25.728 »
<hr/>	
Итого . . .	170.295 чел.

Черезъ 20 дней по полученіи приказа объ отправленіи за границу сформированныхъ частей резервной арміи князь Лобановъ выслалъ въ дѣйствующую армію 38½ батальоновъ, около 36.000, изъ которыхъ прибыло къ арміи 22.000; треть отстала за бользнями, вслѣдствіе бездорожья.

Въ 5 мѣсяцевъ (съ начала марта до конца іюля) выслано изъ резервной арміи въ дѣйствующую:

Пѣхоты	67.707 чел.
Конницы	14.024 »

Артиллеріи 7 ротъ, кромѣ 4 понтонныхъ и 9½ парковъ.

Манифестомъ отъ 30 ноября 1812 г. на укомплектованіе резервной арміи повелѣно отправить и остальную половину рекрутъ послѣдняго набора, по 8 человекъ съ 500 душъ.

2) Для снабженія кавалеріи лошадьми собрано было въ Волынской и Подольской губерніяхъ до 13.000 лошадей, направленныхъ къ генералу Кологривову, формировавшему кавалерійскіе резервы въ Могилевъ на Днѣпръ.

3) Изъ ротъ артиллеріи, оставленныхъ въ тылу, инспектору артиллеріи, барону Меллеръ-Закомельскому, приказано было сформировать позади арміи артиллерійскій резервъ изъ 37 пѣшихъ ротъ, 10 конныхъ и 3 понтонныхъ.

4) Московское и смоленское ополченія, собранныя въ Отечественную войну отъ 17 губерній, какъ прежде другихъ явившіяся на службу, были распущены по домамъ. Остальныя же оставлены на службу и употреблялись при блокадѣ крѣпостей (новгородское и петербургское—при блокадѣ Данцига), для содержанія внутреннихъ гарнизоновъ, при госпиталяхъ, паркахъ и обозахъ и для конвоированія плѣнныхъ.

5) Продовольствіе арміи во время войны предположено основать, главнымъ образомъ, на реквизиціяхъ мѣстныхъ средствъ и вдобавокъ къ этому были заложены три линіи магазиновъ въ Виленской и Гродненской

губерніяхъ и въ Бѣлостокской области. По вступленіи войскъ въ Варшавское герцогство и Саксонію они продовольствовались исключительно изъ магазиновъ; въ прусскихъ же владѣніяхъ изъ подвижныхъ магазиновъ и посредствомъ доставки морскимъ путемъ къ Кенигсбергу и другимъ портамъ.

6) Боевые припасы арміи, при движеніи ея отъ Вислы къ Одру, пополнялись изъ запасныхъ артиллерійскихъ парковъ, расположенныхъ въ три линіи: 1-я по Вислѣ, 2-я по Нѣману и Бугу и 3-я—на пространствѣ отъ Риги до Кіева.

По прибытіи императора Александра въ Вильну, въ концѣ 1812 года, былъ образованъ главный штабъ государя, при чемъ были назначены: начальникомъ главнаго штаба — генераль-адъютантъ князь Волконскій, генераль-квартирмейстеромъ—генераль-майоръ Толь и исп. д. д. дежурнаго генерала—полковникъ Селявинъ. Императоръ Александръ игралъ въ коалиціи первенствующую роль, и, естественно, его свита, по квартирмейстерской части имѣвшая во главѣ талантливыхъ начальниковъ и пріобрѣтшая боевую опытность, заняла первое мѣсто среди генеральныхъ штабовъ союзныхъ армій.

Служба по квартирмейстерской части, при веденіи войны въ чужой странѣ и съ арміей, возросшей къ концу 1813 года (съ союзниками) до 530.000 чел., была очень трудна, но исполнена блистательно. Изъ особенно выдающихся представителей этой службы слѣдуетъ упомянуть: Толя, Довра, Дибича, Нейдгардта, Ренни, барона Клодта, Понсета и др.

Князь Волконскій привлекалъ къ службѣ по квартирмейстерской части строевыхъ офицеровъ, выдающихся образованіемъ, нравственными качествами и соответственными способностями, и достигъ того, что въ войскахъ стали смотреть на переводъ въ свиту по квартирмейстерской части, какъ на очень почетную награду.

«Учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміей» создало строгую организацію военно-хозяйственныхъ вѣдомствъ (комиссаріатскаго и провіантскаго) въ военное время и вмѣстѣ съ тѣмъ преподало рядъ правилъ и указаній для дѣйствій органовъ войсковыхъ и органовъ министерства.

Комиссаріатскій департаментъ заготовлялъ и доставлялъ въ армію нужныя вещи и матеріалы, но въ общей сложности былъ не въ состояніи пріобрѣсти и изготовить въ короткое время то громадное количество вещей и матеріаловъ, которое требовалось военному вѣдомству.

Независимо отъ удовлетворенія текущей потребности арміи усиленнаго состава, внутреннее комиссаріатское вѣдомство должно было выполнить рядъ работъ по формированію многочисленныхъ резервовъ, устройству госпиталей и снаряженію ополченскихъ частей. Вся эта спѣшная работа, при ограниченности матеріальныхъ средствъ и упадкѣ промышленности,

Гр. П. П. Паленъ.

послѣ потрясеній, вызванныхъ Отечественною войною, была исполнена вполнѣ удовлетворительно. Резервныя войска были вполнѣ снаряжены, снабжены всѣмъ необходимымъ и безъ замедленія отправлены на усиленіе арміи за границу. Впрочемъ, работа эта была значительно облегчена содѣйствіемъ гражданскихъ губернаторовъ и подчиненныхъ имъ органовъ и лицъ, а также пожертвованіями со стороны всѣхъ сословій государства, которыя послужили единственнымъ источникомъ для одежды ратниковъ.

Для пополненія недостатка въ офицерахъ повельно: 1) возобновить присылку во 2-й кадетскій корпусъ изъ губерній дворянъ, способныхъ къ военной службѣ.

2) «Обвѣстить во всѣхъ губерніяхъ, что офицеры ополченій принимаемы будутъ въ армейскіе полки тѣми чинами, какіе назначены для

М. И. Платовъ въ походѣ. (Шадова).

ополченія; 3) сократить въ министерствахъ число излишнихъ чиновниковъ, ненужныхъ уволить или согласить ко вступленію въ армію, и впредь сверхъ штата министрамъ чиновниковъ не принимать».

Всѣмъ войскамъ, выступившимъ за границу, государь пожаловалъ не въ зачетъ полугодовое жалованье и съ 1 января велѣлъ производить порціонныя деньги до возвращенія въ Россію. Чтобы всѣ русскія деньги, не исключая ассигнацій, имѣли за границею свободное обращеніе, князь Кутузовъ издалъ, по волю государя, печатное о томъ объявленіе на русскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ. При арміяхъ князя Кутузова и Чичагова учреждены были «промѣнныя конторы», для доставленія военнымъ способовъ промѣнивать ассигнаціи высшаго достоинства на мелкія. Министру финансовъ предписано всѣ суммы, потребныя для заграничныхъ армій, отпускать ассигнаціями мелкаго достоинства, т.-е. 5, 10 и 25-рублевыми.

Отъ безпрестанныхъ движеній и битвъ войска несли огромныя потери, но ряды ихъ скоро пополнялись прибывавшими резервами. Эшелоны запасныхъ войскъ, постоянно слѣдовавшихъ за арміей, своею многочисленностью возбуждали справедливое удивленіе иностранцевъ и доказывали неисчерпаемость средствъ Россіи. Наши войска явились на поляхъ Европы съ свѣжими обновленными силами, какъ будто отечество наше вовсе не выдержало, и еще такъ недавно, борьбы, почти безпримѣрной въ исторіи народовъ.

Н. П. Михневичъ.

Белль-алліаксъ 18 іюня 1815 г.

Лейпцигъ 16, 18 и 19 октября 1813 г.

(Воен. музей въ Берлинѣ).

II. Прусскія реформы передъ войной за освобожденіе.

Проф. Н. И. Карѣва.

Въ войнѣ за освобожденіе Германіи 1813 года участвовала уже не та Пруссія, которая за семь лѣтъ передъ тѣмъ, разгромленная Наполеономъ при Іенѣ, едва могла существовать. И внутри Пруссіи 1813 г., да и въ глазахъ всей германской націи была уже не та, что незадолго передъ тѣмъ, и этимъ она была обязана реформамъ, которыя укрѣпили ее самое и подняли ея значеніе въ остальной Германіи.

За двадцать лѣтъ до Іены великій народный трибунъ французской революціи Мирабо, посѣтившій Берлинъ Фридриха II, незадолго до смерти короля-философа, писалъ въ своей «Monarchie Prussienne», что въ этомъ государствѣ все держалось личностью этого государя, что учрежденія страны никуда не годились, что для ея укрѣпленія нужны были самыя

серьезныя преобразованія, и что безъ нихъ монархія Фридриха II не выдержитъ перваго же сколько-нибудь сильнаго толчка. Пророчество Мирабо исполнилось, и послѣ своего пораженія Пруссія, какъ это нерѣдко вообще бываетъ въ жизни государствъ, приступила къ внутреннимъ преобразованіямъ.

Чтобы выйти изъ состоянія полнаго внутренняго разстройства, на половину уменьшенному государству Фридриха-Вильгельма III, прежде всего надлежало преобразовать все свое центральное управленіе. Пруссія начала XIX в. въ административномъ отношеніи можетъ быть поставлена совсѣмъ рядомъ съ дореволюціонной Франціей, гдѣ также правительственныя учрежденія, обязанныя своимъ происхожденіемъ централизаторской политикѣ королей, не были вполне согласованы съ тѣмъ, что эти же самые короли оставили нетронутымъ въ провинціальномъ быту съ партикуляристическими традиціями и учрежденіями. Чисто правительственная реформа стояла поэтому на очереди, но въ первые годы прошлаго столѣтія законодательство было безсильно передъ задачею административныхъ преобразованій въ виду разстройства самой законодательной власти.

И какъ ни были разрознены между собою отдѣльныя сословія, всѣ они сходились между собою на общей почвѣ недовольства правительствомъ. Дворянство, которое «Общимъ земскимъ правомъ» было поставлено во главѣ другихъ сословій, было, напримѣръ, недовольно принципиально признаніемъ въ этомъ правѣ неотчуждаемостью рыцарскихъ помѣстій и запрещеніемъ дворянамъ заниматься промышленностью и торговлею подъ страхомъ утраты дворянскаго званія. Высшій слой бюргерства, состоявшій изъ зажиточныхъ и образованныхъ семействъ, которыя нерѣдко роднились съ дворянскими фамиліями, выдѣлялся по закону изъ остальной массы городского населенія въ особый классъ и получалъ разнаго рода привилегіи, ставившія его въ исключительное положеніе въ средѣ остального бюргерства, но въ то же время правительство принижало отдѣльныхъ лицъ этого класса во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда таковыя стремились стать въ служебномъ или общественномъ отношеніи наравнѣ съ дворянами. Бюргеръ, поступившій въ военную или гражданскую службу, не могъ рассчитывать на такое повышеніе, какъ его товарищи — офицеры или чиновники — изъ дворянъ. Землевладѣлецъ бюргерскаго происхожденія точно такъ же не пользовался правами помѣщика-дворянина и т. п. Прибавимъ къ этому, что мелочная правительственная опека надъ городами и меркантилистическое вмѣшательство въ промышленность и торговлю, главныя занятія городского класса, равнымъ образомъ, должны были порождать въ немъ недовольство такимъ порядкомъ вещей.

Недовольство настоящимъ не могло не отразиться въ прусскомъ обществѣ возникновеніемъ въ немъ нѣкоторыхъ симпатій къ французской революціи, и идеи, подъ знаменемъ которыхъ былъ совершонъ переворотъ 1789 г., имѣли многихъ сторонниковъ среди образованныхъ пруссаковъ, привѣтствовавшихъ поэтому революцію, какъ новую эру въ исторіи человѣчества. Эти идеи господствовали въ умахъ цѣлаго ряда правительственныхъ лицъ, каковы были Шёнъ, ученикъ Канта, Гарденбергъ, Струензе, Вильгельмъ ф.-Гумбольдтъ и др. Въ Пруссіи уже начинала формироваться своего рода прогрессивная партія, но кучка людей, по-

нимавшихъ необходимость реформъ, ничего не могла сдѣлать при той правительственной системѣ, которая господствовала въ Пруссіи, и съ обществомъ, въ которомъ были убиты духъ инициативы, гражданское чувство и интересъ къ общему дѣлу. Извѣстно, что въ 1806—1807 гг. и дворянство, и горожане, и народная масса отнеслись какъ-то пассивно и равнодушно къ полному почти крушенію государства, возвеличеннаго въ XVIII в. Фридрихомъ II. Правда, въ націи были еще здоровые элементы, въ которыхъ правительство потомъ и нашло опору; но ихъ нужно было поднять, воодушевить, организовать, а для этого все-таки необходима была какая-нибудь общая идея. Многимъ прусскимъ патріотамъ казалось, что вывести государство изъ печальнаго состоянія можно было бы лишь тѣми же самыми средствами, какими пользовался врагъ, побѣдоносная Франція. Прекло-неніе предъ французскими идеями конца XVIII в. у нѣкоторыхъ прусскихъ дѣятелей этого времени перешло прямо въ прекло-неніе передъ порядками наполеоновской имперіи, и многимъ преобразование Пруссіи рисовалось въ формахъ общества, созданнаго революціей, и управленія имъ, организованнаго Наполеономъ. Среди людей, смотрѣвшихъ на прусскія отношенія съ такой точки зрѣнія, наиболее выдающимся былъ Гарденбергъ.

Несмотря на то, что во внѣшней политикѣ этотъ государственный человѣкъ былъ врагомъ Наполеона, онъ въ вопросахъ внутренняго управленія былъ проникнутъ французскими идеями и именно въ томъ практическомъ примѣненіи, какое имъ придалъ Наполеонъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ сторонникомъ экономическихъ принциповъ Адама Смита. Въ 1807 г. онъ подалъ Фридриху-Вильгельму III записку, въ которой совѣтовалъ произвести полную перестройку прусскаго государственнаго и общественнаго быта на началахъ: Пруссія должна была получить народное представительство, но управленіе въ ней должно было быть строго централизовано по наполеоновскому образцу; всѣ привилегіи должны были быть отмѣнены, и дворянство должно было даваться лишь за заслуги; позорное пятно крѣпостничества должно было также быть уничтожено, и, наконецъ, должны были быть устранены всѣ стѣсненія, которымъ въ то время подвергались

Штейнъ. (Schörrer).

промышленность и торговля. Этот шаг Гарденберга не имѣлъ, однако, практическихъ слѣдствій; считая этого министра однимъ изъ главныхъ своихъ враговъ, Наполеонъ потребовалъ во время заключенія тильзитскаго мира, чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ III далъ ему отставку, — и даже самъ посовѣтовалъ королю взять на его мѣсто барона Штейна, не подозревая, что его кандидатъ былъ какъ разъ надеждою всѣхъ прусскихъ патріотовъ. Фридрихъ-Вильгельмъ III вынужденъ былъ обратиться къ Штейну, который осенью 1807 г. и взялъ на себя трудное дѣло управленія расшатаннымъ государствомъ.

По своимъ политическимъ и социальнымъ воззрѣніямъ Штейнъ былъ полною противоположностью Гарденберга. И къ философіи XVIII в., и къ просвѣщенному абсолютизму, и къ революціи, и къ наполеоновской системѣ управленія онъ относился отрицательно и даже враждебно, хотя это его отношеніе не имѣло ничего общаго съ тѣми стремленіями, которыя проявляла въ XVIII в. консервативная оппозиція противъ новыхъ требованій жизни и которыя впоследствии проявились въ клерикально-феодальной и абсолютистической реакціи. Штейна, можно сказать, не коснулось рационалистическое направленіе философіи XVIII в.

Его занятія государственнымъ правомъ Германіи возбудили въ немъ большой интересъ къ историческому прошлому, тѣмъ болѣе, что имперско-рыцарская среда, въ которой онъ воспитался, сама жила тоже традиціями нѣмецкой старины. Антиисторическій характеръ господствовавшихъ въ концѣ XVIII в. политическихъ воззрѣній вызвалъ со стороны Штейна лишь критическое къ себѣ отношеніе: впоследствии онъ называлъ это направленіе «метapolитикой», т.-е. чѣмъ-то такимъ, что по отношенію къ политикѣ есть то же самое, что для физики — метафизика. Практическая дѣятельность его на прусской государственной службѣ только способствовала развитію въ немъ чело­вѣка дѣла, хорошо понимавшаго дѣйствительность со всѣми ея реальными условіями и осуществимыми требованіями. Далѣе, въ этомъ консервативномъ дворянинѣ сословное чувство соединялось съ сознаніемъ и тѣхъ обязанностей, которыя налагались на высшее сословіе его особымъ положеніемъ въ государствѣ. Штейнъ раздѣлялъ, наконецъ, уваженіе къ стариннымъ формамъ сословнаго самоуправленія, стремясь, однако, къ тому, чтобы въ старыя формы вложено было содержаніе болѣе соотвѣтствующее требованіямъ новаго времени. Интересно еще, что Штейна въ его молодые годы сильно заинтересовали исторія и политическая жизнь, впоследствии же, уже состоя на прусской государственной службѣ, онъ посѣтилъ Англію: въ своемъ историческомъ представленіи онъ соединялъ учрежденія, развившіяся въ Англіи, съ началами, дѣйствовавшими въ отдаленную старину и на его родинѣ; поэтому сохранившіеся остатки этой старины получали въ его глазахъ особое значеніе: новыя идеи свободы, основанной на законности общественнаго участія въ государственной жизни, и казались ему прямымъ порожденіемъ началъ, лежавшихъ въ основѣ древняго германскаго быта. Только онъ особенно дорожилъ не парламентомъ, а широкою самодѣятельностью общества въ мѣстныхъ дѣлахъ, т.-е. мѣстнымъ самоуправленіемъ. И экономическіе взгляды Штейна сложились, съ одной стороны, подъ вліяніемъ уваженія къ такимъ стариннымъ формамъ, какъ мелкое крестьянское хозяй-

ство и цеховое производство, или какъ дворянскіе майораты и недѣлимые крестьянскіе участки, а съ другой—подъ вліяніемъ практическихъ требованій, которыя были заявлены Адамомъ Смитомъ, хотя Штейнъ и расходился съ его чисто экономическимъ пониманіемъ общества. Поэтому Штейнъ былъ принципиальнымъ противникомъ экономической программы Гарденберга и открещивался впоследствии отъ солидарности съ этимъ «помѣшаннымъ» новаторомъ и его «вредными» планами. Правда, и онъ соглашался на введеніе въ хозяйственную жизнь большей свободы, но онъ не хотѣлъ, чтобы этимъ разрушались старые общественные союзы, которые, по его мнѣнію, охраняли своихъ членовъ отъ опасностей, грозившихъ отдѣльнымъ лицамъ со стороны ничѣмъ не сдерживаемой конкуренціи индивидуальныхъ силъ и интересовъ. Конечно, такой человекъ не могъ раздѣлять увлеченія французской революціей, охватившаго многихъ его соотечественниковъ: принципы 1789 г. были въ его глазахъ порожденіемъ «метаполитики», а то, что и съ его точки зрѣнія могло бы быть признано благомъ въ реформахъ, произведенныхъ революціей, казалось ему лишь искаженнымъ и запачканнымъ кровью подражаніемъ англійскимъ образцамъ, имѣвшимъ свое происхожденіе для него въ древнемъ германскомъ быту. Еще до іенской катастрофы Штейнъ, бывший короткое время министромъ, въ одной, поданной королю, запискѣ указывалъ, что Пруссія не

Гарденбергъ. (Мюллера).

имѣть государственнаго устройства (Staatsverfassung), такъ какъ высшая власть не раздѣлена въ ней между главою и народными представителями. Однако, въ виду того, что земскіе чины были корпораціями отдѣльныхъ провинцій, недостаточно еще сплоченныхъ въ одно цѣлое, и вслѣдствіе этого не могли оказывать вліянія на общій ходъ дѣлъ, Штейнъ рекомендовалъ здѣсь необходимость, по крайней мѣрѣ, правильной организациі правительства (Regierungsverfassung).

Штейнъ оставался у власти слишкомъ короткое время для того, чтобы осуществить всѣ свои планы. Едва начавъ свою реформаторскую дѣятельность, онъ долженъ былъ выйти въ отставку, потому что навлекъ на себя

неудовольстіе Наполеона, понявшаго, куда клонились его намѣренія. Въ сентябрь 1808 года французская офиціальная газета («Moniteur») опубликовала одно перехваченное письмо Штейна, изъ котораго Наполеонъ узналъ самымъ яснымъ образомъ, чего хотѣлъ Штейнъ, ссылавшійся, напримѣръ, на народное возстаніе въ Испаніи, какъ на примѣръ, достойный подражанія. Перепечатывая это письмо, газета выразила сожалѣніе о прусскомъ королѣ, окруженномъ такими неловкими и коварными министрами: это было первое предостереженіе по адресу Штейна. Затѣмъ въ ноябрь того же года бюллетень, извѣщавшій объ одной побѣдѣ Наполеона надъ испанцами, упоминалъ опять о Штейнѣ, которому — сказано было тамъ — слѣдовало бы посмотреть, къ какимъ бѣдствіямъ приводятъ попытки народныхъ массъ оказывать сопротивленіе регулярной арміи. Послѣ этого Штейнъ увидѣлъ, что ему нужно удалиться, и король принялъ отъ него просьбу объ отставкѣ. Наполеонъ до такой степени потомъ возненавидѣлъ Штейна, что декретомъ 16 декабря 1809 г. объявилъ его врагомъ Франціи и Рейнскаго союза, его имѣнія конфискованными, а самого его подлежащимъ аресту повсюду, гдѣ только имѣла силу власть императора французовъ или его союзниковъ. Штейнъ долженъ былъ оставить Пруссію и скрывался потомъ отъ французскихъ сыщиковъ въ разныхъ городахъ Австріи, пока въ 1812 г. не былъ вызванъ въ Россію.

Уже къ концу своей министерской дѣятельности Штейнъ убѣдился, что спасти Пруссію отъ гибели могло бы только народное возстаніе, подобное тому, которое началось въ Испаніи. Къ этому времени относятся новые его планы и проекты, заключавшіеся и въ его воззваніяхъ къ народу, которымъ король отказалъ въ подписи, и въ его прощальномъ письмѣ къ чинамъ администраціи, получившемъ названіе его политическаго завѣщанія. Теперь онъ высказывался уже въ смыслъ установленія полной равноправности гражданъ, введенія одинаковаго для всѣхъ ценза въ городскомъ самоуправленіи, установленія подоходнаго налога, превращенія арміи изъ сословной въ народную, уничтоженія вотчиннаго суда и другихъ слѣдовъ старой власти помѣщиковъ надъ крестьянами и т. п., и со всѣмъ этимъ соединялъ идею національнаго представительства. И, живя въ изгнаніи, онъ думалъ только объ одномъ — о народномъ возстаніи во всей Германіи, представлявшейся ему теперь уже не въ видѣ средневѣковой имперіи съ ея старинными учрежденіями, а въ видѣ единого цѣлаго, требовавшаго отъ составляющихъ его общественныхъ группъ отреченія отъ своихъ историческихъ правъ во имя національной идеи. Противникъ французской революціи, онъ началъ теперь самъ ссылаться на примѣръ революціонной Франціи, отстоявшей себя въ борьбѣ съ цѣлой европейской коалиціей. Все, что мѣшало освобожденію Германіи отъ французскаго ига, должно было быть, по его мнѣнію, устранено, т.-е. должны были быть устранены государи Рейнскаго союза, поддерживавшіе Наполеона, дворяне и чиновники, не оказывавшіе содѣйствія народу или вступавшіе въ соглашеніе съ врагомъ, и т. д. Новая идея націи, имѣющей право на политическое самоопредѣленіе, — идея, возникшая на почвѣ рачіоналистической философіи XVIII в. и воплотившаяся въ фактахъ французской революціи, подчинила себѣ, такимъ образомъ, помыслы человека, который предполагалъ сначала строить свое политическое зданіе исклю-

чительно на исторической основѣ и только изъ однихъ элементовъ «старого порядка».

Послѣ удаленія Штейна нѣкоторое время завѣдывалъ дѣлами лишенный всякой инициативы и нерѣшительный баронъ Альтенштейнъ, но его министерство лишь усилило общее убѣжденіе въ томъ, что дѣло реформъ должно было быть продолжено. Въ октябрь 1810 года Фридрихъ-Вильгельмъ III снова призвалъ къ управленію Гарденберга.

Разсмотримъ теперь, что же оба реформатора успѣли сдѣлать въ эти годы прусскихъ преобразованій.

Вскорѣ послѣ заключенія тильзитскаго мира Штейнъ представилъ Фридриху-Вильгельму записку, въ которой, повторяя свое прежнее мнѣніе о необходимости реформы центральнаго управленія, доказывалъ еще, что завѣдываніе мѣстными дѣлами слѣдуетъ отдать въ руки представителей мѣстнаго населенія, и что не мѣшало бы включить этихъ представителей и въ областныя правленія, состоявшія изъ однихъ чиновниковъ. Онъ указывалъ далѣе на то, что чиновничье завѣдываніе мѣстными дѣлами дорого стоитъ, часто оказывается мало компетентнымъ и вообще отличается рутиннымъ формализмомъ; притомъ участіе населенія въ завѣдываніи мѣстными дѣлами отразилось бы благотворно на развитіи общественнаго духа и содѣйствовало бы установленію солидарности между обществомъ и правительствомъ. На основахъ этой записки Штейнъ осенью того же года выработалъ цѣлый планъ реформы центральныхъ и мѣстныхъ учреждений, которому не суждено было, однако, осуществиться. Нѣкоторыя части этого плана не нашли сочувствія среди другихъ государственныхъ дѣятелей. Штейнъ требовалъ, чтобы общественнымъ элементамъ предоставлена была полнѣйшая самостоятельность въ завѣдываніи дѣлами, имѣющими одинъ только мѣстный интересъ, и чтобы депутаты отъ земскихъ чиновъ участвовали въ областныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ въ качествѣ своего рода свѣдущихъ людей, которые могли бы притомъ и наблюдать за дѣятельностью этихъ учреждений; но многимъ это не понравилось. Далѣе, Штейнъ думалъ начать свою реформу съ введенія провинціального и муниципальнаго самоуправления, тогда какъ другіе государственные люди находили, наоборотъ, что такую реформу лучше было бы ввести лишь послѣ того, какъ страна получитъ національное представительство, и потому дѣло было отложено. Самъ министр-реформаторъ стоялъ также за необходимость государственныхъ чиновъ, которымъ, однако, придавалъ характеръ чисто совѣщательнаго учрежденія, т.-е. доставляло бы высшей власти возможность пользоваться опытностью и вліяніемъ представителей безъ малѣйшаго ущерба для той самостоятельности, какою и раньше обладало центральное правительство. Обращаясь къ самостоятельности общества, Штейнъ видѣлъ въ ней прежде всего необходимую для правительства помощь или опору, такъ какъ представители,

Гнейзенау.

по его плану, должны были давать совѣты центральной власти, дѣлать ей предложенія, ходатайствовать передъ нею объ удовлетвореніи различныхъ нуждъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по порученію этой власти, исполнять и нѣкоторыя государственныя функціи, когда она найдетъ это полезнымъ.

Административныя реформы Штейна относятся уже къ концу его министерства, именно къ ноябрю 1808 года. 19 числа этого мѣсяца появилось новое городовое положеніе, за которымъ черезъ пять дней (24 ноября) послѣдовала реформа высшаго управленія. Города по новому положенію получили самоуправленіе: ихъ населенію дано было право избирать должностныхъ лицъ, завѣдывавшихъ подъ высшимъ надзоромъ государства — городскимъ хозяйствомъ и разными общинными дѣлами, какъ-то: благотворительностью, школами и даже до извѣстной степени полиціей. Штейнъ не успѣлъ распространить тѣ же начала на сельскую и уѣздную жизнь. Затѣмъ была преобразована провинціальная администрація, но и тутъ онъ не успѣлъ ввести задуманное имъ земское самоуправленіе. Что касается до центральныхъ учрежденій, то во главѣ управленія были поставлены пять министровъ (внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ, военный и юстиціи), чѣмъ упрощено было все дѣлопроизводство, раздѣленное прежде не по предметамъ, а по провинціямъ. Высшимъ учрежденіемъ въ монархіи съ совѣщательнымъ значеніемъ въ законодательствѣ былъ сдѣланъ государственный совѣтъ, въ составъ котораго должны были входить принцы, дѣйствительные или отставные министры и генералы, а также и другія лица, на которыхъ палъ бы королевскій выборъ.

Послѣ отставки Штейна Гарденбергъ, частью завершившій, частью видоизмѣнившій начатыя послѣднимъ административныя реформы, самъ обратилъ особенное вниманіе на вопросъ о національномъ представительствѣ. Непосредственно подъ его вліяніемъ Фридрихъ-Вильгельмъ III въ эдиктъ 27 октября 1810 г. обѣщалъ самымъ положительнымъ образомъ дать странѣ провинціальное и національное представительство. Привилегированные, недовольные Гарденбергомъ, — между прочимъ, за его стремленіе установить гражданскую равноправность, чѣмъ наносился ударъ податнымъ изъятіямъ и феодальнымъ правамъ дворянства, — стали всячески мѣшать его начинаніямъ. Въ февраль 1811 г. правительство созвало въ Берлинъ собраніе нотаблей, которое по своему преимущественно дворянскому составу далеко не соответствовало обѣщанному королемъ національному представительству и, вмѣсто того, чтобы оказывать правительству поддержку, выступало съ самой упорной оппозиціей. Гарденбергъ думалъ убѣдить сословныхъ депутатовъ въ необходимости какъ уже сдѣланныхъ, такъ и только еще предпринятыхъ преобразованій, но дворянство жаловалось и нападало на ниспроверженіе всѣхъ исконныхъ порядковъ. Собраніе, ничего не сдѣлавши, было распущено. Обѣщаніе представительства было затѣмъ повторено королемъ еще разъ въ эдиктъ 7-го сентября 1811 г., а въ апрѣль 1812 г. были вновь созваны нотабли въ качествѣ временной замѣны національнаго представительства, хотя правительство продолжало свои реформы безъ этого собранія, имѣвшаго еще менѣе значенія, нежели первое. Въ числѣ новыхъ реформъ Гарденберга обращаетъ на себя вниманіе попытка устроить уѣздную администрацію по наполеоновскому образцу. Уже эдиктомъ 27 октября 1810 г. была измѣ-

нена административная система Штейна, рассчитанная на введение самоуправления усилением централизации, а 30 июля 1812 г. был издан эдикт о жандармерии, заключавший в себя цельную систему уездного управления, которая должна была установить в Пруссии подобие наполеоновских префектур. Это уже совсем ниспровергло первоначальный план Штейна, но эдикт не был приведен в исполнение, а в 1814 г. и формально отменен.

Несмотря на недоконченность реформ Штейна и Гарденберга и несмотря на то, что между этими реформами были даже внутренняя противоречия, то, что было ими сделано для преобразования правительственных учреждений, не осталось безслыдным. И Штейн и Гарденберг одинаково стремились создать прежде всего силу, которая могла бы совершить все другие намеченные ими преобразования, и с этой целью они направили все свои старания, главным образом, на улучшение самих правительственных учреждений. Они успешно разрыли эту задачу, внося больше единства, стройности, порядка и энергии в деятельность центральных, провинциальных и уездных учреждений, но новая система, в конце концов, оказалась только усовершенствованием старого порядка бюрократической централизации, потому что, благодаря Гарденбергу, введение самоуправления (за исключением городского) так и осталось простым проектом.

Гораздо более важными были те реформы этой эпохи, которые совершены были в сфере социальных отношений. Вопрос об освобождении крестьян из крепостной зависимости в Пруссии был поставлен еще раньше вступления Штейна во власть, и особою комиссией уже был изготовлен проект, который министру-реформатору пришлось только осуществить. Первое свидание Штейна с Фридрихом-Вильгельмом III в 1807 г. состоялось 30 сентября, назначение его министром—5 октября, а 9 числа того же месяца уже появился эдикт, отменявший в монархии крепостное состояние. Мысль об этой мере принадлежала среди других лиц и Гарденбергу, раздвигавшему новые социальные воззрения. Хотя Штейн, державшийся противоположных взглядов по вопросам сословного быта и политической экономии, и думал, что за пользование землею крестьяне должны находиться в известной зависимости от помещиков, но под условием ограждения их от произвольного удаления с своих участков, тем не менее, он понял, какое важное значение будет иметь проектированная мера для общего подъема народного духа. Считая безусловно необходимым для восстановления Пруссии вселить в народные массы дух патриотизма, он и начал свою реформаторскую деятельность именно с освобождения крестьян. Фридрих-Вильгельм III, склоненный к этому шагу еще в августе, думал было ограничить действие нового закона только двумя провинциями (восточной и западной Пруссией), но Штейн решительнейшим образом настоял на том, чтобы мера была распространена на все вообще области мо-

Штайнгоф.

нархїи. Эдиктъ 9 октября 1807 г. уничтожалъ крѣпостничество во всемъ королевствѣ и отмѣнялъ прежнюю исключительность дворянскаго землевладѣнія, провозгласивъ свободу перехода земель изъ рукъ въ руки. Этимъ эдиктомъ было положено начало рѣшенію крестьянскаго вопроса въ Пруссїи, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ и самъ Штейнъ, а потомъ и Гарденбергъ, издали еще цѣлый рядъ другихъ распоряженій, касавшихся крестьянства и поземельнаго устройства Пруссїи. Но, превративъ крѣпостного крестьянина въ свободного гражданина, прусская крестьянская реформа начала XIX вѣка не устроила его поземельнаго быта и не избавила его отъ вотчинной власти его бывшаго господина. Помѣщичьи крестьяне, которымъ было предоставлено самимъ безъ государственныхъ вмѣшательства и помощи совершать выкупъ экономическихъ тягостей, оставались попрежнему въ матеріальной зависимости отъ помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что владѣльцы рыцарскихъ помѣстій, несмотря на намѣреніе, выраженное въ эдиктъ 25 февраля 1808 г., остались въ полномъ обладаніи старою вотчинною полиціей и юстиціей. Во всякомъ случаѣ, однако, первый ударъ феодальной несвободы лица и земли въ Пруссїи былъ нанесенъ эдиктомъ 9 октября 1807 г., и впервые въ Пруссїи онъ же вводилъ начало гражданской равноправности.

Рушился, далѣе, въ это же время старыи соціальный и экономическій бытъ и въ городахъ, благодаря отмѣнѣ монополій и цеховыхъ стѣсненій, а также провозглашенію свободы торговли и промышленности и т. п.; но и по отношенію къ бюргерству дѣло также не было доведено до конца. За дворянствомъ все-таки были оставлены извѣстныя привилегіи; только они были переведены съ личности дворянина на рыцарское помѣстье, хотя бы по первоначальному предположенію и въ видѣ временной только мѣры. Обладаніе рыцарскимъ помѣстьемъ, сдѣлавшееся доступнымъ теперь и бюргеру, соединено было съ правомъ вотчиннаго суда и полиціи, съ привилегированнымъ представительствомъ въ мѣстныхъ сеймахъ и т. п., но бюргеръ, который не входилъ въ составъ класса «владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій», какъ стали звать прежнихъ помѣщиковъ-дворянъ, будучи во всемъ юридически уравненъ съ дворяниномъ, все-таки не имѣлъ одинаковаго съ нимъ политическаго значенія. Правда, разрѣшеніемъ всѣмъ покупать какую угодно землю воспользовалось множество бюргеровъ, но всѣ новые «владѣльцы рыцарскихъ помѣстій» тотчасъ же начинали проникаться дворянскими воззрѣніями и стремленіями.

Прусскія реформы оказали весьма большое моральное дѣйствіе и на остальную Германію. Упорядочивъ внутреннія отношенія государства, поднявъ духъ населенія, создавъ хорошую армію¹⁾, онъ сдѣлалъ изъ Пруссїи надежду всей нѣмецкой націи. Германскіе патріоты особенно радовались тому, что прусскія преобразованія были совершены по свободной инициативѣ самого правительства, а не продиктованы ему побѣдителемъ, и притомъ совершены людьми, враждебно относившимися къ иностранному работодителю. Это моральное дѣйствіе прусскихъ реформъ съ особою силою сказалось въ войнѣ за освобожденіе 1813 г., когда обновленная монархія Гогенцоллерновъ пошла впереди національнаго движенія, поставившаго своею цѣлью низверженіе чужеземной власти.

Н. Каръевъ.

¹⁾ О военной реформѣ см. статью „Союзъ Россіи съ Пруссїей“.

Благословеніе добровольцевъ въ 1813 г. (Кампфа).

III. Возрожденіе Пруссіи.

Проф. М. А. Рейснера.

Возрожденіе Германіи прошло подъ знаменемъ національности и патріотизма... Но для того, чтобы родился нѣмецкій патріотизмъ, онъ нуждался и во французскомъ примѣрѣ и въ ударѣ Наполеонова меча. И если вѣнское завоеваніе пробудило въ нѣмцахъ сознаніе своего «тевтонскаго» духа, то великая галльская революція научила ихъ идеѣ народности.

Правда, условія для патріотическаго подъема въ Германіи были самыя неблагопріятныя. Страна была разорвана на массу мелкихъ государствъ и княжествъ. Соперничество Пруссіи и Австріи поселяло еще лишнюю вражду въ этой массѣ соперничающихъ силъ. Наполеонъ еще довершилъ эту пагубную разрозненность тѣмъ, что купилъ южныхъ князей цѣной ограбленія въ ихъ пользу слабыхъ и мелкихъ сосѣдей. Въ результатъ германскіе государи толпились въ передней корсиканскаго «высочки» и цѣной униженія и позора вымаливали у него его милости и подачки. И если могъ видѣть народъ своего благодѣтеля въ комъ-нибудь, то развѣ только въ фигурѣ Наполеона, этого посла великой революціи, несущаго съ собой ея дары. Въдѣ Наполеонъ, а не свои отцы отечества начали дѣло освобожденія нѣмецкихъ крестьянъ, уравненія всѣхъ передъ закономъ, введенія общаго гражданскаго права и централизованной администраціи. Народъ отлично зналъ, что нѣмецкіе государи меньше всего способны признать его волю и потребности. Фюрсты очень боялись Наполеона, но своихъ подданныхъ они боялись еще больше.

И если только патриотическій порывъ могъ поднять націю противъ чужеземнаго ига, то гдѣ были въ Германіи силы, которыя могли бы зажечь пламя народнаго одушевленія? Нѣмецкая интеллигенція какъ по отдѣльнымъ казематамъ была заключена въ предѣлы крохотныхъ «отечествъ», и въ каждомъ придавлена цензурой и опекой, полиціей и консисторіей. Не даромъ пресса начала XIX вѣка въ Германіи изображалась въ видѣ жалкой старухи со связанными крыльями, которую не только успокаиваютъ всевозможные сонные порошки, но и цѣпляя арміи ножицъ, вырѣзающихъ у нея куски изъ ногъ и головы безъ разбора. Въ университетахъ свирѣпствовало богословское правовѣріе, надъ обществомъ моръ благонадежности, а полиція завѣдывала въ такой же степени длиной кафтановъ и косъ, какъ фасонами чувствъ и убѣжденій. Только въ такихъ

Э. Арндъ.

исключительныхъ центрахъ, какъ въ Веймарѣ, нашли пріютъ свой и Шиллеръ, и Гёте, и Гердеръ. Только въ туманной романтикѣ, въ мірѣ сказокъ и грезъ, только въ отвлеченной отъ всякой дѣйствительности греческой были или германской сагѣ могли найти дозволенные образы и легальный выходъ думы и стремленія тогдашней Германіи.

Но съ другой стороны именно романтизмъ могъ помочь Германіи въ эпоху ея великаго разгрома. И этому можно назвать много основаній. Прежде всего, конечно, романтика вообще составляетъ необходимый элементъ всякаго патриотизма. Въдѣ только благодаря ей за печальной дѣйствительностью наличныхъ порядковъ и учреждений рисуется блестящій міражъ чего-то великаго и дорогого, высокаго и отраднаго. Только романтика превращаетъ своимъ волшебнымъ жезломъ борьбу интересовъ въ

общее дѣло, гнетъ и эксплуатацію,—въ подвиги вождей, слѣпую покорность—въ героизмъ самоотверженія. Безъ романтическихъ очковъ мрачна и неприметна самая лучшая политическая дѣйствительность, экономическая и социальная борьба. И чѣмъ больше разстояніе между реальностью и идеаломъ, тѣмъ благодарнѣе почва для замѣны факта иллюзіей, а идеала—фикціей: идеализація въ этомъ случаѣ прекрасно замѣняетъ его достиженіе. Нечего и говорить, что нѣмецкая дѣйствительность лишь при величайшемъ напряженіи фантазіи могла дать матеріалъ для такихъ образовъ и понятій, какъ народный духъ, общее отечество, германская доблесть, любовь къ родинѣ и т. п. Но и здѣсь для выполненія своей задачи романтика должна была обратиться не столько къ настоящему, какъ къ прошлому, и изъ него извлечь образы истиннаго германизма.

Такъ, Гензель и Гретель, Красная Шапочка и Снѣгурка стали вмѣстѣ съ Зигфридомъ, Роландомъ и Эйленшпигелемъ дорогими союзниками нѣмецкаго національнаго возрожденія. Во всеоружіи филологіи и исторіи вставало свое и чужое прошлое и звало впередъ къ обновленію и возрожденію народнаго духа.

Неудивительно теперь, что гнетъ Наполеонова владычества не только возбудилъ негодованіе и ненависть въ широкихъ кругахъ нѣмецкаго общества, особенно же молодежи, но заставилъ и поэтовъ найти героическій языкъ для отповѣди чужеземному «тирану». Клейстъ, Кёрнеръ, Рюкертъ, Уландъ, Платенъ, Шенкендорфъ,—вотъ имена, которыя внесли въ нѣмецкую литературу страстные призывы къ подвигу освобожденія, къ мести угнетателю, къ возстановленію единой и великой Германіи.

Уже въ своемъ описаніи битвы въ Тевтобургскомъ лѣсу Клейстъ рисуетъ великое возстаніе свободнаго народа противъ чужеземнаго ига. Здѣсь Арминій изображенъ охваченнымъ такой страстной ненавистью къ римлянамъ, что даже доброе дѣяніе римскаго центуріона заставляетъ его воскликнуть: «Я не хочу любить это злое дьявольское отродье! Пока оно будетъ хвастаться здѣсь, въ Германіи, ненависть — моя обязанность, и мщеніе — моя добродѣтель!» И въ «Катихизисъ для нѣмцевъ» такая же ненависть къ Наполеону заставляетъ поэта найти самыя мрачныя краски для этого «отцеубійцы», «ненавистнаго человѣка, являющагося началомъ всего злого и концомъ всего хорошаго, грѣшникомъ, для изобличенія котораго у людей не хватитъ словъ, а у ангеловъ суднаго дня не хватитъ трубнаго звука». И эти пылкія строки дополнилъ Уландъ своимъ указаніемъ на положительную сторону «любви къ народу»: «съ любовью вдохновляться подвигами нашихъ предковъ; вырастить ихъ сѣмена, доверять старой почвѣ; обновлять памятью прошлаго счастье родины; огорчаться нашимъ безчестіемъ и радоваться нашей славѣ; забывать свое «я» въ общихъ печаляхъ и радостяхъ,—вотъ что называется дѣйствительно любить свой народъ».

И Кёрнеръ отдалъ освобожденію родины не только свою лиру, но и свою жизнь; вотъ какъ пишетъ онъ о своемъ желаніи поступить въ ряды дѣйствующей арміи: «Германія встаетъ, прусскій орелъ своимъ смѣлымъ полетомъ пробуждаетъ во всѣхъ вѣрныхъ сердцахъ надежду на нѣмецкую свободу... Великое время требуетъ великихъ сердецъ. Неужели я буду въ трусливомъ экстазѣ пѣть свои побѣдныя пѣсни въ то время, какъ

Кёрнеръ.

мои братья дерутся въ сраженіяхъ?» И за нѣсколько часовъ до смерти Кёрнеръ спѣлъ брачный гимнъ своему мечу, какъ своей невѣстѣ: «Теперь пусть ваша возлюбленная сотрясаетъ воздухъ и мечетъ искры! Настаетъ свадебное утро! Да здравствуетъ желѣзная невѣста!» Въ томъ же духѣ пѣлъ и Арндтъ, этотъ «Блюхеръ нѣмецкой лирики»: «Богъ, создавшій желѣзо, не хотѣлъ, чтобы были рабы»...

«Казалось,—говорить объ этомъ одушевленіи Куно Франке въ своей исторіи нѣмецкой литературы,—что все прошлое націи сконцентрировалось въ одномъ великомъ моментѣ, что старый Барбаросса возсталъ отъ своего вѣкового сна и принесъ съ собой блескъ древней имперіи, что герои Нибелунговъ пѣхали рядомъ съ черными гусарами, что старые готическіе соборы снова собрали подъ своими сводами объединенный народъ, и что изъ груди каждаго нѣмца снова вырывался гимнъ: «Богъ—наша крѣпость!» Но не будемъ слишкомъ идеализировать эпоху. И болѣе чѣмъ правъ Брандесъ, когда онъ отмѣчаетъ много необузданной стихійности и націо-

И. Фихте.

нальнаго шовинизма въ крикахъ ненависти и мести романтической поэзіи. И здѣсь она поддалась соблазну чрезмѣрныхъ образовъ и чудовищныхъ преувеличеній. Подчасъ даже какая-то кровожадность слышится въ словахъ освободительной лирики. Но отъ великаго сна можно было разбудить лишь громомъ трубъ послѣдняго суда. Эту задачу съ честью выполнила поэзія національнаго энтузіазма. Философски обосновать идею національности выпало на долю другихъ.

Іоганнъ-Готлибъ Фихте былъ тѣмъ свѣточемъ нѣмецкаго сознанія, который впервые обосновалъ культурно-историческое призваніе своего народа. И воистину это былъ чело́вѣкъ, какъ бы специально созданный для такой цѣли. Менѣе всего можно считать Фихте отвлеченнымъ мыслителемъ, самодовольно погруженнымъ въ холодное созерцаніе. Это былъ чело́вѣкъ дѣла и движенія.

Онъ не понималъ и не признавалъ философіи ради самой философіи, которая долгимъ, медленнымъ путемъ переходитъ отъ сомнѣнія къ гипотезѣ, отъ критицизма къ осторожному и условному заключенію. Фихте искалъ дѣятельной идеи, которая, независимо отъ своей чисто-логической цѣнности, могла бы захватить душу чело́вѣческую, коснуться сердца чело́вѣка, овладѣть его волей. Истина должна быть не только однимъ знаніемъ, которое сегодня пріобрѣтено, а завтра можетъ быть замѣнено новымъ. Истина должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ и правдой, она должна стать убѣжденіемъ, которое, въ концѣ-концовъ, по словамъ Куно-Фишера, можетъ превратиться въ страсть.

Въ періодъ разочарованія, унынія и упадка, когда старыя закоренѣлыя формы превращали въ «мерзость запустѣнія» даже мѣсто своего разрушенія, онъ заговорилъ о творчествѣ, какъ основной потенціи духа чело́вѣческаго. Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ проф. Градовскій, Фихте внесъ въ философію удаленное изъ нея понятіе о творчествѣ, самодѣя-

тельности, къ которой онъ призывалъ всякое мыслящее существо. Онъ далъ ученію о свободѣ болѣе широкое и плодотворное основаніе. Провозглашая принципъ свободы, онъ думалъ вызвать посредствомъ него творческія силы общества... Фихте призывалъ субъективное мышленіе къ новому и постоянному творчеству, къ созданію «новой земли и новаго неба»... Поэтому «направленіе его философіи было по преимуществу преобразовательное». Но такъ какъ «условія творчества заключаются въ развитіи силы субъективнаго мышленія, ставящаго законы нравственному міру, и въ крѣпости воли, готовой къ исполненію сознанаго долга, то и оказалось, въ концѣ-концовъ, что и то и другое можетъ быть достигнуто лишь посредствомъ воспитанія».

Такую воспитательную задачу и принялъ на себя по отношенію къ нѣмецкому обществу самъ Фихте.

«Рѣчи къ нѣмецкому народу», такъ назывались тѣ вдохновенныя лекціи, которыя безстрашно предъ лицомъ побѣдоноснаго врага читалъ Фихте въ Берлинѣ послѣ того, какъ ему не удалось сопровождать армію въ качествѣ вдохновителя и пророка. И въ этихъ «рѣчахъ» воистину вѣялъ духъ животворящій національнаго возрожденія. Въ нихъ звалъ онъ общество къ самодеятельности и реформѣ. Въ нихъ требовалъ онъ обоснованія національной свободы на высокомъ моральномъ подвигѣ очищенія и обновленія. За силой внѣшняго отпора должно было стоять нравственное право на признаніе великихъ моральныхъ силъ и достоинствъ. И только потому было у нѣмцевъ это право, что, несмотря на всѣ свои бѣдствія, они сохранили драгоцѣнное сокровище своего языка, остались благодаря этому «самобытною націей», сберегли въ языкѣ громадный запасъ творчества и своеобразныхъ представленій.

Шлейермахеръ.

И раздается великій призывъ отъ всѣхъ нѣмцевъ ко всѣмъ: «Старый міръ со своей красотой и величіемъ, какъ и со своими недостатками погибъ въ силу собственной негодности и благодаря силѣ вашихъ отцовъ... именно въ васъ изъ всѣхъ новыхъ народовъ опредѣленнѣе всего видны задатки человѣческаго совершенствованія и вамъ вручается прогрессъ дальнѣйшаго развитія. Если погибнетъ эта ваша сущность, то вмѣстѣ съ этимъ исчезнетъ и надежда всего человѣчества на спасеніе отъ зла».

Прекрасныя и гордыя слова. Они должны были подѣйствовать какъ ударъ молніи на сердца, жаждущія «возстанія изъ мертвыхъ». И прежде всего молодежь отозвалась на рѣчи Фихте, которому вторилъ въ своихъ пламенныхъ политическихъ проповѣдяхъ въ церквахъ св. Троицы Шлейермахеръ,—и подъ знаменемъ боевой романтики ринулась на дѣло освобожденія и перевоспитанія общества. Пусть были здѣсь и нелѣпыя крайности отреченія отъ всего чужеземнаго и воскрешенія стараго германскаго духа. И если смѣшны сейчасъ восторженно-наивныя гимнасты знаменитаго отца патріотической гимнастики Яна, съ ихъ длинными воло-

сами и дикарскимъ одьяніемъ, если утопичны идеи пресловутаго союза добродѣтели, или Тугендбунда, и непонятенъ фанатизмъ черно - красно-золотоу преодолѣнія старой розни и сепаратизма, то на самомъ дѣлѣ ни одно массовое движеніе, ни одинъ крупный подъемъ народнаго чувства не обходится безъ подобныхъ преувеличеній. И если въ національномъ движеніи прусскаго обновленія таились сѣмена будущаго національнаго высокомерія и шовинизма, то, съ другой стороны, въ нихъ были заложены и начатки будущаго освободительнаго движенія «сумасшедшаго» 1848 года.

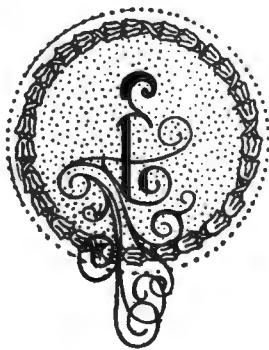
М. Рейснеръ.

Проф. Стефенъ призываетъ къ защитѣ свободы. (Кампфа).

IV. Союзъ Россіи съ Пруссіей.

В. Н. Перцева.

еще задолго до того, какъ растаяла въ снѣгахъ Россіи великая армія Наполеона, почти во всѣхъ слояхъ прусскаго общества возникало горячее желаніе вывести Пруссію изъ того униженія, въ которое повергъ ее тильзитскій миръ, и снова поставить ее въ положеніе независимаго государства. И апологеты вѣншнаго могущества Пруссіи, выше всего цѣнившіе военную славу, и либералы, проникнутые искреннимъ стремленіемъ къ внутреннему возрожденію родной страны, и простой народъ, разоряемый гнетомъ военнаго постоя и военной контрибуціей, и бюргеры, истощаемые континентальной блокадой, и родовитые аристократы, вынужденные склонять свою кастовую гордость предъ «высочкой» Наполеономъ и его маршалами-солдатами, и лирическіе поэты, и отвлеченные мыслители,—словомъ, всѣ группы, сословія и классы прусскаго народа

были охвачены страстной ненавистью къ порабощателямъ - французамъ и съ нетерпѣніемъ ждали дня, когда измѣнятся международныя отношенія и великій корсиканецъ перестанетъ быть властнымъ хозяиномъ почти всей Европы. Чувство національной обиды захватило даже и косного, нерѣшительнаго, слабаго умомъ и волей, короля Фридриха-Вильгельма III; и въ его вяломъ умѣ явилась мысль, что для сверженія наполеоновскаго ига необходимъ рядъ реформъ внутри страны, которыя оживили бы омертвѣвшее тѣло прусскаго народа, и прежде всего реорганизація на болѣе демократическихъ и либеральныхъ началахъ всего военнаго дѣла необходима въ Пруссіи. Генералъ Шарнгорстъ, поставленный во главѣ реорганизаціи арміи, быстрыми шагами пошелъ къ реформѣ воинскаго дѣла; онъ добился уничтоженія вербовки въ армію иноземныхъ солдатъ, видѣвшихъ въ военной службѣ только одинъ заработокъ, равнодушныхъ къ защитѣ родины и удерживаемыхъ въ повиновеніи лишь при помощи жестокой дисциплины, онъ открылъ доступъ къ офицерскимъ мѣстамъ людямъ всѣхъ сословій (раньше офицерами могли быть только дворяне) и уничтожилъ этимъ кастовую оторванность офицерства отъ остальнаго народа; онъ ввелъ въ армію болѣе гуманное отношеніе къ нижнимъ чинамъ, и этимъ поднялъ достоинство прусскаго солдата, внушилъ ему самоуваженіе и увѣренность въ себя; чтобы увеличить численный

Во время французскаго господства. (Heuseler).

составъ готовыхъ къ боевой службѣ людей и въ то же время не нарушить условія тильзитскаго мира, запрещавшаго держать подъ знаменами болѣе 42 тысячъ человѣкъ, онъ ввелъ особую систему быстрого обученія рекрутовъ, по которой всякій прусскій подданный (кроме привилегированныхъ лицъ) обязанъ былъ поступать на одинъ мѣсяцъ въ армію и, быстро прошедши курсъ военнаго обученія, отпускался домой, освобождая мѣсто новымъ рекрутамъ. Но уничтожить изъятія для привилегированныхъ классовъ и ввести всеобщую воинскую повинность король еще не рѣшался тогда, боясь вызвать недовольствіе высшихъ сословій Пруссіи и гнѣвъ Наполеона. Начало реорганизаціи арміи было все-таки положено. Съ новыми солдатами, и ополченцами, и офицерами уже можно было думать о серьезной борьбѣ противъ Франціи. Но еще до общаго выступленія всей Пруссіи противъ Наполеона произошло нѣсколько частичныхъ возстаній отдѣльных частей арміи подъ начальствомъ нѣкоторыхъ офицеровъ; эти

возстанія были, конечно, неудачны и казались въ то время даже комическими по ничтожному количеству ихъ участниковъ; но они свидѣтельствовали о великомъ подъемѣ, охватившемъ въ то время часть прусской арміи.

Когда австрійцы въ 1809 году подняли новую войну противъ Наполеона, то командиръ одного гусарскаго полка полковникъ Шилль, надѣясь увлечь своимъ примѣромъ всю прусскую армію, двинулся со своимъ небольшимъ отрядомъ противъ французовъ. Это безумно-храброе предпріятіе кончилось полной неудачей: пруссаки въ то время еще далеко не были увѣрены въ своихъ силахъ, и за Шиллемъ почти никто не послѣдовалъ. Шилль и всѣ офицеры его отряда заплатили жизнью за свою смѣлую попытку,—они были частью убиты, частью разстрѣляны, но все же моральное значеніе похода Шилля было велико: онъ далъ примѣръ самопожертвованія для блага родины и показалъ, что въ Пруссіи, униженной и раздавленной, еще не угасъ духъ героизма. Не даромъ послѣ слагали въ его честь пѣсни; не даромъ искреннѣйшій шведъ національнаго возрожденія Пруссіи, Эрнстъ Арндтъ, видѣлъ въ немъ народнаго героя и о его походѣ писалъ:

Ihn sendet kein Kaiser, kein König aus,
Ihn sendet die Freiheit, das Vaterland aus ¹⁾.

Аналогично было предпріятіе и молодого герцога Брауншвейгскаго, вассальнаго прусскаго князя, двинувшаго полторатысячный отрядъ своего маленькаго княжества на помощь австрійскому императору: онъ не только никого не увлекъ за собой, но и самъ едва успѣлъ спастись на англійскія суда. Было ясно, что въ самой Пруссіи, несмотря на народную ненависть къ французамъ и на героическія выступленія отдѣльных лицъ, еще нѣтъ достаточно силъ для борьбы съ Наполеономъ, и что пруссаки смогутъ только поддержать другое, болѣе крупное движеніе, примкнувъ къ нему, но не сумѣютъ сами его возбудить, не найдутъ въ себѣ самихъ достаточно энергіи для самостоятельной борьбы съ великимъ завоевателемъ. Однимъ словомъ, Пруссія нуждалась тогда въ посторонней поддержкѣ и во внѣшнемъ толчокѣ со стороны; такимъ толчкомъ явилось извѣстіе о гибели наполеоновской арміи и о движеніи русскихъ войскъ на Западъ.

Союзъ съ Наполеономъ передъ началомъ войны между Россіей и Франціей со стороны прусскаго короля былъ явно неискреннимъ. Пруссія гораздо болѣе сочувствовала Россіи, отъ которой она имѣла основаніе ожидать возстановленія ея прежнихъ, урѣзанныхъ тильзитскимъ миромъ, границъ и освобожденія отъ французскаго ига. Но Наполеонъ поступилъ и въ этомъ случаѣ такъ же рѣшительно, какъ и всегда. Онъ прямо заявилъ, что если Пруссія свяжетъ себя съ Россіей, то онъ пошлетъ въ Берлинъ 150-тысячный отрядъ. «Если непосредственнымъ слѣдствіемъ этого,—писалъ онъ дальше,—будетъ уничтоженіе Пруссіи, она можетъ тогда пенять только на себя... Пруссія будетъ тогда жертвой непреодолимаго рока, и она покорится своей участи». Только подъ этой недвусмысленной угрозой полнаго уничтоженія Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ III подписалъ договоръ съ Франціей; но и тутъ онъ старался не порывать съ Россіей окончательно, и уже

¹⁾ Ни императоръ, ни король не посылаютъ его,—его посылаетъ свобода и отчизна.

послѣ заключенія договора съ Наполеономъ писалъ Александру: «Если вспыхнетъ война, мы будемъ причинять другъ другу зло только въ случаѣ суровой необходимости. Мы всегда будемъ вспоминать, что мы находимся въ согласіи, что въ одинъ прекрасный день мы должны снова сдѣлаться союзниками, и хотя мы будемъ уступать непреодолимой судьбѣ, мы будемъ сохранять свободу и искренность нашихъ чувствъ»... Уволивъ для вида одного изъ наиболее дѣятельныхъ противниковъ Наполеона—военнаго министра Гнейзенау, Фридрихъ-Вильгельмъ послалъ его съ порученіемъ объѣздить Австрію, Россію, Швецію, Данію и Англію, чтобы приготовить въ этихъ государствахъ почву для новой борьбы съ Наполеономъ. Давъ согласіе на образованіе въ помощь Наполеону вспомогательнаго отряда въ 20 тысячъ, онъ назначилъ въ этотъ корпусъ крайне ненадежнаго, явно сочувствовавшаго Россіи генерала Гюрка фонъ - Вартенбурга. Самъ Александръ понималъ, что союзъ Пруссіи съ Наполеономъ—вынужденный союзъ. Раньше онъ принялъ къ себѣ великаго прусскаго реформатора Штейна, изгнаннаго изъ Пруссіи по требованію Наполеона за попытку приготовить возстаніе противъ французскаго императора. Штейнъ и въ изгнаніи не оставилъ своей мысли о возстаніи противъ Франціи; онъ образовалъ «Германскій комитетъ», который ставилъ своею цѣлью волновать Германію и готовить ее къ освобожденію отъ французовъ. Александръ далъ полную свободу и Штейну, и образованному имъ комитету. А въ октябрьскіе дни 1812 г., когда въ Москвѣ догорало пламя опустошившихъ ее пожаровъ и начинала выясняться неудача всего похода Наполеона противъ Россіи, князь Ливенъ писалъ въ Берлинъ отъ имени Александра. «Рѣшеніе присоединиться къ врагамъ Россіи, принятое прусскимъ королемъ, императоръ простилъ въ сердцѣ; онъ ничего лучшаго и не желаетъ, какъ изгладить воспоминаніе объ этомъ, и если бы какое-либо изъ королевствъ, воздвигнутыхъ рукою Наполеона, могло быть уничтожено, то Россія заявляетъ, что воспользуется этой добычей не для себя, а для своихъ союзниковъ». Это было уже вполне яснымъ обещаніемъ дать Пруссіи (а также и Австріи) новыя территоріи, вознаградить ее за униженіе 1807 г. и снова возвести въ рангъ первокласснаго

„И на нашей улицѣ праздникъ“, кричатъ пруссаки.
(Карик. Венеціанова).

Франціи; онъ образовалъ «Германскій комитетъ», который ставилъ своею цѣлью волновать Германію и готовить ее къ освобожденію отъ французовъ. Александръ далъ полную свободу и Штейну, и образованному имъ комитету. А въ октябрьскіе дни 1812 г., когда въ Москвѣ догорало пламя опустошившихъ ее пожаровъ и начинала выясняться неудача всего похода Наполеона противъ Россіи, князь Ливенъ писалъ въ Берлинъ отъ имени Александра. «Рѣшеніе присоединиться къ врагамъ Россіи, принятое прусскимъ королемъ, императоръ простилъ въ сердцѣ; онъ ничего лучшаго и не желаетъ, какъ изгладить воспоминаніе объ этомъ, и если бы какое-либо изъ королевствъ, воздвигнутыхъ рукою Наполеона, могло быть уничтожено, то Россія заявляетъ, что воспользуется этой добычей не для себя, а для своихъ союзниковъ». Это было уже вполне яснымъ обещаніемъ дать Пруссіи (а также и Австріи) новыя территоріи, вознаградить ее за униженіе 1807 г. и снова возвести въ рангъ первокласснаго

государства. Было бы странным непониманием собственной выгоды, если бы Пруссия не откликнулась на этот призыв.

Но надо было действовать очень осторожно. Въ ноябрь и декабрь 1812 г. великая армия Наполеона уже растаяла, но въ Митавѣ стоялъ еще корпусъ французскаго генерала Макдональда, который шелъ теперь на Пруссію; генераль Ожеро еще занималъ Берлинъ съ 12 тысячею солдатъ. Ко всему этому присоединялось еще обаяніе непобѣдимаго имени Наполеона, который не разъ выходилъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній, котораго боялись даже и теперь, когда у него почти не было войскъ. Понятно поэтому, почему пруссаки не рѣшались сразу отложиться отъ Наполеона и выжидали болѣе рѣшительныхъ событій. Еще въ самомъ концѣ декабря 1812 г. король говорилъ главѣ своего правительства князю Гарденбергу, что нужно нанести ударъ французамъ при ихъ отступленіи и уничтожить ихъ. Но не въ характерѣ Фридриха-Вильгельма III было сразу рѣшать что-либо; онъ ждалъ, какъ отнесется къ разгрому великой арміи Австрія, ждалъ новыхъ успѣховъ русскаго оружія, надѣялся на осложненія внутри самой Франціи.

Событія не заставили себя ждать и предупредили вялаго и нерѣшительнаго короля. Вступивъ въ пограничную съ Пруссіей Польшу (герцогство Варшавское) вслѣдъ за отступающими французами, русскіе генералы употребили все усилія, чтобы побудить генерала Йорка, командовавшаго прусскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, отложиться отъ Франціи и перейти на сторону Россіи. Йоркъ колебался. Это былъ человѣкъ сильнаго характера, ненавидѣвшій притомъ Наполеона всеми силами своей души; но онъ понималъ, что, измѣнивъ Наполеону, онъ поставитъ на карту не только свою собственную голову, но отчасти и судьбу всей Пруссіи. Поэтому онъ обратился за инструкціями къ королю. Отвѣтъ послѣдовалъ неопредѣленный; король находилъ еще преждевременнымъ открытый разрывъ съ Наполеономъ и совѣтовалъ ждать и избѣгать опрометчивыхъ поступковъ. Но ждать болѣе было невозможно. При извѣстіи о бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи вся нація пришла въ необычайное возбужденіе; все върило, что дни французскаго владычества прошли, и для Пруссіи настала пора отмщенія; народъ былъ охваченъ воинственнымъ энтузіазмомъ, и дальнѣйшее выжиданіе было въ его глазахъ не благоразумной осторожностью, а измѣной національному дѣлу, отказомъ слѣдовать голосу національной совѣсти. Тогда Йоркъ рѣшился. Собравъ офицеровъ своего отряда, онъ сказалъ имъ: «Господа, французская армія уничтожена мстительною рукою Бога. Насталъ часъ, когда мы можемъ вернуть нашу независимость, соединившись съ русскою арміею. Пусть тѣ, кто рѣшился, какъ я, пожертвовать своею жизнью для родины и свободы, слѣдуетъ за мной; пусть остальные удалятся... Если дѣло удастся, король, быть-можетъ, проститъ мнѣ; если нѣтъ, я лишусь головы. Въ этомъ случаѣ я поручаю моимъ друзьямъ заботу о моей женѣ и моихъ дѣтяхъ». На другой день послѣ этого (31 декабря 1812 г.) въ Таврогахъ на почвѣ Польши онъ подписалъ съ русскимъ генераломъ Дибичемъ соглашеніе, по которому обязался не воевать съ русскими, и лишь послѣ этого послалъ письмо королю, въ которомъ объяснялъ ему причину своего отпаденія отъ Франціи. Онъ писалъ ему: «Теперь или никогда насталъ

часть завоевать свободу, независимость, величіе... Нуженъ былъ примѣръ для малодушныхъ; Австрія послѣдуетъ примѣру вашего величества».

Фридрихъ-Вильгельмъ III продолжалъ играть двойственную игру и послѣ смѣлаго поступка своего стараго генерала. Въ угоду Наполеону онъ не только не утвердилъ Таврожскаго соглашенія, но и издалъ указъ объ отрѣшеніи Гюка отъ должности и объ его арестѣ и далъ даже согласіе поставить всѣ прусскія войска подъ команду французскаго главнокомандующаго. Осуждая Гюка, король руководился, кромѣ боязни Наполеона, и вполне самостоятельнымъ чувствомъ. Ему было непріятно, что война за нѣмецкую независимость начиналась съ мятежа, что патріотическій поступокъ Гюка выступалъ въ свѣтъ революціоннаго акта; онъ

Битва при Бауценѣ.

боялся, какъ бы нація, ободренная поступкомъ Гюка, не стала дѣйствовать и въ другихъ дѣлахъ слишкомъ самостоятельно, не дожидаясь королевскаго ободренія и разрѣшенія. Но, съ другой стороны, онъ былъ не прочь использовать Таврожское соглашеніе, чтобы привлечь къ себѣ русскихъ, на сторону которыхъ теперь довольно очевидно склонялся перевѣсъ на поляхъ битвъ; поэтому онъ велѣлъ передать Александру, что, хотя онъ не можетъ утвердить Таврожское соглашеніе, но вполне одобряетъ его и ждетъ прихода русскихъ войскъ на Одеръ, чтобы вступить въ союзъ съ ними.

Но долго держаться такого двучинаго положенія было невозможно. Событія развивались съ поразительной быстротой. Вслѣдъ за Таврожскимъ соглашеніемъ французскія войска принуждены были очистить всю

Пруссію (кромѣ Данцига) и русскія войска вступили въ восточную Пруссію. Кутузовъ опубликовалъ прокламацію, въ которой призывалъ пруссаковъ покинуть «дѣло Наполеона» и «преслѣдовать лишь свои собственные интересы». Эта прокламація была сигналомъ къ настоящему возстанію. Примѣръ Йорка, поднявшаго оружіе противъ французовъ безъ королевскаго разрѣшенія, оказался заразительнымъ, и населеніе восточной Пруссіи, также не дожидаясь королевскаго согласія, само организовало борьбу противъ Наполеона. Возбудителемъ общества и организаторомъ народнаго движенія здѣсь явился старый борецъ за національную независимость баронъ Штейнъ. Онъ пріѣхалъ въ Пруссію, какъ комиссаръ Александра, и опирался на полномочія, полученныя изъ рукъ русскаго императора; но онъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, увѣренный въ сочувствіи прусскаго народа, какъ признанный вождь своей нѣмецкой родины. Онъ созываетъ областной сеймъ восточно-прусской провинціи, издаетъ воззванія ко всему нѣмецкому народу и приводитъ всю Пруссію въ волненіе. Его не смущаетъ то, что король отмѣняетъ его распоряженія изъ робости предъ Наполеономъ и по непривычкѣ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; его не лишаетъ бодрости и то, что недовѣрчивые прусскіе генералы и боязливые чиновники вынуждаютъ его покинуть Кенигсбергъ, гдѣ онъ было основался,—онъ знаетъ, что логика событій на его сторонѣ и что подъ напоромъ народнаго воодушевленія королю недолго удастся играть его безопасную, но обидную для національнаго самолюбія двойственную роль. Дѣятельность Штейна принесла обильные плоды,—созванный имъ восточно-прусскій сеймъ созвалъ (опять-таки безъ королевскаго согласія) наскоро обученное Шарнгорстомъ мѣстное ополченіе и, благодаря этому, въ рукахъ пруссаковъ оказалось сразу около 60.000 войска; этимъ нарушены были условія тильзитскаго мира и положено начало всеобщему національному вооруженію. Начинались возстанія и въ другихъ частяхъ Пруссіи. Королю, если онъ не хотѣлъ стать измѣнникомъ національному дѣлу и обратить народное возстаніе, направлявшееся пока на французовъ, противъ самого себя, надо было рѣшиться. Но и тутъ его можно было увлечь лишь обманомъ. Глава правительства князь Гарденбергъ увѣрилъ короля, что начальникъ французскаго гарнизона въ Берлинѣ генераль Ожеро собирается арестовать его; король повѣрилъ, и 22 января 1813 г. покинулъ Берлинъ и переехалъ въ Бреславль. Тамъ онъ получилъ письма отъ Александра, въ которыхъ русскій императоръ обѣщалъ ему, что не успокоится, пока Пруссія «не вернетъ весь свой блескъ и могущество». Туда стеклись къ нему и сторонники прусской независимости,—между ними прежде всего Шарнгорстъ. Здѣсь и король сталъ дѣйствовать болѣе смѣло. Не рѣшаясь все еще на открытый разрывъ съ Наполеономъ, онъ учредилъ (28 января) комитетъ арміи, который долженъ былъ привести прусскую армію на военное положеніе. Черезъ 10 дней послѣ этого онъ предложилъ всѣмъ привилегированнымъ, свободнымъ отъ воинской повинности, «вооружиться и снарядиться на свой счетъ». Это было обращеніемъ къ патріотизму высшихъ сословій, предложеніемъ добровольно вступить въ составъ арміи; но Шарнгорстъ убѣдилъ короля, что въ военное время нельзя полагаться только на одни патріотическія чувства, а нужны и законы, имѣющіе обязательную силу. 16 февраля

король издалъ указъ, которымъ всякія льготы на военное время отмѣнялись; нужно прибавить, что онъ послѣ этого никогда не возстановлялись въ Пруссіи. Нѣсколькими днями ранѣе даровано было прощеніе и возвращено командованіе Юрку. Вслѣдъ за тѣмъ настало время и для окончательнаго разрыва съ Наполеономъ. Теперь вопросъ о союзѣ съ Александромъ былъ уже рѣшенъ, и оставалось опредѣлить, на какихъ условіяхъ онъ будетъ заключенъ. Пруссія хотѣла получить для себя герцогство Варшавское и желала добиться отъ Александра формальныхъ гарантій на этотъ счетъ. Но Александръ, чувствовавшій себя господиномъ положенія, хотѣлъ сохранить за собой право вознаградить короля Прусскаго по своему усмотрѣнію, и совсѣмъ не имѣлъ желанія отдавать ему Варшавскаго герцогства, которое онъ имѣлъ въ виду для себя. Поэтому-то онъ не желалъ заключать пока никакихъ письменныхъ договоровъ. Посланному короля (Кнезебеку) онъ заявилъ: «Никакихъ трактатовъ не нужно,—Пруссія должна порвать немедленно», а самому королю онъ въ то же время писалъ:

«Дружба, довѣріе, настойчивость и смѣлость, — остальное свершитъ Провидѣніе». Сила была на сторонѣ Россіи; надъ прусскимъ королемъ висѣлъ двойной Дамокловъ мечъ — наполеоновскаго возвращенія и народнаго возстанія, и онъ принужденъ былъ уступить. 28 февр. 1813 г.

„1813 г.“ (Карт. Brausewetter).

въ г. Калишъ русскимъ (кн. Кутузовымъ) и прусскимъ (кн. Гартенбергомъ) уполномоченными было подписано соглашеніе, по которому Россія обязывалась не складывать оружія до тѣхъ поръ, пока Пруссія не будетъ возстановлена въ своемъ прежнемъ (т.-е. до войны 1806 г.), статистическомъ и географическомъ объемѣ; болѣе точныхъ гарантій русскій императоръ не хотѣлъ дать. Обѣ державы обязались немедленно соединить свои арміи, не заключать съ Франціей никакихъ отдѣльныхъ договоровъ безъ вѣдома и согласія другой стороны и предложить Австріи примкнуть къ ихъ союзу. Послѣ этого русскія войска перешли черезъ Одеръ и скоро затѣмъ вступили въ Берлинъ. 15 марта царь выѣхалъ въ Бреславль и лично встрѣтился тамъ съ прусскимъ королемъ. На другой день послѣ этого Пруссія формально объявила войну Франціи. Къ оружію было призвано первое ополченіе Пруссіи (Landwehr), а еще черезъ мѣсяцъ и второе (Landsturm); вся Пруссія была теперь мобилизована, безъ различія происхожденія. Генералъ Витгенштейнъ въ изданной имъ прокламаціи къ германскому народу обращался къ демократическимъ чувствамъ нѣмцевъ и указывалъ имъ на то, что въ рядахъ прусской арміи

«бокъ о бокъ стоятъ сынъ крестьянинъ и княжскій сынъ». Прусскую націю охватилъ порывъ величайшаго воодушевленія. Со всѣхъ сторонъ въ казну потекли добровольныя пожертвованія; считалось позорнымъ хранить у себя дома серебро. Въ армію рѣкой потекли добровольцы. Студенты, даже гимназисты старшихъ классовъ шли почти поголовно въ солдаты. Въ лѣтній семестръ 1813 г. въ Берлинскомъ университетѣ числилось всего 28 студентовъ. Остальные были на войнѣ. Профессора университета съ кафедръ призывали студентовъ къ борьбѣ за родину. Священники благословляли солдатъ на улицахъ. Поэзія прониклась необычайной воинственностью, и поэты слагали «одѣтые въ латы сонеты» (Шенкендорфъ), пѣли «пѣсни лиры и меча» (Кёрнеръ).

Возставшая противъ Наполеона Пруссія была лишь аванпостомъ всей остальной Германіи. Въ ней было только больше живыхъ силъ, чѣмъ въ другихъ германскихъ государствахъ, больше активности; но сознание позора наполеоновскаго владычества гнело и остальныхъ нѣмцевъ съ одинаковой силой. Александръ и Фридрихъ - Вильгельмъ рѣшили воспользоваться этою національною ненавистью всего германскаго народа противъ французовъ. Для Александра пріятнѣе было выступить въ роли спасителя не одной только Пруссіи, но и всей Германіи.

Кромѣ того, онъ понималъ, что борьба съ Франціей будетъ очень трудна, пока Австрія, Рейнскій союзъ и нѣмецкія страны, присоединенныя къ французской имперіи, останутся вѣрными Наполеону. Что касается до Фридриха-Вильгельма III, то для него возрожденіе Германіи силами Пруссіи (хотя бы и отчасти) было средствомъ къ пріобрѣтенію перваго мѣста среди всѣхъ другихъ нѣмецкихъ государей, быть-можетъ, даже къ германскому единству подъ главенствомъ Пруссіи. Давнишній апологетъ германскаго единства Штейнъ прибылъ въ Бреславль и убѣдилъ короля въ предстоящей борьбѣ съ Наполеономъ поднять знамя обще-германскаго освобожденія. Его стараніями 19 марта въ Бреславль между Пруссіей и Россіей было подписано соглашеніе, по которому оба государя обязались доставить независимость всѣмъ нѣмецкимъ государствамъ и призывали ихъ порвать съ Наполеономъ и примкнуть къ союзникамъ. Тѣмъ изъ германскихъ государей, которые не захотѣли бы соединиться съ Россіей и Пруссіей, союзники грозили потерей ихъ владѣній. Это было мобилизаціей всѣхъ европейскихъ силъ противъ Франціи, подобно тому, какъ раньше Франція мобилизовала силы Европы для борьбы противъ своихъ враговъ. Союзники, такимъ образомъ, у самихъ французовъ научились средствамъ борьбы съ Франціей, усвоили ея военныя пріемы и подъ предлогомъ утвержденія національной независимости лишали германскія націи всякой возможности независимаго образа дѣйствій. Казалось, возвращались времена международной диктатуры Конвента и Наполеона, но только съ перемѣной актеровъ, игравшихъ главные роли. Но на ряду съ стремленіемъ къ международной диктатурѣ въ Бреславльскомъ договорѣ была и другая сторона. Союзные государи дѣлали попытку связать германскія государства больше или меньше прочными узами и закладывали первыя звенья германскаго единства. Не даромъ такъ старался о заключеніи этого договора главный противникъ нѣмецкаго партикуляризма Штейнъ. По договору 19 марта всѣ занятыя союзными войсками нѣмец-

кія государства раздѣлялись на 5 областей, и управленіе ими ввѣрялось съ одной стороны союзнымъ военачальникамъ, а съ другой—комитету изъ делегатовъ Пруссіи и Россіи ¹⁾ съ присоединеніемъ къ нимъ делегатовъ и отъ другихъ нѣмецкихъ государствъ (по мѣрѣ ихъ примыканія къ союзникамъ). Этимъ центральнымъ властямъ всей Германіи предоставлялось право производить наборы въ занятыхъ странахъ, организовывать въ нихъ народныя ополченія, взимать съ населенія налоги на военныя нужды, управлять ими въ теченіе войны. Въ сущности, если бы эти порядки удержались и по окончаніи войны, вся Германія получила бы общее управленіе. Въ прокламаціи къ нѣмецкой націи, которую черезъ нѣсколько дней послѣ этого издалъ Кутузовъ, прямо говорилось о «Германіи обновленной, сильной и единой»; Рейнскій союзъ объявлялся въ ней «лживой дѣльцой, съ помощью которой духъ узурпаціи снова сковалъ расшатанную Германію», и какъ «неотъемлемыя права» народовъ—провозглашались «свобода и независимость». Это былъ тотъ языкъ, котораго такъ ждали всѣ искренніе сторонники германскаго обновленія, и немудрено, что за торжественнымъ тономъ воззванія, за его эффектными фразами о независимости и свободѣ «всѣхъ народовъ Европы» они дѣлали видъ, что не замѣтили, что, принуждая нѣмецкія государства къ борьбѣ противъ Наполеона, союзники этимъ самымъ накладывали тутъ же узду на независимость нѣмцевъ, что, говоря о свободѣ, они только что повергли во прахъ вѣрный Наполеону польскій народъ и рѣшали вопросъ о новомъ раздѣлѣ Варшавскаго герцогства, — что уже тогда рѣшено было отдать стремившихся къ національной независимости итальянцевъ подъ чужеземную власть Австріи...

Вслѣдъ за Бреславльскимъ соглашеніемъ началась новая война,— т. н. нѣмецкая кампанія 1813 г. Военныя событія скоро показали, какъ мало соответствовали тогда фактическія силы союзниковъ ихъ притязаніямъ спасителей Европы отъ Наполеона, и какъ могущественъ еще былъ французскій императоръ. Только первые дни весенней кампаніи, когда Наполеонъ еще лишь собиралъ войска, союзники имѣли успѣхъ. 26 марта пруссаки заняли столицу Саксоніи—Дрезденъ и изгнали оттуда саксонскаго короля (онъ же и герцогъ варшавскій), оставшагося вѣрнымъ союзникомъ Наполеона. Но ихъ торжество было непродолжительно. Вернувшійся въ Парижъ Наполеонъ быстро набралъ новую армію и добылъ новыя финансовыя средства. Не только очередные солдаты, но и призывъ

„Возстани и ходи“. Освобожденіе Берлина 1813 г.
(Медальонъ гр. Толстого).

¹⁾ Предсѣдателемъ этого комитета съ начала апрѣля сталъ Штейнъ.

1814 г. былъ забранъ до срока; почти всѣ мужчины, не исключая недостигшихъ 20-лѣтняго возраста юношей, не исключая даже единственныхъ кормильцевъ семьи, были призваны подъ ружье. Весной и лѣтомъ 1813 г. всѣ полевые работы отправляли во Франціи одни женщины—мужчины были на войнѣ. У нихъ не было даже и рабочаго скота, потому что лошади были взяты для кавалерійской службы, и имъ приходилось взрывать землю заступами. Такими героическими средствами Наполеонъ собралъ до 500 тысячъ солдатъ, и почти половину ихъ послалъ противъ союзниковъ, снова увѣренный въ своей непобѣдимости, полный рѣшимости не отдавать ни клочка изъ своихъ прежнихъ завоеваній. Союзныя войска насчитывали тогда около 220 тысячъ; силы противниковъ, такимъ образомъ, были почти равны, но на сторонѣ Наполеона стоялъ его незамѣнимый военный геній. Русскими войсками командовалъ Витгенштейнъ, во главѣ пруссаковъ стоялъ Блюхеръ. Всѣ битвы лѣтней кампаніи 1813 г. окончились пораженіемъ союзниковъ; у Вейсенфельса были разбиты русскіе; вслѣдъ за тѣмъ произошло и болѣе крупное сраженіе у Люцена, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ принимали участіе почти 100.000 человекъ; союзники снова были разбиты, при чемъ ихъ легло болѣе 20 тысячъ. Императоръ занялъ теперь Саксонію и, вступивъ въ Дрезденъ, возстановилъ на престолѣ саксонскаго короля. Отъ Дрездена онъ пошелъ на Бреславль и въ новой битвѣ при Бауценѣ разбилъ союзныя войска. На этотъ разъ побѣда далась не легко Наполеону; 12 тысячъ французовъ выбыло изъ строя, но теперь почти вся Силезія, Вестфалія и Ганноверъ оказались въ его рукахъ; союзники растерялись и не знали, что дѣлать. Казалось возвращались времена міроваго могущества Наполеона.

Но положеніе французскаго императора было все-таки трудно. Постоянныя войны утомили его армію; офицера съ неудовольствіемъ спрашивали, почему императоръ, постоянно побѣждая, все-таки долженъ непрестанно воевать, и битва слѣдуетъ за битвой, одна кровопролитнѣй другой. Не одна армія, но и вся страна была измучена необычайно долгой войной, требовавшей огромныхъ жертвъ деньгами и людьми. Императора упрекали въ любви къ войнамъ ради самихъ войнъ. Наполеонъ зналъ, что лишь одна неудача на полѣ битвы,—и тронъ начнетъ колебаться подъ нимъ. Поэтому-то онъ рѣшилъ дать всѣмъ доказательство своего миролюбія. Какъ разъ въ то время Австрія предложила Наполеону свое посредничество между нимъ и союзниками, съ цѣлью добиться мира. Являясь посредницей между воюющими сторонами, Австрія ставила себя въ очень выгодное положеніе, потому что свои мирныя предложенія она всегда могла подкрѣпить силой оружія. Наполеонъ не принялъ во вниманіе, что, соглашаясь на австрійское предложеніе, онъ ставилъ себя въ зависимость не только отъ русско-прусскаго союза, но и отъ Австріи,—и согласился на прекращеніе военныхъ дѣйствій. 4 іюня 1813 г. имъ было заключено съ русскими и пруссаками т. н. Пlessвицкое перемиріе до 28 іюля. Этимъ перемиріемъ и окончилась лѣтняя кампанія 1813 года.

В. Перцевъ.

Свиданіе императора русскаго, короля прусскаго и кронпринца шведскаго послѣ Лейпцигской битвы 18 октября 1813 г. (Англ. изд. 1814 г.).

V. Европа и Наполеонъ.

А. М. Васютинскаго.

«Народъ поднимается.
Буря встаетъ...»

(Кёрнеръ).

Соратниковъ громко онъ кличетъ,
И маршаловъ грозно зоветъ.
Но спять усачи гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумить...

(Дермонтовъ).

I.

одписанное въ Пlessвицъ перемиріе продолжалось до 10-го августа.

Австріи, которая до сихъ поръ поневолю лавировала между двумя противниками благодаря хитрой изворотливой политикѣ Меттерниха, грозило государственное банкротство. Уже въ 1812 г. Шварценбергъ со своимъ вспомогательнымъ корпусомъ представлялъ все, что могъ дать Наполеону истощенный союзникъ, чтобы сохранить свое положеніе великой державы въ европейскомъ концертѣ. Избѣжать войны у себя дома, и въ то же время освободиться отъ необходимости помогать Наполеону—было единственной цѣлью политики Меттерниха въ это время, и отсюда выте-

кало его стремленіе къ роли «безпристрастнаго» посредника между воюющими сторонами. Но къ тому времени, когда Шварценбергъ отступилъ отъ Варшавы и заключилъ перемиріе съ русскими, тѣснившими остатки великой арміи, эта цѣль Меттерниха уже была достигнута: Австрія освободилась отъ обязательствъ, и теперь, согласно съ затаенной боязнью Франца I, Меттернихъ сталъ искусно толкать Пруссію въ объятія Россіи, чтобы перенести театръ военныхъ дѣйствій на сѣверъ Германіи, подальше отъ предѣловъ австрійскихъ. Въ то же время онъ терпѣливо подкапывалъ союзъ Наполеона съ Рейнскими князьями и одно время даже успѣлъ совсѣмъ оторвать саксонскаго короля. Одновременно Меттернихъ инсинуировалъ тайкомъ, что Австрія отнюдь не отдѣляетъ своихъ интересовъ отъ интересовъ Франціи,—остерегаясь говорить: «интересовъ Наполеона» — и далъ уже 28 марта понять въ Парижѣ, что Австрія ни за что не согласится на раздробленіе Пруссіи, потому что уничтоженіемъ второго государства-буфера она сама себя подпишетъ смертный приговоръ. Согласно съ этимъ, частный договоръ, заключенный русскимъ генераломъ Сакеномъ съ австрійскими войсками, заставилъ въ это время корпусъ Понятовскаго временно разружиться въ Австріи для того, чтобы перейти затѣмъ на театръ военныхъ дѣйствій въ Саксоніи. Когда же затѣмъ посолъ Наполеона Нарбоннъ потребовалъ отъ Меттерниха активной помощи въ войнѣ съ союзниками, то послѣдній энергично отклонилъ это требованіе, указавши на нейтральное положеніе Австріи. Справившись съ тяжелымъ финансовымъ кризисомъ посредствомъ выпуска ассигнатовъ, Меттернихъ въ то же время уяснилъ себѣ въ Лондонѣ, что Англія никогда не согласится на миръ съ Наполеономъ, и это рѣшило его переходъ на сторону союзниковъ, какъ онъ самъ говорилъ, въ зависимости отъ общей констеллаціи державъ, независимо отъ побѣдъ и пораженій Наполеона. Послѣ долгихъ переговоровъ, наконецъ, 27 іюня въ Рейхенбахѣ состоялся договоръ, шедевръ дипломатическаго искусства, которымъ императоръ австрійскій, въ цѣляхъ достиженія всеобщаго мира, посредствомъ заключенія предварительнаго мира и восстановленія европейскаго равновѣсія, обязывался соединиться съ Россіей и Пруссіей, если до 20 іюля Франція не согласится раздѣлить герцогства Варшавскаго между тремя сосѣдними державами, очистить прусскія крѣпости отъ французскихъ войскъ и передать Пруссіи Данцигъ съ областью, возвратитъ Иллирію Австріи и вернуть независимость Ганзейскимъ городамъ, по меньшей мѣрѣ Гамбургу и Любеку. Между тѣмъ, уже 26 іюня, Меттернихъ имѣлъ свиданіе съ Наполеономъ въ Дрезденѣ. Предъявленныя имъ условія мира привели императора въ сильнѣйшее раздраженіе. Послѣ 9-часового горячаго спора, совсѣмъ къ вечеру, отпустилъ Наполеонъ Меттерниха, ласково похлопывая его по плечу: «Вы вѣдь не начнете со мной войны!» — «Вы погибли, в. в.», отвѣчалъ Меттернихъ. На другой день Маре отъ имени Франціи согласился прекратить теченіе союзнаго договора 1812 года. Послѣ того, согласно предложенію Меттерниха, были открыты переговоры между уполномоченными державъ въ Прагѣ. Но еще ранѣе ихъ уполномоченные Англіи подписали договоръ о субсидіяхъ Пруссіи и Россіи въ предстоящую войну до конца 1813 года: 666.666 ф. ст. — первой, на содержаніе 80.000 войска, и 1.333.334 ф. ст. — второй, на содержаніе 160.000 войска, кромѣ того, но-

вые союзники выпускали на 5 миллионъ ассигнацій, за общей гарантіей, для вознагражденія Россіи и Пруссіи. Наконецъ Англія обязалась, въ случаѣ присоединенія Австріи, выдать полмилліона ф. ст. и на столько же одежды и амуниціи. Начавшіеся переговоры не привели ни къ какому результату, несмотря на горячее желаніе Наполеона сохранить миръ съ Австріей. Даже послѣ того, какъ 12 августа Меттернихъ формально объявилъ о войнѣ французскому послу при вѣнскомъ дворѣ, графу Нарбонну, Наполеонъ тщетно надѣялся удержать Австрію согласіемъ на предлагаемыя условія, за весьма незначительными измѣненіями. Увѣренность въ побѣду не покинула его и теперь. Онъ, казалось, забылъ, что непріятельскія арміи были втрое многочисленнѣе той, которую онъ могъ имъ противопоставить.

Огромнымъ полукругомъ враги шли на французскія силы. 40.000 русскихъ войскъ дѣйствовали въ Мекленбургѣ. Бернадоттъ, бывшій наполеоновскій маршалъ, теперь наслѣдный принцъ шведскій, заключившій еще раньше союзъ съ императоромъ Александромъ, занималъ Берлинъ и его окрестности съ 120.000 шведовъ, русскихъ и пруссаковъ.

2 большихъ армій, русская и прусская, силой въ 220.000 человекъ, стояли въ Силезіи у Одера. 40.000 австрійцевъ было въ Линцѣ, большая австрійская армія въ 140.000 человекъ сконцентрировалась въ Прагѣ; за этой пер-

Иоанна Штегенъ, героиня Люнебурга. (Herterich).

вой линіей войскъ, превышавшихъ полмилліона, были въ запасъ громадныя резервы. Наполеонъ отрядилъ Удино съ 70.000 противъ Бернадотта на сѣверъ. Маршалъ Ней съ 100.000 стоялъ въ Силезіи. 70.000 прикрывало Циттау. Маршалъ Сенъ-Сиръ съ 16.000 корпусомъ прикрывалъ Дрезденъ. Наконецъ подъ Дрезденомъ же стояла императорская гвардія силой въ 20—25.000 человекъ.

На югъ шла неудачная борьба съ Веллингтономъ, въ Испаніи, который уже въ 1812 году взялъ Сіудадъ-Родриго, Бадахось, Саламанку, выигралъ сраженіе при Арапилахъ, занялъ Мадридъ и угрожалъ Пиренеямъ.

Чтобы не подвергнуться одновременному нападенію со стороны союзныхъ армій, Наполеонъ рѣшилъ итти на Блюхера, командовавшаго силезской арміей, а затѣмъ, поразивъ его, обратиться на австрійцевъ. Отбросивъ силезскую армію за Кадбахъ, послѣ упорныхъ боевъ въ окрест-

ностяхъ Гольдберга, Градицберга и Бунцлау, Наполеонъ, взявъ съ собой Мюрата и оставивъ противъ Блюхера Макдональда съ 75.000 человекъ и солидной артиллеріей, двинулся на богемскую армію Шварценберга, которая уже 22-го дебушировала изъ Богемскихъ горъ.

Между тѣмъ Бернадоттъ, надѣявшійся получить въ награду за свою помощь Норвегію и рассчитывавшій, въ случаѣ удачи, на французскій престолъ дѣйствовалъ вяло и нерѣшительно, какъ будто бы для того, чтобы не вызвать неудовольствія своихъ соотечественниковъ. Когда авангардъ Удино приблизился къ Берлину, то Бернадоттъ, главное вниманіе котораго направлено было въ сторону Даніи, владѣвшей Норвегіею, выразилъ намѣреніе отступить за Шпрее и въ случаѣ надобности отдать даже Берлинъ.

Лишь благодаря настоянію Бюлова, командовавшаго прусскимъ корпусомъ, онъ согласился 23 августа принять бой. Нерѣшительное сперва дѣло было завершено неожиданнымъ для французовъ ударомъ Бюлова на саксонскія войска Рейнъе. Удино потерялъ болѣе 20 орудій и принужденъ былъ отступить. Но эта неудача была покрыта блестящей побѣдой Наполеона подъ Дрезденомъ надъ тремя государями. Наполеонъ отрядилъ въ тылъ союзниковъ Вандама, приказавъ ему ждать послѣдствій дрезденскаго сраженія, самъ же расположилъ на позиціяхъ подъ Дрезденомъ стянутыя войска. Союзники, плохо освѣдомленные о прибытіи Наполеона, предполагали, что имѣютъ дѣло съ однимъ лишь корпусомъ генерала Сень-Сира, и 26 августа атаковали предмѣстье Пирну.

Въ это время Наполеонъ быстро произвелъ контръ-атаку на оба фланга, пустивъ впередъ молодую гвардію. Союзники были отбиты, потеряли взятые редуты и поспѣшно отступили, преслѣдуемые кавалеріей. На слѣдующій день сраженіе возобновилось, несмотря на проливной дождь, обратившій поле сраженія въ грязное болото. Несмотря на это, императоръ Наполеонъ, усмотрѣвъ слабость льваго крыла, раздавилъ его пѣхотой маршала Виктора и кавалеріей Латуръ-Мобура, во главѣ которой сражался неукротимый Мюратъ. Почти всѣ батальоны австрійскаго корпуса Кленау были принуждены положить оружіе. Знаменитый Моро, пріѣхавшій изъ Соединенныхъ Штатовъ помогать союзникамъ своими совѣтами противъ своего стараго соперника Бонапарта, былъ смертельно раненъ. Въ три часа пораженіе было полное, и союзная армія въ безпорядкѣ отступала къ Богеміи. Во время этого отступленія измученная, продрогшая и изголодавшаяся армія союзниковъ потеряла много людей, главнымъ образомъ, изъ состава австрійской арміи, 18 знаменъ, 26 пушекъ и 40.000 людей, изъ нихъ около 20.000 плѣнными. Сильное утомленіе войскъ помѣшало энергичному преслѣдованію отступившихъ союзниковъ. Самъ Наполеонъ серьезно заболѣлъ послѣ пятидневной неустанной верховой ѣзды подъ дождемъ. Между тѣмъ Вандамъ, рассчитывая на поддержку стоявшихъ поблизости корпусовъ Мортъе и Сень-Сира, шелъ на Теплицъ и, столкнувшись съ корпусомъ графа Остермана, вступилъ съ нимъ въ горячій бой подъ Кульмомъ. Первый день боя окончился побѣдой французовъ, но на второй день упорное сопротивленіе русскихъ войскъ спасло отступающую богемскую армію. Подоспѣвшая на помощь къ отчаянно защищавшимся Ермолову и Остерману русская кавалерія отбила непріа-

теля. 30-го Вандамъ, увѣренный, что вся французская армія неотступно тѣснить союзниковъ, возобновилъ бой, но скоро, видя предъ собой превосходныя силы непріятеля и не получая подкрѣплений, рѣшилъ пробиться сквозь Теплицкій проходъ, что и удалось сдѣлать части его корпуса подъ начальствомъ генерала Корбино. Самъ же Вандамъ, тщетно искавшій смерти, былъ взятъ въ плѣнъ; 2 орла, 3 знамени, до 80 орудій и 8.000 плѣнныхъ остались въ рукахъ побѣдителей; едва половина корпуса спаслась. Австрія, готовая выйти изъ союза послѣ дрезденскаго пораженія, послѣ сраженія при Кульмѣ снова скрѣпила свои обязательства къ Россіи и Пруссіи новымъ договоромъ 3 сентября. Почти одновременно съ этой побѣдой силезская армія Блюхера, въ самый день сраженія подъ Дрезденомъ, нанесла жестокое пораженіе маршалу Макдональдъ. Послѣдній, перейдя рѣчонку Каубахъ, атаковалъ прусскія войска, но былъ сбитъ и отброшенъ. въ Каубахъ яростной атакой прусской и русской кавалеріи, въ три раза превышавшей французскую своею численностью. Во время отступленія русскій корпусъ Ланжерона захватилъ въ плѣнъ дивизію Пюто вмѣстѣ съ генераломъ. Макдональдъ потерялъ 13.000 убитыми и ранеными, до 20.000 плѣнными и до ста пушекъ. Нѣсколько дней спустя Ней, смѣнившій Удино въ командованіи корпусомъ, двигавшимся на Берлинъ, потерпѣлъ пораженіе при Денневицѣ отъ Бюлова и Тауенцина. Русская кавалерія, горячо преслѣдовавшая отступавшаго непріятеля, захватила массу плѣнныхъ.

Теперь Наполеонъ долженъ былъ либо отступить къ Рейну, либо сражаться тамъ, гдѣ захотятъ союзники. Его нѣмецкіе вассалы отпадали отъ него. Баварія заключила договоръ съ союзниками, и сильный корпусъ австро-баварцевъ подъ начальствомъ генерала Вреде шелъ на Рейнъ. Виртембергскій король извѣщалъ Наполеона, что и онъ, уступая настроенію своихъ подданныхъ, къ великому своему огорченію, долженъ присоединиться къ союзникамъ. Отступать за Тюрингенскія горы и Заалу уже было поздно — приходилось сражаться съ наступавшими союзниками, тѣмъ болѣе, что Гюнкъ, сломивъ Бертрана при Вартенбургѣ, прорвался за Эльбу, служившую барьеромъ для Наполеона, а съ сѣвера пришли тревожныя извѣстія о набѣгѣ генерала Чернышева, заставившаго короля Жерома бѣжать изъ своей столицы.

На поляхъ подъ Лейпцигомъ произошла послѣдняя борьба, въ которой Наполеонъ съ 157.000 три дня сражался съ союзными войсками, дошедшими до 350.000. 16 октября начался, такъ называемый, бой у Вахау. Въ центръ русскіе и австрійцы шесть разъ атаковали Вахау, но все не могли выбить оттуда французовъ. Всѣ атаки союзниковъ на пространство 8 верстъ были отбиты съ большими потерями. Рѣшительная атака

Герц. Веллингтонъ.

французской кавалеріи была отражена контръ-атакой русской гвардейской кавалеріи. Страшная канонада, по словам очевидцевъ громче Бородинской, продолжалась полтора часа на разстояніи тысячи шаговъ, пока французскія батареи не принуждены были податься назадъ на одинъ пушечный выстрѣль. Наполеонъ хотѣлъ довершить бой рѣшительнымъ ударомъ старой пѣшей и конной гвардіи, когда неожиданная диверсія австрійскаго генерала Мерфельдта въ тылу французскихъ войскъ отвлекла его вниманіе отъ центра.

Этотъ послѣдній, на правомъ флангѣ французовъ, сперва удачно тѣснилъ корпусъ Понятовскаго, въ концѣ-концовъ, былъ не только отбитъ старой гвардіей, но и самъ попалъ въ плѣнъ.

На лѣвомъ флангѣ Мармонъ послѣ упорнаго боя съ блохеровской арміей принужденъ былъ, уступая энергичнымъ атакамъ русскихъ и прусскихъ войскъ, отступить съ большимъ урономъ, а на слѣдующій день (17), несмотря на поддержку Нея, русская пѣхота Сакена и кавалерія Васильчикова заставили французовъ отойти къ самымъ стѣнамъ Лейпцига и ограничиться защитой предмѣстья Галле. 17-го, за исключеніемъ боя на лѣвомъ флангѣ французской арміи, арміи сохраняли выжидательное положеніе: союзники ожидали прихода Бернадотта съ сѣверной арміей и русскихъ резервовъ Беннигсена, а Наполеонъ безуспѣшно пытался оторвать отъ союза Франца I, предлагая ему чрезъ плѣннаго графа Мерфельдта вступить въ отдѣльные переговоры. 18 октября съ утра начался ожесточенный бой, несмотря на то, что Наполеонъ рѣшилъ уже отступать. Съ особеннымъ ожесточеніемъ нѣсколько разъ штурмовалъ Барклай-де-Толли съ русскими и прусскими войсками деревушку Пробстгейда въ центрѣ, но старая гвардія удержалась на позиціи непоколебимо до самой ночи. Даже переходъ саксонскихъ войскъ на сторону союзниковъ не могъ сломить стойкости французовъ. Маленькая деревушка Шёнфельдъ была семь разъ штурмована русскимъ корпусомъ Ланжерона—отъ нея остались однѣ развалины, усыпанныя изуродованными полуобгорѣлыми трупами. Оба противника обнаружили невѣроятное мужество. Англійскій военный агентъ генералъ Вильсонъ говоритъ по повѣду этого кроваваго сраженія, во время котораго земля тряслась отъ канонады тысячи орудій: «несмотря на пылкое и упорное мужество союзныхъ войскъ, у французовъ нельзя было отнять ни одной изъ главныхъ ихъ позицій»...

Но, несмотря на это героическое сопротивление, армія Наполеона оказалась въ критическомъ положеніи: одинъ разъ даже наступалъ моментъ, когда послѣдняя дорога къ отступленію (изъ Лейпцига на Вейссенфельсъ) едва не была отрѣзана австрійскимъ корпусомъ Лихтенштейна. Цѣной страшныхъ потерь сохранили французы свои позиціи въ теченіе трехъ дней. До 40.000 человекъ было выведено изъ строя, и хотя союзники потеряли нѣсколько больше (до 50—60.000), но численный ихъ перевѣсъ обозначился еще рѣзче. Къ тому же у артиллеріи, выпустившей въ теченіе 3 дней до 220.000 зарядовъ (изъ нихъ 95.000—18) оставалось не больше 16.000, т.-е. только на два часа боя. Императоръ Наполеонъ долженъ былъ рѣшиться на отступленіе.

Окрестности Лейпцига были изрѣзаны массой ручьевъ, канавъ, овраговъ, необходимо было заранее облегчить проходъ войскъ устройствомъ

мостковъ. Но Бертъе, привыкшій исполнять безпрекословно и не мудрствуя лишь письменныя приказанія императора во избѣжаніе недоразумѣній, рѣшительно не позаботился объ этомъ, несмотря на неоднократныя представленія маршаловъ и генераловъ. Все это привело къ ужаснѣйшей катастрофѣ.

Въ 8 часовъ вечера началось отступленіе согласно приказа императора. Во время прохожденія войскъ чрезъ предмѣстье Линденау маршалы Ней, Мармонъ и генералъ Рейнье занимали предмѣстья Галле и Розенталь. Корпусы Лористона, Макдональда и Понятовскаго постепенно стягивались въ городъ. Все было готово для серьезнаго арьергарднаго боя, который долженъ былъ обезпечить отступленіе. Чтобы спасти городъ, Наполеонъ предложилъ союзникамъ заключить на нѣсколько часовъ перемиріе, обязуясь въ это время очистить Лейпцигъ. Послѣ рѣшительнаго отказа въ перемиріи нѣсколько генераловъ предложили императору зажечь городскія предмѣстья и отступить, пользуясь замѣшательствомъ союзной арміи. Но Наполеонъ не могъ рѣшиться на это и, спасая городъ, погубилъ почти столько же людей, сколько стоила ему трехдневная битва. Замѣтивъ отступленіе Наполеона, союзники штурмовали городъ и попытались отрѣзать отступленіе къ мосту чрезъ Линденау, при чемъ саксонская гвардія и баденскій батальонъ, оставшіеся въ городѣ, стали стрѣлять по бывшимъ боевымъ товарищамъ. Несмотря на это, отчаянное сопротивленіе французской арміи давало ей возможность отступить къ большому мосту въ Линденау чрезъ Эльстеръ. Самъ императоръ съ трудомъ пробирался сквозь страшную давку. Безъ свиты онъ пѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи лишь одного гвардейскаго егеря, который безпрестанно кричалъ: «Дайте дорогу императору!».. Очевидецъ говоритъ, что лицо его было очень тревожно и печально; шляпа была надвинута на глаза, смотрѣвшіе въ обыкновенное время гордо и проницательно. Едва онъ далъ приказаніе Нею, Макдональду и Понятовскому защищать городъ еще 24 часа или, по крайней мѣрѣ, до ночи, чтобы дать время переправиться обозу и артиллерійскому парку, и отъѣхалъ на 1000 шаговъ къ Люцену, какъ мостъ взлетѣлъ на воздухъ, по оплошности сапера, которому было поручено взорвать мостъ. Страшная паника послѣдовала за взрывомъ: все бросилось къ рѣкѣ Эльстеру—немногимъ удалось переплыть; въ числѣ ихъ былъ маршалъ Макдональдъ, который потомъ съ содроганіемъ вспоминалъ, какъ оставшіеся на томъ берегу

Ген. Гортъ. (Woltze).

солдаты его корпуса съ отчаяніемъ протягивали изъ-за рѣки къ нему руки, взывая: «Маршалъ, спасите своихъ дѣтей!» Декабристъ Волконскій рисуетъ картину отчаяннаго бѣгства польскихъ латниковъ во главѣ съ только что произведеннымъ въ маршалы княземъ Понятовскимъ, напугавшимъ своей стремительностью встрѣчную русскую колонну, вступившую въ городъ до паническаго отступленія; самъ Понятовскій утонулъ, сраженный пулей въ Эльстерѣ, унося съ собой въ могилу надежды поляковъ на возрожденіе Польши.

Страшная рѣзня въ городѣ покончилась лишь чрезъ 2 часа; до 13.000 погибло въ домахъ; 25.000 попало въ плѣнъ, въ числѣ ихъ Лористонъ, принцы гессенскій и баденскій, Рейнъ и около 30 другихъ генераловъ. Разстроенная армія безпорядочнымъ потокомъ двинулась къ Рейну, тая по дорогѣ отъ тифа и дизентеріи. Баварскій генералъ Вреде попытался было загородить дорогу Наполеону при Ганау, но былъ отброшенъ... Путь во Францію былъ открытъ для побѣжденныхъ и для побѣдителей...

Слабая надежда таилась въ груди солдатъ: Рейнъ казался имъ непреодолимой границей для непріятеля, и для многихъ Франція въ ея естественныхъ границахъ, несмотря на потери и пораженія, представлялась достаточной наградой за безконечныя страданія.

II.

«Чортъ возьми, хорошую штуку мы
выкинули. Пошли за русскими въ Москву,
чтобы привести ихъ во Францію».
(Слова рядового подъ Майнцемъ 2 ноября
1813 г.).

(Мемуары Гріуа).

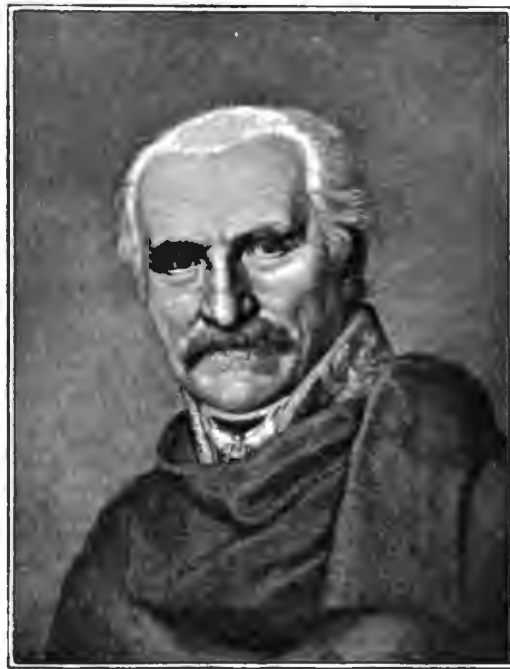
Бѣдность и разореніе тащились во Францію по пятамъ несчастной арміи, которая все таяла, приближаясь къ границамъ родины. Осенью 1813 года декреты императора призывали уже 796.000 человекъ подъ ружье на смѣну погибшимъ. А поля между тѣмъ запускались подъ паръ, фабрики закрывались, чиновники получали лишь $\frac{3}{4}$ слѣдующаго жалованья. Биржа тревожно отзывалась на пораженіе сильнымъ пониженіемъ ренты до 50,50 на 100. Звонкая монета стала настолько рѣдкой, что пришлось отмѣнить суровый законъ противъ ростовщиковъ. Всюду слышно было о крахахъ, ломбарды не успѣвали принимать залоги. Число дезертировъ умножилось, несмотря на суровыя наказанія гарнизоннымъ постоемъ родителей бѣглеца.

Страна жаждала мира... Ропотъ стараго дворянства и буржуазіи слышался все громче. Въ роялистскомъ кварталѣ Сентъ-Жерменъ высокородные дамы и кавалеры злорадно шушукались и пили за «последнюю» побѣду Наполеона. Либеральные депутаты и чиновники на всѣ лады порицали деспотизмъ императора и наперерывъ находили ошибки въ его планахъ. Гнѣвные упреки Наполеона, обращенные къ депутатамъ 1 января 1814 года, лишь усилили недовольство среди крупной буржуазіи. Напрасно Наполеонъ торопилъ мобилизаціей, спѣшилъ съ изготовкой амуниціи, запасами провіанта: ни денегъ не было, ни времени.

Между тѣмъ и союзники не сразу рѣшились на походъ во Францію. Меттернихъ и южно-германскіе князья явно не хотѣли продолжать военныхъ дѣйствій. Первый боялся конституціонныхъ увлеченій императора Александра I, вторые хотѣли избавиться отъ подчиненія диктатуръ центральнаго комитета, учрежденнаго, по мысли Штейна, для управленія завоеванными странами. Въ самой прусской арміи холодные разсудочные тактики-стратеги, составлявшіе партію Кнезебека, смѣялись надъ «сумасбродными мечтателями»—старикомъ Блюхеромъ и его друзьями. Съ неудовольствіемъ смотрѣлъ послѣдній на старанія дипломатовъ начать мирные переговоры и рѣзко отзывался о «бумагомаракахъ» и «пронырахъ», заслуживающихъ висѣлицы. Наконецъ послѣ уклончиваго отвѣта Наполеона на условія, поставленныя Меттернихомъ, военные дѣйствія возобновились. Въ теченіе двухмѣсячнаго времени союзная армія успѣла отдохнуть и пополниться свѣжими силами. Между тѣмъ Бернадоттъ принудилъ на сѣверѣ Даву уйти въ Голландію, послѣ чего Данія уступила Норвегію Шведскому королевству и порвала союзъ съ Наполеономъ, обязавшись выставить вспомогательный корпусъ противъ Наполеона за приличное вознагражденіе отъ Англіи.

Въ ноябрѣ была занята Вестфалія и послѣ появленія русскихъ корпусовъ Бенкендорфа, Чернышева и Нарышкина возсталъ Голландія. Французы принуждены были отойти въ Бельгію, гдѣ главное начальство надъ ними принялъ генералъ Мезонъ. Постепенно стали сдаваться на капитуляцію и укрѣпленные города и крѣпости въ герцогствѣ Варшавскомъ и Германіи, занятые сильными французскими гарнизонами. Гарнизоны сдавшихся Дрездена и Данцига были объявлены военнопльнными. Постепенно къ концу года были взяты и другія крѣпости, лишь цитадели Эрфурта, несмотря на голодъ, крѣпко держались противъ осаждающихъ до мая мѣсяца 1814 года, когда съ согласія новаго французскаго государя и они сдались на капитуляцію, причемъ изъ 9000 человекъ уцѣлѣло всего 1820 послѣ героической обороны.

Положеніе внутри Франціи, повидимому, было безнадежное: рента спустилась до 47,75; въ ломбардахъ выдавали по 20 франковъ на человека. Цѣны на рисъ, солонину поднялись вдвое. Часто слышались тревожные крики: «Казачи! казаки! закрывайте лавки». И среди этихъ страховъ вдругъ послѣдовали первыя извѣстія о побѣдахъ надъ союзниками. 16 февраля появились первые плѣнники на улицахъ Парижа. Но это была уже послѣдняя вспышка измученнаго, загнаннаго военнаго генія. Подъ его искус-

Блюхеръ (Gröger).

ной рукой молодые, неопытные солдаты, въ насмѣшку прозванные «Маріями-Луизами» за свою молодость, становились стойкими, воинственными бойцами, для того, чтобы погибнуть въ бою съ старыми солдатами союзниковъ или истаять отъ тяжелыхъ переходовъ, болѣзней, усталости и голодовки.

Главная армія Шварценберга, перейдя чрезъ Рейнъ, уже 13 января достигла Лангра, тѣсня отступающіе предъ собою французскіе отряды.

Неукротимый Блюхеръ, переправившись чрезъ Рейнъ, уже 17 января взялъ Нанси, но послѣ горячаго боя подъ Бріенномъ, гдѣ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба Гнейзенау едва не попалъ самъ въ руки непріятеля, принужденъ былъ отступить. Тѣмъ временемъ дипломаты продолжали свое дѣло, и длинный, тягучій конгрессъ въ Шатильонѣ открылся 28 января съ тѣмъ, чтобы, согласно твердо принятому императоромъ Александромъ рѣшенію, ничѣмъ не кончиться. Пораженіе при Ла-Ротьерѣ, едва не стоившее жизни императору Наполеону, повидимому, рѣшало борьбу. Александръ I сказалъ, отпуская генерала Рейнье, послѣ размына плѣнныхъ: «Мы будемъ въ Парижѣ раньше васъ». Рѣшено было наступать двумя арміями: Блюхеръ съ силезской арміей долженъ былъ двигаться вдоль Марны, богемская армія, при которой находились государи, идти на Парижъ вдоль Сены чрезъ Труа. Положеніе Наполеона было, повидимому, безвыходное. Армія умирала отъ голода и истощенія; солдаты высыпали въ сѣдлѣ отъ усталости, невзирая на гнавшихся за ними казаковъ, или разбѣгались въ поискахъ пищи среди шепельваго отъ страха населенія: 12 солдатъ умерло отъ голода. «Собирайте хлѣбъ,—пишетъ Наполеонъ,—мы умираемъ съ голода». И все же онъ не теряетъ надежды—одинъ обо всемъ заботится, все предусматриваетъ, хотя часто горькая нотка слышится теперь въ его письмахъ: среди всеобщей паники и онъ тревожится за жену и сына. Но достаточно было Блюхеру повернуться флангомъ къ Наполеону, какъ зоркое око проницательнаго стратега тотчасъ же усматриваетъ промахъ неосторожнаго горячаго противника—и предъ нами снова холодный, расчетливый полководецъ лучшихъ дней.

Ночью съ 7 на 8 февраля Маре, герцогъ Бассано, входитъ къ императору и застаётъ его на землѣ за картами, утыканными булавками. «А! Подождите! Сейчасъ другія дѣла. Я сейчасъ долженъ заочно побить Блюхера». Утромъ императоръ отряжаетъ Виктора съ Удино задержать богемскую армію у переправы чрезъ Сену, гвардію Мармона, и кавалерію онъ направляетъ противъ Блюхера; подъ Шампоберомъ онъ обрушивается на небольшой корпусъ Олсуфьева. Послѣдній, окруженный со всѣхъ сторонъ, энергично защищался, но былъ разбитъ и самъ попалъ въ плѣнъ. Часть корпуса успѣла пробиться, но 2000 плѣнныхъ, пятнадцать орудій остались въ рукахъ побѣдителя.

Теперь Наполеонъ двигается противъ русскаго корпуса генерала Сакена, который отдѣлился отъ блухеровской арміи. При Монмирайль и Шатотьерри онъ одерживаетъ полную побѣду, несмотря на помощь Йорка—оба генерала принуждены въ безпорядкѣ отступить за рѣку Марну. Блюхеръ тѣмъ временемъ тѣснилъ корпусъ Мармона, наблюдавшаго за движеніемъ прусской арміи. 14 февраля императоръ соединяется съ Мармономъ и немедленно велитъ ему перейти въ наступленіе.

За корпусомъ Мармона показывается старая гвардія и крикъ: «Да здравствуетъ императоръ» несется, какъ раскатъ грома. Свернувшись въ карре, русско-прусскія войска начинаютъ медленно отступать, когда стремительная атака кавалеріи Груши приводитъ ихъ въ разстройство. Блюхеръ, принцъ Августъ прусскій едва спаслись среди этихъ бѣшеныхъ кавалерійскихъ атакъ. Такъ, съ 24.000 Наполеонъ поразилъ и заставилъ отступить болѣе чѣмъ 50.000 силезской арміи. Въ этихъ бояхъ при Вошань и Этожъ армія Блюхера была совершенно разстроена. Смутенный успѣхами Наполеона Шварценбергъ останавливается на своемъ движеніи къ Парижу. Первый немедленно концентрируетъ свою армію и, пользуясь растянутостью боевой линіи Шварценберга — разбиваетъ сперва русскій корпусъ Палена при Мормань, потомъ виртембергскій при Монтеро. Тогда Шварценбергъ со всей своей арміей начинаетъ рѣшительно отступать, боясь, что Наполеонъ отрѣжетъ отступление. Въ главной квартирѣ по обыкновенію царило несогласіе: царь, прусскій король и Кнешебекъ предлагали дать сраженіе, Шварценбергъ, Кэстльри, Нессельроде, Толь, Волконскій были противнаго мнѣнія. Мнѣніе послѣднихъ одержало верхъ, и армія отступила къ Шомону и Лангру.

Шварценбергъ. (Штолль).

Теперь счастье, повидимому, улыбнулось императору — отбѣснивъ Шварценберга, онъ могъ угрожать съ тыла Блюхеру. Изъ Парижа непрерывно приходили подкрѣпленія, всюду организовались кадры національной гвардіи. Наконецъ поднималось крестьянство и начиналась народная, партизанская война. Суровыя реквизиціи союзниковъ до нельзя раздражали населеніе. Маленькое селеніе Викъ въ 1000 чел. жителей, наприимѣръ, обязано было поставить черезъ недѣлю русскому корпусу 560.000 ф. хлѣба, 28.000 ф. говядины, 360 мѣръ вина и водки, 40.000 ф. картофеля, муки и фуражу и 500 ф. свѣчей. Суровый Йоркъ необинуясь называлъ своихъ солдатъ разбойниками, союзники сваливали вину другъ на друга и смотрѣли на грабежи и насилія сквозь пальцы: извѣстенъ довольно циничный рецептъ успѣха на войнѣ, приписываемый Ланжерону. Въ Шалонѣ великій князь Константинъ Павловичъ взялся было помочь несчаст-

ному, у котораго грабили дома, но, увидя издали австрійскіе мундиры— повернулъ назадъ со смѣхомъ: «Это солдаты тестюшки. Мнѣ здѣсь дѣлать нечего». Но грабежа было мало: опьянѣвшіе и озвѣрѣвшіе послѣ побѣды солдаты съ какимъ-то неистовствомъ удовлетворяли свою страсть къ разрушенію, ломая мебель, уничтожая плодовые деревья, разбивая окна, зеркала и прочее. Дымящіяся развалины и кучи мусора оставались на пути союзниковъ. Иногда грабежъ и насиліе продолжалось нѣсколько дней подъ рядъ... Всѣ эти ужасы въ концѣ ожесточили народъ. Лотарингскіе, бургундскіе, пикардійскіе мужики взялись за топоры, вилы и старыя ружья, подбирали на полѣ битвы оружіе убитыхъ и кроваво мстили за обиды. Въ иныхъ мѣстахъ до тысячи партизановъ сбѣгалось на звуки набата, чтобы расправиться съ мародерами. Иноземцевъ ублажали, опайвали водкой, чтобы убить во время сна. Мужчины, дѣти, женщины соперничали въ этой жестокой охотѣ за непріятелемъ другъ съ другомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Грабовскій рассказываетъ, какъ однажды нѣсколько блузниковъ остановили его и, удостовѣрившись въ томъ, что онъ французскій офицеръ, просили выпить вина и убѣдиться собственными глазами, что они—истые французы. Одинъ изъ нихъ провелъ его за амбаръ и, приподнявъ доску, показалъ глубокую яму, изъ которой несся отвратительный запахъ и виднѣлся рядъ труповъ. «Это казаки, сударь,—объяснялъ словоохотливый мужикъ.—Ихъ пріѣхало съ 20, мы ихъ напоили, а потомъ»... и онъ сдѣлалъ выразительный жестъ на своей шеѣ. Крестьяне называли «казаками» всѣхъ враговъ безъ различія національности. Прусскіе офицеры рассказывали, что долгое время на бивакѣ они остерегались становиться близъ оконъ, боясь «случайныхъ» пуль. Женщины, подъ различными предлогами, заманивали къ себѣ вражескихъ офицеровъ, которые находили у нихъ мужчину... и смерть. Боясь этихъ жестокихъ нападеній, отсталые сами спѣшили сдаться французскимъ аванпостамъ, ибо горе патрулямъ, курьерамъ и мародерамъ-одиночкамъ!

На югъ Ожеро въ это время готовился напасть на коммуникаціонную линію Шварценберга и тѣснилъ австрійскіе корпуса Бубны и Лихтенштейна.

Въ Испаніи маршалъ Сюше стойко держался съ 38.000 противъ 55.000 англо-испанской арміи. По сую сторону Пиренеевъ Сульть умѣло оборонялся отъ Веллингтона съ его 72.000 чел. Въ Италіи Евгений Богарне принудилъ австрійскую армію принять оборонительное положеніе и тѣснилъ неаполитанскую армію Мюрата, примкнувшую къ союзникамъ.

Въ Бельгіи Мезонъ искусно велъ оборонительную войну противъ превосходившей его силами союзной арміи, старый Карно защищалъ Мاستрихтъ и Антверпенъ, адмиралъ Верюзель отбивался успешно за укрѣпленіями Нью-Дьепа. Рядъ крѣпостей отъ Глогау и Гамбурга до Тіонвиля храбро и успешно оборонялись. Словомъ, къ началу марта Франція бодро защищалась противъ всей Европы, которая шла на нее. Понятно, что если раньше Наполеонъ готовъ былъ на большія жертвы—отдать Бельгію и даже лѣвый берегъ Рейна, Италію и даже колоніи,—то теперь онъ съ негодованіемъ услышалъ требованіе союзниковъ на безконечно тянувшемся Шатильонскомъ конгрессѣ—вернуться къ границамъ 1789 года и усгупить, кромѣ того, крѣпости Бельфоръ и Безансонъ. Этого Наполеонъ не могъ

вынести. «Я считаю себя обезчещеннымъ,—писалъ онъ своему уполномоченному герцогу Виченцскому Коленкуру,—я хочу самъ поставить свой ультиматумъ»... Теперь онъ вознамѣрился, отвлекши вниманіе Шварценберга ложной демонстраціей, ударить въ тылъ силезской арміи, атаковавъ ее съ фронта корпусами Мармона и Мортъе. Но прусскій король скоро, еще до отъѣзда Наполеона, узналъ, что передъ богемской арміей стоитъ одинъ только слабый заслонъ Удино. Послѣдній былъ застигнутъ врасплохъ при Баръ-сюръ-Объ и отступилъ, потерявъ до 2.500 лучшаго, испытаннаго въ испанскомъ походѣ войска. Нисколько не обезкураженный этимъ пораженіемъ императоръ приказалъ своимъ маршаламъ задерживать наступленіе Шварценберга, самъ же упорно преслѣдовалъ свой планъ уничтоженія силезской арміи.

Между тѣмъ Блюхеръ, усилившись подкрѣпленіями, неудержимо стремился на Парижъ. Съ маленькимъ корпусомъ Мармона онъ надѣялся справиться безъ особаго труда. Но онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе: Мортъе поддержалъ Мармона, а тѣмъ временемъ Блюхеръ узналъ о движеніи противъ него самого Наполеона. Теперь онъ думалъ только о томъ, какъ бы уйти назадъ, намѣчая для своихъ войскъ сборные пункты, стягивая подкрѣпленія. Армія его была въ отчаянномъ состояніи; измученная трехдневнымъ непрестаннымъ маршемъ, обносившаяся, голодная и босая, она жила мародерствомъ, отступая безъ всякаго порядка. Ей грозила неминуемая опасность быть отброшенной и притиснутой къ рѣкѣ Энъ. Капитуляція маленькаго городка Суассона измѣняла положеніе вещей. Недалекій комендантъ генералъ Моро, осажденный корпусами Виндигероде и Бюлова, согласился сдать Суассонъ, сохраняя свои орудія. Вскорѣ послѣ этого Блюхеръ переправился у Суассона и тѣмъ спасъ свою измученную и разстроенную армію отъ разгрома. Отдохнувъ и стянувши подкрѣпленіе, Блюхеръ рѣшилъ итти навстрѣчу Наполеону. Долгое время оба противника нащупывали силы другъ друга. Всѣ эти стратегическіе маневры, наконецъ, завершились кровопролитнымъ сраженіемъ при Краонъ, въ которомъ обѣ стороны приписывали себѣ побѣду. Съ 9 часовъ утра французы яростно атаковали плато, на которомъ укрѣпились войска генерала Воронцова. Послѣдній 5 часовъ отражалъ штыковые и кавалерійскія атаки и отступилъ только послѣ настоятельнаго приказанія, переданнаго Сакеномъ, въ полномъ порядкѣ, подобравъ всѣ подбитыя орудія, раненыхъ, какъ на парадѣ, медленнымъ учебнымъ шагомъ. По мѣрѣ отступленія атаки французовъ дѣлались все яростнѣе и Ширванскому полку пришлось пробиваться штыками сквозь французскую кавалерію. Огонь сильной батареи, выставленной Сакеномъ, остановилъ преслѣдованіе.

Теперь Наполеонъ уже не могъ думать, какъ раньше, «уничтожить силезскую армію». Теперь онъ попытался во всякомъ случаѣ задержать наступленіе Блюхера къ Парижу, овладѣвши Лаономъ. Но Блюхеръ сильно укрѣпился, и атака предмѣстій была отражена съ потерями. Ночью Клейстъ и Йоркъ неожиданно атаковали войска Мармона и обратили ихъ въ паническое бѣгство. Почти вся артиллерія досталась въ руки пруссаковъ. Наполеонъ, несмотря на это, все же принялъ бой, который остался нерѣшительнымъ, вслѣдствіе того, что за болѣзнью Блюхера Гнейзенау

не рѣшался самостоятельно дѣйствовать. Армія Наполеона стала отступать къ Суассону послѣ двухдневнаго упорнаго боя съ 27.000 противъ 80.000. Межъ тѣмъ обычные среди союзниковъ раздоры задерживали наступленіе Шварценберга. Тѣ же раздоры между генералами разноязычной арміи стѣсняли движеніе и силезцевъ. Одинъ Блюхеръ со своей прямою и солдатскимъ добродушіемъ умѣлъ мирить враждующихъ, такъ его вмѣшательство успокоило раздраженнаго Юрка, поссорившагося съ Гнейзенау и самовольно сложившаго съ себя командованіе, но онъ тяжело заболѣлъ, чуть не ослѣпъ, потерялъ силы и слегъ въ постель, къ счастью для Наполеона, маленькая армія котораго ежедневно таяла какъ снѣгъ отъ усиленныхъ маршей и контрмаршей, болѣзней и потерь въ сраженіяхъ. Маршалы его были не болѣе счастливы: Макдональдъ и Удино теряли Шампань, «Ожеро рѣшительно не хотѣлъ надѣть своихъ старыхъ сапогъ 93 года» и отступалъ предъ австрійскимъ корпусомъ къ Ліону. На сѣверѣ Мезонъ отступалъ къ Лиллю; на югѣ Сюше былъ запертъ въ Каталоніи; Сультъ, разбитый Веллингтономъ, открылъ Бордо, гдѣ немедленно вспыхнула роялистская революція, благодаря стараніямъ ловкаго интригана мэра города графа Линша, и съ помощію англичанъ былъ провозглашенъ королемъ Людовикъ XVIII.

Король Іосифъ Бонапартъ, оставленный главой парижскаго правительства, настойчиво, но безуспѣшно, совѣтовалъ брату заключить миръ, дурной или хорошій. Въ правительственныхъ кругахъ раздраженіе противъ императора росло. Нѣкоторые сенаторы помышляли даже объявить Наполеона душевнобольнымъ и заключить миръ безъ императора. Но всѣ эти настоянія, почтительныя представленія и адреса, только раздражали императора: онъ упрямо и гнѣвно отклонялъ всѣ совѣты и боролся съ напряженіемъ всѣхъ силъ за ускользающую власть.

Взятіе Реймса установило связь между силезской и богемской арміями, но быстрымъ неожиданнымъ движеніемъ Наполеонъ обрушился на занявшій Реймсъ корпусъ генерала Сень-При и раздавилъ его; самъ Сень-При былъ смертельно раненъ, корпусъ его понесъ тяжкія потери. Союзники были напуганы. «Это страшилище—Наполеонъ,—писалъ Ланжеронъ,—видно было повсюду. Онъ побивалъ насъ всѣхъ одного за другимъ; мы всегда боялись его смѣлыхъ плановъ, быстроты его маршей, его ученыхъ комбинацій. Едва составишь планъ, онъ ужъ его разгадалъ». Блюхеръ не двигался далѣе, задерживаемый партизанской войной крестьянъ и боясь нападенія съ тыла со стороны Бернадотта, которому онъ не довѣрялъ и считалъ способнымъ перейти въ рѣшительную минуту на сторону Наполеона. Дѣйствительно, бывшій французскій маршалъ стоялъ съ марта, не двигаясь, въ Люттихѣ со своими шведами, но онъ имѣлъ свои планы: онъ рассчитывалъ, что французы призовутъ его на вакантный престолъ, и не торопился дѣйствовать противъ соотечественниковъ. Шварценбергъ предпочиталъ держаться оборонительной тактики. «Нѣтъ у меня извѣстій о силезской арміи,—писалъ онъ,—и сознаюсь, что трепещу. Если Блюхеръ будетъ разбитъ, то смогу ли я дать сраженіе? Въдь если и я буду разбитъ, какое торжество для Наполеона и позоръ для союзниковъ—возвращаться за Рейнъ во главѣ разбитой арміи!» Движеніе къ Обь, которымъ Наполеонъ рассчитывалъ «заочно побить» Шварценберга, внесло новую панику

въ ряды офицерства богемской арміи. На большомъ совѣтѣ рѣшено было отступать. «Отступление было такъ поспѣшно,—писалъ Макдональдъ къ Бертѣ,—что мы не могли нагнать арьергарда».

Но обезпечивъ себя съ фланговъ и усмотрѣвши опасное положеніе императора Наполеона, у котораго въ тылу находилась Оба и болото, Шварценбергъ вдругъ почувствовалъ приливъ энергіи и рѣшилъ напасть самъ на непріятеля у Арсиса на Обѣ. Легкая кавалерія Себастіани была опрокинута и обращена въ паническое бѣгство казаками Кайсарова до самаго Арсиса. Самъ Наполеонъ принужденъ былъ укрыться въ карре привислинскаго легіона. Но вскорѣ онъ энергично собираетъ бѣглецовъ, несмотря на убійственную канонаду. Отчаянный бой съ перемѣннымъ счастьемъ шелъ возлѣ деревушки Торси и около Арсиса. До 3.000 убитыхъ и раненыхъ лежало кругомъ горѣвшей Торси, и до поздней ночи шла перестрѣлка. Нерѣшительный исходъ сраженія перваго дня внушилъ Наполеону увѣренность въ томъ, что предъ нимъ какой-нибудь одинъ корпусъ изъ отступающей богемской арміи, и онъ рѣшился поэтому возобновить сраженіе на другое утро. Уже французская кавалерія двинулась въ атаку, когда съ высоты холмовъ открылась для атакующихъ вся стотысячная армія союзниковъ съ многочисленной артиллеріей. Приходилось отступать предъ превосходными силами за Обу. Двѣ трети маленькой тридцатитысячной арміи переправились, когда Шварценбергъ двинулся на отступающихъ и вытѣснилъ послѣ жаркаго боя французскій арьергардъ изъ пылавшаго Арсиса.

Между тѣмъ и Блюхеръ сталъ дѣйствовать и перешелъ въ наступленіе. Мортѣ и Мармонъ медленно отступали тѣснимые силезской арміей, угрожаемые обходомъ. Ожеро потерялъ голову и очистилъ Ліонъ. Теперь, двумя колоннами, каждая силой почти въ 100.000 человекъ, союзники могли двинуться на Парижъ. Наполеонъ рѣшилъ снова напасть на ихъ коммуникационную линію и увлечь за собой отъ Парижа къ восточнымъ крѣпостямъ, надѣясь усилить тамъ гарнизонами свою маленькую армію и затянуть войну до крайности. Перехваченное письмо Наполеона уяснило союзникамъ планъ императора, и на военномъ совѣтѣ въ Пужи рѣшено было двигаться на соединенія съ Блюхеромъ чрезъ Шалонъ, чтобы затѣмъ общими силами раздавить императора.

Такъ великъ былъ еще страхъ, который внушалъ Наполеонъ даже съ маленькой арміей. Но 22 марта перехваченъ былъ курьеръ изъ Парижа къ Наполеону съ депешами, въ которыхъ заключались самыя тревожныя извѣстія: населеніе недовольно, казна, арсеналы и магазины пусты, роялисты поднимаютъ голову... Императоръ Александръ сразу оцѣнилъ всю важность положенія, и на новомъ военномъ совѣтѣ между Сомпой и Вотри подъ открытымъ небомъ рѣшено было двигаться съ завтрашняго же дня на Парижъ.

М о р о.

Рѣшеніе это вызвало сильнѣйшее возбужденіе въ обоихъ союзныхъ арміяхъ: наконецъ-то, повидимому, близился конецъ долгой и утомительной войны.

Конгрессъ въ Шатильонѣ послѣ долгихъ и безплодныхъ переговоровъ окончился полнымъ разрывомъ: уполномоченные союзниковъ объявили, что они ведутъ войну не противъ Франціи, и до тѣхъ поръ не прекратятъ военныхъ дѣйствій, покамѣстъ Наполеонъ не откажется отъ земельныхъ пріобрѣтеній послѣ 1792 г. и не признаетъ за союзниками право опредѣлить безъ вмѣшательства Франціи границы и взаимоотношенія какъ уступаемыхъ Наполеономъ областей, такъ и ихъ собственныхъ. Положеніе Наполеона было безнадежнымъ, но онъ продолжалъ вѣрить въ свое счастье, свое искусство и въ своихъ солдатъ, хотя моментами и для него уже открывалась печальная истина,—нравственный упадокъ Франціи. На полѣ битвы подъ Арсисомъ онъ разговаривалъ подъ жестокимъ огнемъ съ генераломъ Себастьяни. «Что скажете, генералъ, о томъ, что видите?»—«Безъ сомнѣнія, в. в., имѣете другіе ресурсы, которыхъ мы не знаемъ».—«У меня нѣтъ другихъ, кромѣ тѣхъ, которые предъ вами».—«Но тогда, в. в., почему не подумаете вы поднять націю?»—«Химеры! Химеры, заимствованные изъ воспоминаній объ Испаніи и французской революціи! Поднимать націю въ странѣ, гдѣ революція сокрушила дворянство и духовенство и гдѣ я самъ сокрушилъ революцію!» 25 марта союзная армія столкнулась у Феръ-Шампенуазъ съ небольшимъ отрядомъ Мортъе и Мармона около 17.000 человекъ; послѣдніе съ большимъ трудомъ отступили, потерявъ много людей и орудій. Отступление подъ конецъ превратилось въ паническое бѣгство, которое увлекло и самихъ маршаловъ. Въ тотъ моментъ, когда имъ удалось, наконецъ, остановить часть бѣглецовъ, раздалась сильная канонада: это умирала въ неравномъ бою національная гвардія генераловъ Пакто и Амея. Послѣдніе съ 6.000 человекъ сопровождали большой военный обозъ и наткнулись на союзную армію. Попытались отступить къ Феръ-Шампенуазъ, но подверглись энергичнымъ атакамъ русской кавалеріи. Императоръ Александръ съ королемъ прусскимъ прибылъ въ это время на поле битвы. Восхищенный храбрымъ сопротивленіемъ остатковъ разгромленнаго французскаго корпуса, онъ успѣлъ остановить кровавую рѣзню послѣдняго карре.

23 марта Коленкуръ сообщилъ Наполеону о результатѣ переговоровъ въ Шатильонѣ: оставалась одна надежда—на военное счастье. Безпокойство водворилось на императорской квартирѣ: «Куда идемъ?»—«Что будетъ съ нами?»—«Если онъ падетъ, не погибнемъ же и мы съ нимъ?» Уныніе свиты не укрылось отъ Наполеона: онъ поручилъ Коленкуру возобновить переговоры съ Меттернихомъ. Но тѣмъ временемъ нужно было сражаться и только сражаться. Подъ Сентъ-Дизье онъ одержалъ свою послѣднюю побѣду надъ русскимъ корпусомъ Винцингероде, который потерялъ нѣсколько пушекъ и много людей убитыми и плѣнными. 27-го Наполеонъ изъ перехваченныхъ дѣйшъ, разсказовъ поселянъ и плѣнныхъ увѣряется въ страшной новости—союзники двигаются къ Парижу и опередили его уже на три дня. Императоръ колеблется: что дѣлать? Изъ Меца, Вердена и другихъ крѣпостей уже стягивается къ нему гарнизонъ съ многочисленными подкрѣпленіями; еще и теперь генералы и офицеры предлагаютъ

поднять въ восточныхъ провинціяхъ народную, партизанскую войну. Извѣстіе объ интригахъ въ Парижѣ преображаетъ императора изъ солдата въ политика: опасеніе потерять Парижъ, опору новой династіи, превозмогло,—и онъ двигается назадъ со своей гвардіей. По дорогѣ онъ узнаетъ, что Мортъе и Мармонъ съ боемъ отступаютъ къ Парижу. Времени больше терять нельзя. Армія идетъ форсированнымъ маршемъ. Нетерпѣніе овладѣваетъ Наполеономъ: онъ покидаетъ свой конвой и въ почтовой каретѣ мчится къ столицѣ бѣшенымъ галопомъ.

Въ Парижѣ управляла Марія-Луиза при содѣйствіи Іосифа, наместника императора, канцлера Камбасереса, совѣта и министровъ. Но на самомъ дѣлѣ и здѣсь незримо управлялъ Наполеонъ, который чуть не ежедневно писалъ Іосифу и министрамъ, отдавалъ приказанія, посылалъ

Монтеро. (Lavigne).

запросы. Правительство потеряло давно всякую инициативу, привыкло дѣйствовать по точному приказу императора. Все, что было пригодно для войны, посылалось въ армію, такъ что въ Парижѣ для защиты осталось всего 1.200 старой гвардіи, почетный конвой императрицы и короля римскаго, 800 конныхъ городскихъ жандармовъ, ветераны, инвалиды, наконецъ, плохо организованная и еще хуже вооруженная національная гвардія. Арсеналы были пусты. Если для вооруженія войскъ недоставало ружей и приходилось отбирать у крестьянъ ружья, поднятыя ими на полѣ сраженія, то національную гвардію приходилось уже вооружать по старому революціонному образцу—пиками. Что касается артиллеріи, дѣло обстояло иначе: всѣ организованныя батареи были посланы въ армію—около 200 пушекъ осталось въ Парижѣ и изъ нихъ лишь 57 можно было поставить на городской валь: остальные стояли на Марсовомъ полѣ за недостаткомъ артиллеристовъ. Нужно было вывести укрѣпленія, но на это не хватало

денегъ: неоткуда было взять нужные 500.000 франковъ. Жители Сень-Дени уже сами на свой счетъ стали вооружаться, лили пули, готовили патроны, организовали городскую милицію, рыли окопы и возводили укрѣпленія, въ то время какъ Іосифъ списывался съ Наполеономъ.

Финансы имперіи находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Въ государственномъ казначействѣ было свыше 400 милліоновъ бумагами. Кредитъ палъ. Разсчитывать на личныя средства императора не приходилось: изъ 66 милліоновъ сбереженій къ марту оставалось всего 18 милліоновъ—послѣднія крохи. Неоднократно недостатки средствъ задерживали экипировку и снаряженіе резервовъ, и безпрестанно Кларкъ, военный министръ, требовалъ денегъ и денегъ... Но, кромѣ этой бѣды, у императора были и сильные враги въ томъ же самомъ центрѣ имперіи. Уже во время боевъ на Обѣ Парижъ кишѣлъ заговорщиками, сборнымъ пунктомъ которыхъ былъ отель Талейрана на Сень-Флорентинской улицѣ. Бывшій яacobинецъ и эксъ-епископъ мечталъ сдѣлаться регентомъ короля римскаго и помышлялъ даже объ убійствѣ императора. Да и не одинъ онъ такъ думалъ: другой интриганъ Фуше напрямикъ говорилъ Элизѣ Бонапартъ: «Сударыня, для насъ лишь одно средство спасенія—тотчасъ убить императора». Около Талейрана группировались всѣ недовольные и оскорбленные, сохраняя выжидательное положеніе. Роялисты Сень-Жерменскаго предместья дѣйствовали рѣшительно: одни открыто отправились къ союзникамъ, другіе усердно распространяли пасквили и воззванія, обѣщая великія и многія милости и полную амнистію за измѣну Наполеону.

Населеніе Парижа, сперва обрадованное побѣдами императора, къ марту уже было въ большой тревогѣ, не зная, кому вѣрить: хвастливымъ ли бюллетенямъ императора или не менѣе хвастливымъ реляціямъ англійскихъ газетъ, предсказывавшихъ скорое взятіе и разрушеніе Парижа союзниками. Рента упала до 45 на 100, когда 27—28 марта масса крестьянъ со своими семьями и жалкими пожитками явилась къ заставамъ, объявляя о приближеніи врага.

Правительству Маріи-Луизы и Іосифа приходилось дѣйствовать самостоятельно, за свой страхъ. Ссылаясь на формальный приказъ императора, Іосифъ настоялъ, чтобы императрица съ сыномъ оставила Парижъ. Совѣтъ разошелся, и Талейранъ, уходя, загадочно намекнулъ на то, что «не слѣдуетъ всѣмъ погибать подъ развалинами этого зданія»... Увѣрившись въ неизбежномъ паденіи Наполеона, онъ окончательно переходитъ на сторону старой династіи. 29 марта императрица съ маленькимъ королемъ римскимъ покинула Парижъ. Населеніемъ овладѣла паника: много народа уѣзжало изъ столицы; дороги въ Руанъ, Шартръ, Дрѣ были загромождены повозками, каретами, тельгами, увозившими всякую рухлядь. Жители боялись мести за сожженную Москву. Министръ военный Кларкъ въ этотъ моментъ обнаружилъ, хотя и очень поздно, кипучую энергію: онъ написалъ до 60 писемъ, увѣщавая однихъ, понукая другихъ, назначая третьихъ.

Межъ тѣмъ союзники подходили къ Парижу съ сѣверо-востока тремя сильными колоннами. Правая состояла изъ главныхъ силъ силезской арміи (прускіе корпуса Іорка, Клейста и русскіе Ланжерона и Воронцова) и, отгнѣснивъ дивизіи Компана и Дезессара, должна была остановиться

противъ Сентъ-Дени на Лилльской дорогѣ; центръ образовали корпусъ Раевского, гвардія и резервы Барклая-де-Толли, шедшіе на Бонди; лѣвая колонна—корпуса Дьюлая (австрійскій) и принца Евгенія Виртембергскаго (русскій)—вдоль по Марнѣ должна была идти на Нелли. Корпуса Сакена (русскій) и Вреде образовали резервъ, чтобъ предупредить нечаянное нападеніе Наполеона.

Вечеромъ 29-го императоръ Александръ и король прусскій находились съ главными силами уже въ Клиши. Парижъ виднѣлся вдали, озаряемый лучами заходящаго солнца. Громкій крикъ: «Парижъ!» вырвался изъ груди и солдатъ и офицеровъ, жадно смотрѣвшихъ на конечную цѣль своихъ лишеній и невзгодъ. Очевидецъ князь Н. Голицынъ признается, что не могъ ночь спать отъ волненія.

Ученики политехникума въ С.-Шомонѣ. (Лит. Ласта).

Оба государя и князь Шварценбергъ помѣстились въ замкъ Бонди. 30 марта въ 4 часа утра барабаны забили въ Парижъ тревогу.

Войска поспѣшно занимали позиціи. Подоспѣвшій во-время Мармонъ долженъ былъ занять Болянвильское плато, Мортъе—стать во второй линіи между Монмартромъ и Урскимъ каналомъ, всего собралось для защиты Парижа 42.000 человекъ, считая національную гвардію, инвалидовъ, ветерановъ, воспитанниковъ политехническихъ училищъ. Противъ нихъ союзники располагали 110.000. Уже въ 5 часовъ завязался жаркій бой около селеній Пантенъ, Роменвиль и въ Роменвильскомъ лѣсу между русскимъ корпусомъ принца Евгенія Виртембергскаго и Мармономъ. Корпусъ Ланжерона получилъ приказаніе отъ императора Александра атаковать Монмартръ, но лишь въ 10 часовъ подошелъ къ Обервилье.

Межъ тѣмъ, напуганный переданнымъ ему заявленіемъ императора Александра I, что въ случаѣ продолженія борьбы, государи не въ силахъ будутъ помѣшать грабежу Парижа, Іосифъ покинулъ столицу и уѣхалъ въ Блуа. Передъ отъѣздомъ онъ уполномочилъ Мармона и Мортъе войти въ переговоры съ Шварценбергомъ и императоромъ Александромъ, а затѣмъ отступить на Луару.

Записка короля Іосифа пришла къ Мармону во второмъ часу пополудни, когда онъ, уступая натиску русской и прусской гвардіи, подкрепленныхъ кавалеріей, принужденъ былъ отступить. Но вскорѣ новая атака русскихъ войскъ заставила его уступить Бельвилль и отойти за городскую ограду.

Мортъе, примыкавшій къ лѣвому флангу Мармона, былъ атакованъ Клейстомъ, Гюркомъ и Воронцовымъ и принужденъ къ отступленію. Въ то же время Ланжеронъ штурмовалъ Монмартръ. Генералъ Рудзевичъ со своими солдатами взбирается на высоты и захватываетъ орудія, изрубивъ канонировъ на самыхъ пушкахъ. Ланжеронъ сейчасъ же ставитъ 84 орудія на высотахъ, обращая ихъ на Парижъ. Маршалъ Монсей занималъ въ это время Клиши, принимая отступающихъ и готовясь отражать непріятеля во главѣ національной гвардіи. Но русскія войска, руководимыя Барклаемъ-де-Толли, останавливаются, согласно приказанію императора Александра, и ограничиваются перестрѣлкой.

Еще въ 4 часа маршалъ Мармонъ рѣшилъ вступить въ переговоры съ союзниками. Изъ трехъ его парламентаровъ лишь одному генералу Лагранжу удалось добратъся невредимымъ къ императору Александру. Переговоры союзныхъ уполномоченныхъ графа Нессельроде, полковника Орлова и графа Паара (адъютантъ Шварценберга) съ маршалами Мармономъ и Мортъе окончились сдачей Парижа на капитуляцію. При чемъ армія французская покидала городъ, увозя съ собой весь свой обозъ, а Парижъ ввѣрялся великодушію побѣдителей.

Въ то время, какъ Мармонъ договаривался объ условіяхъ капитуляціи, Наполеонъ въ жалкомъ кабріолетѣ несся къ Парижу, на каждой станціи узнавая все болѣе и болѣе грустныя новости. Въ четырехъ съ половиной лѣтъ отъ Парижа, онъ узнаетъ отъ генерала Бельяра всѣ подробности о сдачѣ столицы. Его гнѣвъ противъ Іосифа и министровъ безпредѣленъ: онъ рвется въ Парижъ и лишь съ трудомъ свить удастся уговорить императора отъѣхать въ Фонтенебло, куда постепенно стягиваются войска. 31 утромъ депутація города Парижа была принята императоромъ Александромъ, который объявилъ депутатамъ, что беретъ городъ подъ свое покровительство.

Роялисты ликовали и рѣшили организовать при въѣздѣ союзныхъ государей внушительныя манифестаціи, чтобы убѣдить ихъ въ томъ, что вся Франція желаетъ возвращенія Бурбоновъ. Съ 10 часовъ утра 31 марта маленькія группы роялистовъ съ бѣлыми перевязями и кокардами двинулись по бульварамъ, площадямъ и улицамъ съ криками: «Да здравствуетъ король! Долой тирана!» Населеніе встрѣтило ихъ равнодушно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже враждебно, избивая особенно рьяныхъ крикуновъ.

Въ 11 часовъ совершился торжественный въѣздъ союзныхъ государей въ Парижъ. Императоръ Александръ ѣхалъ, имѣя по правую руку

князя Шварценберга, представлявшего особу своего государя, по львую — короля прусскаго. Толпы жителей смотрѣли съ молчаливымъ любопытствомъ. Лишь у воротъ Сентъ-Дени раздалось нѣсколько робкихъ криковъ: «Да здравствуетъ императоръ Александръ, да здравствуютъ союзники!» Роялисты шли сплоченной толпой возлѣ императора Александра, непрерывно крича и надсаживаясь отъ криковъ. Въ кварталахъ, заселенныхъ знатью, скоро на балконахъ показались бѣлыя знамена, появились женщины, махавшія своими платками. Особенно рьяныя роялистки вскарабкивались на крупъ лошадей кавалергардовъ, чтобъ лучше посмотреть на прохожденіе войскъ.

Сдача Парижа 31 марта 1814 г. (Соврем. грав.).

Императоръ Александръ остановился въ домѣ Талейрана; здѣсь состоялся совѣтъ, на которомъ Талейранъ пустилъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство, чтобы убѣдить русскаго императора въ необходимости возстановить на тронѣ Бурбоновъ. Мраченъ былъ видъ Парижа вечеромъ. Аркады Палерояля были темны и пустычны. Театры и лавки закрылись. На другой день лишь въ рабочихъ кварталахъ населеніе сохраняло враждебный видъ. Парижъ буржуазный и аристократическій веселился и пировалъ. Въ оперѣ представленіе въ честь союзныхъ государей неоднократно прерывалось шумными манифестациями роялистовъ. Всѣ встали, когда оркестръ заигралъ старую арію: «Vive Henry IV», и разразились бурными криками. Талейранъ продолжалъ энергично работать: онъ

созвалъ сенатъ, и 64 сенатора, явившіеся на собраніе изъ всего числа 140, послушно избрали членами временнаго правительства самого Талейрана и его 4 друзей.

Роялисты, дружно помогавшіе Талейрану, захватили въ свои руки прессу. Рядъ ядовитыхъ статей, злыхъ памфлетовъ, желчныхъ листковъ, карикатуръ обрушился на побѣжденнаго императора. Ему отказывали даже въ имени и звали презрительно «Николаемъ», «толстякомъ, генераломъ Николаемъ». 3 апрѣля явился знаменитый памфлетъ Шатобріана, въ которомъ авторъ изображаетъ Наполеона преступникомъ, безумцемъ, палачомъ...

Послушный новымъ властителямъ сенатъ спѣшилъ довершить начатое и объявилъ Наполеона низложеннымъ единогласно. Законодательный корпусъ, собранный Талейраномъ, несмотря на малочисленность депутатовъ, тоже декредитировалъ низложеніе.

Несмотря на это, число приверженцевъ Бурбоновъ не возрастало. Повидимому, дѣло побѣжденнаго императора было не совсемъ еще проиграно: солдаты и старая гвардія готовы была умереть за него. Союзники не рѣшались напасть на тѣ 60.000, которые остались въ его распоряженіи. Тѣмъ временемъ Коленкуръ велъ переговоры съ императоромъ Александромъ, но все, чего могъ добиться, было уклончивое согласіе обсудить вопросъ о регентствѣ, въ случаѣ отреченія Наполеона. Послѣдній, возмущенный этимъ предложеніемъ, грозилъ начать снова военныя дѣйствія штурмомъ Парижа. Настроеніе войскъ во время смотра 3 апрѣля укрѣпило его въ этомъ намѣреніи: солдаты и офицеры, возбуждаемые рѣчью императора, клялись похоронить себя подъ развалинами Парижа. На помощь союзникамъ пришла измѣна Мармона. Уже въ 1813 году иные изъ генераловъ рѣзко заявляли: «Ваши генералы желаютъ покоя, чтобы наслаждаться благодѣяніями вашего величества. До сей поры у нихъ не было для этого времени»... Теперь, поддаваясь уговорамъ агентовъ Талейрана, соблазняя себя мыслью стать снова спасителемъ Франціи, возстановителемъ древней династіи, Мармонъ вступилъ въ переговоры съ Шварценбергомъ и согласился удалиться съ своей позиціи со своимъ корпусомъ въ Версаль, за линію, занимаемую союзниками, выговоривши обезпеченіе свободы императору «въ предѣлахъ определенной области». Если Мармонъ тайкомъ отъ своихъ сотоварищей покидалъ Наполеона, другіе маршалы и генералы, особенно горячій Ней, тоже приходятъ къ убѣжденію, что лишь отреченіе Наполеона можетъ спасти ихъ положеніе, добытое цѣною потоковъ крови. 4 апрѣля Ней, Лефевръ, Удино и Макдональдъ вошли въ кабинетъ Наполеона и горячо стали требовать отреченія отъ престола. Напрасны всѣ доводы Наполеона, маршалы упорствуютъ. Наполеонъ рѣшается и, отпустивъ маршаловъ, составляетъ съ Коленкуромъ актъ отреченія въ пользу своего сына Наполеона II. Коленкуръ, Ней и Макдональдъ явились съ этимъ отреченіемъ къ императору Александру который былъ уже предупрежденъ и подготовленъ агентами зоркаго Талейрана. Уполномоченные, горячо увѣряя императора Александра въ томъ, что армія твердо желаетъ наполеоновской династіи, успѣли было поколебать его и склонить на свою сторону, какъ вдругъ адъютантъ сообщилъ императору объ измѣнѣ Мармона. Узнавши объ

этомъ, Коленкуръ и оба маршала поняли, что вопросъ о регентствѣ безнадеженъ: армія Наполеона теперь не представлялась русскому царю единой, сплоченной силой.

5 апрѣля три уполномоченныхъ императора вернулись къ нему и сообщили, что императоръ Александръ не согласился на условія отреченія, гарантируетъ Наполеону владѣніе Эльбой; сообщили и то, что скоро будетъ провозглашенъ король Людовикъ XVIII. Наполеонъ надѣялся еще все спасти, уйдя за Луару и начавши оборонительную войну съ 45.000 войска, но маршалы Ней и Макдональдъ твердо объявили ему, что теперь ничего болѣе не остается, какъ отречься безъ всякихъ условій. Вечеромъ генералы на тайномъ собраніи рѣшили никуда не двигаться и не повиноваться болѣе приказаніямъ императора. 6 апрѣля императоръ послѣдній разъ собралъ своихъ маршаловъ—они твердо стояли на своемъ, требуя отреченія. И онъ подписалъ актъ отреченія: «въ виду того, что союзныя державы объявили, что императоръ Наполеонъ является единственнымъ препятствіемъ европейскому миру, императоръ Наполеонъ, вѣрный своимъ клятвамъ, объявляетъ, что онъ отрекается за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ троновъ Франціи и Италіи»...

Дворецъ въ Фонтенебло опустѣлъ. Почти всѣ, за исключеніемъ Коленкура, Маре и нѣсколькихъ генераловъ, оставили павшаго императора—ушелъ его мамелюкъ Рустанъ, незамѣтно ускользнулъ подъ благовиднымъ предлогомъ Бертье, «тѣнь» Наполеона. Отчаяніе на минуту овладѣло покинутымъ, и онъ принялъ ядъ, который всегда носилъ при себѣ со времени похода въ Россію, но крѣпкій ли организмъ или незначительность дозы спасли его. «Я осужденъ жить», говорилъ онъ, сожальясь о томъ, что не нашелъ смерти отъ непріятельской пули. 20 апрѣля 1814 г. трогательно простился онъ со своей гвардіей, напомнилъ о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ вмѣстѣ, убѣждалъ не оставлять дорогого и несчастнаго отечества, быть вѣрными новому повелителю, обнялъ генерала Пети и поцѣловалъ знамя гвардіи. Со словами: «прощайте, дѣти», Наполеонъ со слезами на глазахъ сѣлъ въ карету, которая должна была доставить его въ сопровожденіи комиссаровъ трехъ державъ на южный берегъ Франціи. До Валанса поѣздка шла благополучно. Въ Провансѣ настроеніе населенія рѣзко измѣнилось: вмѣсто прежнихъ привѣтственныхъ кликовъ слышались роялистскія манифестаціи и раздавались проклятія низверженному владыкѣ. Въ маленькомъ городкѣ Оргонѣ пришлось ему, спасаясь отъ ярости толпы, грозившей его жизни, даже надѣть австрійскій мундиръ и прикрѣпить блѣлую кокарду, символъ ненавистныхъ Бурбоновъ, пока, наконецъ, не принялъ его на свой бортъ англійскій фрегатъ «Неустрашимый», который долженъ былъ доставить бывшаго повелителя полміра на берегъ новаго миниатюрнаго государства, удѣленнаго ему союзными государствами, — острова Эльбы.

А. Васютинскій.

Въѣздъ союзныхъ государей въ Парижъ 31 марта 1814 г.

— К О Н Е Ц Ъ Н А П О Л Е О Н А . —

I. Первая реставрація.

В. В. Филатова.

Чѣмъ больше запутывался Наполеонъ въ политическихъ сѣтяхъ, сплетенныхъ экономическими условіями и его собственнымъ честолюбіемъ, тѣмъ легче становилось недовольство. Оно охватывало разные общественные круги: дворянство никогда искренно не мирилось съ имперіей, буржуазія была раздражена вѣчными войнами, возрастающими налогами, разорительной неудачей континентальной системы, либеральная интеллигенція ненавидѣла въ Наполеонѣ деспота, рабочихъ онъ самъ сторонился, не желая стать «королемъ жакеріи», а вѣрное императорской славы крестьянство изнемогало подъ тяжестью налоговъ и рекрутчины. Первая же неудача—русскій походъ 1812 года—пошатнула положеніе имперіи: въ октябрь 1812 г. разыгрался заговоръ Мале.

Въ эти годы не только такіа лисицы, какъ Талейранъ, но и все общество предвидѣло начало конца. Декрѣ какъ-то говорилъ маршалу Мармону: «Императоръ рехнулся, положительно сошелъ съ ума; онъ заставитъ всѣхъ насъ полетѣть кувыркомъ, и все это, вы увидите, окончится грандіозной катастрофой».

Самымъ пагубнымъ было то, что съ 12 года счастье какъ бы измѣнило императору: кампанія 1813 года закончилась печально, потерей всѣхъ завоеваній въ Европѣ, лишь въ отдѣльныхъ крѣпостяхъ оставались французскіе гарнизоны. Къ 1-му января 1814 года союзники заканчивали переходъ черезъ Рейнъ и уже двигались по территоріи самой Франціи. Приходилось напрячь всѣ силы для послѣдней борьбы; въ рекрутчину забирали всѣхъ, кого возможно, налоги были удвоены, но не было ни довѣрія, ни энтузіазма, число дезертировъ возрастало, налоги поступали плохо, на примѣръ, прямые налоги, несмотря на удвоеніе, дали въ первую треть 1814 года лишь 33 милліона, противъ 75 милліоновъ франковъ за тотъ же періодъ въ 1810 году, рента съ 87 упала до 50 франковъ, многія частныя акціи пали на 50%. Угроза новой войны на территоріи самой Франціи дѣйствовала угрожающе на уставшую отъ войнъ страну.

Въ то время, когда гроза надвигалась извнѣ, внутри стала пробуждаться либеральная оппозиція. Съ захватывающимъ интересомъ читали памфлетъ Бенжаменъ Констанъ «De l'esprit de la conquête et de l'usurpation», направленный противъ Наполеона, постоянно появлялись менѣе значительныя, но явно оппозиціонныя брошюры, карикатуры, какой-то острякъ наклеилъ на Вандомскую колонну бумажку съ ядовитой надписью:

«Просятъ проходить скорѣй: колонна готова упасть».

Дѣйствительно, въ эти дни многіе стали подумывать, какъ бы имъ не оказаться погребенными подъ развалинами имперіи. Бернадоттъ уже боролся вмѣстѣ съ союзниками противъ своего императора, остальные маршалы были готовы на предательство, лишь бы сохранить свои посты, титулы и богатства. Всегда рабочій Законодательный корпусъ поднялъ голову и постановилъ 30 декабря 1813 года напечатать докладъ комиссіи по поводу отвѣта на тронную рѣчь, въ немъ указывалось на необходимость возстановить личную и общественную свободу, расширить политическія права народа. Эта демонстрація страшно разсердила Наполеона, онъ запретилъ печатанье доклада и послѣ рѣзкой рѣчи декретомъ 1 января 1814 года распустилъ законодательныя учрежденія. Такой оборотъ

Людовикъ XVIII. (Муз. П. И. Щукина).

раздражилъ депутатовъ и показалъ либераламъ, что при имперіи ни на какія свободы рассчитывать нечего.

Въ это-то время выступила на сцену снова старая монархія: по всей Франціи шныряли агенты Бурбоновъ, распространялись афиши и прокламаціи. Въ одной изъ нихъ претендентъ Людовикъ XVIII писалъ, обращаясь къ народу:

«Французы, не ждите отъ вашего короля ни упрека, ни наказаній, ни напominаній о прошломъ. Вы услышите отъ него лишь слова мира, милосердія и прощенія. Всякій французъ имѣетъ равное право на почести и отличія. Король не можетъ править безъ содѣйствія народа и его выборныхъ».

«Французы,—обращался къ націи принцъ Кондэ,—Людовикъ XVIII, вашъ законный государь, только что признанъ европейскими державами. Ихъ побѣдоносныя арміи приближаются къ нашимъ границамъ... Вы получите миръ и прощеніе. Неприкосновенность собственности будетъ гарантирована, налоги уменьшены, ваши дѣти снова вернутся въ ваши объятія и снова смогутъ обрабатывать поля»...

Видно Бурбоны отлично понимали, чего желаетъ Франція, но все это она хотѣла получить не отъ нихъ, а отъ императора, котораго массы все еще обожали и крики: «Долой налоги!» смѣшивались съ возгласами: «Да здравствуетъ императоръ!» О Бурбонахъ, уже странствовавшихъ въ изгнаніи почти четверть вѣка, новое поколѣніе и не помнило, ихъ просто забыли, какъ никому ненужную вещь, и всѣ ихъ попытки поднять возстаніе въ 1813—14 году оказались совершенно безрезультатными. Даже въ такихъ роялистическихъ раньше округахъ, какъ Бордо, Бурбоны не находили никакого сочувствія, такъ что герцогъ Беррійскій не рѣшился тамъ высадиться, а Веллингтонъ, цѣлый мѣсяцъ занимавшій юго-западную Францію, съ удивленіемъ отмѣчалъ, что тамъ знаютъ Бурбоновъ не больше, чѣмъ любыхъ европейскихъ принцевъ.

Въ сущности это исчезновеніе изъ народной памяти было лучшимъ залогомъ успѣха для Людовика XVIII. Франціи было совершенно безразлично, кто окажется на престолѣ: король римскій (сынъ Наполеона I), Бернадоттъ или Людовикъ, только бы избавиться отъ нашествія «варваровъ», налоговъ и войнъ, только бы вздохнуть отъ деспотизма.

За Бурбонами стояла небольшая, но очень крикливая кучка дворянъ, въ большинствѣ случаевъ настоящихъ или бывшихъ эмигрантовъ. Для союзныхъ государей мнѣніе этой группы было всего понятнѣй и убѣдительнѣй. Такимъ образомъ подготавлилась реставрація при помощи иностранныхъ штыковъ, неудачно испробованная въ годы республики.

Въ политическихъ салонахъ вопросъ о восстановленіи монархіи, въ дни послѣдней кампаніи, обсуждался очень горячо, и всѣхъ занялъ одинъ вопросъ: удастся ли при этомъ переворотѣ сохранить прежнее положеніе.

Роялисты съ каждой неудачей императора выступали все смѣльшій и смѣльшій, наконецъ, на другой день капитуляціи Парижа, преданнаго маршалами, появился памфлетъ Шатобріана «Бонапартъ и Бурбоны»; это было не только страстное обвиненіе тирана, но и наборъ ругани и лжи, съ цѣлью опозорить Наполеона. Своей злобой и смѣлостью онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на общество и, несомнѣнно, далъ извѣстный

толчокъ въ пользу Бурбоновъ; Людовикъ XVIII даже говорилъ, что эта брошюра была для него важнѣй шьей арміи.

31 марта 1814 года союзныя войска вступили въ Парижъ. Группы роялистовъ пытались организовать манифестаціи въ пользу монархіи, но эти попытки окончились печально,—населеніе не примкнуло къ нимъ, зато сами роялисты вели себя безцеремонно: открыто выражали радость по поводу торжества иноземцевъ и братались съ ними; графиня Перигоръ даже проѣхалась по Парижу верхомъ, сидя сзади казака, она какъ бы символизировала Бурбоновъ, которые прѣхали въ багажъ побѣдителей.

Союзные государи, вступая въ Парижъ, еще не имѣли опредѣленнаго мнѣнія относительно будущаго режима, но они легко дали «убѣдить»

Спускъ статуи Наполеона съ Вандомской колонны. (Совр. грав.).

себя Талейрану, что Франція жаждетъ Бурбоновъ. Франція же находилась въ какомъ-то ошъпеніи. Имперія отучила ее отъ участія въ политической жизни, вытравивъ изъ нея энергію бороться за тѣ или иные идеалы. Масса населенія совершенно не откликнулась ни на отреченіе императора, ни на провозглашеніе монархіи, все это вершилось дипломатами при угодливомъ одобреніи сенаторовъ.

Эти почтенные сановники, жившіе милостями императора, быстро согласились провозгласить его низложеніе, прося лишь одной гарантіи, что онъ никогда не вернется на тронъ.

Союзники отлично понимали, что это равнодушіе вызвано увѣренностью, что хуже, чѣмъ при имперіи въ послѣдніе годы, не будетъ, но

знали также, что стоило намекнуть на уничтожение новаго порядка въ его основахъ, на возвращеніе къ Франціи 1788 года и могъ послѣдовать страшный взрывъ народной мести. Учитывая это положеніе, Людовика XVIII допустили на тронъ лишь при условіи установленія либеральнаго режима.

Король, мечтавшій о возвратѣ къ старому, о мести, долженъ былъ, подчиняясь волѣ союзниковъ, опубликовать очень либеральный вступительный манифестъ.

«Мы, Людовикъ, милостію Божіею король Франціи и Наварры, рѣшивъ принять либеральную конституцію и не въ состояніи будучи принять такую, которую неминуемо придется передѣлать, созываемъ на 10 число іюня мѣсяца сенатъ и законодательный корпусъ, обязуясь представить на ихъ разсмотрѣніе трудъ, который мы выработаемъ вмѣстѣ съ комиссіей, составленной изъ представителей этихъ обоихъ учреждений, и положить въ основу этой конституціи представительную форму правленія, разрѣшеніе налоговъ палатами, свободу печати, свободу исповѣданія, безвозвратность продажи національныхъ имуществъ, отвѣтственное министерство, несмѣняемость судей и т. д.».

Всѣ эти обещанія успокаивали общественное мнѣніе и примиряли его съ Бурбонами. А это было необходимо, иначе новому правительству не на кого было бы опереться: крестьяне, рабочіе, ремесленники, — короче народъ, хотѣли мира, но отъ императора; роялистическое дворянство было ничтожно по своему вліянію въ странѣ, буржуазія колебалась, ея видный представитель банкиръ Лафитъ въ самый трудный моментъ уговорилъ маршала Мармона предать императора, но въ массѣ этотъ вліятельный классъ опасался реакціи, — возстановленія привилегій, возврата національныхъ имуществъ, и все, чего могли добиться отъ этой вліятельной группы населенія, было молчаливое попустительство: Бурбоновъ соглашались терпѣть.

Такой режимъ равнодушія былъ подготовленъ имперіей, которая травила изъ народа политическіе порывы, отучила отъ борьбы за политическіе идеалы. Лишь при полномъ оцѣпенѣніи націи можно было дважды за пятнадцать лѣтъ посадить на престолъ и дважды выгнать Бурбоновъ. Стоило явиться энергичной силѣ, — былъ ли то Наполеонъ или рабочіе парижскихъ предмѣстій, и Бурбоны летѣли кувыркомъ, спасались за-границу и тамъ искали опоры, ибо во Франціи за ними не было никакой общественной силы.

Буржуазія хотѣла мирную монархію, но совсѣмъ не Бурбоновъ съ ихъ старыми традиціями. Она опредѣленно предпочитала имъ герцога Орлеанскаго.

Либеральныя слова, которыми завоевывалось общественное мнѣніе, скоро оказались пустыми словами: первые же поступки Бурбоновъ показали, что они за годы изгнанія «ничего не забыли и ничему не научились». Графъ д'Артуа, бывшій правителемъ до пріѣзда короля, въ виду финансовыхъ затрудненій повысилъ прямые налоги, даже чрезвычайные, введенные всего въ 1814 году спеціально для нуждъ послѣдней кампаніи; вскорѣ же послѣдовало повышеніе и косвенныхъ налоговъ, такимъ образомъ обложеніе, на которое такъ жаловались при имперіи, стало еще тяжелѣй.

Договоръ съ Англіей, понизившій ввозныя пошлины, вообще полезный, нанесъ въ этотъ моментъ ударъ французской торговлѣ. Самый миръ постыдный и тяжелый принесъ потерю огромныхъ военныхъ запасовъ и

флота всего на сумму въ $1\frac{1}{2}$ миллиарда франковъ и отказъ Пруссіи отъ неуплаченной части долга въ 140 миллионѣвъ.

Лишь только отошли отъ Парижа союзныя войска, какъ сталъ исчезать и бурбонскій либерализмъ — опубликованная въ іюнь хартія звучала старыми дореволюціонными мотивами; число избирателей она сводила къ 12—15 тысячамъ, число избираемыхъ — къ 4—5 тысячамъ, и это было не выраженіе народной воли, а королевское пожалованіе (*octroi*), самымъ же страннымъ въ этой конституціи была попытка: «Дана въ Парижъ въ льто отъ Рождества Христова 1814-ое, царствованія же нашего въ девятнадцатое».

Для короля, проводшаго эти годы въ изгнаніи, не было ни революціи, ни имперіи, король мистически царилъ надъ своими владѣніями. Блѣдые лиліи никогда не увядали, такъ же какъ никогда не умиралъ французскій король.

Эти на первый взглядъ безобидныя фантазіи были серьезной угрозой для тогдашней Франціи, это было непризнаніе давности, опасность для владѣльцевъ конфискованныхъ владѣній.

Начало парламентской дѣятельности въ сентябрѣ 1814 года еще больше испугало французское общество: былъ внесенъ законъ о «свободѣ» печати, отмѣнявшій соответствующій параграфъ хартіи и совершенно закрѣпощавшій печатное слово. Вторымъ пошелъ законъ о возвращеніи конфискованныхъ во время революціи и еще непроданныхъ имѣній. Этотъ законъ былъ

особенно выгоденъ для королевской семьи, и больше всѣхъ получили герцоги Орлеанскій и Кондэ.

Законъ о возвращеніи непроданныхъ государствомъ имуществъ въ сущности не затрагивалъ ничьихъ интересовъ, но зато рѣчь министра Феррана звучала прямой угрозой всѣмъ владѣльцамъ національныхъ имуществъ. «Предложенный законъ, — говорилъ Ферранъ, — признаетъ право собственности, которое никогда не прекращалось», истощеніе страны мѣшаетъ королю проявить «щедрость въ полномъ объемѣ», но придутъ лучшіе дни и не будетъ горестныхъ исключеній. Эффектъ этой рѣчи былъ таковъ, что рента упала съ 78 на 72, національныя имущества, находящіяся въ частныхъ рукахъ, понизились до 50% своей стоимости. Въ концѣ-концовъ коснуться освященной революціей собственности Бурбоны не посмѣли. Лишь взысканъ былъ со страны миллиардъ, розданный «пострадавшимъ» эмигрантамъ.

Въ палатѣ сторонники Бурбоновъ требовали уничтоженія конституціи и возвращенія къ прежней формулѣ: *si veut le roi, si veut la loi*.

Эта реакціонная политика подготовила не паденіе монархіи, которая вполне соответствовала идеаламъ владѣющихъ классовъ, а изгнаніе Бурбоновъ какъ въ 1815 году, такъ и 1830.

„Двуглавый орелъ съ Александромъ накрылъ клеткой гальскаго пѣтуха“. Въ облакахъ сидѣтъ Наполеона. (Совр. карик.).

Въ 1814 году было одно спеціальное условіе, которое особенно осложняло положеніе Бурбоновъ, — это наполеоновская армія. Съ ней Бурбоны рѣшительно не знали что дѣлать: распустить ее значило разнести недовольство по всей Франціи, содержать ее было слишкомъ дорого и опасно. Правительство, не видя выхода, рѣшилось на полумѣру: часть арміи была распущена, болѣе 10.000 офицеровъ получили отставку и около 12.000 были уволены въ запасъ съ половиннымъ содержаніемъ. Все это объяснялось недостаткомъ средствъ, а въ то же время была восстановлена бутафорская королевская гвардія, стоившая 20 милліоновъ въ годъ.

Армія, всегда любимая императора, теперь прямо мечтала о возвращеніи Наполеона.

Всѣ эти неудачныя мѣры, общій реакціонный духъ управленія, восстановленіе католическихъ процессій, проповѣди священниковъ, проклинавшихъ революцію, лишившихъ причастія владѣльцевъ бывшихъ церковныхъ имуществъ, грубость дворянъ, мстившихъ за потерю бывшихъ привилегій, создало вокругъ Бурбоновъ глубоко враждебную атмосферу.

Уже зимой начались первыя вспышки: священникъ отказался хоронить популярную въ Парижѣ актрису Рокуръ. Раздраженная толпа выломала двери въ церкви близъ Тюльери, и король, чтобы успокоить разбушевавшійся народъ, послалъ собственнаго капеллана, чтобы похоронить Рокуръ. Во время траурнаго шествія въ день казни Людовика XVI изъ толпы раздавались крики, какъ въ былыя времена: «на фонарь»!

Въ городахъ Бурбонами были недовольны за ихъ реакціонную политику, въ деревняхъ всегда ихъ не любили, какъ представителей феодально-дворянской партіи. Всю зиму въ народѣ бредили Наполеономъ, его такъ увѣренно ждали къ веснѣ, что называли «père des violettes».

На почвѣ этого общаго сочувствія выросъ цѣлый рядъ военныхъ заговоровъ, но успѣхъ Наполеона, дѣйствительно появившагося во Франціи съ первыми фіалками, былъ не въ нихъ, а въ ненависти и презрѣніи, которыя питала вся страна къ Бурбонамъ, въ жаднѣ былой славы, которой была проникнута армія.

В. Филатовъ.

Проектъ медалл, посвящ. російскимъ войскамъ въ день вступленія ихъ въ Парижъ 1814 г. (Галаховъ).

Прощаніе въ Фонтенебло ¹⁾.

II. Наполеонъ на Эльбѣ.

А. М. Васютинскаго.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачной Эльбою носилась тишина...
Одинъ во тьмѣ ночной надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ. (Пушкинъ. „Нап. на Эльбѣ“).

„Ubicumque felix Napoleon“. („Повсюду счастливый Наполеонъ“. Девизъ Наполеона на Эльбѣ).

3 мая, въ тотъ самый день, когда Людовикъ XVIII торжественно въѣзжалъ въ Парижъ, присталъ и Наполеонъ къ своей новой столицѣ Портоферрайо. Экспансивные островитяне совсѣмъ теряли голову, изыскивая средства для торжественнаго приѣма и приличнаго помѣщенія императора. Но Наполеонъ успѣлъ пріѣхать раньше, чѣмъ медлительные островитяне построили свою триумфальную арку. Иллюминація изъ большихъ и маленькихъ лампочекъ, выставленныхъ въ окнахъ домишекъ, сошла на

¹⁾ „Солдаты, вы мои старые сотоварищи по оружію, которыхъ я постоянно находилъ на пути чести, намъ надо, наконецъ, разстаться. Я могъ бы остаться съ вами еще долѣе, но для этого пришлось бы продолжить тяжелую борьбу, быть-можетъ, къ войнѣ съ чужеземцами прибавить войну междоусобную, и я не могъ рѣшиться еще долѣе терзать Францію. Наслаждайтесь покоемъ, на который вы приобрѣли столь неоспоримое право, и будьте счастливы. Что касается меня, то обо мнѣ не сожалѣйте. У меня есть обязанность, и если я и соглашаюсь жить, то только для того, чтобы выполнить ее, рассказать потомству о томъ великомъ, что мы совершили вмѣстѣ. Я хотѣлъ бы васъ всѣхъ сжать въ своихъ объятіяхъ, но предоставьте мнѣ обнять это знамя, являющееся вашимъ представителемъ“... Ред.

славу, но трудное было впереди: предстояло меблировать ратушу, единственное здание, которое могло приютить Наполеона, а ни добрым словом, ни за деньги нельзя было достать мебели для императора. Кое-как упростили наиболее зажиточных горожан уступить на время лучшую мебель. 4 мая взвился новый императорско-эльбский флаг: три золотых пчелы на белом поле с широкими красными косыми полосами. Пушечный салют с английского военного корабля и порта приветствовали новый штандарт. Масса барок окружили фрегат «Неустрасимый» и при громких «Evviva» и ликовании населения высадился Наполеон на берег своего острова. Мэр поднес ключи города, тщетно старался припомнить хоть одно слово из выученной накануне приветственной речи и был ласково выведен из беды находчивым словом нового владыки. Потом принял Наполеона под балдахин духовенство, и шествие направилось среди толпившагося народа в маленький собор. За императором шли генералы Бертран и Друо, за ними следовали английский и австрийский комиссары, придворные чины нового двора, офицеры английского корабля и прочие чиновники. Все глаза в храм были обращены на колупнопреклоненную фигуру Наполеона. Губы его шевелились, глаза были устремлены в молитвенник. Из собора он двинулся к ратуше, где был поставлен в зал, украшенном картинами и канделябрами, трон, украшенный шелком и золотою бумагой. Здесь ему передали план острова, представили французских чиновников, местных нотаблей и духовных лиц. Все были изумлены, даже несколько испуганы, видя, как много знает император о самом острове и его населении. Затем последовало скромное пиршество, поездка к Лонгоне и только после того удался на покой Наполеон. И долго еще стояли молодые и старые жители острова пред импровизированным дворцом, оглашая воздух криками: «Evviva, Napoleone, il nostro sovrano!»

Уже на следующий день осмотрел Наполеон остров и его укрепление, представился своим подданным во всех уголках своей маленькой империи. Всюду много приветственных криков, незатихающая музыка, самодеятельная иллюминация. И началась новая жизнь. «Я родился и воспитался для работы, не знаю границы труда, всегда работаю», сказал некогда он, и его изумительная энергия нашла себе применение в этой работе полудинаста германской империи, полукнязька феодальной эпохи, полупомещика доброго старого времени в пределах области, для объезда которой и двух дней было много. Прежде всего он организовал свой двор и правительство: здесь был и интендант, и губернатор, и казначей, и гофмаршал — целое министерство. Явился и апелляционный суд и мостовой инспектор, директор государственных имуществ, поставщик, горный директор и комендант столицы — знаменитый впоследствии Камбронн.

Потом была организована армия. Из местных гарнизонных солдат составилась так называемый корсиканский батальон в 400 человек. Эльбские милиционеры образовали 2-й батальон — островной. Скоро прибыли вѣрные гвардейцы, которые составили «наполеоновский» батальон (607 чел.). Из поляков, мамелюков и гвардейских егерей составилась маленькая кавалерия (22 чел.) и артиллерия (96 ч.). Так получилась армия силой

въ 1600 ч. вопреки договору въ Фонтенебло, разръшившему лишь 400 ч. Ньскольکو бригавъ и фелюгъ образовали военный флотъ съ 129 чел. экипажа.

Можно ли было думать, послѣ этого, что «островъ этотъ будетъ островомъ покоя», какъ говорилъ Наполеонъ! И онъ скоро развиваетъ неутомимую и всестороннюю дѣятельность. Повсюду возникаютъ императорскіе дворцы. Губернаторскій домъ *la palazzetta dei Mulini*, былъ надстроенъ и отремонтированъ, театрикъ справа превратился въ судебную палату, кругомъ разбитъ былъ великолѣпный садъ. Тамъ часто прогуливался императоръ, отсюда не разъ смотрѣлъ онъ въ зрительную трубу на близкій берегъ Тосканы, быстрыми шагами ходилъ по дорожкѣ, смотря на мирно волнующееся море. Въ этомъ дворцѣ онъ поставилъ свою библіотеку военныхъ писателей и классиковъ, Мониторъ etc. — до 1.000 томовъ. Въ Порто-Лонгоне онъ превратилъ въ дворецъ домъ коменданта, а недалеко отъ Портоферрайо на зеленомъ горномъ откосѣ выстроенъ былъ увеселительный замокъ Санъ-Мартино—эльбскій Сенъ-Клу — въ соответствии эльбскому Тюильри — «*palazzeta*». Въ дикой гористой мѣстности на западѣ острова поднялся чистенькій домикъ, изъ котораго открывался видъ на широкую голубую гладь къ Тосканѣ и Корсикѣ. Омеблировали очень просто — по-наполеоновски: перевезли мебель Элизы Бонапартъ изъ Піомбино и захватили мебель, принадлежавшую принцу Боргезе, съ случайно зашедшаго корабля. «Все равно вѣдь: она останется въ семьѣ», говорилъ смѣясь экспроприаторъ. Все шире развертывались его планы. Онъ организовалъ заново таможню, податную систему, расширилъ военный госпиталь, устроилъ театръ, обновилъ укрѣпленія, перестроилъ казармы, сажилъ виноградъ, разводилъ шелковичныхъ червей, замостилъ Портоферрайо, разбилъ въ немъ бульвары.

Прощай, Франція! (Гуйлонъ).

Золотой вѣкъ насталь для Эльбы... Всюду исправлялись, расширялись дороги, проводились новыя. Наполеонъ съ неизбѣжной табакеркой въ рукѣ въ знаменитомъ сюртукѣ и треуголкѣ—самъ понукаетъ своихъ вѣрныхъ «ворчуновъ», которые не могли ни въ чемъ отказать императору, заглушая ихъ возможно щедро раздаваемыми золотыми.

«Allons nos braves c'est bon!
Voilà pour boire quelques Napoleons!»

Онъ мечталь завести образцовое хлѣбопашество (до сихъ поръ хлѣбъ былъ привозной), осушилъ большую равнину на югѣ и засѣялъ пшеницей, увѣряя всѣхъ, что черезъ два года будетъ получать прекрасный урожай, старался облѣсить островъ, улучшить производство оливокъ, развить рыболовство, использовать мраморныя ломки и солеварни...

Не даромъ англійскій комиссаръ Кампбелль называлъ его *perpetuum mobile*. «Ему положительно хочется измучить всѣхъ,—пишетъ онъ.—Вчера послѣ прогулки пышкомъ на солнцепекѣ съ 5 утра до 3 пополудни, по-

Домъ Наполеона на Эльбѣ.

сѣтивши, кромѣ того, фрегаты и транспорты, онъ еще ѣздилъ верхомъ 3 часа—«чтобы прогнать усталость», какъ онъ мнѣ говорилъ... Императоръ забылъ о томъ, что обѣщаль своимъ гренадерамъ въ Фонтенебло «описать ихъ совмѣстные великіе подвиги»; онъ человѣкъ дѣла и за недостаткомъ настоящаго приказываетъ, ходитъ, ѣздитъ, строитъ, наблюдаетъ, роетъ»...

Теперь онъ имѣетъ армію, флотъ, государственныя земли. Онъ занимается детальнымъ устройствомъ своего двора, ибо онъ, «На-

полеонъ, императоръ и суверенъ острова Эльбы», какъ говорится въ официальныхъ указахъ. Къ оберъ-гофмаршалу прикомандировываетъ онъ двухъ гофъ-фурьеровъ, четырехъ камергеровъ и шесть туземныхъ ординарцевъ. Устраиваются придворныя пріемы, на которыхъ, не чуя ногъ подъ собой отъ радости, присутствуютъ жены и дочери зажиточныхъ гражданъ—иногда шокируя своими туалетами, манерами и разговорами чопорнаго англійскаго комиссара. Императоръ до тонкости вырабатываетъ регламентъ этихъ пріемовъ. 2 августа пріѣзжаетъ мать императора, а вслѣдъ за ней чрезъ 2 мѣсяца любимая сестра, Полина Боргезе, «новая Венера». Теперь началась правильная придворная жизнь.

Организовалась придворная любительская труппа; участились балы и банкеты. Еще раньше блестяще со всей помпой было отпраздновано тезоименитство императора: торжественное богослуженіе, парадный обѣдъ, лошадиныя скачки, фейерверкъ.

Естественнымъ образомъ, толпы любопытныхъ туристовъ, главнымъ образомъ, англичанъ, ринулись на Эльбу, посмотреть, какъ живетъ раз-

вѣнчаннѣйшій повелитель. 1.200 кораблей пристало, говорятъ, за его 10-мѣсячное правленіе къ острову Эльбъ, и среди любопытныхъ иностранцевъ было 600 англичанъ. Являлись кавалеры и дамы всѣхъ сословій: предприимчивые спекулянты, наивные искатели, открытые почитатели и тайные шпіоны. Съ особеннымъ вниманіемъ встрѣчалъ императоръ своихъ британскихъ гостей; послѣдніе тоже не скрывали своего восхищенія, покупали обязательно его бюсты и портреты. Наполеонъ ихъ приглашалъ къ обѣду, расхваливалъ британскую конституцію и не отказывался посѣщать англійскій фрегатъ въ торжественные дни. Кэмпбелль, комиссаръ англійскій, былъ однимъ изъ лицъ, имѣвшихъ постоянный доступъ къ императору, который настойчиво выражалъ желаніе удержать его на Эльбѣ. Особенно изумило императора появленіе тунисскаго корабля въ Порто - Лонгоне. Капитанъ корабля, очевидно, тайный пиратъ, высадился на берегъ и спросилъ: «правда ли, что земной богъ здѣсь, на островѣ». Затѣмъ купилъ эльбскій флагъ и салютовалъ ему изъ всѣхъ своихъ пушекъ. Вернувшись снова, онъ просилъ позволенія преклонить свою главу предъ «великимъ земнымъ богомъ». Довольный этимъ «магометанскимъ преклоненіемъ» Наполеонъ пріѣхалъ со свитой въ Порто-Лонгоне и сдѣлалъ рукой привѣтственный жестъ варварійцу. Тотъ бросился ницъ,

Раненый Орелъ. (Жеромъ).

скрестивши руки, и говорилъ потомъ: «Глазъ его сверкалъ, подобно кристаллу». Наивный африканецъ спрашивалъ окружающихъ, почему французы измѣнили своему земному богу, и выразилъ твердое убѣжденіе, что въ этомъ виновны не малые, а «великіе» міра сего... Послѣ этого императоръ былъ покоенъ касательно опасности, угрожавшей отъ пиратовъ. Всѣ торговые корабли изъ Генуи, Ливорно, Чивита Веккіо пожелали теперь, къ большому удовольствію императора, плавать подъ эльбскимъ флагомъ. Наполеонъ мечталъ даже создать большой флотъ подъ своимъ флагомъ, но суровая дѣйствительность скоро заявила о себѣ.

Въ то время какъ эльбанцы были довольны новой эрой, Наполеона стали посещать снова тревоги и заботы. Тѣнью слѣдовалъ за нимъ полковникъ Кэмпбелль, незримиы тѣнями крались шпіоны французскаго консула въ Ливорно, Маріотти, который зорко слѣдилъ за императоромъ и подробно доносилъ обо всемъ въ Парижъ. Наполеонъ старался придать себѣ видъ беззаботнаго, довольнаго своей судьбой человека, который хочетъ заниматься мирнымъ трудомъ и осчастливить свой маленькій народъ. Не даромъ онъ велѣлъ вырѣзать въ египетской комнатѣ своего домика въ Санъ-Мартино слова: «Наполеонъ счастливъ всюду»; онъ хотѣлъ увѣрить себя въ томъ, что патріархальное владычество надъ крошечнымъ государствомъ рыбаковъ и мелкихъ торговцевъ принесетъ ему покой и счастье: неоднократно дурачился, подшучивалъ надъ своими придворными, особенно надъ тѣми, кто отличался важностью и чинностью, игралъ въ веревочку съ эльбскими дамами. Слухи объ этихъ дурачествахъ дошли въ преувеличенномъ видѣ до Парижа и Лондона. Враги Наполеона съ радостью заключили, что бывший грозный воитель попадаетъ въ дѣтство, и нѣсколько насмѣшливыхъ романсовъ было сочинено по этому случаю для высокородныхъ пѣвцовъ.

«На Эльбу онъ уѣхалъ,
Тамъ править сиротливо,
Хоть не имѣетъ денегъ,
Но мнить себя монархомъ.

На Эльбу онъ уѣхалъ,
Царить надъ рыбаками,
Ужъ очень возгордился,
Что тамъ монархъ великій» ¹⁾.

Онъ самъ добродушно смѣялся надъ карикатурой, которая представляла его рыбакомъ, вооруженнымъ огромнѣйшей острогой для ловли тунцовъ, и говорилъ: «Дураки думаютъ, что мнѣ здѣсь дѣлать нечего»... Но «дураки», повидимому, были правы, и скоро онъ самъ это почувствовалъ — въѣдъ ему было всего еще 45 лѣтъ...

Въ первые мѣсяцы Наполеонъ надѣялся на скорый пріѣздъ жены и сына. Онъ думалъ, что Марія-Луиза будетъ наѣзжать къ нему изъ своей Пармы, отведенной ей государями-союзниками. Для нея были приготовлены особыя комнаты въ палацеттѣ. Но пріѣхала не Марія-Луиза, а прежняя любовь императора Марія Валевская съ сыномъ. Изящный, вкрадчивый офицеръ въ красивомъ венгерскомъ гусарскомъ мундирѣ Нейшпергъ, внимательный кавалеръ и превосходный музыкантъ, вскорѣ настолько утѣшилъ неутѣшно плакавшую императрицу, которая любила музыку до самозабвенія. что она даже стала бояться близкаго сосѣдства съ бывшимъ супругомъ. А императоръ часто горько жаловался на вмышательство вѣнскаго двора въ его семейную жизнь, долго не терялъ надежды увидѣть жену и сына и еще 28 декабря писалъ объ этомъ. Скоро оскорбленный мужъ и отецъ увидѣлъ, что и его обсчитали. Согласно договору въ Фонтенблѣ онъ долженъ былъ получать 2 милліона франковъ ренты, но ее вовсе не торопились выплачивать и въ отвѣтъ на настоятельныя представленія императора Александра I и Кестльри Талейранъ съ апломбомъ дипломата заявилъ, что въ виду итальянскихъ волненій опасно давать деньги особѣ, способной на всякія интриги. Такимъ образомъ Наполеону предо-

¹⁾ Изъ сборника Armand Dayot.

ставлено было жить на доходъ съ Эльбы и остатки бывшихъ личныхъ сбереженій. Расходы на управленіе Эльбой поглощали почти половину доходовъ, такъ что оставалось всего 300.000 фр. Несмотря на введеніе прямого налога, непріятно удивившаго эльбанцевъ послѣ первыхъ пріятныхъ впечатлѣній, страна не могла дать больше. Это видно было изъ того, что новый налогъ вызвалъ даже возмущеніе въ маленькой деревушкѣ Каполивери. Суровые горцы кричали: «Кто этотъ Наполеонъ, который даетъ намъ указы, откуда онъ явился?» Прибѣгали къ военному постою и непокорные смирились... На содержаніе двора, армійки и флотика нужно было тратить не меньше 1.500.000 — 1.600.000 фр. Такимъ образомъ

Освобожденіе Европы: „Аполлонъ, богъ свѣта, поразивъ чудовищнаго гиганта, вручаетъ Европѣ жезлъ мира“. (Теребеневъ).

приходилось изъ личныхъ средствъ ежегодно доплачивать 1.200.000 фр. Между тѣмъ у Наполеона оставалось всего около 2.800.000 фр. Такое положеніе продолжаться далѣе не могло. Сперва Наполеонъ попробовалъ сократить расходы, экономить, уменьшая численность своей арміи, сокращая жалованіе офицеровъ, и даже число лошадей своей конюшни... но онъ былъ плохой экономъ. Вотъ почему онъ часто въ шутку говаривалъ матери, обыгрывая ее въ карты: «Вы богаты, вамъ можно проигрывать, а я бѣденъ, я долженъ выигрывать». Уже изъ донесеній шпіоновъ ясно было, что Наполеонъ останется на островъ до тѣхъ поръ, пока не изсякнутъ его денежные средства, но правительство Людовика XVIII не обращало на это вниманія, преслѣдуя опредѣленную цѣль. Еще въ Вѣнѣ сговаривались Талейранъ съ Кестльри упрятать Наполеона на какой-нибудь океанскій островокъ. Первый даже въ октябрѣ 1814 г. предложилъ

на Вѣнскомъ конгрессѣ отправить низложеннаго императора куда-нибудь за 500 льё въ Атлантическій океанъ, предполагая Азорскіе острова. Императоръ Александръ не согласился, и изворотливый Талейранъ ждалъ лишь конца конгресса, чтобы нечаяннымъ нападеніемъ испанскаго флота или пиратской экспедиціей алжирскаго бея исторгнуть «опаснаго сосѣда». Онъ собирался для этого дѣла подкупить адмирала наполеоновскаго флота Тальяда.

Въ Римѣ фанатики-монахи говорили о желательномъ убійствѣ нечестиваго оскорбителя святѣйшаго отца. Наконецъ старый шуанъ Брюсларъ, новый губернаторъ Корсики, подсылалъ однажды корсиканскихъ «bravi», но неудачно. Наполеонъ хорошо зналъ отъ своихъ благопріятелей, родственниковъ и изъ газетъ объ этихъ козняхъ и часто съ раздраженіемъ говорилъ объ этомъ полковнику Кэмпбеллю. Одно время островъ былъ приведенъ въ осадное положеніе вслѣдствіе подозрительнаго плаванія въ эльбскихъ водахъ трехъ французскихъ военныхъ фрегатовъ и за всѣми эмигрантами былъ установленъ строгій надзоръ. Но если враги Наполеона провоцировали его, то друзья вольные или невольные дѣлали то же самое.

Въ маѣ 1814 года въ Туринѣ тайно собрались патріоты изъ Пьемонта, Генуи, Папской области, Корсики и обѣихъ Сицилій, одушевленные мыслью объ единой и свободной Италіи. Значительная часть ихъ хотѣла основать наследственную конституціонную монархію и во главѣ ея поставить Наполеона, какъ *Imperatore dei Romani e re d'Italia per grazia di Dio e per la volontà del popolo*. (Императоръ Римскій и король Италіи милостію Божьею и волею народа). Генуэзскіе банкиры открывали кредитъ въ 12 милліоновъ и въ случаѣ удачи обѣщали дать больше. Заговорщики рассчитывали на войну между Мюратомъ и Людовикомъ XVIII, въ которой Наполеонъ долженъ былъ явиться рѣшителемъ судебъ Италіи.

Горячій пламенный адресъ туринскихъ заговорщиковъ, содержащій страстныя слова: «Да будетъ цезарь великъ, но пусть Римъ будетъ свободенъ!» былъ принятъ одобрительно эльбскимъ изгнанникомъ, и приложенный къ нему планъ государственнаго устройства новой Италіи былъ имъ лишь слегка скорректированъ. Въ то же время Наполеонъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Мюратомъ, который имѣлъ свои причины быть недовольнымъ на союзныхъ государей. Онъ хорошо былъ осведомленъ о расколѣ среди державъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, о недовольствѣ Людовикомъ XVIII, о томъ, что недавніе союзники готовы перессориться и вступить другъ съ другомъ въ бой. Уже въ 1814 году стали у него срываться загадочныя словечки: «Потерпите... Проживемъ зиму какъ-нибудь и придумаемъ провести весну инымъ способомъ»...

Но въ 1815 году онъ, повидимому, замолкъ, успокоился и никому ничего не говорилъ о своихъ планахъ, какъ о томъ радостно сообщали шпіоны. Но то лишь было затишье передъ грозой. 12 или 13 февраля въ глубокой тайнѣ, переодѣтый матросомъ бывшій супрефектъ Наполеона Флѣри-де-Шабулонъ, искренно преданный прежнему императору, переправился на Эльбу, чтобы рассказать ему подробно о положеніи дѣлъ во Франціи. Онъ рассказалъ Наполеону объ открытомъ военномъ заговорѣ и о желаніи заговорщиковъ установить регентство. Докладъ Флѣри положилъ конецъ колебаніямъ императора, но онъ остерегся открыть свои

планы. Тотчасъ послѣ отъѣзда Флѣри императоръ сталъ исподволь готовиться къ экспедиціи: велѣлъ снаряжать корабли, упаковывать золотую казну. Сперва лишь одному вѣрному Друо открылся Наполеонъ, но и у него не встрѣтилъ сочувствія и вѣры въ успѣхъ авантюры. Позже Наполеонъ сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ матери, и та послѣ короткаго раздумья горячо одобрила его планъ. Полковникъ Кэмпбелль межъ тѣмъ совершенно спокойно еще 16-го уѣхалъ въ Неаполь, и Наполеонъ могъ безпрепятственно мобилизовать свои силы. Англійскій военный фрегатъ, неожиданно ставшій на рейдъ 23-го, чуть было не помѣшалъ всему дѣлу, но, къ счастью, онъ скоро снялся съ якоря и ушелъ за Кэмпбеллемъ. Надо было спѣшить. Сейчасъ же островъ былъ объявленъ на военномъ положеніи и ускорены приготовленія къ отъѣзду.

Всюду шелъ одинъ разговоръ о предстоящемъ отъѣздѣ: жители были опечалены, особенно торговцы, не рассчитывавшіе получить долги съ кредитовавшихся у нихъ офицеровъ.

Императоръ сочинилъ и велѣлъ напечатать три энергичныхъ прокламаціи съ воззваніемъ къ французскому народу и арміи. 26-го

Отъѣздъ къ арміи: „я разобью моихъ враговъ“
(совр. карик.).

послѣ обѣда Наполеонъ дѣлаетъ послѣднее распоряженіе, учреждаетъ временное правительство и, нѣжно простившись съ матерью и сестрой, выпѣзжаетъ въ гавань. На немъ треугольная шляпа и стѣрый походный сюртукъ—онъ въ полной походной формѣ. Послѣдній разъ городъ блистаетъ огнями иллюминаціи, послѣдній разъ императоръ слышитъ на Эльбѣ тысячеголосый крикъ: «Viva l'empereur! Evviva Napoleone!»

Маленькая флотилія изъ 5 небольшихъ суденышекъ и двухъ большихъ фелюгъ медленно уплываетъ, гонимая легкимъ попутнымъ вѣтромъ при яркомъ лунномъ свѣтѣ, озаряющемъ тихое, спокойное море.

Между тѣмъ полковникъ Кэмпбелль, получившій тревожныя извѣстія, спѣшилъ вернуться и спѣлъ на корабль 26-го въ 8 часовъ, какъ разъ въ часъ отъѣзда Наполеона; но задержанный штилемъ и разубѣжденный успокоительными завѣреніями капитана онъ лишь 28-го достигъ Эльбы. Узнавъ о побѣгѣ Наполеона, онъ немедленно сообщилъ губернатору Ливорно, а самъ попытался нагнать флотикъ императора. Но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ сами жители не могли указать точно, куда направился Наполеонъ: къ берегамъ Франціи или Италіи? Къ вечеру 1 марта маленькая армія высадилась въ заливѣ Жуанъ близъ Каннъ.

Антрактъ кончился... Снова поднялся завѣсъ и началось послѣднее дѣйствіе великой исторической трагедіи...

А. Васютинскій.

Возвращение Наполеона съ Эльбы. (Белланже).

III. Сто дней.

1. Возвращение Наполеона.

Проф. Е. В. Тарле.

Последній эпизодъ наполеоновской эпопеи составляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ ея страницъ. Завоеваніе государства однимъ человѣкомъ, высаживающимся на берегъ съ нѣсколькими спутниками, завоеваніе безъ выстрѣла, безъ пролитія капли крови навсегда осталось въ памяти исторіи какъ такое событіе, которое, быть-можетъ, больше всѣхъ, непосредственно ему предшествующихъ, отличается почти сказочнымъ характеромъ. Но уже съ 1820 года, со времени выхода въ свѣтъ записокъ Бенжамена Констанъ «Mémoires sur les Cent-jours» начинаются попытки разобраться въ причинахъ этого изумительнаго событія, понять его истинный характеръ и взвѣсить его послѣдствія. Въ настоящей книгѣ, посвященной, главнымъ образомъ, войнамъ Наполеона съ Россіей, неумѣстно было бы распространяться сколько-нибудь подробно о восстановленіи и вторичной окончательной гибели имперіи, противъ которой, на этотъ разъ, русскимъ войскамъ не суждено было даже начать дѣйствовать. Но безъ сжатаго хотя бы разсказа о ста дняхъ нельзя обойтись тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ эпопеѣ имперіи.

Уже черезъ мѣсяцъ послѣ отреченія Наполеона, въ Тулонъ были расклеены (въ маѣ 1814 г.) афиши съ такими двумя фразами: «Vive le

Roi pour trois jours! Vive Bonaparte pour toujours!» Эти два восклицанія хорошо передавали настроеніе, все сильнѣе овладѣвавшее весьма значительными слоями населенія въ теченіе лѣта и осени 1814 и зимы 1814—1815 гг. Притомъ—первая фраза еще болѣе соотвѣтствовала этому настроенію, нежели вторая—дѣло было не столько даже въ любви къ Наполеону или ненависти къ Бурбонамъ, сколько въ неувѣренности относительно завтрашняго дня и въ безпокойствѣ, которое болѣе всего поддерживалось дѣйствіями новаго правительства и слухами о намѣреніяхъ новаго двора. Въ чемъ было дѣло? «Всякій разъ, когда мы видимъ взволнованный народъ, мы можемъ, даже еще не зная его жалобъ, смѣло заключить, что не онъ правъ, но что его правительство виновато», сказалъ Бенжаменъ Констанъ въ только что помянутыхъ мною мемуарахъ. Бурбоновъ въ 1815 году погубила «измѣна» крестьянъ и арміи; это было главное, все остальное—второстепенное. Посмотримъ, каковы были ея причины. Что касается крестьянства, то, можно сказать, его политическая роль окончилась еще въ 1793 году, когда окончательно завершилась начавшаяся 4 августа 1789 г. ликвидація феодальныхъ отношеній и пережитковъ. Съ этихъ поръ крестьянство въ своей массѣ перестаетъ интересоваться политическими пертурбаціями, которыя переживаетъ Франція; оно равнодушно смотритъ и на диктатуру Робеспьера, и на его казнь, и на все, что дѣлаетъ директорія, и на установленіе военнаго абсолютизма. Вплоть до того времени, когда неожиданно на очередь дня стала кандидатура Бурбоновъ, крестьяне равнодушно, покорно и терпѣливо подчинялись всякой центральной власти. Но реставрація впервые поставила предъ крестьянствомъ два грозныхъ вопроса: 1) не будутъ ли частично хотя бы восстановлены нѣкоторыя феодальныя повинности, и 2) не будутъ ли отняты у крестьянъ тѣ земли, которыя были въ эпоху революціи куплены ими или ихъ отцами съ публичнаго торга, когда распродавались земельныя имущества эмигрантовъ? Первый вопросъ, правда, тревожилъ лишь очень ужъ подозрительные и въ умственномъ отношеніи темные элементы крестьянства, ибо непосредственное чувство реальности подсказывало, что бояться восстановленія дореволюціонныхъ порядковъ именно въ этой области—нечего. Но зато опасеніе насчетъ конфискаціи пріобрѣтенныхъ эмигрантскихъ земель—было очень живымъ, острымъ и распространеннымъ. Обѣщаніе новаго правительства не трогать этихъ земель, утвердить ихъ за новыми собственниками, не могло разсѣять тревожныхъ слуховъ, проникавшихъ въ деревню и здѣсь принимавшихъ фантастическіе размѣры. Необдуманная, вызывающія рѣчи брата короля Карла Артуа и его ближайшихъ друзей и сторонниковъ могли также способствовать упроченію этихъ слуховъ. Наполеонъ въ глазахъ крестьянства былъ законодателемъ, упрочившимъ за ними всѣ революціонныя пріобрѣтенія; Бурбоны являлись династіей, которая по своему происхожденію, по своимъ традиціямъ обязана была считаться съ претензіями аристократовъ, эмигрантовъ, вернувшихся вмѣстѣ съ нею. При этихъ обстоятельствахъ, малѣйшаго повода, проявленія заносчивости со стороны вернушагося дворянина, выигранной дворяниномъ-помѣщикомъ судебной тяжбы у крестьянина,—всего этого было достаточно, чтобы всполошить всю округу темными вѣстями объ отнятіи

земель. Наполеонъ забиралъ молодежь безчисленными наборами, деревня много ему должна была отдавать и деньгами и кровью—но зато при немъ чувствовалась прочная увѣренность въ будущемъ, крѣпкая защита существующей собственности.

Почему армія была глухо настроена противъ Бурбоновъ съ самаго того дня, какъ Наполеонъ въ Фонтенебло подписалъ свое отреченіе,—много пояснять не приходится: Наполеонъ былъ для офицерскаго корпуса, для унтеръ-офицеровъ, для старослуживыхъ солдатъ въ теченіе всего своего царствованія олицетвореніемъ побѣдоноснаго отечества; Бурбоны — самымъ своимъ пребываніемъ на тронѣ напоминали о побѣдоносномъ непріятель. На престижъ Наполеона ничуть не отразились неудачи 1812—1814 гг., именно армія больше всего могла оцѣнить неукротимую энергію и огромные таланты, которые понадобились ея вождю въ неравной борьбѣ послѣднихъ лѣтъ. Прощаніе съ гвардіей въ Фонтенебло сдѣлалось легендой въ казармѣ задолго до того, какъ оно начало становиться легендою народною. Подавляющее обаяніе человека, котораго солдаты съ этого времени называли «тотъ, другой» («l'autre»), не уменьшилось, а увеличилось, когда онъ уѣхалъ на Эльбу. Армія почти не скрывала своихъ чувствъ; въ присутствіи герцога Беррійскаго, племянника короля, кричали: «Vive l'empereur!» Въ цѣломъ рядѣ городовъ въ день именинъ Наполеона (15 августа 1814 года) солдаты въ казармахъ самовольно устраиваютъ торжественное чествованіе изгнанника. «Онъ былъ императоромъ, и онъ будетъ императоромъ!» Эти прокламаціи исходятъ изъ разныхъ круговъ, но больше всего отклика находятъ именно въ арміи. «Нашъ отецъ», «нашъ Богъ» — вотъ выраженія, въ которыхъ солдаты и значительная и самая вліятельная часть офицерства говорила о Наполеонѣ въ 1814 году.

Людовикъ XVIII хорошо зналъ объ этомъ опасномъ настроеніи арміи; знали о немъ и Карлъ Артуа и руководящіе дѣятели новаго двора. Они въ сущности были, даже при всемъ добромъ желаніи, безсильны немедленно и круто измѣнить это настроеніе арміи въ свою пользу; но то, что они сдѣлали, немедленно и круто ухудшило для нихъ положеніе вещей. Правительство реставраціи, не любившее арміи, боявшееся ея и, въ самомъ дѣлѣ, приведенное къ необходимости соблюдать строжайшую экономію въ государственныхъ расходахъ, начало эту экономію именно съ арміи. Уже 12 мая 1814 года былъ изданъ ордонансъ, уничтожавшій 99 пѣхотныхъ полковъ (изъ 206), 38 — кавалерійскихъ (изъ 99), 155 артиллерійскихъ ротъ (изъ 339), 30 саперныхъ ротъ (изъ 60), и тогда же всѣ офицеры, имѣвшіе право по тѣмъ или инымъ причинамъ на чистую отставку, были уволены въ отставку помимо ихъ желанія, а тѣ офицеры, которые еще не имѣли правъ на чистую отставку, но оказывались не у дѣлѣ, благодаря уменьшенію арміи, — были переведены на половинное жалованіе. Ихъ насчитывалось, по самому умѣренному счету, свыше одиннадцати тысячъ человекъ, и нищенскаго жалованія, имъ оставленнаго, для большинства было недостаточно даже для предохраненія отъ голода. Новое начальство тѣснило и тѣхъ счастливицевъ изъ наполеоновскихъ ветерановъ, которые успѣли на службу; оно не прочь было замѣнить ихъ эмигрантами и сыновьями

эмигрантовъ на руководящихъ и начальствующихъ постахъ и, вообще, въ офицерскомъ корпусѣ. Но эти новые офицеры не имѣли никакого нравственнаго авторитета въ глазахъ солдатъ, которые глядѣли на нихъ угрюмо и съ насмѣшкою; положеніе ихъ среди товарищей—оставшихся наполеоновскихъ офицеровъ—тоже было ложное. Между тѣмъ офицеры, отставленные въ чистую или уволенные съ переводомъ на половинное жалованіе, отнюдь не теряли связей ни съ уцѣлѣвшими на дѣйствительной службѣ боевыми товарищами-офицерами, ни съ солдатами, и нищенское положеніе, въ которомъ прозябали пожилые и старые люди, израненные въ бояхъ, было вѣчною темою для разговоровъ въ казармѣ. —Безпокойство крестьянъ, недовольство, раздраженіе въ арміи—таковы были главные моменты, подготовившіе возстановленіе имперіи. Труднѣе было бы опредѣлить вполне точно настроеніе буржуазіи. Утомленіе и разореніе отъ безчисленныхъ войнъ были велики; желѣзный деспотизмъ императора тоже тяготилъ въ послѣдніе годы имперіи больше, чѣмъ въ первыя времена наполеоновскаго владычества; хартія, октроированная Людовикомъ XVIII въ 1814 году, превращала Францію изъ военной деспотіи въ конституціонное государство, и при томъ конституція эта такъ хорошо пришлась по плечу руководящимъ слоямъ буржуазіи, что продержалась, съ незначительными въ принципиальномъ смыслѣ измѣненіями, не до 1830, а до 1848 года. Все это было

Бенжаменъ Констанъ.

такъ, и, конечно, буржуазія въ своей массѣ была настроена по отношенію къ Бурбонамъ не такъ подозрительно, какъ крестьянство цѣлаго ряда департаментовъ, и не такъ откровенно-враждебно, какъ армія. Но и тутъ реставрація съ первыхъ шаговъ своихъ допустила нѣсколько трудно поправимыхъ безтактностей. Во-первыхъ, она именно въ эти первые свои мѣсяцы какъ будто нарочно подчеркивала дворянскій и клерикальный свой характеръ, и не столько въ центрѣ, сколько на мѣстахъ; во-вторыхъ, никто и не думалъ скрывать при дворѣ, что и королевскій братъ, и его родственники (напр., герцогиня Ангулемская), и многіе приближенные—смотрятъ на хартію, какъ на ошибку стараго и робкаго короля, какъ на измѣну принципамъ дома Бурбоновъ, и притомъ какъ на такую ошибку, которая содѣяна однимъ монархомъ, отвѣт-

ственнымъ предъ Богомъ, и можетъ столь же легко быть исправлена другимъ монархомъ, тоже отвѣтственнымъ предъ однимъ лишь Богомъ; тутъ была тоже неуверенность въ завтрашнемъ днѣ, неуверенность въ длительности конституціи. Отъ буржуазіи 1814—1815 гг. нельзя было ждать, что она возьметъ на себя инициативу возстановленія Наполеона, нельзя было даже ждать, что она съ особою радостью будетъ его привѣтствовать, но нельзя было и надѣяться, что она встанетъ грудью на защиту династіи Бурбоновъ, если Бурбонамъ будетъ грозить серьезная опасность. — На аристократію, особенно на эмигрантовъ, династія могла рассчитывать, но численно группа эта не имѣла никакого значенія, а вліяніе ея на другіе слои населенія было чисто-мѣстнымъ, случайнымъ и сказаться въ рѣшительный моментъ сколько-нибудь существенно не могло.

Таковы были дѣла французскія въ 1814—1815 гг. Волшебная эпоха славы, только что окончившаяся, завершилась тѣмъ, что наполеоновское наслѣдство дѣлили на Вѣнскомъ конгрессѣ, и что, можетъ-быть, самый крѣпкій оплотъ свой реставрированная династія видѣла не внутри, а внѣ страны, не во Франціи, а въ Вѣнѣ.

На Вѣнскомъ конгрессѣ послу Людовика XVIII Талейрану удалось обойти самое трудное препятствіе. 3 января 1815 года былъ заключенъ тайный договоръ между Англіей, Австріей и Франціей, съ цѣлью воспрепятствовать дальнѣйшему усиленію Россіи и Пруссіи. Прежнее изолированное положеніе Франціи окончилось. Главное же, на Вѣнскомъ конгрессѣ окончательно выяснилось, что Бурбоны нужны Европѣ, и что она ихъ поддержитъ.

Такъ обстояли дѣла, когда примчавшійся въ Парижъ 5 марта (1815 г.) курьеръ изъ Ліона привезъ Людовику XVIII сообщеніе, что Наполеонъ высадился на югъ Франціи. Король повѣрилъ извѣстію, но отнесся къ нему очень спокойно; королевскій братъ Карлъ счелъ новость вздоромъ, не повѣрили ей и другіе. Но со всѣхъ сторонъ, черезъ 2—3—4 часа послѣ перваго извѣстія, стали сыпаться другія, подтверждавшія, передававшія детали, которыя свидѣтельствовали о правдѣ; къ вечеру сомнѣнія исчезли. Неправдоподобное извѣстіе оказывалось безспорнымъ фактомъ: Наполеонъ высадился на югъ и идетъ на Парижъ, провозглашая себя императоромъ.

Когда въ первый разъ зародилась у Наполеона мысль покинуть островъ Эльбу? Пришла ли она ему въ голову съ того самаго дня, 4 мая 1814 года, когда онъ прибылъ впервые на островъ, или въ декабрь 1814 года, когда онъ произнесъ предъ однимъ изъ своихъ гренадеръ: «Это не всегда будетъ продолжаться!» Или только въ февраль 1815 года, когда онъ впервые открылъ свой планъ другому лицу? Объ этомъ можно только гадать ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ 24 февраля близкій отъѣздъ Наполеона уже не составляетъ секрета на Эльбѣ. Высшіе сановники острова являются къ своему императору и выражаютъ ему свои пожеланія, 25-го уже все населеніе города Портоферрайо знало объ этомъ. Населеніе было очень огорчено отъѣздомъ Наполеона: его царствованіе на маленькомъ островѣ

¹⁾ См. статью „Наполеонъ на Эльбѣ“.

льстило самолюбію жителей, его организаторская дѣятельность оказывалась очень выгодной и полезной для о. Эльбы. Печальны были и его близкіе. Его мать Летиція горько рыдала, прощаясь съ нимъ. Самъ онъ казался совершенно спокоенъ.

Пять небольшихъ суденышекъ („l'Inconstant“, „la Caroline“, „le Saint-Esprit“, „l'Etoile“ и „le Saint-Joseph“) и двѣ большія лодки были нагружены припасами; на нихъ было посажено около 1.100 человекъ,— почти вся императорская армія, какая была на Эльбѣ (больше 600 старыхъ гренадеръ, послѣдовавшихъ за императоромъ на Эльбу, нѣсколько меньше 400 чел. корсиканскихъ стрѣлковъ, 118 польскихъ кавалеристовъ). Маленькая флотилія ночью 26 февраля снялась съ якоря и двинулась во Францію.

Едва лишь выйдя изъ Портоферрайо, флотилія чуть не натолкнулась на королевскій французскій фрегатъ «Зефиръ», и Наполеонъ велѣлъ уже готовиться къ бою; но фрегатъ не задержалъ ихъ¹⁾, и суда Наполеона прослѣдовали дальше. Настроеніе среди солдатъ во время переезда царило веселое; самъ Наполеонъ шутилъ и ободрялъ нѣкоторыхъ пріунывшихъ и обезпеченныхъ своихъ спутниковъ. «Никакой историческій примѣръ не можетъ побудить меня произвести эту попытку», признавался онъ въ разговоръ съ однимъ спутникомъ во время переезда, но тутъ же прибавлялъ, что онъ учелъ «удивленіе населенія», раздраженіе противъ Бурбоновъ, «увлеченіе умовъ, внезапно пораженныхъ смѣлостью предпріятія». Запершись въ каютѣ, онъ написалъ два воззванія— одно къ народу, другое—къ арміи; оба были продиктованы всѣмъ умѣвшимъ писать.

1 марта, въ часъ дня, флотилія вошла въ заливъ Жуана и тотчасъ же началась высадка. Нѣсколько человекъ отправилось къ мысу Антибу, но были обезоружены отрядомъ Кюнео д'Орнано. Наполеонъ высадился со всею своею арміею и, посылая впередъ генерала Камбронна съ приказомъ прервать всѣ почтовые сообщенія города Канна, сказалъ ему: «Не дѣлайте ни одного выстрѣла. Помните, что я хочу взять обратно свою корону, не проливши ни капли крови!»

Возвращеніе съ острова Эльбы. (Совр. аллегорія).

¹⁾ Между капитанами произошелъ коротенькій разговоръ. „Какъ поживаетъ великій человекъ?“ насмѣшливо крикнулъ командиръ французскаго судна, увидя на встрѣчномъ пароходѣ эльбскій флагъ. „Превосходно“, въ тонъ ему отвѣчали съ судна, которое везло Наполеона. Когда показался берегъ, императоръ велѣлъ выкинуть вмѣсто эльбскаго флага трехцвѣтный и роздалъ солдатамъ ленты на Почетнаго Легіона.

Ред.

Отъ мѣста высадки Наполеонъ двинулся отрогами Альпъ къ Греноблю: онъ былъ увѣренъ въ преданности населенія Дофинэ. Когда спутники-генералы убѣждали его попытаться взять силою Антибъ и освободить плѣнныхъ гренадеръ, императоръ отвѣтилъ, что время дорого. «Вы плохо судите о размѣрахъ моего предпріятія! Если бы половина моихъ солдатъ была въ плѣну въ Антибъ, я бы все-таки ихъ оставилъ. Если бы они всѣ были тамъ въ плѣну,—я одинъ пошелъ бы дальше!»

Около Канна начались первыя привѣтствія, первыя оваціи возвращающемуся императору. Наполеонъ двигался безостановочно, прямо на сѣверъ, не встрѣчая никакого сопротивленія. Власти встрѣчали его съ покорностью и растерянностью; народъ стоялъ толпами на улицахъ сель и небольшихъ городовъ, чрезъ которые двигался маленькій отрядъ, и кричалъ: «Да здравствуетъ императоръ!» 5 марта въ Гренобль узнали о высадкѣ и приближеніи Наполеона, и городъ огласился привѣтственными кликами въ его честь. Командовавшій гарнизономъ генералъ Маршанъ въ своемъ приказѣ объявилъ солдатамъ, что людей у Бонапарта всего одна тысяча. Въ отвѣтъ на это гренобльскіе солдаты открыто говорили: «Какъ? а развѣ насъ не считаютъ?» Маршанъ видѣлъ, что дѣло плохо, но нужно было сдѣлать все зависящее, чтобы задержать Наполеона. Онъ послалъ полковника Делессара съ отрядомъ навстрѣчу Наполеону. Когда отрядъ приблизился къ Наполеону, солдаты Делессара пришли въ такое состояніе, что Делессаръ сказалъ: «Какъ сражаться, имѣя людей, которые дрожатъ всѣми членами и блѣдны какъ смерть!» Наполеонъ между тѣмъ приказалъ своимъ солдатамъ положить ружье на лѣвое плечо. Затѣмъ королевскіе солдаты увидѣли приближающуюся къ нимъ фигуру въ сѣромъ сюртукѣ. «Вотъ онъ! Стрѣляй!» крикнулъ адъютантъ Маршана, указывая на Наполеона. Солдаты тряслись и молчали.

Наполеонъ, подойдя къ нимъ близко, остановился и произнесъ громко и отчетливо: «Солдаты пятого полка, узнаете меня?» И, распахнувши сюртукъ, прибавилъ: «Если есть между вами солдатъ, который хочетъ убить своего императора, онъ можетъ это сдѣлать. Я отдаю себя вашимъ выстрѣламъ!» Громкій, единодушный крикъ: «Да здравствуетъ императоръ», былъ ему отвѣтомъ. Чрезъ нѣсколько мгновеній оба отряда смѣшались. Солдаты всѣ перешли на сторону Наполеона. Сейчасъ же усиленная этимъ присоединеніемъ армія Наполеона продолжала свой путь.

Это случилось 7 марта 1815 года недалеко отъ села Лаффрэ,—и съ этого момента путь Наполеона обратился въ сплошной триумфъ. Гарнизонъ Гренобля перешелъ къ Наполеону во главѣ съ графомъ Лабедуайеромъ. Больше двухъ тысячъ крестьянъ, вооруженныхъ дрекольемъ, спустились съ окрестныхъ горъ, присоединились къ Наполеону и вмѣстѣ съ нимъ вошли въ Гренобль, и императора народъ внесъ на рукахъ въ домъ, гдѣ онъ рѣшилъ остановиться.

Послѣ 1½-суточного отдыха Наполеонъ двинулся дальше, прямымъ путемъ на Ліонъ. Отъ Гренобля до Ліона крестьяне тысячами продолжали стекаться къ обоимъ краямъ дороги, по которой двигался императоръ. Ихъ восторгъ былъ неописуемъ, и они ручались, что Ліонъ приметъ Наполеона, какъ единственнаго и безспорнаго законнаго своего государя. Карлъ Артуа помчался было въ Ліонъ съ цѣлью личнымъ примѣромъ

воелить въ гражданъ духъ сопротивленія, но когда онъ узналъ о сдачѣ Гренобля, объ измѣнѣ войскъ, о поведеніи крестьянъ, наконецъ, когда ему ліонскій генералитетъ заявилъ, что солдаты ведутъ себя въ высшей степени подозрительно, графъ Артуа выпхалъ изъ города. Выпзжая, онъ видѣлъ толпы гражданъ, уже высыпавшихъ на улицу, чтобы привѣтствовать Наполеона. Командовавшій войсками Макдональдъ бѣжалъ изъ Ліона вслѣдъ за нимъ,—и весь ліонскій гарнизонъ вмѣстѣ съ ликующими толпами горожанъ вышелъ навстрѣчу Наполеону. 12 марта Наполеонъ съ триумфомъ вошелъ въ Ліонъ. Съ этого момента имперія могла уже считаться возстановленной.

Извѣстія о высадкѣ Наполеона, о безпрепятственномъ его движеніи на сѣверъ, о томъ, что произошло при Лафрѣ, въ тотъ единственный разъ, когда войска короля столкнулись лицомъ къ лицу съ императоромъ, наконецъ, послѣдняя вѣсть о триумфальномъ въѣздѣ Наполеона въ Ліонъ, во вторую столицу государства,—всѣ эти потрясающія эстафеты и депеши, передаваемые отчасти по воздушному телеграфу, отчасти посредствомъ курьеровъ оказали, наконецъ, даже на самыхъ оптимистически настроенныхъ людей при дворѣ Людовика XVIII—устрашающее дѣйствіе. Парижъ волновался уже съ 8 марта, когда слухи и печатныя извѣстія стали опредѣленнѣе. Офиціозная пресса еще притворялась спокойною и распускала слухи то о смерти Наполеона, то о взятіи его въ плѣнъ, но народъ собирался кучками и съ жадностью слушалъ всѣхъ, приѣзжавшихъ съ юга и привозившихъ новыя и новыя извѣстія. Нужно сказать, что буржуазія столицы (какъ и вообще вся буржуазія страны) приняла извѣстіе о высадкѣ съ безпокойствомъ: предвидѣлись внутреннія смуты и война съ Европою. Но она не выступила въ эти дни съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ планомъ или рѣшимостью дѣйствовать; она ждала событій. Король безпокоился, но отнюдь не терялъ надежды быстро,

Au Golfe Juan, le premier mars 1815.

Les Généraux, Officiers et Soldats de la Garde Impériale,

Aux Généraux, Officiers et Soldats de l'Armée.

SOLDATS, CAMARADES!

Nous vous avons consacré votre Empereur, malgré les nombreuses embûches qu'on lui a tendues; nous vous le ramènerons aux tréfonds des mers, au milieu de mille dangers; nous avons abjuré sur la terre sacrée de la patrie, avec la cocarde nationale et l'Aigle impériale. Fondez aux pieds la cocarde blanche; elle est le signe de la honte et du joug imposé par l'étranger et la trahison. Nous serions inutilement versés autres sang, si nous souffrions que les vaincus nous démentissent la loi!

Depuis le peu de mois que les Bourbons règnent, ils vous ont convaincus qu'ils n'ont rien oublié ni rien appris. Ils sont toujours gouvernés par des préjugés ennemis de nos droits et de ceux du Peuple. Ceux qui ont porté les armes contre leur pays, contre nous, sont des héros; vous, vous êtes des rebelles à qui l'on veut bien pardonner jusqu'à ce qu'on soit assez consolidé par la formation d'un corps d'armée d'émigrés, par l'introduction, à Paris, d'une garde Suisse, et par le remplacement momentané de quelques Officiers dans vos rangs! Alors il faudra avoir porté les armes contre la Patrie, pour pouvoir prétendre aux honneurs et aux récompenses; il faudra avoir une sainte confiance à leurs préjugés pour être officier. Le soldat devra toujours rester soldat; le Peuple aura les charges et aux les honneurs.

En attendant le moment où ils osent détruire la Légion d'honneur, ils l'ont donnée à tous les traîtres, et l'ont prodiguée pour l'avenir; ils lui ont ôté toutes les prérogatives politiques qu'elle avait autrefois, pour lui en donner une seule, celle de servir de jouet à nos despotes, qui sient le patrimonisme de l'armée et la perle de nos succès; ils se les sont appropriés.

(1815)

Soldats de la Grande Nation! Soldats de Grand Napoléon! concentrez-vous à l'étré d'un Prince qui, vingt ans, fut l'ennemi de la France, et qui se vante de devoir son trône à un Prince-Béat d'Angleterre!

Tout ce qui a été fait sans le consentement du Peuple et le nôtre, et sans nous avoir consulté, est illégitime.

Soldats! Officiers en retraite! Vénérez de nos Armes! Venez avec nous conquérir la Tyrie, Palladium de nos droits, et que la postérité d'un jour: « Les étrangers, secondés par des traîtres, avaient imposé un joug honteux à la France, » les Braves se sont levés, et les ennemis du Peuple, de l'Armée, ont disparu, et sont restés dans le néant ».

Soldats! la générale bat, nous marchons; contre eux armés! Venez nous rejoindre, joindre notre ENFERNA et nos Aigles tricolores.

Signé à l'origine.

Le Général de brigade, Baron CARRASSON, major du 1er régiment des Chasseurs à pied de la Garde, le Lieutenant-colonel, chevalier MALLAT.
— Anciens de la Garde: COMTE, RANCI, capitaine; LAMON, PERRON, lieutenant. — Anciens de la Garde: LACROIX, LAMARTELLA, BOUTIER, CARRON, capitaine; DUCLOS, TERNIER, CAHIER, PAILLONNET, MALLAT, lieutenant; LAMON, DUBAT, NOUET, LAFARGE. — Chasseurs de la Garde: Le Baron BERNARDINI, major; BARRON, BERNIER, capitaine; FORTUNE et SARRON, lieutenant; TAILLARD, capitaine de frégate, commandant les mousquetaires de la Garde; SEAR-LAPORTE, PARIS, DUCLOS, lieutenant de la Garde; BAILLON, DUCLOS, adjudant de police. — LÉVY, BOUTIER, JENNET, lieutenant.

Signé, le Général de Division aide-de-camp de S. M. l'Empereur, colonel-major général de la Garde, Comte DUBOIS.

Обращение батальона Эльбы къ арміи (1 марта 1815 г.).

въ нѣсколько дней справиться съ Наполеономъ. Маршалы, оставшіеся въ 1814 г. на службѣ, подтверждали и укрѣпляли эту увѣренность. Они называли его предпріятіе смѣшнымъ (Журданъ), заявляли о своемъ негодованіи (Мэзонъ) и т. д. Особенно возмущался Ней, предвидѣвшій бѣдствія для Франціи отъ этого возвращенія. 7 марта, еще когда не было извѣстно о начавшемся переходѣ войскъ, крестьянъ, селеній и городовъ на сторону Наполеона, маршалъ Ней былъ принятъ Людовикомъ XVIII въ экстренной аудіенціи. Король выразилъ увѣренность, что Ней, назначенный командовать лѣвымъ флангомъ арміи, покончитъ съ предпріятіемъ Наполеона. «Государь, я очень надѣюсь покончить и привезти его въ желѣзной клѣткѣ», отвѣчалъ маршалъ. Поведеніе Ней подбодрило тѣхъ, кто началъ унывать. Зловѣщіе слухи о томъ, что во всѣхъ концахъ королевства солдаты волнуются, открыто кричатъ: «vive l'empereur», донесенія начальниковъ, что они рѣшительно не отвѣчаютъ за свои части, которыя согласны сражаться противъ кого угодно, но не противъ Наполеона,—все это отступало на задній планъ. Ней былъ тоже герой, тоже любимецъ солдатъ, тоже магически вліялъ на нихъ: его одного послушались солдаты, даже если онъ прикажетъ имъ стрѣлять въ императора. Такъ разсуждали приближенные Людовика XVIII, когда король съ восторгомъ сообщилъ о настроеніи маршала. А съ юга шли новыя и новыя вѣсти: Наполеонъ началъ законодательную дѣятельность.

Наполеонъ въ Ліонѣ издалъ рядъ декретовъ. Онъ отмѣнилъ королевскую власть, объявилъ о возстановленіи имперіи, уничтожилъ почти всѣ распоряженія и законы, изданные за послѣдніе одиннадцать мѣсяцевъ, изгналъ всѣхъ эмигрантовъ, вернувшихся въ 1814 году, возстановилъ трехцвѣтное знамя и рядомъ другихъ декретовъ свелъ къ нулю всѣ законодательныя послѣдствія реставраціи. 14 марта онъ уже двинулся дальше, въ Шалонъ. «Его орлы летятъ съ колокольни на колокольню—прямо на Notre-Dame», повторяли наполеоновскую фразу. Ліонскіе декреты, помимо огромнаго агитаціоннаго своего значенія, оказывали устрашающее дѣйствіе еще и потому, что обнаруживали непоколебимую увѣренность Наполеона въ своемъ торжествѣ.

При этихъ условіяхъ Ней выступилъ противъ императора, котораго онъ продолжалъ называть дикимъ звѣремъ, продолжалъ также говорить о желѣзной клѣткѣ. Онъ заявлялъ во всеуслышаніе, что убьетъ своею рукою всякаго измѣнника, который перейдетъ къ Наполеону. Но когда онъ прибылъ въ Лонъ-де-Сонъ, оказалось, что кругомъ на необозримое пространство всѣ города и деревни уже перешли на сторону Наполеона, что солдаты явно не пойдутъ противъ Наполеона, что сопротивленіе немислимо. Въ этотъ моментъ Ней получилъ два документа: письмо и приказъ отъ маршала императорской арміи Бертрана и собственноручную записку Наполеона. Наполеонъ кончалъ свою записку словами: «Исполните приказъ Бертрана и присоединитесь ко мнѣ въ Шалонъ. Я васъ приму такъ, какъ на другой день послѣ битвы подъ Москвою». Наступила ночь съ 13 на 14 марта. Что произошло въ душѣ Ней въ эту ночь? Нѣтъ ни одного историка ста дней, который бы не ставилъ и не пытался такъ или иначе рѣшить этотъ вопросъ; одни говорятъ о магическомъ обаяніи императора, внезапно сказавшемся на впечатлительномъ Ней, объ угрызенияхъ

совѣсти, другіе о томъ, что онъ подъ вліяніемъ всего происходившаго твердо увѣрился въ полной и безнадежной гибели дѣла Бурбоновъ и не пожелалъ бесполезнаго кровопролитія.

Утромъ онъ приказалъ выстроиться своей арміи и, выйдя предъ фронтъ, выхватилъ саблю и крикнулъ: «Офицеры, унтеръ-офицеры, солдаты! Дѣло Бурбоновъ навѣки погибло! Да здравствуетъ императоръ! Законная династія, которую Франція выбрала, опять восходитъ на престолъ: одному только императору Наполеону принадлежитъ право царствовать надъ нашею прекрасною страной! Солдаты, я часто васъ велъ къ побѣдѣ; теперь я васъ поведу къ безсмертной фалангѣ, которую императоръ ведетъ въ Парижъ!» Буря восторженныхъ криковъ отвѣчала ему. Солдаты растоптали бѣлыя знамена и, подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, выступили въ Шалонъ.

Переходъ Нея былъ послѣднимъ ударомъ, окончательно ниспровергшимъ тронъ Бурбоновъ. Посылать противъ него больше новыя войска казалось вполнѣ безсмысленнымъ. «Мой добрый братъ, бесполезно присылать мнѣ еще солдатъ, у меня ихъ и теперь достаточно!» вотъ какія слова прочла публика въ одной шутливой афишѣ, представлявшей якобы письмо Наполеона Людовику XVIII. Эта шутка вполнѣ соответствовала дѣйствительному положенію вещей. Проекты выставить добровольцевъ, убить Наполеона посредствомъ подсланныхъ лицъ и т. д.—все это окazyвалось фантазіей. Палата депутатовъ (и именно конституціоналисты-либералы) была на сторонѣ Бурбоновъ, но что она могла подѣлать? Узнавши объ измѣнѣ Нея, король окончательно рѣшился бѣжать. Около полуночи 19 марта король и королевскій дворъ разсыпались въ двѣнадцать каретахъ и выѣхали въ Лилль, а оттуда въ Гентъ. На другой день, 20 марта 1815 года, спустя девятнадцать дней послѣ высадки, Наполеонъ среди неописуемаго энтузіазма былъ на рукахъ внесенъ въ Тюильрійскій дворецъ.

Возстановленная имперія просуществовала такъ мало и до такой степени все ея существованіе прошло подъ знакомъ сначала готовившейся, а потомъ разразившейся новой войны съ европейскою коалиціей, что, рассуждая о внутреннихъ дѣлахъ въ эпоху ста дней, возможно говорить больше о намѣреніяхъ, пожеланіяхъ, намѣчавшихся общественныхъ теченіяхъ, нежели о чемъ-либо другомъ.

Самою характерною чертою царствованія Наполеона въ это время является его стремленіе пойти навстрѣчу «духу времени», лишить Бурбо-

Отѣздъ Людовика XVIII изъ Парижа. (Мартинэ).

новъ того главнаго аргумента, который, въ глазахъ буржуазіи, ставиль ихъ высоко: онъ рѣшилъ сдѣлать имперію конституціонною. Уже черезъ четыре дня послѣ своего въѣзда въ Парижъ, 24 марта, Наполеонъ уничтожилъ цензуру (что, впрочемъ, не помѣшало новому правительству посадить въ наиболѣе роялистскія и вообще опасныя редакціи по казенному редактору). Министромъ внутреннихъ дѣлъ онъ сдѣлалъ стараго республиканца Карно. Въ Ліонѣ уже онъ обѣщалъ созвать «майское поле», совѣщаніе народныхъ представителей. Въ началѣ апрѣля во дворецъ былъ приглашенъ Бенжаменъ Констанъ, выдающійся теоретикъ тогдашняго конституціонализма и либеральной доктрины. Еще наканунѣ въѣзда Наполеона въ Парижъ Констанъ, какъ и подавляющее большинство другихъ конституціоналистовъ, выражалъ глубокое свое раздраженіе и негодованіе противъ Наполеона, опять несущаго Франціи войну и деспотизмъ вмѣсто мира и начатковъ конституціонной свободы, которую она было получила. Несмотря на это, когда Наполеонъ призвалъ его во дворецъ и поручилъ ему составить проектъ конституціи, Констанъ принялъ это порученіе и 22 апрѣля этотъ проектъ, съ незначительными измѣненіями, былъ подписанъ Наполеономъ. Наполеонъ (противъ воли Констана) настоялъ, чтобы эта конституція называлась «дополнительнымъ актомъ» къ учрежденіямъ имперіи: онъ непременно желалъ связать тѣсно свое новое царствованіе съ прежнимъ. Этотъ «Acte additionnel» былъ выдержанъ въ весьма либеральномъ духѣ. Онъ напоминалъ отчасти хартію, октроированную Людовикомъ XVIII въ 1814 г. Представительство было нѣсколько расширено сравнительно съ хартіей: обѣимъ палатамъ давалась (фактически) законодательная инициатива; компетенція суда присяжныхъ распространялась на прессу; объявлялась полная свобода совѣсти. Наполеонъ подписалъ этотъ актъ, хотя не безъ нѣкоторыхъ вспышекъ гнѣва: ему казалось все, что его «сковываютъ», что мало простора оставляютъ «старой рукѣ императора». Даже наборъ войскъ могъ происходить отнынѣ лишь съ согласія всякій разъ законодательныхъ палатъ. Б. Констанъ ничуть не обманывался относительно причинъ, побудившихъ Наполеона дать конституцію. «Было ясно,—пишетъ онъ (*Mémoires sur les Cent-Jours*, Paris, 1820, часть II, стр. 26),—что если опытъ показалъ Наполеону, что свобода временно ему оказалась нужна, то ему вовсе не было доказано, что свобода, которую онъ хотѣлъ употребить, какъ средство, могла составлять главную или, точнѣе, единственную цѣль человѣческихъ обществъ».

Впрочемъ, эта конституція не успѣла его стѣснить, въ чемъ бы то ни было, слишкомъ быстро оборвалось на этотъ разъ его царствованіе. Ненависть противъ дворянства и духовенства была въ простомъ народѣ такъ велика, что если бы Наполеону нужно было народъ привлечь къ себѣ, то онъ не о конституціи долженъ былъ бы думать, а о разрѣшеніи насильственныхъ дѣйствій противъ дворянъ и духовныхъ лицъ. Кромѣ буржуазіи, можно сказать, на этотъ «дополнительный актъ» никто не обратилъ особаго вниманія; нужно, впрочемъ, замѣтить, что либеральные круги буржуазіи все-таки не сдѣлались бонапартистскими даже послѣ опубликованія этого акта: слишкомъ мало въпили въ возможность для Наполеона быть чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ какъ военнымъ деспотомъ. Что касается народныхъ страстей, направленныхъ противъ духовенства и

дворянства, то Наполеонъ старался сдержать ихъ: онъ вовсе не желалъ воскрешенія былой революціонной атмосферы послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка, хотя непосредственно эта ненависть противъ двухъ сословій, поддерживавшихъ тронъ Бурбоновъ, вполне совмѣщалась съ самою горячею радостью по поводу возстановленія имперіи. Выбранная вскорѣ послѣ утвержденія конституціи палата въ большинствѣ своемъ была настроена либерально и согласна была поддерживать Наполеона, какъ новаго и законнаго государя конституціонной Франціи. Впрочемъ, ей суждено было дѣйствовать лишь нѣсколько дней.

Война съ Европою,—война неизбежная и грозная, была съ самаго начала главнымъ предметомъ тревогъ и заботъ возвратившагося императора. Все остальное послѣ его вѣзды въ Парижъ казалось ему мало существеннымъ. 10 апрѣля (1815 г.) въ Вандеѣ вспыхнуло возстаніе противъ имперіи, руководимое духовенствомъ и дворянствомъ. Во главѣ возстанія сталъ маркизъ Ла-Рошжаклэнъ, которому удалось продержаться до начала іюня. Но уже со второй половины мая войска, посланная Наполеономъ для усмиренія Вандеи, ограничила дѣйствія возставшихъ очень незначительнымъ, сравнительно, райономъ; когда же (3 іюня) былъ убитъ Ла-Рошжаклэнъ, то все было въ Вандеѣ кончено.

Сѣверный вѣтеръ. (Совр. карик.).

Наполеонъ не разъ говорилъ, что и Вандейское дѣло рѣшится тогда, когда будетъ одержана побѣда надъ Европою. Онъ зналъ, что на Вѣнскомъ конгрессѣ его возвращеніе примирило всѣ державы, что Александръ простилъ Меттерниху тайный договоръ 3 января (найденный Наполеономъ въ Тюильри¹⁾) и немедленно отосланный Александру, дабы рассорить его съ Австріей; онъ зналъ, что Англія и Пруссія выступятъ прежде всего, но что Россія и Австрія безусловно ихъ поддержать. Онъ узналъ также, что Фуше, вновь назначенный имъ на постъ министра полиціи, ведетъ измѣнническія сношенія съ Меттернихомъ и что (какъ онъ и крикнулъ это въ глаза Фуше) «нужно было бы его повѣсить». Но и измѣна Фуше, какъ и возстаніе въ Вандеѣ—не отвлекала его вниманія отъ главнаго: отъ грандіозной европейской войны, для которой истощенная его же кровавымъ царствованіемъ Франція уже не могла ему дать достаточно силъ и средствъ. Державы объявили его стоящимъ

¹⁾ Бѣгство Людовика XVIII ночью 19 марта было такъ поспѣшно, что онъ забылъ въ ящикѣ стола этотъ въ высшей степени важный и строжайше секретный документъ (пересланный ему съ конгресса Талейраномъ).

внѣ закона. Всѣ попытки его разстроить коалицію или уменьшить число ея членовъ остались безуспѣшными.

1 іюня на Марсовомъ полѣ состоялся блестящій военный смотръ въ присутствіи всѣхъ сановниковъ, двора и безчисленной массы народа. Императору читались адреса отъ избирательныхъ собраній; Наполеонъ произвелъ раздачу орловъ гвардіи. 3 іюня начались засѣданія палаты,—и уже черезъ пять дней Наполеонъ обнаружилъ неудовольствіе по поводу конституціонныхъ порядковъ. «Я не такой человѣкъ, чтобы позволить адвокатамъ предписывать мнѣ законы», заявилъ онъ. Но ему было не до борьбы съ палатою (которая, впрочемъ, вызвала его раздраженіе безъ вины съ своей стороны).

Армія уже двигалась по его приказу къ сѣверу, въ Бельгію, гдѣ сосредоточивались англичане и пруссаки. 12 іюня императоръ отправился вслѣдъ за нею. Конецъ эпопеи приближался.

Е. Тарле.

Послѣдніе два батальона при Ватерлоо. (Мольте).

2. В а т е р л о о .

А. Н. Дживелегова.

*Tu désertais, victoire, et le sort était las.
V. Hugo.*

ри Ватерлоо побѣдила аристократія, побѣдило неправое дѣло застарѣлыхъ привилегій, низкое холопство и ложь, а потерпѣли пораженіе интересы свободы, равенства, братства, правды, разума. Битву проиграло при Ватерлоо человѣчество»...

Это, конечно, изъ Гейне. Нѣмецкіе, и не только нѣмецкіе демократы были убѣждены въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, что Наполеонъ былъ «гонфалоньеромъ демократіи», что, не будь онъ побѣжденъ, реакціонная вакханалія эпохи конгрессовъ миновала бы Европу. Такія мысли подсказывала политика.

Наука не питаетъ въ настоящее время этой увѣренности. Она не можетъ, правда, гадать о томъ, что было бы, если бы Наполеонъ усидѣлъ на своемъ престолѣ, но факты, предшествовавшіе Ватерлоо, говорятъ ¹⁾, что демократическія идеи и демократическія учрежденія и въ случаѣ побѣды французовъ находились въ большой опасности. Скорѣе можно думать, что крушеніе имперіи спасло Наполеона отъ многихъ еще грѣховъ противъ свободы и демократіи, что только оно дало нѣкоторую убѣдительность его оправданіямъ въ этихъ грѣхахъ на св. Еленѣ, только оно сдѣлало возможнымъ созданіе демократической легенды.

Во всякомъ случаѣ, безславія Наполеону Ватерлоо не принесло, а французскую армію, особенно старую гвардію, покрыло еще разъ неуязвимой славой. Къ тому же значеніе ватерлооскаго разгрома было чисто тактическое. Кампанія все равно не могла быть выиграна. Слишкомъ велико было неравенство силъ враждующихъ сторонъ. Если не Ватерлоо, то какой-нибудь пунктъ по восточной границѣ сдѣлался бы мѣстомъ рѣшительнаго пораженія Наполеона. Побѣдить и добиться сколько-нибудь удовлетворительнаго мира императору суждено не было. Онъ рассчитывалъ на искусство своихъ дипломатовъ, но и оно потерпѣло неудачу. Въѣвъ о возвращеніи съ Эльбы пришла какъ разъ въ разгаръ «работъ» Вѣнскаго конгресса, когда всѣ великія державы съ такимъ увлеченіемъ занимались дѣлежомъ шкуры убитаго соболя медвѣдя. Могли ли они потерпѣть, чтобы медвѣдь воскресъ и помѣшалъ имъ въ этомъ увлекательномъ занятіи?

Положеніе дѣлъ въ Вѣнѣ въ моментъ возвращенія было довольно кислое. Принципъ легитимности, выдвинутый Талейраномъ, явно начиналъ торжествовать. Позиція Франціи все укрѣплялась. Саксонія почти была спасена отъ посягательствъ Пруссіи. Отношенія между Россіей и Пруссіей, съ одной стороны, Франціей, Англіей и Австріей, съ другой, были натянуты. Александръ вызвалъ на дуэль Меттерниха. Правда, никто не придавалъ серьезнаго значенія этому поступку, столь мало свойственному сану императора, а самъ вызванный не принималъ вызова и не отказывался драться,—но противники другъ къ другу не ходили, а при встрѣчахъ дѣлали видъ, что не замѣчаютъ одинъ другого.

Вѣсть о томъ, что Наполеонъ вернулся, сразу измѣнила всю картину. Принципъ легитимности потерялъ свою неуязвимость. Франція лишилась плодовъ всѣхъ усилій, всего искусства Талейрана. Меттернихъ сдѣлалъ визитъ Александру, и тотъ заключилъ его въ свои объятія. Австрія сблизилась съ Пруссіей и Россіей. А самое главное,—четыре державы возобновили союзъ противъ Франціи, рѣшили послать войска противъ нея и объявили внѣ закона «врага рода человѣческаго». Двѣнадцати часовъ не прошло съ момента полученія извѣстія, и адъютанты скакали уже по всѣмъ направленіямъ, а народы могли уже читать прокламаціи, гдѣ съ большимъ лицемѣріемъ и съ многократными упоминаніями имени Божьяго повторялось, что державы ведутъ борьбу противъ одного Бонапарта.

¹⁾ См. т. III, статью „Наполеонъ“ и выше статью „Возвращеніе Наполеона“.

Смѣлый шагъ Наполеона засталъ союзниковъ мало подготовленными. Они такъ были увѣрены, что, сославъ императора на Эльбу, они отдѣлались отъ него окончательно, что 25 марта 1815 г., въ день заключенія седьмой коалиціи противъ Франціи, на границѣ находилось едва 80.000 чел.: 30.000 пруссаковъ, 14.000 саксонцевъ, 23.000 англо-ганноверцевъ и около 10.000 голландцевъ и бельгійцевъ. Эти войска стояли во всю длину восточной и сѣверо-восточной границы Франціи, и будь тѣ 50.000 солдатъ, которые составляли всю армію Бурбоновъ, сколько-нибудь снабжены необходимымъ, Наполеонъ могъ уже 1 апрѣля быть въ Брюссель. Ибо и вожди союзныхъ войскъ были очень далеко отъ границъ. Блюхеръ былъ въ Берлинъ, Веллингтонъ—въ Вьнь. Но Наполеонъ все-таки надѣялся на миръ. Эта надежда въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ неподготовленность войска, заставила его медлить съ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Только въ серединѣ мая онъ убѣдился, что союзники не будутъ съ нимъ мириться, и лишь тогда онъ установилъ свой планъ кампаніи. Но къ этому времени коалиція уже успѣла приготовиться и съ своей стороны.

Планъ союзниковъ, принятый окончательно, былъ таковъ. Шесть армій двигаются отовсюду къ французскимъ границамъ и переходятъ ихъ, направляясь къ Парижу: нидерландская (93.000 англичанъ, ганноверцевъ, брауншвейгцевъ, голландцевъ и бельгійцевъ) подъ начальствомъ Веллингтона концентрируется между Мобежемъ и Бомономъ; Прусская (117.500 чел.) подъ начальствомъ Блюхера—между Филиппилемъ и Живе; русская (150.000 чел.) подъ начальствомъ Барклая-де-Толли движется между Саарлуи и Саарбрюккеномъ; верхне-рейнская (210.000 австрійцевъ, баварцевъ, виртембергцевъ и гессенцевъ) подъ начальствомъ Шварценберга идетъ черезъ Базель, отдѣливъ нѣсколько къ югу лѣвое крыло. Къ Парижу эти четыре арміи должны итти: Веллингтонъ черезъ Перонну, Блюхеръ—черезъ Ланъ, Барклай—черезъ Нанси, Шварценбергъ—черезъ Лангръ. Кромѣ нихъ будутъ дѣйствовать съ юга еще двѣ арміи: верхне-итальянская (38.000 австрійцевъ и 12.000 пьемонтцевъ) подъ начальствомъ Фримона и неаполитанская (25.000 чел.) подъ начальствомъ Бьянки. Обѣ онѣ должны перейти Альпы и двигаться одна на Ліонъ, другая черезъ Провансъ. Всего, слѣдовательно, у союзниковъ въ наличности имѣлось 645.000 человекъ. Съ резервами, которые обѣщали оба императора и прусскій король, численность союзныхъ войскъ безъ труда могла превысить миллионъ.

Что могъ противопоставить этой громадѣ Наполеонъ? Къ началу іюня выяснились результаты лихорадочной дѣятельности императора и его военного министра, маршала Даву, оказавшагося превосходнымъ на своемъ новомъ посту. Были мобилизованы національные гвардейцы, призваны новобранцы, кликнутъ кличъ волонтерамъ, и жалкіе 50.000 выросли во много разъ. Наполеонъ распредѣлил ихъ такимъ образомъ: I корпусъ (Друэ д'Эрлонъ), II корпусъ (Рейль), III корпусъ (Вандамъ), IV корпусъ (Жераръ), VIII корпусъ (Мутонъ, графъ Лобау), резервъ кавалеріи (Груши) и императорская гвардія (Мортъе, Фріанъ, Моранъ, Дюгемъ, Баруа) общей численностью въ 124.000 составили сѣверную армію подъ начальствомъ императора. V корпусъ (20.000 чел.) подъ начальствомъ Раппа образовалъ рейнскую армію; VI корпусъ (23.600 чел.)

подъ начальствомъ Сюше—альпійскую армію; VII корпусъ былъ раздѣленъ на два отряда: одинъ въ 6.800 чел. подъ начальствомъ Клозеля сдѣлался отрядомъ западныхъ Пиренеевъ, другой въ 7.600—подъ начальствомъ Декана—отрядомъ восточныхъ Пиренеевъ. Кромѣ того, на западѣ, на случай волненій, былъ поставленъ корпусъ Ламарка въ 10.000 чел.; южная граница усилена варскимъ отрядомъ Брюна (6.000 чел.), а юго-восточная—юрскимъ отрядомъ Лекурба (8.500 чел.). Такимъ образомъ, подъ ружьемъ въ арміяхъ находилось нѣсколько больше 200.000 человѣкъ; вмѣстѣ съ находящимися въ гарнизонахъ (въ Безансонѣ командовалъ Журданъ), въ депо, на пути и въ госпиталяхъ—291.000 чел. Кромѣ того, по подсчету Анри Гуссе ¹⁾ императоръ могъ разсчитывать на 222.000 человѣкъ, вполне готовыхъ; къ 25 іюля еще на 90.000 чел., а къ 25 сентября еще на

Отступленіе двухъ послѣднихъ батальоновъ при Ватерлоо. (Мольте).

242.000 человѣкъ. Цифры, дѣлающія борьбу съ коалиціей, располагающей милліономъ людей, не безнадежной. Но—увы!—весьма гадательныя цифры. На первое время Наполеонъ не могъ, если не хотѣлъ впасть въ самыя грустныя ошибки, разсчитывать на сумму, превышающую 250.000 человѣкъ, изъ которыхъ 125.000 находились подъ его командой въ сѣверной арміи, 75.000—по границамъ и въ Вандеѣ, около 10.000—въ гарнизонахъ, остальное въ пути и въ депо. Первые операціи должны были выпасть на долю сѣверной арміи.

Наполеонъ колебался довольно долго, прежде чѣмъ установить окончательно свой планъ. Ему предстояло выбрать одинъ изъ двухъ. Либо ждать вступленія союзниковъ во Францію и возобновить кампанію 1814 г. съ гораздо болѣе благоприятными шансами на успѣхъ, либо самому взять на себя инициативу. Въ 1814 году у Наполеона противъ 600.000 союзни-

¹⁾ 1815, II, 36—37.

ковъ было не больше 90.000 солдатъ, а битвы приходилось выдерживать иногда противъ вдесятеро сильнѣйшаго врага. Кромѣ того, Парижъ тогда не былъ защищенъ и не имѣлъ гарнизона. Теперь у него противъ 650.000 союзниковъ ¹⁾ было подъ ружьемъ до 250.000 человекъ. Парижъ былъ прекрасно снабженъ всѣмъ необходимымъ, и тамъ былъ Даву, только что прославившій себя еще разъ защитой Гамбурга,—съ національными гвардейцами. Но остановиться на этомъ планъ, болѣе вѣрный, значило обречь востокъ Франціи всѣмъ ужасамъ новаго нашествія. Этого Наполеонъ хотѣлъ избѣгнуть по понятнымъ политическимъ причинамъ. Къ тому же, второй планъ болѣе соответствовалъ и его темпераменту и настроенію войскъ, которые горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ врагомъ и отплатить ему за прежнія пораженія. Поэтому императоръ окончательно рѣшилъ предупредить союзниковъ и нанести самому первый ударъ. Во главѣ сѣверной арміи онъ рѣшилъ броситься въ Бельгію, разбить по частямъ Веллингтона и Блюхера, затѣмъ присоединить къ себѣ Раппа и тѣ резервы, которые будутъ готовы, и загородить дорогу Барклаю и Шварценбергу. Въ крайнемъ случаѣ, онъ могъ притянуть къ себѣ еще Лекурба.

Планъ былъ смѣлый, требовалъ необычайной быстроты, точности и исполнительности, т. - е. хорошихъ помощниковъ. Между тѣмъ именно хорошихъ помощниковъ и не хватало Наполеону. Даже больше: на высотѣ былъ только одинъ—Даву. Герой Аустерлица, Ауэрштедта, Ваграма, Бородины, Гамбурга на посту военного министра не обнаруживалъ никакого утомленія. Наоборотъ, онъ развивалъ какую-то нечеловѣческую энергію. Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать его начальникомъ штаба вмѣсто Бертье, который былъ въ станѣ враговъ, но онъ побоялся отнять его у организаціи обороны. И онъ назначилъ начальникомъ штаба Сульта. Сультъ былъ въ рукахъ хорошаго главнокомандующаго превосходнымъ дивизіоннымъ и корпуснымъ командиромъ. Онъ это доказалъ въ Швейцаріи подъ начальствомъ Массены и въ кампаніяхъ 1805 и 1806 гг. Какъ командующій генералъ онъ уже былъ слабѣе. Его испанскіе подвиги прибавили не очень много яркихъ страницъ къ эпопее французской славы. На посту начальника штаба онъ оказался еще хуже, и промахи, допущенные въ Ватерлооской операціи, въ значительной мѣрѣ падаютъ на отвѣтственность герцога Далматскаго. Другимъ пустымъ мѣстомъ,—къ сожалѣнію, не только пустымъ — былъ начальникъ резерва кавалеріи маршалъ Груши, жалкая пародія на Мюрата, генералъ, не обладавшій ни безумной отвагой, ни несокрушимой стремительностью короля Неаполитанскаго, тѣмъ *élan*, который свершалъ невозможное въ битвахъ. «Будь у меня Бертье начальникомъ штаба, будь у меня Мюратъ, чтобы вести атаки на англійскія карре, я не проигралъ бы битвы при Ватерлоо», говорилъ Наполеонъ на св. Еленѣ. Онъ могъ прибавить еще многое къ этимъ грустнымъ словамъ. Ибо изъ прежнихъ сподвижниковъ при Ватерлоо былъ у него только одинъ Ней, которому онъ поручилъ командованіе первыми двумя корпусами. Но и Ней былъ лишь тѣнью героя, творившаго чудеса при Эльхингенѣ, при Фридландѣ, при Бородинѣ, во время русскаго отступленія. Прошли тѣ

¹⁾ Изъ нихъ 75.000 должны были дѣйствовать на югѣ, а около 150.000 человекъ—охранять коммуникационную линію.

времена, когда во главѣ каждого корпуса «великой арміи» стояли люди огромныхъ дарованій, полководцы перваго ранга, въ полномъ обладаніи всѣми своими способностями: Массена, Ланнъ, Даву, Мюратъ, Ней, Ожеро. Теперь изъ блестящей плеяды маршаловъ служили только Даву, Ней, Груши, Брюнъ, Сюше, Мортъе и Журданъ. Мармонъ и Викторъ были у Людовика XVIII, Периньонъ и Ожеро совсѣмъ вычеркнуты изъ списковъ за измѣнническія выходки. Гувьонъ Сень-Сиръ и Келлерманъ не получили командованія, ибо все еще казались сомнительными. Удино, показавшій свою полную неспособность въ 1814 г., тоже не могъ быть возвращенъ подъ знамена. Макдональдъ и Монсе отказались служить сами. Массена былъ боленъ. Наконецъ Бертъе находился въ Бамбергѣ и 1 июня выбросился изъ окна, увидя проходившій по улицѣ русскій драгунскій отрядъ, направляющійся къ французской границѣ. Онъ разбился насмерть.

Что касается корпусныхъ командировъ, то среди нихъ были хорошіе солдаты: Жераръ, Мутонъ, Вандамъ, Рейль, а внѣ сѣверной арміи Раппъ, Клозель, но это были все-таки люди второго и третьяго колица. А главное, у Наполеона не было кавалеристовъ, такихъ, какъ Мюратъ, Лассаль, Бессьеръ, Монбренъ, Нансути, Отпуль.

И самъ Наполеонъ уже былъ не тотъ, что при Аустерлицѣ и Ваграмѣ. Онъ хворалъ. Болѣзнь сдѣлала большіе успѣхи. Онъ сталъ сонливъ, нерѣшителенъ, терялъ цѣлые часы въ тяжеломъ раздумьѣ. У него уже не было вѣры въ свою звѣзду. «Я потерялъ,—говорилъ онъ потомъ,—увѣренность въ конечное торжество. Я чувствовалъ, что фортуна покидаетъ меня. У меня не было уже успѣха, за которымъ не послѣдовала бы

„Гвардія умираетъ, но не сдается“. (Белланже).

сейчас же неудача. И ни одинъ изъ этихъ ударовъ не былъ для меня неожиданностью. У меня было инстинктивное чувство несчастнаго исхода».

Тѣмъ не менѣе, выработанный имъ планъ дѣйствій сѣверной арміи былъ превосходенъ. Предчувствуя, что въ ожиданіи удара Блюхеръ и Веллингтонъ будутъ стараться сблизиться, онъ безошибочно опредѣлилъ пунктъ, къ которому они будутъ смыкаться, и направилъ свой ударъ именно на него. Этимъ пунктомъ была дорога изъ Шарльруа въ Брюссель, и къ ней двинулъ Наполеонъ свои войска черезъ Филиппвиль и Бомонъ.

12 іюня императоръ выѣхалъ къ арміи, 15-го перешелъ Самбру у Шарльруа и 16-го, очутившись между Блюхеромъ и Веллингтономъ, ударилъ на обоихъ. Ней отбѣсилъ Веллингтона у Катръ-Бра, а главные силы разбили Блюхера у Линьи. Тутъ и тамъ побѣда была одержана, но ни тутъ, ни тамъ она не была использована. У Ней не хватило силъ, чтобы раздавить Веллингтона окончательно, потому что онъ сначала безъ нужды приказалъ корпусу Друэ д'Эрлона двинуться на помощь Наполеону, а потомъ отозвалъ его, не давъ ему возможности поддержать главные силы при Линьи. Веллингтонъ отступилъ къ сѣверо-западу по направленію къ Ватерлоо. Пруссакі потерпѣли въ битвѣ при Линьи около 20.000 чел., Блюхеръ былъ сбитъ съ коня и смятъ французскими кирасирами. Семидесятилетній старикъ былъ почти безъ чувствъ, когда его подняли. Его начальникъ штаба Гнейзенау приказалъ отступать не къ Намюру и Люттиху, т.е. на западъ, а на сѣверъ къ Вавру, чтобы не терять соприкосновенія съ англичанами. Оправившись, Блюхеръ на другой день снесся съ Веллингтономъ, и они сговорились помогать другъ другу. Наполеонъ между тѣмъ отрядилъ Груши, отдавъ подъ его начальство корпуса Жерара и Вандама, гусаръ Пажоля и драгуновъ Эксельмана, чтобы преслѣдовать и уничтожить пруссаковъ, а самъ 18 утромъ атаковалъ Веллингтона, укрьпившагося на Сенъ-Жанскомъ плато подъ Ватерлоо, спиною къ Суаньскому лѣсу. Груши упустилъ главные силы Блюхера. Дойдя до Вавра, онъ настигъ и разбилъ только 25.000 корпуса Тильмана. Онъ понялъ тогда, что его движеніе не достигло цѣли, тѣмъ болѣе, что уже слышалъ пальбу у Ватерлоо, но, вмѣсто того, чтобы сейчасъ же повернуть къ Ватерлоо, онъ, какъ послѣдній фельдфебель, побоялся проявить инициативу и рѣшилъ выполнить первоначальное приказаніе. Такъ онъ и остался стоять на мѣстѣ, ожидая новыхъ инструкцій. Между тѣмъ Сульта не умѣлъ послать ему во-время приказа; та записка, которую Груши получилъ отъ Сульты была нацарапана такъ, что вмѣсто *bataille est engagée* онъ прочелъ *bataille est gagnée*, а адъютантъ, привезшій ее, былъ мертвецки пьянъ и не могъ ничего разсказать. Въ результатъ 35.000 человекъ подъ командою Груши, отъ которыхъ зависѣла участь сраженія и—кто знаетъ?—можетъ-быть, и Европы, въ отчаяніи отъ тупоумія и нерѣшительности своего начальника простояли на бивакахъ. Жераръ, Вандамъ, Эксельманъ чуть не со слезами убѣждали Груши двинуться на помощь императору. Все было напрасно. Груши былъ упрямъ. Онъ не пошелъ, и Наполеонъ былъ разбитъ.

У Наполеона и Веллингтона было почти одинаковое количество войска: французовъ 72.000 чел., англо-голландцевъ—около 70.000 чел. Напо-

леонъ, какъ и при Бородинъ, чувствовалъ себя скверно и никакъ не могъ рѣшиться дать приказъ къ началу боя. Чтобы оправдать свою апатію и нерѣшительность, онъ все ссылался на то, что почва была черезчуръ вязка послѣ грозы, бывшей наканунѣ. Бой начался только въ 11 часовъ, т.-е. было потеряно добрыхъ шесть часовъ,—въ юнѣ свѣтаетъ рано,—какъ разъ то время, которое было необходимо, чтобы разбить Веллингтона. Ибо первый прусскій корпусъ Бюлова появился на полѣ сраженія только въ три часа дня, когда англичане уже колебались. Десятичасовой атаки Веллингтонъ не могъ бы выдержать. Но и самъ Наполеонъ, и Сультъ были увѣрены, что Блюхеръ не можетъ явиться, и надѣялись, что въ случаѣ чего, его сдержитъ Груши.

Наполеонъ рѣшилъ обмануть Веллингтона, начавъ нападеніе на его правый флангъ. Онъ хотѣлъ заставить его стянуть туда больше войска, затѣмъ обрушиться на его центръ, пробить его и подвергнуть совершенному разгрому, ибо

находившійся въ тылу у англичанъ лѣсъ дѣлалъ отступленіе въ порядкѣ почти невозможнымъ. Это была диспозиція Аустерлица, нѣсколько видоизмѣненная. Напрасно Сультъ и Рейль убѣждали Наполеона предпринять болѣе сложные маневры, и не рисковать атакою англійскихъ позицій въ лобъ. Они оба много

Послѣ Ватерлоо. (Gow).

воевали въ Испаніи, и знали хорошо стойкость англійскихъ солдатъ. Сульту Наполеонъ отвѣтилъ грубостью, а Рейля просто не сталъ слушать. Въ 11½ часовъ Рейль повелъ свой корпусъ противъ праваго фланга англичанъ, замка Угмонъ. Правый флангъ французовъ еще не двигался. Только пушки громили англійскую позицію, Э-Сентъ (Haie-Sainte). Въ 1 часъ дня Ней прислалъ сказать, что у него все готово къ атакѣ. Въ это время на высотахъ къ востоку отъ Ватерлоо, по дорогѣ изъ Вавра, у опушки лѣса показалось темное пятно, которое быстро увеличивалось. Наполеонъ обратилъ на него вниманіе, послалъ развѣдочный отрядъ, который донесъ, что это прусскій корпусъ Бюлова. Императоръ не очень встревожился. Донесенія говорили объ одномъ корпусѣ; главные силы пруссаковъ по его мнѣнію должны были быть заняты съ Груши. При этихъ условіяхъ создававшееся неравенство силъ не имѣло значенія въ его глазахъ. Онъ приказалъ Нейю взять Э-Сентъ и атаковать Монъ-Сенъ-Жанъ. Противъ Бюлова былъ передвинутъ корпусъ графа Лобау и нѣкоторыя части кавалеріи. Они заслонили правый флангъ французовъ. Между тѣмъ Ней

двинулъ пѣхоту д'Эрлона, которая горячо бросилась въ атаку, но не могла взять почти нетронутой артиллерійскимъ огнемъ фермы, въ которой заспѣлъ непріятель. Ферму обошли такъ же, какъ на лѣвомъ флангѣ Рейль обошелъ не поддававшійся замокъ Угумонъ. Началась атака Монъ-Сенъ-Жана. Тутъ должна была рѣшиться судьба сраженія. Удержатся англичане до тѣхъ поръ, пока пруссаки подоспѣютъ къ нимъ на помощь или они будутъ опрокинуты? Веллингтонъ уже начиналъ тревожиться, не слыша канонады на своемъ лѣвомъ флангѣ. Но онъ держался твердо. Онъ примѣнилъ здѣсь свою тактику, выработанную въ Испаніи и оказавшую ему немало услугъ. Главное оружіе французовъ была ихъ стремительность и въ артиллерійской подготовкѣ, и въ атакѣ. Веллингтонъ приказывалъ своимъ войскамъ ложиться на землю подъ прикрытіемъ складокъ мѣстности, и они благодаря этому сравнительно мало страдали отъ артиллерійскаго огня. Когда же начиналась атака, пышная или конная, англичане, залегшіе на землю, довольно долго оставались скрыты отъ глазъ атакующихъ и встрѣчали ихъ залпами, когда они были совсѣмъ близко. Здѣсь эта тактика облегчалась еще тѣмъ, что все кругомъ было покрыто высоко поднявшимися хлѣбами, въ которыхъ англичане отлично прятались. Ней, вернувшій, наконецъ, свою прежнюю энергію, повелъ пѣхоту на Сенъ-Жанъ. Первые попытки были отбиты, подъ самымъ маршаломъ убили трехъ лошадей, много было раненыхъ и убитыхъ высшихъ офицеровъ. Но Ней не прекращалъ атакъ и, вспомнивъ удачную попытку Коленкура подъ Бородинымъ, рѣшилъ поддержать пѣхоту кавалерійскимъ натискомъ. Онъ увлекаетъ за собою карабинеровъ и кирасиръ Мильо и молодого Келлермана и взлетаетъ во главѣ ихъ на плато. Здѣсь его ждутъ красныя англійскія карре, разставленныя въ видѣ шахматной доски, а за ними артиллерія. Много карре прорвано и разсыяно, но другія держатся, пушки изрыгаютъ картечь, и храбрецы не выдерживаютъ. Ней, подъ которымъ убили четвертую лошадь, тщетно хочетъ собрать ихъ и вести на новую атаку. Дѣло приближается къ 4 часамъ, и Веллингтонъ уже начинаетъ терять мужество. «Пусть придетъ ночь или пусть придутъ пруссаки», нервно говоритъ онъ окружающимъ. А въ штабѣ шепчутся, что другой такой атаки выдержать нельзя.

Но въ это время Блюхеръ съ корпусомъ Бюлова выходитъ, наконецъ, изъ лѣсовъ и холмовъ и обрушивается на французовъ справа, явно обнаруживая намѣреніе зайти имъ въ тылъ, занять ихъ опорный пунктъ Плансенуа и окружить совсѣмъ. Мутонъ со своимъ корпусомъ и съ отданной въ его распоряженіе кавалеріей держится два часа, въ теченіе которыхъ Ней еще разъ пытается взять Сенъ-Жанскія высоты, и еще разъ безуспѣшно. Шестъ часовъ. Ней проситъ подкрѣпленія. Мутонъ отступаетъ. Наполеонъ бросаетъ два батальона старой гвардіи на помощь Мутону, и общими силами французы отбиваютъ пруссаковъ. А на Монъ-Сенъ-Жанъ идетъ молодая гвардія. Этотъ натискъ едва не сталъ роковымъ для англичанъ. Веллингтонъ былъ притиснутъ вплотную къ Суаньскому лѣсу. Въ это время на лѣвомъ флангѣ англичанъ послышалась канонада. «Груши!» пронеслось по всей французской линіи. То былъ второй прусскій корпусъ Цитена. Когда это сдѣлалось ясно, передъ Наполеономъ встала альтернатива: или отступить сейчасъ же или итти на рискъ полного разгрома

при нѣкоторой надеждѣ на побѣду. Отступить, быть-можетъ, было уже поздно: трудно было сконцентрировать войска. Кромѣ того, отступить значило открыть границу Веллингтону и Блюхеру, вернуться къ отвергнутому, оборонительному, плану кампаніи при болѣе трудныхъ условіяхъ. Отступить значило поднять всѣ оппозиціонные элементы во Франціи. Онъ рѣшилъ биться дальше, поставивъ на карту все.

Цитенъ, выслушавъ донесенія адъютантовъ, считая Веллингтона разбитымъ окончательно, двинулся было на помощь къ Блюхеру. Веллингтонъ послалъ къ нему нѣсколькихъ адъютантовъ съ просьбою помочь ему. Къ нему прискакалъ съ той же просьбой прусскій генералъ Мюфлингъ, состоявшій въ штабѣ англійскаго главнокомандующаго. Въмѣстѣ они едва уговорили его поддержать оборону плато. Этимъ битва была рѣшена. У Наполеона остается шесть батальоновъ старой гвардіи. Онъ ставитъ одинъ около себя, а пять отдаетъ Нею, чтобы попытать счастье въ послѣдній разъ. «Храбрый изъ храбрыхъ» верхомъ, рядомъ съ Фрианомъ, героемъ Ауэрштедта и Бородина, идетъ еще разъ туда, откуда несется смерть. Скоро подъ нимъ убиваютъ пятую лошадь. Онъ идетъ пышкомъ. Пять батальоновъ доходятъ до плато, опрокидываютъ нѣсколько отрядовъ, но ихъ останавливаетъ огонь въ упоръ англійской гвардіи, поднявшейся изъ хлѣбовъ. Потомъ ихъ осыпаютъ картечью съ фронта и съ боковъ. Они не выдерживаютъ. «La garde recule!» Ничто не бывалое. Французы дрогнули. Веллингтонъ приказалъ трубить атаку. Цитенъ вырвался впередъ во главѣ прусской кавалеріи. Еще нѣсколько минутъ, и по рядамъ французовъ пронесся зловѣщій крикъ: «Спасайся, кто можетъ!»

У подножія Сенъ-Жана старая гвардія собралась въ три карре и медленно и мрачно продолжала отступать, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Но остановить его уже было нельзя. Уже подходилъ прусскій корпусъ Пирша и остатки разбитаго корпуса Тильмана. Наполеона силою увлекли по дорогѣ въ Шарльруа.

Карре гвардіи таяли, отступая. Гвардія умирала, но не сдавалась. Вотъ упалъ, раненый въ голову, Камбронъ, послѣдній генералъ, оставшійся въ строю. Англійская и прусская кавалерія бросилась на послѣдніе остатки гвардіи, изъ глубины карре въ послѣдній разъ раздалась команда: *Joce! Feu!*.. Прозвучали послѣдніе выстрѣлы... и не стало четвертьвѣковой легенды.

У фермы Бель-Альянсъ встрѣтились Блюхеръ и Веллингтонъ и было рѣшено, что преслѣдованіе будутъ производить неучаствовавшіе въ битвѣ пруссаки. Преслѣдованіе продолжалось три дня и длилось до самого Лана, т.-е. на пространствѣ въ 150 километровъ. Наполеонъ потерялъ болѣе 30.000 человекъ, союзники—около 20.000.

Груши спасъ свой отрядъ; онъ привелъ его къ Лану.

А. Дживелеговъ.

3. Второе отреченіе.

Если бы Наполеонъ разгромилъ армію Блюхера и Веллингтона въ Бельгіи, онъ могъ бы еще, быть-можетъ, нѣкоторое время сопротивляться коалиціи. Побѣдить ее онъ не могъ. Слишкомъ велико было неравенство

силъ. Теперь, когда его главная армія была разбита, когда отъ 125.000 у него осталось едва 50.000, годныхъ въ дѣло, считая войска Груши, дѣло императора погигло безповоротно.

Правда, Даву будто бы успѣлъ собрать въ Парижъ 800.000 чело-
вѣкъ. Это извѣстіе воспроизводится большинствомъ французскихъ исто-
риковъ. Но въ немъ нѣтъ никакого внутренняго правдоподобія. Или эти
сотни тысячъ совсѣмъ были лишены снаряженія,—тогда они не предста-
вляли собою армію, или они существовали только въ болѣе или меньше
отдаленныхъ предположеніяхъ. Ибо трудно себѣ представить, чтобы На-
полеонъ, имѣя подъ командою у себя 800.000 солдатъ, позволилъ «кучкѣ
говоруновъ и политикановъ», какъ онъ называлъ палату, распоряжаться
въ Парижъ, распоряжаться собою.

Оставивъ армію въ Ланъ, Наполеонъ поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы
предупредить взрывъ оппозиціонныхъ чувствъ. Онъ прибылъ въ Тюильри
въ ночь на 21 іюня. Онъ едва владѣлъ собою, и прямо упалъ на руки
Коленкуру, поджидавшему его у подъезда. Онъ съ трудомъ поднялся по
лѣстницѣ и повалился на первый диванъ. Окружавшимъ его людямъ
онъ крикнулъ: «Армія дѣлала чудеса. Ее охватила паника, и все было
потеряно. Ней дѣйствовалъ какъ безумный. Онъ подвелъ подъ убой всю
мою кавалерію. Мнѣ нужно два часа отдыха, чтобы быть способнымъ
думать о дѣлахъ. Я задыхаюсь. Ванну. Скорѣе ванну!»

Нѣсколько успокоившись, онъ бесѣдовалъ съ Жозефомъ и Люсье-
номъ, которые поспѣшили во дворецъ, узнавъ о пріѣздѣ брата, а утромъ
принялъ министровъ. Они выразили сожалѣніе, что онъ покинулъ армію.
Но императоръ оборвалъ эти косвенные упреки, рѣзко указавъ на то,
что другого выхода не было. Онъ потребовалъ назначенія диктатуры и
новаго набора солдатъ. Министры долго молчали. Карно, организаторъ
побѣды, помня, какія чудеса ему удалось сдѣлать въ 1793 г., готовъ былъ
попытать счастье. Но другіе не раздѣляли этого оптимизма. Наконецъ
Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели рѣшился сказать, что палаты ждутъ его
отреченія. Наполеонъ сталъ доказывать, что есть еще возможность за-
щищать страну. Онъ взялъ карандашъ и сталъ набрасывать цифры. Они
не убѣдили министровъ.

Тутъ только начало обнаруживаться, какую большую ошибку со-
вершилъ Наполеонъ, покинувъ армію. Правда, уѣзжая изъ Лана, онъ
не зналъ еще, что Груши удалось привести туда свой корпусъ почти
безъ потерь. Онъ не былъ даже увѣренъ, живъ ли Ней, котораго онъ
видѣлъ въ послѣдній разъ въ самомъ пеклѣ, съ обломкомъ шпаги въ
рукахъ, съ почернѣвшимъ отъ пороха лицомъ, тщетно старавшимся
остановить панику. Коленкуръ, который зналъ очень хорошо опасность
парижскихъ настроеній, прямо сказалъ императору, что армія была его
единственнымъ прибѣжищемъ, единственной силой, единственнымъ безо-
паснымъ мѣстомъ. «Армія! — воскликнулъ Наполеонъ. — У меня нѣтъ
больше арміи. Есть толпа бѣглецовъ, а не армія. Я, быть-можетъ, найду
людей, но чѣмъ я ихъ вооружу? У меня нѣтъ ружей!» Онъ ошибался.
У него были корпуса Жерара и Вандама, кавалерія Пожоля и Эксель-
мана, и вокругъ этого ядра въ Ланъ собирались бѣглецы. Остался бы
онъ самъ въ Ланъ, все пошло бы иначе.

Попавъ въ Парижъ безъ арміи, Наполеонъ отдался водовороту событий, съ которыми уже не въ силахъ былъ совладать. Парижская буржуазія, не очень воинственно настроенная и раньше, послѣ Ватерлоо опредѣленно хотѣла мира: дальнѣйшая война грозила ей разореніемъ, а пока Наполеонъ былъ императоромъ, мира быть не могло. Выходъ изъ такого труднаго положенія буржуазія видѣла одинъ: добровольное или вынужденное отреченіе Наполеона. Внѣ Парижа, особенно во главѣ арміи, Наполеонъ не испытывалъ бы во всей тяжести давленія буржуазныхъ настроеній. Тѣмъ болѣе, что внѣ Парижа, несомнѣнно, вліяли бы и крестьянскія настроенія, благопріятныя для него. Въ Парижъ буржуазныя опасенія въ союзѣ съ дворянской ненавистью раздавили императора.

Ватерлоо. Вечеръ 18 іюня 1815 г. (Э. Шаперонъ).

Лидеромъ измѣняющаго Наполеону парижскаго общества былъ Фуше, который хотѣлъ разъ навсегда связать свое имя съ крупнымъ событіемъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ Талейранъ въ дни перваго отреченія. Онъ давно уже подготовлялъ на всякій случай соотвѣтствующее настроеніе въ палатѣ. Теперь, благодаря Ватерлоо, онъ сразу оказался во главѣ дисциплинированнаго большинства, враждебнаго Наполеону. Пока онъ дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ Лафайетомъ. Этотъ нечаянный «герой» медовыхъ мѣсяцевъ революціи вынырнулъ опять на поверхность какъ разъ въ эти дни, чтобы присутствовать на похоронахъ послѣднихъ остатковъ революціи: съ какимъ-то особеннымъ сладострастіемъ исполнялъ онъ теперь роль могильщика. Талантами красный маркизъ не блисталъ никогда, а теперь ему было на двадцать шесть лѣтъ больше, чѣмъ въ 1789 г. Его тупоумная самоувѣренность сдѣлала изъ него легкую

добычу для Фуше. Этотъ, по крайней мѣрѣ, былъ уменъ и зналъ, чего хотѣлъ. Надъ принципами онъ всегда смѣялся, кромѣ собственной персони никого не любилъ, былъ уменъ и обладалъ отличнѣйшей способностью ловить рыбу въ мутной водѣ. Онъ интриговалъ одновременно и въ Вѣнѣ, въ главной квартирѣ союзниковъ, и въ Гентѣ, при дворѣ Людовика XVIII, и въ лагерь Веллингтона, и въ совѣтъ министровъ, и въ палату. Пріѣхавъ въ Парижъ, Наполеонъ попалъ въ искусно разставленныя сѣти Фуше, и не было за нимъ арміи, чтобы разорвать эти сѣти. «Я долженъ былъ отрубить десятокъ головъ, и голову Фуше — первую», говорилъ онъ потомъ.

Пока въ Тюильри императоръ совѣщался съ министрами, палата успѣла собраться, и Лафайетъ уже нанесъ первый ударъ императору. Онъ сказалъ: «Если я впервые послѣ столькихъ лѣтъ поднимаю голосъ, который узнаютъ еще старые друзья свободы, это потому, что я чувствую себя призваннымъ говорить вамъ объ опасностяхъ отечества. Вы одни имѣете власть его спасти. Распространились зловѣщіе слухи. Они подтвердились, къ несчастію. Насталъ моментъ сомкнуться вокругъ стараго трехцвѣтнаго знамени, — знамени свободы, равенства и общественнаго порядка. Его мы должны защищать противъ иностранныхъ поползновеній и внутреннихъ покушеній». Если бы Лафайетъ говорилъ передъ конвентомъ, его послали бы на гильотину за то, что онъ вмѣсто «братства» подставилъ «общественный порядокъ», старый девизъ всякихъ реакцій. Если бы онъ говорилъ вообще передъ уважающимъ себя собраніемъ, оно не потерпѣло бы такого неприличнаго намека на «внутреннія покушенія» со стороны императора. Но это было собраніе людей напуганныхъ, желающихъ мира во что бы то ни стало, — людей, которымъ мѣшалъ Наполеонъ — оно аплодировало Лафайету и согласно его предложенію объявило свои засѣданія непрерывными, а всякую попытку роспуска — преступной. Это былъ маневръ конституціонной самообороны. При томъ настроеніи, въ которомъ находилась страна, онъ рѣшалъ судьбу императора. Палатѣ было прочитано посланіе Наполеона, гдѣ онъ доказывалъ возможность обороны страны. Депутатъ Лакастъ, взявъ слово, заявилъ: «Я вижу одного чловѣка между миромъ и нами. Пусть онъ уйдетъ, и отечество будетъ спасено». Люсьенъ попробовалъ заступиться за брата. Тогда опять выступилъ Лафайетъ. «Франція шла за нимъ, — сказалъ онъ, — въ пескахъ Египта и въ пустыняхъ Россіи, въ пятидесяти сраженіяхъ, въ успѣхѣхъ и въ несчастіи. И потому, что она шла за нимъ, мы оплакиваемъ теперь кровь трехъ милліоновъ французовъ. Этотъ чловѣкъ хочетъ снова сражаться нашей кровью противъ Европы!» Другіе говорили въ томъ же духѣ. Палата назначила комиссію, чтобы выработать мѣры, требуемыя общественнымъ благомъ.

Наполеонъ, которому тотчасъ же сообщили рѣшеніе палаты, колебался. Люсьенъ, помогавшій ему 18 брюмера, толкалъ его на новый *coup d'Etat*. Маре и Коленкуръ совѣтовали подчиниться требованію палаты. Явилась комиссія, выбранная палатою, чтобы просить его удалиться. Онъ велѣлъ сказать ей, чтобы она подождала. Но на другой день, 22 іюня, измученный, онъ подписалъ документъ, въ которомъ отрекался отъ престола и назначалъ императоромъ своего сына подъ именемъ Наполеонъ II.

Палата въ жаркомъ засѣданіи отвергла требованія сторонниковъ Наполеона (Сегюръ, Маре, особ. Лабедуайеръ) провозгласить немедленно императоромъ Наполеона II и сейчасъ же выбрала временное правительство, въ которое вошли Фуше (предсѣдатель), Карно, Кинетъ, Коленкуръ и ген. Гренье. Лафайетъ былъ устраненъ интригами Фуше, который уже боялся, что онъ будетъ мѣшать ему обдѣлывать свои личныя дѣлишки...

Палата могла дѣйствовать тѣмъ смѣлье, что союзныя арміи приближались. Блюхеръ и Веллингтонъ перешли границу. Австро-русскій корпусъ блокировалъ Страсбургъ, гдѣ заперся Раппъ, и направился къ Парижу, не встрѣчая сопротивленія. Лекурбъ былъ осажденъ въ Бельфоръ. Брюнъ капитулировалъ въ Варъ. Даву все-таки высказывался за продолженіе войны. Наполеонъ въ послѣдній разъ обратился къ временному правительству, онъ предлагалъ ему стать во главѣ арміи въ качествѣ

Защитники Орла знамени). (Деверё).

простого дивизионнаго генерала, предлагалъ ему шпагу Арколе и Риволи. Предложеніе было отвергнуто. Продолжать войну—значило все-таки продолжать дѣло Наполеона. Этого не хотѣли теперешніе вершители судебъ Франціи.

Императоръ удалился въ Мальмезонъ, свидѣтель столькихъ счастливыхъ дней, столькихъ пировъ и торжествъ. Теперь онъ былъ въ запустѣніи. Паркъ былъ заброшенъ. Рѣдкостныя деревья, привезенныя изъ-подъ тропиковъ, завяли и стояли сухія. Черныя лебеди, плававшіе на пруду, куда-то исчезли. Клѣтки, въ которыхъ жили любимыя птицы Гортензіи, были пусты. Сама Гортензія съ трогательной преданностью пріѣхала къ нему и старалась скрасить ему своими утѣшеніями послѣдніе дни во Франціи. Но Фуше и тутъ не давалъ ему покоя. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы поверженный императоръ покинулъ предѣлы Франціи какъ можно скорѣе: приближался отрядъ Груши, и временное прави-

тельство боялось осложнений. Въ Мальмезонъ былъ командированъ ген. Бекеръ со спеціальной цѣлью торопить его отъѣздъ. Не столько настоянія Бекера, сколько опасность попасть въ руки прусскихъ разъѣздовъ, рыскавшихъ въ окрестностяхъ Мальмезона, заставили императора ускорить отъѣздъ. Съ Блюхеромъ шутить не приходилось. Старый генераль грозилъ, если Наполеонъ попадется ему, разстрѣлять его немедленно. И онъ былъ способенъ сдержать свое слово.

30-го Наполеонъ выпхалъ въ Рошфоръ, чтобы съѣсть на какое-нибудь судно и удалиться въ Америку. Онъ прибылъ туда 3 іюля. Портъ оказался блокированнымъ англичанами. Онъ послалъ Гурго въ Лондонъ за пропускомъ. До 15-го онъ прождалъ его напрасно. Ему предлагали съѣсть на барку и рискнуть пробраться на датскій бригъ, обѣщавшій доставить его въ Америку. Жозефу это удалось. Онъ не рѣшился. Измученный травлей, онъ вдругъ почему-то проникся върою въ благородство англичанъ и вздумалъ просить у нихъ гостепріимства. 16 іюля онъ прямо отправился на бортъ англійскаго фрегата «Беллерофонтъ», который доставилъ его въ Торбѣ, на берегу Англии. Письмо къ принцу-регенту, въ которомъ онъ отдавалъ себя подъ защиту законовъ Англии, осталось безъ отвѣта. Державы союзницы объявили его военнопленнымъ и поручили Англии сторожить его. 30 іюля лордъ Китъ привезъ ему рѣшеніе Англии: водвореніе на св. Елену. То былъ конецъ всѣмъ надеждамъ. «Это хуже, чѣмъ тамерлановская клѣтка!» воскликнулъ императоръ.

Съ «Беллерофонта» Наполеонъ перешелъ на «Northumberland». У него отняли шпагу, точно боясь, что блескъ ея подниметъ вновь на ноги всѣхъ демоновъ революціи... Его послѣднимъ актомъ въ Европѣ былъ слѣдующій краснорѣчивый протестъ противъ Англии: «Я торжественно протестую передъ лицомъ неба и передъ людьми противъ нарушенія самыхъ священныхъ моихъ правъ, противъ насильственнаго обращенія съ моей особою и съ моей свободою. Я по своей волѣ пришелъ на «Беллерофонтъ». Я не плѣнникъ. Я гость Англии. Очутившись на борту «Беллерофонта», я былъ у очага британскаго народа. Если правительство, приказавъ командиру «Беллерофонта» принять меня и мою свиту, хотѣло только устроить мнѣ ловушку, оно преступило противъ чести, оно запятнало британскій флагъ. Если этотъ актъ ¹⁾ свершится, англичане тщетно будутъ говорить о своей лойяльности, о своихъ законахъ, о своей свободѣ. Британская вѣрность найдетъ себя могилу въ гостепріимствѣ «Беллерофонта». Я апеллирую къ исторіи. Она скажетъ, что непріятель, который двадцать лѣтъ воевалъ съ англійскимъ народомъ, добровольно пришелъ въ часъ невзгоды искать убѣжища у его законовъ. Какое могъ онъ дать болѣе яркое доказательство своего уваженія? А чѣмъ отвѣтили въ Англии на такое довѣріе? Сдѣлали видъ, что протягиваютъ этому врагу гостепріимную руку, и когда онъ довѣрчиво отдалъ себя,—его закололи».

На этотъ разъ «исторія» цѣликомъ на сторонѣ Наполеона.

Шатобріанъ, который ненавидѣлъ Наполеона, сказалъ: «Это нарушеніе международнаго права, это нарушеніе гостепріимства было возмути-

¹⁾ Водвореніе на св. Елену.

тельно (était révoltante)». Гейне, который обожалъ Наполеона, восклицалъ, много лѣтъ спустя: «Британія! Тебѣ принадлежать моря. Но не хватитъ воды въ этихъ моряхъ, чтобы смыть позоръ, который завѣщалъ тебѣ, умирая, великій человекъ... А вѣдь онъ былъ твоимъ гостемъ, онъ сѣдился у очага твоего!...»

16 октября 1815 года корабль, который везъ Наполеона, присталъ къ св. Еленѣ. Жизнь кончилась. Начиналось житіе.

А. Дживелеговъ.

Наполеонъ на Еленѣ. (Voslard).

IV. Наполеонъ на островъ св. Елены.

В. В. Филатова.

8 августа 1815 года «генераль Бонапартъ» на корабль «Нортумберландъ» покинулъ навсегда Европу. Путешествіе было трудное, благодаря бурямъ, и продолжалось 70 дней. Путь былъ немалый—6.000 верстъ, но Наполеонъ перенесъ его сравнительно хорошо, много занимался. диктовалъ исторію своихъ первыхъ кампаній, вечерами игралъ въ карты и шахматы. Къ морякамъ императоръ относился очень добродушно. Напримѣръ, рассказываетъ графъ Ласъ-Казъ, при переходѣ экватора матросы устроили обычное празднество Нептуна, при которомъ полагается

обливать всѣхъ, кто въ первый разъ перепѣзжаетъ экваторъ; по распоряженію адмирала Наполеонъ и его свита были освобождены отъ этой не очень пріятной церемоніи, но императоръ все-таки пошелъ представиться Нептуну и подарилъ ему и его бандѣ 100 золотыхъ (2.000 франковъ). Однажды послѣ обѣда раздался крикъ: «Земля!», а въ слѣдующій полдень «Нортумберландъ» бросилъ якорь въ Джемсъ-Тоунъ, единственномъ городѣ и портѣ св. Елены.

Хаосъ мрачныхъ скалъ, увѣнчанный потухшимъ вулканомъ, самая высокая точка котораго поднимается на 800 метровъ; климатъ тропическій, сырой, неплохой, но для европейца все-таки тяжелый. Ближайшая земля — дикій берегъ Африки, въ 700 верстахъ — такова была безысходная тюрьма, предназначенная великому авантюристу.

Вокругъ острова постоянно крейсировали военные суда, чтобы отпугнуть всякую попытку бѣгства или сношеній.

«Послѣдній день, передъ тѣмъ какъ сойти на островъ, — рассказываетъ графъ Монтолонъ, — за обѣдомъ императоръ и свита горячо обсуждали вопросъ о будущей тюрьмѣ». Наполеону предстояло поселиться въ отдаленной мѣстности острова «Лонгвудъ» — длинный лѣсъ. Богатая фантазія рисовала довольно заманчивую картину, но французовъ ждало разочарованіе: Лонгвудъ было горное плато съ нѣсколькими чахлыми деревьями, открытое для вѣтровъ, удаленное отъ всякаго жилья.

16 октября 1815 года Наполеонъ сошелъ на землю, его сопровождали: графъ и графиня Бертранъ съ дѣтьми, графъ и графиня Монтолонъ, графъ Ласъ-Казъ съ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ, генералъ Гурго и адъютантъ полякъ, Провтовскій. При нихъ было разрѣшено допустить 12 человѣкъ прислуги. Пропускъ былъ такъ строгъ, что камердинера барона Гурго не допустили, такъ какъ его фамилія не была въ официальномъ спискѣ французовъ, получившихъ разрѣшеніе жить на островъ св. Елены.

Помѣщеніе въ Лонгвудъ не было готово, и императоръ поселился пока въ Джемсъ-Тоунъ, сначала въ самомъ городѣ, затѣмъ на дачѣ нѣкоего Балькомба. Удобствъ не было никакихъ, помѣщеніе было такое тѣсное, что императоръ, пообедавъ, уходилъ изъ этой комнаты, чтобы дать возможность пообѣдать прислугѣ.

Все-таки первые два мѣсяца были лучшимъ временемъ ссылки императора. Онъ очень сошелся съ семьей своего хозяина Балькомба; по вечерамъ онъ игралъ съ ними въ карты, бесѣдовалъ, игралъ съ дѣтьми. Адмиралъ Кокборнъ не особенно стѣснялъ французовъ, они свободно ходили по городу, однако въ сопровожденіи солдата или офицера, адмиралъ часто устраивалъ балы, и на нихъ бывали всѣ плѣнники, за исключеніемъ императора.

9 декабря Наполеонъ перепѣхалъ въ Лонгвудъ. Условія жизни въ этомъ постоянномъ мѣстѣ заключенія были отвратительны: старый сельскій домикъ, наскоро отремонтированный, «могъ бы считаться пригоднымъ развѣ для плѣннаго зулусскаго вождя», говоритъ англійскій историкъ Слоонъ, который всячески старается смягчить это преступленіе англійскаго правительства.

Любовь къ этикету и роскоши стала прямо нераздѣльной частью императора, и даже въ этой нищенской обстановкѣ онъ награждалъ своихъ

спутниковъ придворными званіями, слуги были одѣты въ ливреи, обѣды, пріемы, всѣ дѣйствія императора обставлялись торжественнымъ этикетомъ. Докторъ Антомарки, пріѣхавшій уже осенью 1819 года, такъ описываетъ свои первыя впечатлѣнія:

«Я еще не усвоилъ этикетъ, хотя стараюсь уловить его и принять тонъ, который окружаетъ императора. Никто изъ насъ не видитъ его безъ доклада; мы стоимъ молчаливые, въ ожиданіи и безъ шляпъ; мы не позволяемъ себѣ приблизиться, надѣть шляпу или заговорить безъ приглашенія, нарушая это правило развѣ только въ томъ случаѣ, когда идетъ общій разговоръ».

Здѣсь, въ Лонгвудѣ, продолжилъ императоръ исторію своихъ войнъ, начатую еще во время морского путешествія. Въ этомъ произведеніи (*Dictées de Sainte-Hélène*) онъ далъ не только исторію почти всѣхъ своихъ кампаній, но и оцѣнку своихъ дѣйствій и намѣреній.

Все это написано живо, увлекательно, не даромъ императоръ всегда славился своими рѣчами и прокламаціями, но безпристрастія искать здѣсь нечего. Наполеонъ всячески старался оправдать себя и въ глазахъ современниковъ и потомковъ. Онъ выдвинулъ на первый планъ демократическую и прогрессивную сторону своей дѣятельности, затушевывая порывы личнаго честолюбія и тиранію, которую хотѣлъ представить, какъ необходимый переходный моментъ къ общему благополучію.

Островъ св. Елены.

За годы пребыванія на островѣ св. Елены Наполеонъ развилъ огромную литературную дѣятельность, онъ далъ превосходные очерки отдельныхъ эпизодовъ своей жизни,—пребыванія на Эльбѣ, ста дней, битвы при Ватерлоо; монографій по отдельнымъ вопросамъ военнаго искусства—объ организаціи арміи, объ укрѣпленіяхъ и т. д.; разборъ войнъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ полководцевъ—Юлія Цезаря, Тюренна, Фридриха Великаго, наконецъ интересныя, чисто литературныя замѣтки, по поводу драмы Вольтера «Магометъ», второй книги «Энеиды» Виргилія и т. д. Всѣ эти работы обнаруживаютъ богатство и смѣлость мысли и прекрасный литературный талантъ.

Вечерами императоръ обыкновенно читалъ, то вещи, нужныя для его работы, то любимыхъ поэтовъ, — Вольтера, Оссіана, то Библію. Иногда послѣ обѣда, сидя въ кружкѣ своихъ французскихъ друзей, онъ вдругъ объявлялъ:

«На какой спектакль мы отправляемся сегодня! Слушаемъ Тальму или Флери?»

Приказывалъ подать Расина, Корнеля или Мольера и всѣ засиживались за чтеніемъ до поздняго вечера.

Много занимался императоръ садоводствомъ, но, несмотря на всѣ усилія, достигнуть хорошихъ результатовъ въ Лонгвудѣ было трудно: почва каменистая, непригодная къ культурѣ, климатъ, губящій всякую растительность: то палящее солнце, то проливной дождь и непроглядный туманъ.

Первые годы Наполеонъ удѣлялъ много времени прогулкамъ въ экипажѣ, верхомъ, пышномъ. Ему доставляло большое удовольствіе встрѣчаться съ жителями острова, бесѣдовать съ ними, особенно любилъ онъ дѣтей, постоянно ласкалъ ихъ и говорилъ, что они напоминаютъ ему его сына.

Но эта сравнительно привольная жизнь была оборвана съ прибытіемъ новаго губернатора Гудзона Лоу (Lowe), который смѣнилъ адмирала Кокборна. Лоу былъ человѣкъ узкій, тупой и трусливый, «мой палачъ», какъ звалъ его Наполеонъ. Онъ постоянно дрожалъ, чтобы не убѣжалъ его знаменитый заключенный; эта боязнь доходила до смѣшного, онъ окопалъ домъ императора рвами, надзоръ былъ усиленъ, часовые сплошной цѣпью окружали Лонгвудъ, останавливали и опрашивали всѣхъ идущихъ туда или оттуда; постоянно или Лоу, или его офицеры бродили около домика императора, чтобы каждый день видѣть плѣнника.

Трусость Лоу доходила до смѣшного: «Однажды, вскорѣ послѣ своего пріѣзда, — рассказываетъ докторъ О' Меара, — Гудзонъ Лоу обходилъ садъ императора и вдругъ увидѣлъ, что вѣтви одного дерева протянулись надъ рвомъ, губернаторъ даже измѣнился въ лицѣ, немедленно послалъ за садовникомъ и велѣлъ ему сейчасъ же срубить это дерево, хотя императоръ всегда могъ спокойно выйти черезъ ворота».

Проектовъ побѣга и освобожденія императора было много, но въ сущности ни къ одному изъ нихъ самъ заключенный серьезно не относился, и всѣ страхи губернатора отчасти происходили отъ его тупости, отчасти нарочно выдумывались имъ, чтобы добиться отъ англійскаго правительства новыхъ стѣсненій для Наполеона, котораго онъ, повидимому, прямо ненавидѣлъ.

Притѣсненія носили очень глупую и оскорбительную форму. Какъ только онъ пріѣхалъ, сейчасъ же запретилъ купцамъ оказывать кредитъ, и не только императору, но и всѣмъ французамъ, подъ угрозой потерять ввѣренную сумму. Жителямъ запретилъ сообщать какія-либо новости, подъ угрозой высылки, затѣмъ было предписано избѣгать встрѣчъ съ французами и ни о чемъ съ ними не разговаривать, а французамъ воспрещено ходить въ городъ и вообще выходить изъ определенныхъ границъ, которыя съ каждымъ годомъ, вмѣсто того, чтобы расширяться, все суживались. Скоро запретили плѣнникамъ входить въ дома жителей острова.

Раньше у заключенныхъ вмѣстѣ съ императоромъ французовъ были хорошія отношенія съ нѣкоторыми жителями и офицерами гарнизона, послѣдніе особенно любили бывать у madame Бертранъ, но новый губернаторъ поставилъ эти визиты въ такія условія, что они стали невозможны для порядочныхъ людей. Лоу требовалъ, чтобы офицеры послѣ каждаго визита докладывали ему о всемъ, что говорилось во время посѣщенія, и офицеры послѣ этого были вынуждены перестать бывать у Бертрановъ,

ибо они не могли ослушаться приказа губернатора и не желали быть доносчиками.

Лоу зналъ, что Наполеонъ часто очень рѣзко выражается о немъ, и постоянно требовалъ отъ всѣхъ, бывавшихъ въ Лонгвудъ, напримѣръ, отъ доктора О'Меары, чтобы они сообщали ему о всѣхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, сказанныхъ на его счетъ, и это все сообщалось въ доносахъ англійскому правительству.

Наполеонъ, дѣйствительно, не стѣснялся въ выраженіяхъ относительно своего врага,—когда адмиралъ Малькольмъ, посѣтивъ императора, попытался примирить его съ Лоу, то онъ рѣзко отвѣтилъ:

Садовникъ св. Елены. (Freu).

«Не говорите мнѣ о мистерѣ Лоу, это помѣсь сицилійца съ пруссакомъ; что-нибудь одно изъ двухъ, или ему приказано зажарить меня на медленномъ огнѣ, или онъ хочетъ меня убить изъ личной ненависти».

Лоу, дѣйствительно, выдумывалъ всевозможные способы, чтобы донять плѣнника. Напримѣръ, онъ всячески добивался, чтобы у императора не было денегъ, для этого всячески урѣзывались деньги, отпускаемыя англійскимъ правительствомъ, а жизнь на островѣ была очень дорога, легко можно было достать только рыбу и солонину, а свѣжее мясо было рѣдко и дорого,—баранина 2½ франка за фунтъ, свинина—1½ франка, особенно была дорога птица: утка—12½ франковъ, гусь—22½ фр., индѣйка—отъ 30—50 фр., десятокъ яицъ—7 фр., такъ что императору, чтобы сносно

питаться, приходилось продавать свое столовое серебро. Наконецъ эти ограниченія такъ разсердили императора, что онъ объявилъ:

«Мои потребности и привычки настолько скромны, что я готовъ питаться вмѣстѣ съ солдатами лагеря въ Дитвудъ, я увѣренъ, что эти молодцы не откажутся подѣлиться своимъ хлѣбомъ со старѣйшимъ солдатомъ Европы».

Послѣ долгой борьбы англійское правительство назначило, наконецъ, на содержаніе императора и его свиты 12.000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

Наполеонъ на островѣ св. Елены.
(Вернѣ).

Всѣ эти непріятности привели къ тому, что Наполеонъ пересталъ выходить сначала изъ своей усадьбы, а затѣмъ и изъ дома, чтобы только не сталкиваться съ Лоу и его приспѣшниками. Лишеніе мѣднаго тяжело отразилось на здоровьѣ императора, а въ это время губернаторъ устроилъ ему самую крупную непріятность, которая стоила Наполеону нѣсколькихъ лѣтъ жизни,—онъ лишилъ его доктора О'Меары.

Съ самого пріѣзда Лоу добивался сдѣлать изъ доктора сыскаго агента, но О'Меара рѣшительно отклонилъ эту честь. Тогда Лоу сталъ добиваться отставки О'Меары, и когда это не удалось, сталъ травить доктора «своими средствами», при чемъ дошелъ до того, что запретилъ О'Меару выходить изъ черты Лонгвуда и такимъ образомъ его, офицера англійской службы, поставилъ въ положеніе плѣннаго.

Не желая терпѣть такое издѣвательство, О'Меара отказался отъ мѣста доктора при императорѣ и уѣхалъ въ Европу отчасти съ цѣлью

повѣдать роднымъ и всему міру, въ какихъ ужасныхъ условіяхъ находится императоръ.

О'Меара—рѣдкій примѣръ любви къ императору. Онъ родомъ ирландецъ, былъ военнымъ докторомъ англійскаго флота и служилъ на «Беллерофонтъ». Наполеонъ познакомился съ нимъ, когда взошелъ на этотъ пловучій клочекъ англійской территоріи, и затѣмъ они уже не разставались до тѣхъ поръ, пока Гудзонъ Лоу не выслалъ О'Меару.

Докторъ, пріѣхавъ въ Европу, сталъ усиленно хлопотать объ освобожденіи императора или хотя бы объ облегченіи его участи. Съ той же цѣлью уѣхалъ съ острова св. Елены сначала графъ Ласъ-Казъ, затѣмъ генералъ Гурго. Черезъ высланнаго съ острова адъютанта Провтовскаго

и слугъ Наполеона узнавала Европа объ ужасномъ заключеніи императора. Появились «Письма съ мыса Доброй Надежды», гдѣ ярко изображались ужасы ссылки—отвратительный климатъ и жестокость тюремщика.

Всѣ слухи, доходившіе въ Европу, безусловно располагали въ пользу императора. Его мать обратилась съ трогательной просьбой къ государямъ, собравшимся на конгрессъ въ Ахенъ. Наконецъ съ ходатайствомъ выступилъ самъ папа Пій VII:

«Наполеонъ несчастливъ, — писалъ онъ, — очень несчастливъ, мы забыли его заблужденія. Святая церковь не должна забывать своихъ духовныхъ дѣтей... мы глубоко, отъ всего сердца желаемъ, чтобы его участь

Смерть Наполеона. (А. Gros).

была облегчена; испросите этой милости отъ нашего имени у принца-регента Англіи»...

Но упорные враги Наполеона, такъ недавно унижавшіеся передъ нимъ, теперь мстили беспощадно и бессмысленно. Чтобы обличить ихъ двуличность, императоръ просилъ доктора О'Меару опубликовать письма къ нему коронованныхъ особъ, въ которыхъ они, въ льстивыхъ выраженіяхъ, просили всемогущаго императора объ увеличеніи своихъ территорій за счетъ сосѣдей. Но лицо, которому были даны на храненіе письма, предало, какъ и многіе, императора и распродало эти замѣчательныя письма ихъ авторамъ

Одинъ разъ сдѣлали союзные государи попытку провѣрить положеніе Наполеона, и льтомъ 1817 года на островъ св. Елены прибыли комиссары

Священнаго союза. Эти господа держались такъ надменно и грубо, что Наполеонъ отказался ихъ принять, и они уѣхали, не выдавъ императора, не внеся никакого облегченія въ его участь.

Съ отъѣздомъ О'Меары императоръ больше года оставался безъ доктора, ибо Гудзонъ Лоу такъ затруднялъ доступъ къ плѣннику военнымъ докторамъ, бывшимъ на островъ, что они, протестуя противъ этого формализма, заявляли, что для больного необходимо систематическое лѣченіе, а при случайныхъ визитахъ ничего не сдѣлаешь. Лоу не оставлялъ своей системы, и бользнь быстро разрушала организмъ заключеннаго.

Наконецъ въ сентябрь 1819 года на островъ прибылъ докторъ Антомарки и нашелъ положеніе императора очень тяжелымъ, въ сущности безнадежнымъ, и онъ въ теченіе 20 мѣсяцевъ, что пробылъ около Наполеона, лишь поддерживалъ его угасающую жизнь.

Еще въ декабрь 1820 г. Наполеонъ какъ-то, въ порывъ отчаянія, сказалъ:

«О докторъ! у меня нѣтъ больше ни силъ, ни порывовъ, ни энергіи, я больше не Наполеонъ. Скоро мнѣ придетъ конецъ на этой проклятой скаль!»

Въ концѣ марта 1821 г. наступило въ положеніи больного сильное ухудшеніе. Условія жизни были самыя тяжелыя; комната, въ которой онъ лежалъ, была тѣсная, душная, а Гудзонъ Лоу не оставлялъ

Фасадъ новаго дома Бонапарта, взятый со стараго дома лейт. Жаксона. (Спб. 1815 г. Описаніе острова св. Елены).

въ покоѣ и умирающаго, каждый день онъ врывался къ нему, чтобы удостовѣриться—не бѣжалъ ли плѣнникъ.

2 апрѣля императору сообщили о появленіи кометы. «Комета!—воскликнулъ онъ,—она была предвозвѣстницей смерти Цезаря».

4 мая началась агонія императора; надъ островомъ въ это время разразилась страшная буря съ ураганомъ, который съ корнями вырывалъ деревья Лонгвуда; Гудзонъ Лоу, испуганный, взволнованный, повторялъ слова англійскаго поэта: «Среди рева и завыванія бури, казалось, геній грозы, несомый на крыльяхъ вѣтра, спѣшилъ оповѣстить всему міру, что могучая душа собиралась уйти въ мрачныя бездны природы и смерти!»

Въ забытіи императоръ бредилъ Франціей, сыномъ, соратниками: «Стенгель, Дезэ, Массена! Побѣда рѣшена, идите, бѣгите, спѣшите атаковать, побѣда наша!»

5 мая 1821 года онъ шепталъ послѣднія слова «голова... арміи...». «Наполеонъ отходитъ,—отмѣчалъ докторъ Антомарки,—теперь шесть часовъ безъ одиннадцати минутъ; глаза закрылись легкой дымкой... онъ скончался»:

Императоръ завѣщалъ похоронить себя на берегу Сены, но государи Священнаго союза боялись даже тѣла своего великаго противника, и Наполеонъ былъ похороненъ на островѣ-темницѣ, у ручья, гдѣ онъ любилъ сидѣть; простой камень, даже безъ имени и надписи, былъ положенъ надъ его могилой, лишь ивы склонялись надъ ней. Хотѣли вычеркнуть изъ исторіи великое имя.

Исчезли Бурбоны, скрывшись въ ту же Англію, распался Священный союзъ, а память императора не исчезла,—8 октября 1840 года въ Джемсъ-Тоунъ прибыла французская флотилія, чтобы принять останки императора. 15 декабря его тѣло было торжественно внесено въ Парижъ, и принцъ Жуанвильскій, передъ церковью Инвалидовъ сказалъ, склоняясь передъ королемъ Луи-Филиппомъ:

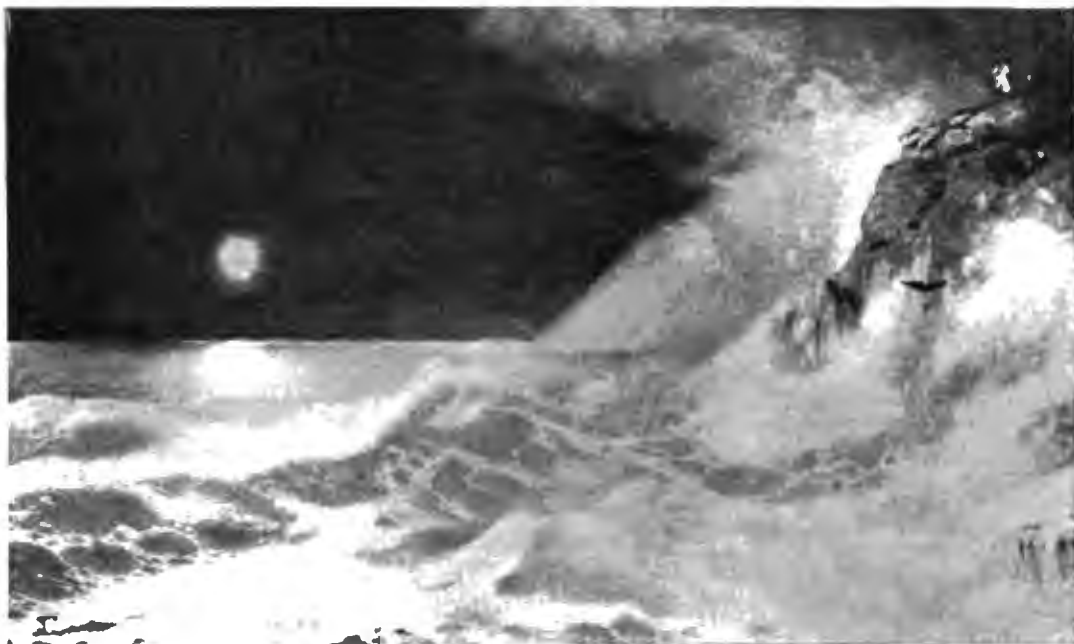
«Ваше величество, я передаю вамъ тѣло Наполеона».

«Я принимаю его отъ имени Франціи», отвѣчалъ король, затѣмъ взялъ шпагу побѣдителя подъ Аустерлицемъ и передалъ ее генералу Бертрану, чтобы тотъ возложилъ ее на гробъ.

Теперь стоитъ тѣло императора среди трофеевъ его побѣдъ, которыя такъ дорого стоили и Франціи и всей Европѣ.

Спокойна стоитъ гробница, окутанная легендами о великомъ героѣ, и какъ бы ни сталкивались мнѣнія и партіи, эпитетъ «великій» всегда останется за нимъ.

В. Филатовъ.

Островъ св. Елены. (Айвазовскій).

Первый шагъ молодого казацкаго офицера въ королевскомъ дворцѣ. (Совр. карик.).

РУССКАЯ АРМІЯ ВО ФРАНЦІИ.

Полк. А. С. Лыкошина.

Послѣ подписанія 18/30 мая 1814 г. трактата о первомъ парижскомъ мирѣ войска союзныхъ державъ немедленно очистили территорію Франціи. Входившая въ составъ большой дѣйствующей арміи генераль-фельдмаршала графа Барклая-де-Толли гвардейская пѣхота была посажена на суда русской эскадры въ Шербургъ и отправлена моремъ въ С.-Петербургъ; всѣ остальные войска двинулись въ обратный путь черезъ Германію, при чемъ гвардейская кавалерія и гренадерскія дивизіи были направлены черезъ восточную Пруссію на Тильзитъ, Митаву и Ригу въ С.-Петербургъ и Прибалтійскія губерніи, а войска

І арміи вступили въ великое герцогство Варшавское. Первоначально предполагено было немедленно по возвращеніи въ Россію расположить войска на ихъ постоянныхъ квартирахъ и перейти на положеніе мирнаго времени. Однако на открывшемся въ сентябрь 1814 г. Вѣнскомъ конгрессѣ вскорѣ возникли пререканія, главнымъ образомъ, по вопросамъ о границахъ Саксоніи и о дальнѣйшей судьбѣ великаго герцогства Варшавскаго, а потому императоръ Александръ І, въ виду возможности вооруженнаго столкновенія между союзниками, повелѣлъ остановить дѣйствующую армію впредь до распоряженія въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, гдѣ войска и расположились на кантониръ-квартирахъ, при чемъ главный штабъ арміи былъ помѣщенъ въ Варшавѣ. Трехлѣтняя война и непрерывныя передвиженія, значительно разстроили хозяйство вой-

сковыхъ частей. Въ возвратившихся изъ Франціи полкахъ мундиры и панталоны были испещрены разноцвѣтными заплатами, иногда даже кожаными, такъ что трудно было опредѣлить цвѣтъ сукна; шинели пришли въ ветхость, и ихъ не хватало по числу людей; кивера были всевозможныхъ формъ, русскихъ и иностранныхъ, ранцевые ремни замѣнялись веревками; ружья были всевозможныхъ системъ — русскихъ, прусскихъ, англійскихъ и другихъ, при чемъ ихъ не хватало на весь штатный составъ нижнихъ чиновъ. Въ теченіе зимы 1814—1815 гг. изъ Россіи постепенно подвозили въ армію предметы обмундированія и снаряженія, но комиссаріатское вѣдомство медлило съ ихъ отпускомъ, повидимому, вслѣдствіе недостаточности запасовъ, и къ веснѣ 1815 г. многіе полки не успѣли получить всѣхъ потребованныхъ ими вещей, а въ тѣхъ полкахъ, гдѣ матеріалы для постройки обмундированія были получены, не успѣли сшить мундировъ, шинелей и панталонъ.

24 февраля 1815 г. въ Вѣнѣ разнесся слухъ о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы. Союзные государи рѣшили немедленно начать приготовленія къ войнѣ; военный совѣтъ, въ которомъ участвовали генералы кн. Волконскій, кн. Шварценбергъ и Кнезебекъ, рѣшилъ до выясненія обстоятельствъ не спѣшить движеніемъ союзныхъ армій во Францію, а ограничиться сосредоточеніемъ войскъ въ готовности, при чемъ русскія войска должны были оставаться между Краковомъ и Калишемъ.

Но уже 13/25 марта 1815 г. Россія, Англія, Австрія и Пруссія заключили между собой союзный договоръ, къ которому впослѣдствіи присоединились Вюртембергъ, Баварія, Сардинія, Ганноверъ, Нидерланды, Баденъ, Швейцарія, Саксонія, Данія, мелкія княжества и вольные города Германіи. Цѣлью союза была объявлена борьба съ Наполеономъ¹⁾.

До нашей арміи вѣсти о бѣгствѣ Наполеона съ о. Эльбы дошли только въ началѣ марта 1815 г., и войска наши немедленно начали готовиться къ походу, при чемъ сначала носились слухи, что часть русскихъ войскъ будетъ послана на помощь австрійцамъ для дѣйствій въ Италіи. Главный штабъ арміи распорядился о сосредоточеніи войскъ 3, 4, 5 и 6 армейскихъ корпусовъ, 3 гренадерская дивизія была двинута изъ Лифляндіи къ Варшавѣ, а 2 и 3 резервные кавалерійскіе корпуса къ Радзивиллову и Брестъ-Литовску. Пѣхотнымъ полкамъ было приказано оставить на своихъ квартирахъ вторые баталіоны, а кавалерійскимъ полкамъ — седьмые эскадроны, укомплектовавъ изъ нихъ дѣйствующие баталіоны и эскадроны; при этомъ, за недостаткомъ ружей до штатнаго состава, часть нижнихъ чиновъ въ дѣйствующихъ батальонахъ (около 200 человекъ въ каждомъ) должна была выступить въ походъ безъ ружей. Изъ оставленныхъ на квартирахъ батальоновъ и эскадроновъ впослѣдствіи была образована подъ начальствомъ генерала барона Меллера-Закомельскаго особая резервная армія.

Въ составъ дѣйствующей арміи подъ начальствомъ фельдмаршала графа Барклая-де-Толли вошли слѣдующія части: авангардъ генерала Ермолова (9 и 12 пѣхотныя и 2 гусарская дивизіи), 3 пѣхотный корпусъ генерала Дохтурова (7, 24 и 27 пѣхотныя и 3 драгунская дивизіи), 4 пѣ-

¹⁾ См. выше ст. „Ватерлоо“.

хотный корпус генерала Раевского (11 и 17 пѣхотныя и 3 гусарская дивизіи), 5 пѣхотный корпуса генерала барона Сакена (15 и 26 пѣхотныя и 2 драгунская дивизіи), 6 пѣхотный корпус генерала графа Ланжерона (8 и 10 пѣхотныя дивизіи), 2 и 3 гренадерскія дивизіи, впоследствии составившія гренадерскій корпусъ подъ командою генерала Ермолова, 2 резервный кавалерійскій корпусъ генерала барона Винцингероде (2 уланская и 2 кирасирская дивизіи) и 3 резервный кавалерійскій корпусъ генерала гр. Палена (3 уланская и 3 кирасирская дивизіи); кромѣ того, при арміи состояли 9 казачьихъ полковъ, 6 піонерныхъ ротъ, 2 понтонныя роты, 3 роты резервной артиллеріи, 8 артиллерійскихъ парковъ, подвижной магазинъ и подвижной госпиталь. Общая численность дѣйствующей арміи достигала по спискамъ до 216.000 человекъ строевыхъ и 25.000 человекъ нестроевыхъ чиновъ съ 76.000 лошадей¹⁾.

Н. Г. Репнинъ.

Войска дѣйствующей арміи выступили въ походъ къ границамъ Франціи въ первыхъ числахъ апрѣля 1815 г.

Для обезпеченія продовольствія войскъ во время движенія ихъ къ Рейну была образована въ Вѣнѣ комиссія изъ чиновниковъ союзныхъ государствъ. Затѣмъ между Россіей и Австріей 11/23 мая 1815 г. была заключена конвенція о проходе русскихъ войскъ черезъ австрійскія владѣнія. Такія же конвенціи были вслѣдъ за тѣмъ заключены съ Пруссіей, Саксоніей, Баваріей и другими нѣмецкими государствами. При проходе черезъ Германію и Австрію наши войска, повидимому, не имѣли сколько-нибудь серьезныхъ столкновеній съ мѣстными жителями; по крайней мѣрѣ, фельдмаршалъ графъ Барклай-де-Толли 18 іюня 1815 г. писалъ генералу Сабаньеву: «Не могу довольно возблагодарить

гг. воинскихъ начальниковъ за то величайшее удовольствіе, которое мнѣ доставляютъ свидѣнія частныя и многіе формальныя отзывы отъ начальства въ Германіи о скромномъ и тихомъ поведеніи войскъ нашихъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя они по сіе время проходили». Фельдмаршалъ предписывалъ «безпрерывно внушать нижнимъ чинамъ, что отъ добраго ихъ поведенія и отъ дружелюбнаго и скромнаго съ жителями обращенія зависитъ собственное ихъ благосостояніе, ибо при такомъ расположеніи каждый житель будетъ вспомоществовать солдату».

Въ Баваріи наши войска были расположены на кантонирь-квартирахъ между Кобургомъ, Бамбергомъ и Нюрнбергомъ. 20 мая главнокомандующій представилъ государю диспозицію для дальнѣйшаго движенія войскъ къ Рейну. Начальнику авангарда генералу графу Ламберту было предписано по переходѣ черезъ Рейнъ расположиться между Кайзерслау-

¹⁾ Эти цифры заимствованы изъ дѣла № 4211 военно-ученаго архива главнаго штаба.

терномъ и Мангеймомъ и, имѣя наблюденіе за непріятелемъ на пространствѣ между Мозелемъ и верхнимъ Рейномъ, а также за крѣпостями Ландау, Бичъ и Саарлуи войти въ сношеніе вправо съ арміей князя Блюхера, а влѣво—съ арміей князя Шварценберга. Корпуснымъ командирамъ было приказано выслать впередъ офицеровъ квартирмейстерской части и провіантскихъ чиновниковъ для надлежащихъ распоряженій совмѣстно съ мѣстными властями о размѣщеніи войскъ на ночлегахъ и дневкахъ и объ ихъ продовольствіи, а кромѣ того, надежныхъ штабъ-офицеровъ для осмотра дорогъ, которыя, гдѣ нужно, исправить средствами піонерныхъ ротъ, о наведеніи же мостовъ снести съ мѣстными властями; свѣдѣнія о пути слѣдованія войскъ и объ ихъ численности приказано было сообщать только главнымъ правительствомъ тѣхъ земель, чрезъ которыя войска будутъ проходить, съ тѣмъ, чтобы эти свѣдѣнія хранились втайнѣ и не могли сдѣлаться извѣстными непріятелю.

Императоръ Александръ I выѣхалъ 13 мая изъ Вѣны въ Мюнхенъ и Штутгартъ, а 25 мая прибылъ въ Гейдельбергъ, гдѣ находилась главная квартира австрійской арміи. Фельдмаршалъ графъ Барклай-де-Толли, главная квартира котораго въ то время была еще въ Бамбергъ, всѣ болѣе важныя распоряженія представлялъ предварительно на усмотрѣніе государя и чрезъ начальника главнаго штаба его величества князя Волконскаго получалъ подробныя указанія; такъ, одобливъ диспозицію движенія нашихъ войскъ къ Рейну, государь приказалъ продвинуть нѣсколько впередъ кавалерійскій авангардъ графа Ламберта съ тѣмъ, чтобы «баварскія войска приняли вправо, оставя на прежнихъ мѣстахъ свои передовые посты, дабы наши войска, по незнанію мѣстнаго положенія, не перешли бы за французскія границы».

Императоръ Александръ I прожилъ въ Гейдельбергѣ съ 25 мая до 10 іюня.

Въ Гейдельбергѣ былъ выработанъ планъ военныхъ дѣйствій. 29 мая былъ собранъ военный совѣтъ, въ которомъ участвовали съ русской стороны князь Волконскій и графъ Толь, съ австрійской—князь Шварценбергъ, графъ Радецкій и Лангенау, съ прусской—Кнезебекъ и съ баварской—князь Вреде; на совѣтъ было рѣшено, чтобы русская армія двигалась на Триръ въ готовности подкрѣпить армію князя Блюхера, а затѣмъ на Сень-Дизье для соединенія съ австрійцами, которые переправятся черезъ Рейнъ у Базеля и пойдутъ чрезъ Бофоръ на Лангръ и Шамонъ; 35 тысячъ русскихъ и 41 тысяча австрійскихъ войскъ было назначено для обложенія крѣпостей на лѣвомъ берегу Рейна съ тѣмъ, чтобы Страсбургъ и Ландау были блокированы войсками обѣихъ армій, а крѣпость Майнцъ занята австрійскимъ гарнизономъ; баварскія войска должны были ожидать прибытія нашихъ войскъ, назначенныхъ для наблюденія за крѣпостями лѣваго берега Рейна, а затѣмъ также продолжать дальнѣйшее наступленіе. Такъ какъ по этому плану вся русская армія поступала въ первую линію, то 2 іюня было послано повелѣніе выступить для присоединенія къ дѣйствующей арміи 2 пѣхотному корпусу принца Евгенія Виртембергскаго, который долженъ былъ изъ Калиша чрезъ Дрезденъ и Бамбергъ прибыть въ Майнцъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ армію было вызвано 14 казачьихъ полковъ (10 донскихъ и 4 черноморскихъ) и 12 ар-

тиллерійскихъ ротъ. Всльдъ затмъ были двинуты 1 пхотный корпусъ графа Витгенштейна и гвардейскій корпусъ графа Милорадовича. Однако всь эти войска до заключенія мира не успли дойти до Рейна, а гвардія дошла только до Вильно.

29 мая государь послалъ графа Толя къ герцогу Веллингтону и князю Блюхеру для сообщенія имъ принятаго совѣтомъ плана военныхъ дѣйствій. 8 іюня графъ Толъ вернулся въ Гейдельбергъ съ извѣстіемъ о пораженіи Блюхера при Линьи. Немедленно былъ созванъ военный совѣтъ и, въ отмѣну прежняго плана, было рѣшено, вмѣсто движенія русской арміи на Триръ, сосредоточить объ арміи—русскую и австрійскую—между Майнцемъ и Базелемъ и итти къ Нанси, куда предполагалось прибыть 29 іюня; баварскія войска должны были прикрывать правый флангъ русскихъ войскъ, а на случай отступленія рѣшено было построить на Рейнѣ

Графъ Сакенъ, губерн. Парижа,
19 марта 1814 г.

три предмостныхъ укрѣпленія. Съ своей стороны графъ Барклай-де-Толли, получивъ свѣдѣнія о движеніи Наполеона противъ армій герцога Веллингтона и князя Блюхера, распорядился объ ускореніи движенія русскихъ войскъ, для чего были отмѣнены дневки. На правомъ флангѣ былъ сформированъ особый кавалерійскій отрядъ, изъ двухъ казачьихъ и одного гусарскаго полковъ, 2 эскадроновъ австрійскихъ гусаръ и 2 эскадроновъ баварской легкой конницы, подъ начальствомъ генерала графа Чернышева, которому предписано было направляться къ Биркенфельсу и Люксембургу, дѣйствуя на пути сообщенія непріятеля.

Между 12 и 18 іюня русская армія переправилась черезъ Рейнъ у Мангейма, Оппенгейма и Майнца и сосредоточилась у Кайзерслаутерна между Пирмасенсомъ, С-тъ Венделемъ, Биркенфельсомъ, Ландштулемъ и Рамштейномъ; 6 пхотный корпусъ генерала графа Ланжерона вмѣстѣ съ 3 драгунской дивизіей былъ оставленъ на Рейнѣ и поступилъ въ составъ войскъ эрцгерцога австрійскаго Карла, назначенныхъ для блокады крѣпостей Страсбурга и Ландау.

Послѣ перехода черезъ Рейнъ русскія войска попрежнему располагались на ночлегахъ по квартирамъ, высылая впередъ для назначенія ихъ офицеровъ квартирмейстерской части; двигавшимся впереди авангарду графа Ламберта, легкому отряду графа Чернышева и 4 корпусу генерала Раевского предписано было принимать мѣры предосторожности на случай появленія непріятеля, но также не воспрещалось располагаться, если возможно, по квартирамъ, а не на бивакахъ. При проходѣ мимо занятыхъ французскими войсками крѣпостей выставлялись для наблюденія за ними кавалерійскіе отряды, а противъ крѣпости Саарбрюкенъ на время прихода нашихъ войскъ была оставлена даже цѣлая 9 пхотная дивизія.

10 іюня въ Гейдельбергъ было получено извѣстіе о побѣдѣ герцога Веллингтона при Ватерлоо; немедленно было предписано ускорить переправу черезъ Рейнъ, а для сближенія съ австрійцами рѣшено было, оставивъ вправо прямую дорогу къ Парижу, сдѣлать нѣсколько переходовъ вверхъ по Рейну, по лѣвому его берегу. 12 іюня государь прислалъ изъ Гейдельберга графу Барклаю-де-Толли подробныя распоряженія о дальнѣйшемъ движеніи нашей арміи.

При переходѣ черезъ Рейнъ графъ Барклай-де-Толли обнародовалъ 11 іюня 1815 г. въ Оппенгеймѣ прокламацію къ французамъ, въ которой объявлялъ, что Европа желаетъ мира и должна его обезпечить дружественными отношеніями съ французами, но никогда не вступить въ переговоры съ человекомъ, который притязаетъ на владычество надъ ними.

Печатные экземпляры этой прокламаціи на французскомъ языкѣ были разосланы для распространенія начальникамъ передовыхъ отрядовъ графу Чернышеву, Сухтелену и графу Ламберту, при чемъ отправленному внутрь Франціи графу Чернышеву было предписано 19 іюня по прибытіи въ города и селенія тотчасъ призывать чиновъ гражданского управленія и объявлять имъ, что «цѣль союзныхъ монарховъ, а особливо государя нашего, есть единственно спокойствіе Европы и постоянное благоденствіе Франціи», что посему гражданское управленіе оставляется на прежнемъ основаніи, но «злоумышляющіе безпокойство будутъ не только смѣняемы, но даже наказаны по всей строгости военныхъ законовъ»; графу Чернышеву было приказано конфисковать принадлежащія казнѣ деньги, оружіе и военные запасы всякаго рода, при чемъ деньги надлежало отправлять въ главную квартиру, а оружіе и запасъ оставлять на мѣстахъ подѣ карауломъ. Въ объявленномъ по войскамъ арміи приказѣ графъ Барклай-де-Толли предписывалъ щадить мирныхъ и безоружныхъ жителей. Въ частныхъ распоряженіяхъ корпуснымъ командирамъ указывалось, что фуражировки безъ крайней необходимости «всемѣрно воспрещаются» и весьма желательно, чтобы «оныя вовсе не были въ употребленіи»; главнокомандующій выражалъ при этомъ надежду, что войска наши «въ отношеніи поведенія всегда будутъ отдѣляемы отъ другихъ войскъ», что они оставятъ «въ чужихъ и даже непріятельскихъ мѣстахъ незабвенную и наилучшую о себѣ память». Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 10 іюня 1815 г. было запрещено нарушать правильный ходъ почтъ, брать въ реквизицію или употреблять для службы арміи почтовыхъ лошадей, повозки и заготовленный для почтовыхъ лошадей фуражъ, а также ставить въ почтовые дома постой; курьеры и военные чиновники при проѣздахъ на почтовыхъ обязывались платить установленные прогоны.

Армія наша продолжала двигаться ускоренными маршами по направленію къ Парижу, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія; небольшія крѣпости, напримѣръ, Марсаль и другія, сдавались нашимъ войскамъ при самомъ ихъ появленіи, при чемъ найденное въ крѣпостныхъ арсеналахъ оружіе распределялось между полками для раздачи его невооруженнымъ нижнимъ чинамъ. Для наблюденія за оставшимися въ рукахъ непріятеля крѣпостями Мецъ, Саарлуи, Фальцбургъ, Верденъ и другими были оставлены отряды, которые послѣ прохода нашихъ войскъ выступали на соединеніе съ своими дивизіями, передавая наблюденія за крѣпостями 7 кор-

пусу генерала Сабаньева. Продовольствие армии при сосредоточенномъ движеніи нашихъ войскъ черезъ Шампань по мѣстности, въ значительной степени уже разоренной шедшими впереди баварскими и вюртембергскими войсками, представлялось весьма затруднительнымъ; поэтому отъ правой колонны былъ отправленъ по направленію къ сѣверу особый отрядъ для сбора припасовъ и скота посредствомъ реквизиціи; вмѣстѣ съ тѣмъ корпуснымъ командирамъ было предписано двигать войска возможно шире, по обѣимъ сторонамъ большой дороги, соблюдая, однако, военныя предосторожности. Къ 1 іюля предположено было сосредоточить три корпуса (3, 4 и 5) и резервную кавалерію между Мо и Парижемъ; 7 корпусъ генерала Сабаньева былъ оставленъ въ Нанси для истребленія появившихся въ лѣсахъ Вогезскихъ горъ партизанскихъ отрядовъ, а 6 корпусъ генерала графа Ланжерона остался на Рейнѣ для обложенія Страсбурга и Ландау.

Казачи въ Парижѣ. (Акварель Опица).

Партизанскіе отряды составились частью изъ бѣжавшихъ изъ французской арміи послѣ Ватерлоо солдатъ, частью изъ взявшихся за оружіе мѣстныхъ жителей подъ начальствомъ генерала Тиріона, братьевъ Брисъ, Вольфа и другихъ офицеровъ; эти отряды были хорошо организованы и вооружены, постоянно увеличивались въ численности и имѣли правильныя сношенія съ начальниками французскихъ войскъ въ Страсбургъ и Мецъ генералами Раппомъ и Лекурбомъ. Дѣйствовали партизаны пре-

имущественно на дорогахъ въ тылу нашей арміи; такъ, между Саарбургомъ и Викомикомъ ими были захвачены проѣзжавшіе адъютанты прусскаго военнаго министра, по дорогѣ отъ Саарбурга къ Нанси они нападали на проѣзжихъ русскихъ офицеровъ, наконецъ, былъ случай, когда партизанскіе отряды стали обстрѣливать войска, сопровождавшія главную квартиру государя, а начальникъ одного изъ отрядовъ Брисъ ночевалъ въ Нанси въ день отъѣзда государя изъ этого города. Генераль Сабаньевъ для борьбы съ партизанами организовалъ летучіе отряды изъ трехъ родовъ оружія и по-

Лагерь казаковъ въ Парижѣ.
(Грав. Опица.)

Въездъ союзныхъ государей въ Парижъ.
(Совр. грав.)

сылалъ ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ появлялись партизаны, но они не рѣшались вступать въ бой съ войсками и при приближеніи ихъ скрывались въ лѣсахъ.

Графъ Чернышевъ, слѣдуя съ кавалерійскимъ отрядомъ далеко впереди нашей арміи, взялъ съ боя послѣ непродолжительнаго сопротивленія непріятеля г. Шалонъ, при чемъ отбилъ 6 орудій и потерялъ убитыми и ранеными нѣсколько десятковъ нижнихъ чиновъ; этимъ боемъ и ограничились собственно военныя дѣйствія нашей арміи въ кампанію 1815 г., а 6 французскихъ орудій были единственными нашими боевыми трофеями. Затѣмъ графъ Чернышевъ, получивъ свѣдѣнія о приближеніи къ Парижу англійскихъ и прусскихъ войскъ, поспѣшилъ присоединиться къ нимъ и вступилъ вмѣстѣ съ ними въ Парижъ, откуда сообщилъ императору Александру о непріязненномъ отношеніи парижанъ къ Бурбонамъ и о просьбѣ герцога Веллингтона, чтобы государь прибылъ самъ въ Парижъ, дабы «положить конецъ запутанности дѣлъ вообще». Получивъ это донесеніе, государь, вмѣстѣ съ императоромъ Францемъ I и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III съ небольшою свитою выпхалъ 27 іюня изъ С.-Дизье и проѣхалъ 220 верстъ до Парижа на почтовыхъ; на каждой станціи до города Мо для сопровожденія монарховъ было выставлено по 50 казаковъ, далѣе экипажи высокихъ особъ конвоировали отряды баварской и англійской кавалеріи, а въ мѣстечкѣ Банди ихъ ожидалъ почетный караулъ англійской гвардіи; къ вечеру 28 іюня государь прибылъ въ Парижъ и поселился во дворцѣ Элизе Бурбонъ, гдѣ спустя полчаса посѣтилъ его король Людовикъ XVIII; на слѣдующій день прибыли въ Парижъ великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи.

По полученіи въ арміи извѣстія о занятіи союзниками Парижа войскамъ былъ данъ 29 іюня общій отдыхъ, тѣмъ болѣе необходимый, что постоянныя жары и большіе переходы безъ дневокъ сильно утомили солдатъ; въ полкахъ въ этотъ день былъ отслуженъ благодарственный молебенъ по случаю занятія Парижа. Затѣмъ дальнѣйшее движеніе арміи было остановлено и войска были расположены на кантонирь-квартирахъ: 3 пѣхотный корпусъ въ окрестностяхъ Реймса, 4 пѣхотный корпусъ близъ Эперне, 5 пѣхотный корпусъ близъ Мо, 7 пѣхотный корпусъ близъ Нанси, гренадерскій корпусъ близъ Коммерси, 2 резервный кавалерійскій корпусъ близъ Провэна и 3 резервный кавалерійскій корпусъ близъ Линьи; главная квартира арміи была въ городѣ Шалонъ; въ назначенныя по дислокаціи квартиры было предписано вступить только 5 и 7 пѣхотнымъ корпусамъ и резервной кавалеріи, а 3 и 4 пѣхотный корпуса до выясненія обстоятельствъ были расположены по обѣимъ берегамъ рѣки Марны на тѣсныхъ квартирахъ. При вступленіи на квартиры корпуснымъ и дивизіоннымъ начальникамъ предписано было немедленно обезоружить всѣхъ жителей и, въ случаѣ появленія вооруженныхъ скопищъ злоумышленниковъ, посылать легкіе отряды для ихъ разсыиванія; съ цѣлью обезпеченія безопаснаго сообщенія между корпусами на каждой почтовой станціи были размѣщены пѣхотные или кавалерійскіе отряды, на обязанности которыхъ лежало конвоированіе всякаго рода транспортовъ; два казачьихъ полка были распределены по корпусамъ для содержанія летучихъ почтъ; были учреждены двѣ военныя дороги отъ Кайзерслаутерна до Парижа и до Ме-

люна, на которыхъ были назначены этапные пункты, охраняемые караульными командами. Нѣкоторыя дивизіи должны были проходить на свои квартиры черезъ районъ расположенія другихъ войскъ, а двигавшаяся за нашей арміей прусская гвардія на пути къ Парижу должна была пройти почти черезъ весь районъ нашего расположенія; поэтому военнымъ начальникамъ было предписано принять мѣры къ обезпеченію продовольствія проходящихъ войскъ. Для блокады крѣпостей Суассона, Витри, Туля и другихъ были назначены особые отряды. На первое время приказано было

Казакъ, купающіе лошадей въ Севѣ. (Опица, изъ „Стол. Воен. Мин.“).

не располагаться на квартирахъ слишкомъ широко, такъ какъ предполагалась возможность новаго движенія къ рѣкѣ Луарѣ вслѣдъ за отступившими туда остатками арміи Наполеона; впрочемъ, уже 12 іюля войскамъ было разрѣшено широкое расположеніе на кантониръ-квартирахъ. Для обезпеченія доставки отъ французскаго правительства продовольствія военные начальники должны были потребовать отъ мѣстныхъ властей надежныхъ чиновниковъ въ качествѣ комиссаровъ. Команданты блокированныхъ крѣпостей пытались начинать переговоры о капитуляціи съ намѣреніемъ выговорить себѣ право выхода съ оружіемъ; однако, по повелѣнію государя, имъ было объявлено, что изъ крѣпостей никто не будетъ выпущенъ съ оружіемъ и въ началѣ іюля крѣпости Витри, Тіонвиль-Туль, Верденъ, Суассонъ и Мецъ изъявили покорность Людо-

вику XVIII; гарнизоны этихъ крѣпостей были обезоружены и распущены по домамъ, а для охраненія арсеналовъ и складовъ въ крѣпостяхъ были поставлены караулы отъ союзныхъ войскъ.

Въ тылу арміи разсланные генераломъ Сабаньевымъ легкіе отряды нигдѣ не нашли партизановъ, которые ушли въ Вогезскія горы и скрылись тамъ въ лѣсахъ; только отрядъ полковника Орлова настигъ большую партію партизановъ подъ начальствомъ капитана Бриса и 7 іюля отъ имени союзныхъ державъ заключилъ съ Брисомъ конвенцію, по которой парти-

заны обязались сдать свое сружіе и разойтись по домамъ, а офицеры этой партіи дали честное слово не участвовать болѣе во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ союзниковъ. По поводу этой конвенціи возникла длинная переписка между штабомъ главнокомандующаго и главною квартирою государя, при чемъ выяснилось, что полковникъ Орловъ былъ по волѣ государя командированъ въ распоряженіе генерала Сабанѣева, но ни отъ кого не получалъ полномочія входить съ партизанами въ переговоры, а тѣмъ болѣе заключать съ ними конвенцію отъ имени союзныхъ державъ; впрочемъ, конвенція, заключенная Орловымъ съ Брисомъ, была признана соотвѣтствующею нашимъ интересамъ и получила утвержденіе государя. Дѣятельность партизановъ въ тылу арміи продолжалась, и они отъ времени до времени появлялись въ различныхъ пунктахъ, безслѣдно исчезая при приближеніи летучихъ отрядовъ; такъ, около 10 іюля, партизаны напали на городъ Форбахъ и вытѣснили оттуда небольшую команду, оставленную нашими войсками для занятія карауловъ, а дорога около С.-Авольда и Форбаха была весьма не безопасна.

Государь пожелалъ, чтобы въ составъ парижскаго гарнизона были русскія войска, и избралъ для сего 2 гренадерскую и 2 кирасирскую дивизіи; потомъ 2 грен. дивизіи пришлось замѣнить 3 грен., потому что у той было плохое обмундированіе. Вступившіе въ Парижъ русскіе полки были размѣщены по ближайшимъ деревнямъ и предмѣстьямъ, и въ самомъ городѣ былъ оставленъ только гренадерскій короля прусскаго полкъ, помѣщенный въ казармахъ на Зеленой улицѣ (de la rue Verte). Съ слѣдующаго дня наши полки въ общей очереди съ войсками союзныхъ державъ стали занимать въ Парижѣ городскіе караулы; днемъ и ночью отъ всѣхъ карауловъ посылались по городу патрули для наблюденія за порядкомъ и спокойствіемъ.

Недѣли черезъ двѣ по вступленіи нашихъ войскъ въ Парижъ императоръ Александръ, пропѣвая вечеромъ по Елисейскимъ полямъ, увидѣлъ герцога Веллингтона, лично обучавшаго 12 человекъ рекрутъ, и на другой день у насъ начались обычные ученія и разводы; ходили слухи, что эта встрѣча съ герцогомъ Веллингтономъ была устроена умышленно, съ цѣлью направить вниманіе государя на забытую имъ было въ походѣ пагистику.

24 іюля главный штабъ арміи былъ перемѣщенъ въ Мелюнъ, а 4 пѣхотный корпусъ переведенъ отъ Эперне къ Шалону; вмѣстѣ съ тѣмъ были сдѣланы частичныя измѣненія въ расположеніи нашихъ войскъ. Для того, чтобы привести обмундированіе нижнихъ чиновъ въ приличный видъ, графъ Барклай-де-Толли еще 29 іюня объявилъ общую реквизицію съ департаментовъ занятаго нашими войсками района суконныхъ, холщевыхъ и кожаныхъ вещей, которыя должны были свозиться въ особые магазины.

Нижніе чины русской арміи получали продовольствіе по тарифу, изданному генераль-интендантомъ Канкринымъ, при чемъ въ день на человека было положено: хлѣба 2 фунта, риса $\frac{1}{4}$ фунта, мяса $\frac{1}{2}$ фунта (въ другихъ союзныхъ войскахъ полагалось по 1 фунту), водки $\frac{1}{11}$ литра и соли $\frac{1}{30}$ фунта; въ австрійскихъ и прусскихъ войскахъ, кромѣ того, полагалось по $\frac{3}{16}$ фунта масла или жира, по 1 литру пива (или $\frac{1}{2}$ литра вина) и по $\frac{1}{16}$ фунта табаку. Размѣръ отпуска фуража для лошадей по

этому тарифу былъ опредѣленъ въ $\frac{15}{16}$ или $\frac{10}{16}$ буассо овса (смотря по раціону — тяжелому или легкому), 10 фунтовъ сѣна и 2 фунта соломы (только при тяжеломъ раціонѣ); въ другихъ союзныхъ арміяхъ фуражъ отпускался также въ нѣсколько большихъ размѣрахъ. Въ началѣ іюля старые запасы хлѣба у мѣстныхъ жителей уже всѣ истощились и можно было рассчитывать только на предстоящій урожай. Для ускоренія уборки хлѣба графъ Барклай-де-Толли 14 іюля издалъ приказъ, которымъ воспре-

Русскіе въ Парижѣ въ 1814 году. (Съ акварели Опица).

щалось войскамъ чѣмъ — либо мѣшать крестьянамъ въ полевыхъ работахъ, а 19 іюля государь приказалъ нижнимъ чинамъ помогать мѣстнымъ жителямъ. Это распоряженіе значительно сблизило съ нашими солдатами французскихъ крестьянъ, которые стали къ нимъ привыкать и даже полюбили ихъ, въ особенности, сравнивая ихъ отношеніе къ себѣ съ поведеніемъ австрійскихъ и прусскихъ войскъ.

О настроеніи нашихъ войскъ въ это время можно судить изъ слѣдующаго отрывка частнаго письма русскаго офицера Вепрейскаго, присланнаго изъ Нанси въ началѣ августа 1815 г.: «Наша армія въ такомъ теперь видѣ, въ какомъ никогда не бывала: полки комплектные, одѣты чудесно, всѣ въ тонкихъ мундирахъ; люди разъѣлись такъ, что у многихъ мундиры не сходятся; больныхъ почти вовсе нѣтъ; все сдѣлалось ловко, безъ палокъ, рѣдко слышно, чтобы случилась какая-нибудь шалость; солдаты всѣмъ довольны и начинаютъ чувствовать, что они значать, и гордятся своимъ состояніемъ; спросите теперь у 200 тысячъ русскихъ, которые

находятся здѣсь, всякій изъ нихъ согласится нюхать лучше дымъ французскій, нежели русскій; что-то будетъ, какъ назадъ пойдѣмъ въ благословенную Россію!»

Еще въ іюль въ арміи начали говорить по секрету, что государь рѣшилъ передъ выступленіемъ нашихъ войскъ въ обратный путь сдѣлать всей нашей арміи общій смотръ. Сначала предполагалось сдѣлать это «ревю» (смотръ) въ первыхъ числахъ августа подъ Феръ-Шампенуазомъ,

гдѣ годъ тому назадъ русской кавалеріей была одержана блестящая побѣда, но затѣмъ смотръ отложили до конца мѣсяца, чтобы дать время крестьянамъ убрать съ полей хлѣбъ, и избрали для ревью обширную равнину близъ города Вертю въ Шампаньи, въ 120 верстахъ отъ Парижа. Въ главной квартирѣ были составлены чертежи расположенія войскъ на смотру, точно опредѣлены движенія, какія они должны были произвести, и командныя слова для каждого корпуса, государь входилъ во всѣ подробности, и многія распоряженія написаны имъ собственноручно. Около 10 августа корпуснымъ командирамъ была разослана подробнѣйшая диспозиція о предстоящемъ смотрѣ у города Вертю, по которой ревью раздѣлено было на четыре «маневра», т.-е. просто на четыре группы движеній, при чемъ были предсмотрѣны всѣ мелочи, вплоть до послѣдняго команднаго слова; въ началѣ диспозиціи были помѣщены «общія правила», гдѣ, между прочимъ, предписывалось «исполнять все безъ суеты и не торопливо», упоминалось о томъ, что «во всѣхъ случаяхъ артиллерія не должна мѣшать пѣхотѣ», и обращалось особенное вниманіе на церемоніальный маршъ, «ибо въ ономъ государь императоръ въ подробности узрѣть можетъ будетъ выправку людей, ревность и прилежаніе офицеровъ и смотрѣніе за своими полками шефовъ и командировъ». Къ утру 25 августа всѣ наши войска, за исключеніемъ 6 пѣхотнаго корпуса графа Ланжерона, оставшагося на Рейнѣ, должны были сосредоточиться въ лагерь у города Вертю, оставивъ на своихъ квартирахъ обозъ, полковыя тяжести и безоружныхъ нижнихъ чиновъ; 26 августа была назначена репетиція смотра въ присутствіи государя, 27-го и 28-го войска должны были отдыхать, 29 августа предполагался смотръ въ присутствіи союзныхъ монарховъ, а 30 августа—церковный парадъ. Изъ Парижа на смотръ отправилась почти вся главная квартира, при чемъ для государя на почтовыхъ станціяхъ были выставлены лошади изъ обоза главной квартиры; по разсказу Марченко, состоявшаго въ то время секретаремъ при главной квартирѣ, государь лично приказалъ ему пѣхать въ Вертю, сказавъ: «Не повѣрю, чтобы не было любопытно увидѣть на одной площади 150 тысячъ стройныхъ войскъ нашихъ, чего не могу я дома сдѣлать...»

Галаптийскій казакъ. (Vernet).

Русская галантность. (Съ фран. карик.).

26 августа войска наши выстроились къ 6 часамъ утра правымъ флангомъ въ селѣ Бержеръ, а фронтомъ къ высотѣ Монтъ-Эме, гдѣ была устроена царская ставка. Всего подъ Вертю было собрано 132 батальона пѣхоты, 168 эскадроновъ кавалеріи, 35 ротъ пѣшей и 10 ротъ конной артиллеріи, при чемъ въ строю находилось 87 генераловъ, 4.413 штабъ- и оберъ-офицеровъ и 146.045 нижнихъ чиновъ при 540 орудіяхъ; вся армія занимала пространство въ нѣсколько верстъ. Сигналы для командъ подавались выстрѣлами изъ орудій, стоявшихъ на высотѣ Монтъ-Эме. Государь остался очень доволенъ смотромъ и сказалъ окружающимъ его: «Я вижу, что моя армія первая въ свѣтъ; для нея нѣтъ ничего невозможнаго, и по самому наружному ея виду никакія войска не могутъ съ нею сравняться».

27 и 28 августа войска чистились и готовились къ смотру, а въ Вертю съѣзжались гости. Приглашены были императоръ австрійскій, король прусскій, принцъ Леопольдъ Кобургскій, фельдмаршалы: герцогъ Веллингтонъ, князь Шварценбергъ и князь Вреде, всѣ съ многочисленными свитами, а изъ французовъ только генералы баронъ Дамасъ и графъ Сень-При; по спеціальному приглашенію государя прибыла баронесса Крюденеръ. Кромѣ того, множество лицъ, пожелавшихъ видѣть нашу армію, съѣхалось изъ Парижа, Шалона, Реймса, Труа и другихъ городовъ. Вертю и окрестныя мѣстечки и селенія были переполнены официальными гостями, которые заняли почти всѣ дома; большинству частныхъ лицъ пришлось расположиться подъ открытымъ небомъ и въ ночь передъ смотромъ Вертю и его окрестности представляли собою сплошной бивакъ, въ которомъ собралось свыше 10 тысячъ человѣкъ.

29 августа къ 3 часамъ ночи войска были уже готовы къ выступленію изъ лагеря, а въ началѣ 8 часа утра вся армія опять стояла въ томъ же порядкѣ, что и 26 августа. Императоръ Александръ выпхалъ со свитою изъ Вертю и, не поздоровавшись съ войсками, сталъ далеко впереди арміи на холмъ Монтъ-Эме. Въ 10 часовъ къ холму подъѣхали союзные монархи со свитами; государь поскакалъ имъ навстрѣчу и, отса-

лютовавъ, вручилъ императору австрійскому и королю прусскому строевые рапорты, начальникъ главнаго штаба его величества князь Волконскій вручилъ такіе же рапорты герцогу Веллингтону, князю Шварценбергу и князю Вреде; для зрителей на холмъ Монтъ-Эме была устроена особая платформа съ перилами, откуда можно было удобно любоваться смотромъ. «Ревю» происходило въ томъ же порядкѣ, что и 26 августа; вмѣстѣ съ государемъ объѣзжали войска и союзные монархи съ своими свитами, а во время церемоніальнаго марша государь лично предводительствовалъ арміей и салютовалъ союзнымъ монархамъ; въ строю находились великіе князья Николай Павловичъ, командовавшій фанаторійскимъ гренадерскимъ полкомъ, и Михаилъ Павловичъ, командовавшій конною артиллеріей. Государь остался особенно довольнымъ гусарами, уланами и конной артиллеріей. По послѣднему сигналу открылся пушечный и ружейный огонь, продолжавшійся 12 минутъ, отъ котораго, по словамъ современнаго описанія этого смотра, «поколебалась вся окрестность и войска совершенно скрылись въ густыхъ облакахъ пламени и дыма, затмившаго солнце». Иностранцы съ изумленіемъ смотрѣли на наши войска и восхищались ихъ внѣшнимъ видомъ, выправкой и порядкомъ; герцогъ Веллингтонъ сказалъ Михайловскому-Данилевскому, что онъ никогда не воображалъ, чтобы можно было довести армію до столь высокаго совершенства; онъ такъ внимательно слѣдилъ за войсками, что замѣтилъ, что въ одномъ полку не доставало одного эскадрона, а послѣ смотра признавался, что, видя въ Парижѣ двѣ наши дивизіи, полагалъ, что онѣ составлены изъ выбранныхъ изъ всей арміи людей, и весьма былъ удивленъ, когда увидѣлъ на смотрѣ, что ни одна пѣхотная дивизія не уступала гренадерамъ. Императоръ Александръ на расточаемыя нашимъ войскамъ похвалы отвѣтилъ королю прусскому: «Всему, что вы здѣсь видите, я обязанъ нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ».

Послѣ смотра на квартирѣ государя въ Вертю былъ приготовленъ обѣдъ въ палаткахъ, разставленныхъ въ саду, который былъ украшенъ спеціально вызваннымъ съ этою цѣлью архитекторомъ Фонтаномъ; къ обѣду были приглашены иностранные гости и русскіе корпусные и дивизіонные командиры.

Маршруты для обратнаго слѣдованія арміи въ Россію были составлены въ штабѣ главнокомандующаго еще въ первыхъ числахъ августа и 9 августа были утверждены государемъ. Во Франціи былъ оставленъ отдѣльный корпусъ подъ начальствомъ графа М. С. Воронцова.

Войска выступили въ обратный путь изъ лагеря при Вертю 1 сентября эшелонами по одной бригадѣ (2 полка) въ каждомъ; обозы и полковыя тяжести изъ мѣстъ ихъ квартирнаго расположенія выступили на соединеніе съ своими полками. По свидѣтельству генер. Отрощенко, передъ выступленіемъ нашихъ войскъ изъ Франціи въ обратный путь многіе солдаты, «ознакомившіеся съ француженками и подружившіеся съ своими хозяевами, которые отлично ихъ продовольствовали, давая каждый день говядину и кофе», дезертировали изъ полковъ, при чемъ хозяева ихъ скрывали; когда же хозяева стали ихъ понуждать къ работѣ, то многіе дезертиры возвратились къ своимъ полкамъ или явились въ оставшійся во Франціи корпусъ гр. Воронцова»... Безъ особыхъ приключеній армія

наша къ половинѣ ноября 1815 г. добралась до границъ Царства Польскаго.

Командиръ отдѣльнаго корпуса, оставленнаго во Франціи въ составѣ оккупационной арміи герц. Веллингтона, молодой генералъ-адъютантъ гр. М. С. Воронцовъ, сынъ русскаго посла въ Лондонъ. Въ 1812 г. гр. Воронцовъ командовалъ сводной гренадерской дивизіей и въ сраженіи подъ Бородинымъ, когда отъ его дивизіи при защитѣ Семеновскихъ флешей осталось всего 300 чел., былъ раненъ; оправившись отъ раны, онъ догналъ армію

Казачи въ Парижѣ. (Акварель Опица).

въ Вильнѣ и принялъ участіе въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг., а на обратномъ пути въ Россію былъ назначенъ начальникомъ 12 пѣхотной дивизіей, съ которою простоялъ зиму 1814—15 гг. въ окрестностяхъ Калиша, а лѣтомъ 1815 г. прибылъ во Францію. Гр. М. С. Воронцовъ получилъ въ Англіи, подъ руководствомъ своего отца, прекрасное по тому времени образованіе, обладалъ замѣчательною ловкостью, тактомъ и умѣньемъ привлекать къ себѣ людей, а своими передовыми взглядами выдѣлялся изъ среды современныхъ ему генераловъ. Человѣкъ, въ высокой степени гуманный, гр. Воронцовъ настаивалъ на рѣзкомъ разграниченіи взысканій за проступки и преступленія, строго преслѣдовалъ кулачную расправу и жестокое обращеніе офицеровъ съ нижними чинами и ограничилъ примѣненіе тѣлесныхъ наказаній за маловажные проступки, издавъ для 12 пѣ-

хотной дивизіи спеціальныя правила объ обхожденіи съ нижними чинами. Въ одномъ изъ писемъ къ ген. Сабаньеву въ 1815 г. гр. М. С. Воронцовъ пишетъ: «Я всегда въ себѣ думалъ, что ежели по опыту найду, что военная служба безъ пустого и безъ резоннаго безчеловѣчія существовать не можетъ, то я въ оной не слуга и пойду въ отставку; но чѣмъ больше я видѣлъ, тѣмъ больше увѣрился, что строгость нужна только за настоящія вины, а не по педантству или капризамъ, что въ семъ слу-

Русскій, берущій уроки граціи въ Парижѣ. (Съ фр. карик.).

часть она только унижаетъ солдатъ и совершенно истребляетъ всякую амбицію и усердіе. Гдѣ дерутся безъ причины; тамъ за настоящія преступленія мало въ препорціи взыскиваютъ. Солдатъ, который ждетъ равнаго наказанія за разбой и за то, что онъ не умѣлъ хорошо явиться въѣстовымъ, привыкаетъ думать, что и грѣхи сіи суть равные. Пощечины дурного солдата не исправляютъ, а хорошаго портятъ». Къ водворившейся въ первомъ десятилѣтіи XIX в. въ нашей арміи павловской системы обученія войскъ, къ разнымъ «экзерциціямъ» и «мелкимъ штукамъ народнымъ» гр. Воронцовъ относился весьма отрицательно и въ ожиданіи смотра при Вертю обращался къ ген. Маевскому съ спеціальной просьбой прислать на нѣсколько дней знающаго офицера, который могъ бы показать его полкамъ «все нужное для парада». Не обращая вниманія на обученіе плацъ-параднымъ тонкостямъ, гр. Воронцовъ вводилъ въ своей дивизіи разнаго рода усовершенствованія въ обученіи нижнихъ чиновъ; такъ, во всѣхъ пѣхотныхъ полкахъ онъ ввелъ обученіе разсыпному строю, которому тогда обучали только въ егерскихъ полкахъ, дѣлалъ попытки къ болѣе серьезной постановкѣ обученія стрѣльбѣ и т. д.

1 сентября 1815 г. гр. Воронцовъ получилъ отъ главнокомандующаго извѣщеніе о назначеніи его по Высочайшему повелѣнію командиромъ отдѣльнаго корпуса. Въ составъ этого корпуса были назначены 9 и 12 пѣхотныя и 3 драгунская дивизіи съ ихъ артиллеріей, два донскихъ полка, два артиллерійскихъ парка и одна піонерная рота, всего около 30.000 чел. Оставленные во Франціи войска изъ лагеря при Вертю выступили въ назначенныя имъ по составленной въ штабѣ главнокомандующаго дислокаціи квартиры въ департаментахъ Мертъ, Мозель, Мезъ, Марны и Верхней Марны; корпусная штабъ-квартира была назначена въ Нанси. По выступленіи дѣйствующей арміи изъ предѣловъ района, назначеннаго для войскъ отдѣльнаго корпуса, гр. Воронцову предписано было расположить ихъ простор-

нѣе. Кромѣ 2 артиллерійскихъ парковъ, въ распоряженіе гр. Воронцова были предоставлены всѣ артиллерійскіе запасы, оставленные въ Бамбергѣ, которые въ случаѣ надобности могли быть доставлены къ мѣстамъ расположенія отдѣльнаго корпуса. Наконецъ къ корпусу было прикомандировано отдѣленіе подвижнаго магазина для перевозки провіанта и фуража. Гр. Воронцову было представлено избрать чиновъ корпуснаго штаба, которые затѣмъ были предоставлены главнокомандующимъ на утвержденіе государя.

Съ переходомъ арміи за Рейнъ отдѣльный корпусъ выходилъ изъ подчиненія главнокомандующему, и по всѣмъ дѣламъ гр. Воронцову было предписано входить съ представленіями непосредственно къ государю и сноситься съ управляющимъ военнымъ министерствомъ.

Въ первой половинѣ сентября корпусъ гр. Воронцова расположился на кантонирь-квартирахъ. Полки были расположены просторно для того, чтобы распределить тяжесть постоя возможно равномернѣе между мѣстными жителями; штабъ корпуса сдѣлалъ сношеніе съ префектами департаментовъ о заготовленіи необходимыхъ запасовъ продовольствія, а дивизіоннымъ и полковымъ командирамъ предписано было войти въ соглашеніе съ супрефектами округовъ и занимать постоемъ только тѣ селенія, которыя будутъ нужны по числу людей, съ тѣмъ, чтобы прочія селенія округовъ принимали участіе въ продовольствіи войскъ.

8/20 ноября 1815 г. въ Парижѣ былъ подписанъ мирный трактатъ между Франціей и союзными державами. По ст. IV трактата Франція обязалась уплатить союзнымъ державамъ денежное вознагражденіе въ 700 милл. франковъ, изъ коихъ 137½ милл. франк. были распределены между Нидерландами, Пруссіей, Сардиніей и Испаніей на расходы по укрѣпленію наиболѣе важныхъ пунктовъ на границахъ Франціи, 50 милл. франк. было выдѣлено Англіи и Пруссіи во вниманіе къ тому, что первая тягость войны была понесена войсками герц. Веллингтона и кн. Блюхера, взявшими затѣмъ и Парижъ, а 12½ милл. франк. были назначены Испаніи, Португаліи, Швейцаріи и Даніи; наконецъ изъ остальныхъ 500 милл. франковъ получили по 100 милл. франк. Пруссія, Австрія, Англія и Россія, а 100 милл. франк. были распределены между остальными державами, присоединившимися къ трактату 13/25 марта 1815 г. Согласно ст. V мирнаго трактата, союзныя державы, полагая, что «смутное и безпокойное состояніе умовъ во Франціи—сіе необходимое слѣдствіе столь долго терзавшихъ оную смятеній, и послѣдняго несчастнаго происшествія—можетъ еще сдѣлаться источникомъ новыхъ бѣдствій, и что поэтому безопасность государствъ сопредѣльныхъ требуетъ принятія чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности и охраненія», признали необходимымъ «занять на время нѣкоторыя военныя позиціи въ границахъ французскихъ особеннымъ корпусомъ союзныхъ войскъ, число коихъ должно быть не свыше 150 тыс. чел.». Этими войсками положено было занять 17 французскихъ крѣпостей (Конде, Валансиенъ, Бушенъ, Камбре, Мезіеръ, Седанъ, Монмеди, Тіонвиль, Лонгви, Бичъ, Фуръ-Луи, Ле-Кенуа, Мобежъ, Ландресси, Авень, Рокруа, Живе и Шарлемонъ) срокомъ не болѣе, чѣмъ на 5 лѣтъ; военное занятіе крѣпостей могло быть прекращено и ранѣе этого срока, если черезъ 3 года союзными монархами и королемъ Франціи, «по тщательномъ разсмотрѣніи какъ состоянія и взаимныхъ выгодъ ихъ державъ, такъ и сте-

пени утверждения порядка и тишины во Франціи, будетъ согласно признано, что нѣтъ уже болѣе тѣхъ причинъ, кои побудили ихъ къ принятію сей мѣры предосторожности». Во всякомъ случаѣ, по истеченіи 5 лѣтъ, всѣ занятыя союзными войсками крѣпости и мѣста должны быть ими оставлены и сданы французскому правительству.

Особою нотою 8/20 ноября 1815 г. министры союзныхъ державъ сообщили герц. Ришелье о возложеніи союзными монархами командованія оккупационной арміей на герц. Веллингтона и о предоставленіи ему, въ случаѣ надобности, принимать по своему усмотрѣнію необходимыя мѣры для защиты французскаго короля отъ новыхъ революціонныхъ смятеній; посредниками между герц. Веллингтономъ и французскимъ правительствомъ должны были служить посланники союзныхъ державъ при королѣ Франціи.—Того же числа Россія заключила союзные трактаты съ Англіей, Австріей и Пруссіей, по которымъ договаривающіяся стороны, въ случаѣ нападенія со стороны Франціи на оккупационныя войска, или въ случаѣ надобности вооружиться противъ Франціи для соблюденія постановленій мирнаго трактата или для охраненія и обезпеченія «важныхъ пользъ», къ коимъ оныя имѣютъ отношеніе, обязались выставить немедленно по 60 тыс. чел. войска,

Русскіе и англичане веселятся. (Съ фр. карик.).

а при недостаткѣ этихъ войскъ—употребить всѣ свои силы для скорѣйшаго и благополучнаго окончанія войны. Герцогу Веллингтону была дана особая инструкція, по которой ему было предоставлено право оставить союзныя войска въ окрестностяхъ Парижа, если бы онъ призналъ это необходимымъ для обезпеченія спокойствія столицы.

25 ноября 1815 г. гр. Воронцовъ получилъ отъ герц. Веллингтона распоряженіе передвинуть корпусъ отъ г. Нанси къ бельгійской границѣ. Жители Нанси провожали русскія войска съ сожалѣніемъ—они привыкли къ нимъ и оцѣнили ихъ поведеніе по сравненію съ войсками другихъ союзныхъ державъ, особенно баварскими и прусскими; начальнику штаба корпуса ген.-м. Понсету граждане г. Нанси поднесли въ подарокъ пьнковую трубку, принадлежавшую нѣкогда королю Станиславу.—По присланнымъ изъ штаба герц. Веллингтона маршрутамъ наши войска 12 декабря начали передвиженіе эшелонами, по одной бригадѣ пѣхоты или полку кавалеріи въ каждомъ, и къ 5 января 1816 г. заняли новыя квартиры въ департаментахъ Сьверномъ и Арденнъ. Почти весь районъ, на-

значенный для нашего корпуса, былъ до того времени занятъ прусскими войсками, которыя его совершенно разорили; крѣпости Мобежъ, Авень, Рокруа, Ландреси, Живе и Шарлемонъ были опустошены пруссаками—изъ нихъ была вывезена вся артиллерія и военные припасы, а въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ были даже оторваны въ казармахъ замки, сняты оконныя рамы и разобраны крыши. Вообще всѣ эти крѣпости имѣли захудалый видъ и въ военномъ отношеніи не имѣли почти никакого значенія.

Въ концѣ января и началѣ февраля 1816 г. штабъ корпуса началъ принимать мѣры для постепеннаго перехода отъ размѣщенія нижнихъ чиновъ у обывателей къ казарменному расположенію. Съ этою цѣлью велись съ мѣстными властями переговоры о томъ, чтобы коммуны, назначенныя для постоя, отводили для помѣщенія войскъ отдѣльные дома, которые предварительно подвергались тщательному осмотру; вмѣстѣ съ отводомъ домовъ коммуны должны были доставить по числу людей постельныя принадлежности, считая на каждую кровать по одной подушкѣ и по двѣ простыни, а на двоихъ по три одѣяла; мэры коммунъ считали этотъ способъ размѣщенія войскъ слишкомъ дорогимъ для обывателей и сначала соглашались на него неохотно. Для того, чтобы побудить коммуны къ отводу отдѣльныхъ домовъ подъ казармы, было рѣшено располагать войска во всѣхъ деревняхъ, назначенныхъ для постоя; эта мѣра подѣйствовала и въ концѣ февраля стали поступать въ корпусный штабъ донесенія объ устройствѣ жителями казармъ для нижнихъ чиновъ. Обыкновенно коммуна отводила для казармъ отдѣльный домъ, снабдивъ его постельными принадлежностями и необходимою мебелью, иногда казармы устраивались сообщеніемъ нѣсколькими коммунами, распредѣлявшими между собою расходы по найму домовъ и ихъ оборудованію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ для казармъ строились новые дома внѣ селеній, поблизости къ полковымъ и батальоннымъ квартирамъ. Отъ жителей наши войска получали только помѣщенія; провіантъ, продовольствіе, фуражъ и топливо, положенные по тарифу, доставлялись за счетъ французскаго правительства на ротные дворы особыми подрядчиками, и войска сами приготавливали себѣ пищу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и пекли хлѣбъ. Вновь назначеннымъ комендантамъ крѣпостей Мобежъ, Авень, Ландреси, Рокруа, Живе и Шарлемонъ было предписано осмотрѣть имѣвшіяся въ этихъ крѣпостяхъ казармы и выяснитъ степень ихъ пригодности для помѣщенія войска; большая часть казармъ оказалась въ весьма плачевномъ видѣ—безъ дверей и оконныхъ рамъ, съ обвалившимися потолками, гнилыми полами и разрушенными крышами; французское правительство отпустило деньги на приведеніе казармъ въ исправный видъ и весною должны были начаться работы по ихъ ремонту.

Въ концѣ марта и началѣ апрѣля 1816 г. штабъ корпуса приступилъ къ производству топографической съемки занятаго нашими войсками района, для чего были назначены состоящіе при корпусѣ офицеры свиты его величества по квартирмейстерской части, а также нѣсколько молодыхъ артиллерійскихъ офицеровъ. Кромѣ того, одному изъ офицеровъ квартирмейстерской части было поручено снять копіи съ плановъ и мемуаровъ, собранныхъ въ архивѣ крѣп. Живе и Шарлемонъ. Независимо отъ съемки офицерамъ квартирмейстерской части было предписано произвести рекогносцировку дорогъ, проходящихъ въ районѣ расположенія дивизій, и поста-

вить на дорогахъ каменные столбы съ обозначеніемъ числа верстъ; при этомъ выяснилось, что многія дороги осенью дѣлаются совершенно непроѣзжими, а потому штабъ корпуса обратился къ префектамъ департаментовъ съ требованіемъ исправить хотя бы самыя плохія мѣста. Въ 1817 г. среди офицеровъ квартирмейстерской части разыгралось очень характерное съ бытовой точки зрѣнія дѣло; во время работъ въ чертежной одинъ изъ офицеровъ прапорщикъ баронъ Менце въ разговорѣ съ товарищами непочтительно отозвался о своемъ начальникѣ оберъ-квартирмейстерѣ полковникѣ Шубертѣ; офицеры квартирмейстерской части, по предложенію полковника Шуберта, подписали заявленіе о томъ, что они не желаютъ продолжать съ барономъ Менце службу «за неприличные офицерскому званію его поступки»; полковникъ Шубертъ представилъ это заявленіе начальнику главнаго штаба его величества, а баронъ Менце подалъ рапортъ о томъ, что онъ «не считаетъ Россію своимъ отечествомъ и не желаетъ быть ей подданнымъ, гражданиномъ и солдатомъ». По Высочайшему повелѣнію баронъ Менце былъ преданъ военному суду, при чемъ выяснилось, что нѣкоторые изъ офицеровъ, подписавшихъ заявленіе, совершенно его не знаютъ и что онъ, Менце, «кажется нѣсколько помпѣшанъ чтеніемъ философическихъ сочиненій, которыя на многихъ людей произвели таковое дѣйствіе». Военный судъ, оставляя безъ вниманія поданный барономъ Менце «въ видѣ вольнодумства» рапортъ, такъ какъ «онъ писанъ имъ въ разстроенныхъ чувствахъ», приговорилъ его за неприличный отзывъ о начальникѣ къ отставленію отъ службы; аудиторіатскій департаментъ полагалъ, отставя барона Менце отъ службы, поручить его отцу или ближайшимъ родственникамъ для излѣченія, но государь повелѣлъ отослать его для содержанія и лѣченія въ Шлиссельбургскую крѣпость; сколько времени содержался бар. Менце въ Шлиссельбургѣ и чѣмъ кончилось его «лѣченіе», къ сожалѣнію, не удалось установить.

Весною 1816 г. устройство коммунами казармъ пошло очень успѣшно, и значительная часть нижнихъ чиновъ, расположенныхъ по деревнямъ, была размѣщена казарменнымъ порядкомъ въ отдѣльныхъ домахъ.

Русскіе въ игорномъ домѣ въ Парижѣ.

Съ наступленіемъ теплой погоды штабъ корпуса собралъ свѣдѣнія объ имѣющихся въ расположеніи полковъ свободныхъ мѣстахъ для производства строевыхъ учений; въ нѣкоторыхъ ротахъ такихъ мѣстъ вовсе не оказалось, въ другихъ хотя и были свободныя мѣста, но для сбора на ученіе разбросанной по деревнямъ роты, требовалось отъ одного до трехъ часовъ; еще труднѣе было организовать батальонныя и полковыя ученія, такъ какъ для сбора нѣкоторыхъ полковъ требовалось отъ 5 до 10 часовъ. Строевыя занятія лѣтомъ 1816 г. велись въ частяхъ корпуса по усмотрѣнію полковыхъ и дивизіонныхъ командировъ; гр. Воронцовъ, съ своей стороны, распорядился въ концѣ августа о вызовѣ на нѣсколько дней въ лагерь при крѣп. Мобежъ конно-артиллерійской № 25 роты и Смоленскаго драгунскаго полка, которымъ для этого изъ мѣстъ ихъ стоянки (Атиньи и Шомонъ) пришлось пройти походомъ ротѣ 6 дней, а полку 4 дня.

Къ 18 сентября всѣ войска корпуса были собраны для маневровъ и смотра: 9 пѣхотная дивизія и казачьи полки въ лагерь близъ крѣп. Рокруа, а 12 пѣхотная и 3 драгунская дивизія у Моберфонтена. 4 октября войска нашего корпуса осматривалъ въ окрестностяхъ кр. Рокруа герц. Веллингтонъ и остался ими очень доволенъ; въ пѣхотѣ заслужили его одобреніе единообразіе, отличная выправка людей, свободный и ровный шагъ, бодрый видъ солдатъ; кавалерія превзошла всякія ожиданія, несмотря на то, что ремонтныя лошади еще не были получены; артиллерія благодаря болотистому грунту, дававшему ей возможность показать свою подвижность, привела всѣхъ въ удивленіе, и герцога нѣсколько разъ повторялъ, что наша артиллерія первая въ свѣтѣ. Русскія войска такъ понравились герц. Веллингтону, что онъ пожелалъ видѣть частное ученіе и 11 октября близъ м. Ле-Като смотрѣлъ ученіе двухъ бригадъ 12 пѣхотной дивизіи съ ихъ артиллеріей и 2 казачьими полками. Въ серединѣ октября въ лагерь при Денанъ (Denaing) былъ назначенъ по случаю приѣзда герц. Кембриджскаго смотръ всего англійскаго корпуса, ганноверскихъ, саксонскихъ и датскихъ войскъ; вызванная на смотръ англійская кавалерія, съ согласія гр. Воронцова, была размѣщена въ районъ расположенія нашего корпуса, при чемъ нѣкоторыя роты Новоингерманландскаго полка и сотни казачьихъ Гревдова и Ягодина полковъ были выведены на нѣсколько дней изъ своихъ квартиръ и размѣщены въ свободныхъ селеніяхъ по сосѣдству. 18 и 19 октября были произведены двусторонніе маневры съ участіемъ Нарвскаго, Смоленскаго, 1 батал. Алексопольскаго и 2 ротъ Новоингерманландскаго полковъ, 12 пѣхот. дивизіи и піонерской роты, подъ командою ген.-м. Лисаневича, и Нашебургскаго, Апшеронскаго, Рязскаго и 1 батал. Якутскаго полковъ 9 пѣхот. дивизіи подъ командою ген.-м. Ахлестышева; въ каждый изъ отрядовъ было наряжено по одной сотнѣ казаковъ и по нѣсколько повозокъ подвижнаго магазина; въ то время такіе маневры производились сравнительно рѣдко, преимущественно при смотрахъ государя и высшихъ начальствующихъ лицъ, такъ что введеніе ихъ въ корпусъ гр. Воронцова въ кругъ обычныхъ строевыхъ занятій являлось нововведеніемъ.

Вступивъ въ командованіе корпусомъ, гр. Воронцовъ обратилъ вниманіе на развитіе среди нижнихъ чиновъ грамотности, такъ какъ вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ и походовъ число грамотныхъ нижнихъ чиновъ

настолько уменьшилось, что приходилось назначать неграмотных на должность унтеръ-офицеровъ и даже фельдфебелей. Сначала гр. Воронцовъ предписалъ завести въ полкахъ обыкновенныя школы грамотности, въ которыхъ обучали нижнихъ чиновъ офицеры и священники; однако обученіе грамотъ въ этихъ школахъ подвигалось довольно медленно, а потому рѣшено было ввести распространившуюся въ то время въ Англіи и Франціи ланкастеровскую систему взаимнаго обученія. Съ помощью состоявшаго при гр. Воронцовѣ дипломатическаго чиновника Тургенева былъ найденъ въ Парижѣ учитель Гарни, который взялся показать ланкастеровскій методъ и подъ надзоромъ Тургенева и адъютанта кн. Голицына зимою 1816—1817 гг. въ корпусѣ были открыты четыре училища, для которыхъ была издана въ Мобержѣ особая книжка: «Краткая метода взаимнаго обученія для первоначальной школы российскихъ солдатъ, приспособленная равно и для дѣтей». Сущность ланкастеровской системы обученія сводилась къ слѣдующему: въ каждой школѣ обучающіеся проходили послѣдовательно 8 классовъ; первый писалъ на насыпанномъ на столахъ песокъ буквы, второй писалъ и читалъ двухбуквенныя склады, третій—трехбуквенныя, четвертый—четыребуквенныя, пятый — односложныя слова, шестой — двухсложныя, седьмой—трехсложныя и восьмой—многосложныя; учитель давалъ

Прощальный привѣтъ русскаго парижанкѣ.
(Рис. Верне, грав. Дебикуръ).

только общее направленіе и руководилъ дѣятельностью своихъ помощниковъ, такъ называемыхъ показателей, которыми назначались лучшіе ученики 8 класса; въ каждой школѣ было 20 показателей, въ томъ числѣ 4 главныхъ (два для порядка и письма, и по одному для чтенія и ариѳметики) и 16 классныхъ (по 2 на каждый классъ); главные показатели наблюдали за классными, изъ коихъ каждый обучалъ группу учениковъ; въ классахъ была установлена строжайшая дисциплина, и всѣ движенія производились не иначе, какъ по командѣ. По словамъ представленнаго гр. Воронцовымъ въ 1818 г. государю отчета ланкастеровскія училища въ короткое время значительно увеличили число грамотныхъ нижнихъ чиновъ, что, между прочимъ, отразилось на увеличеніи

числа писемъ, отправляемыхъ нижними чинами на родину; гр. Воронцовъ придавалъ особое значеніе развитію переписки нижнихъ чиновъ съ ихъ родными, считая это однимъ изъ способовъ «дѣйствовать на расположеніе солдатъ къ отечественнымъ связямъ», и принятыми имъ мѣрами по упорядоченію пересылки писемъ достигъ того, что за 3 года однихъ солдатскихъ писемъ было отправлено изъ Франціи болѣе 20.000. Графъ Воронцовъ въ своемъ отчетѣ государю выражалъ надежду, что по примѣру отдѣльнаго корпуса ланкастеровскія школы будутъ заведены во всей арміи, и указывалъ даже, что для этой цѣли имъ предоставлено кн. Волконскому около 100.000 франк. Первое время въ гвардейскихъ полкахъ въ Петербургѣ, дѣйствительно, были заведены такія школы, но послѣ волненія въ Семеновскомъ полку въ 1820 г. онѣ были закрыты, такъ какъ возникло подозрѣніе, что безпорядки возникли подѣ вліяніемъ ланкастеровскихъ школъ.

Въ первыхъ числахъ марта 1817 г. близъ Ватиньи (Wattigny) были произведены маневры, въ которыхъ участвовали вся 12 пѣхотная дивизія и 2 бригады 9 пѣхот. дивизіи съ ихъ артиллеріей и по 2 сотни казаковъ съ каждой стороны, — 5 марта въ Мобежъ прибылъ изъ Англіи вел. князь Николай Павловичъ, 6 марта великій князь принималъ генераловъ и штабъ-офицеровъ ближайшихъ къ Мобежу частей корпуса и осматривалъ казармы и военный госпиталь, а 7 марта присутствовалъ на маневрѣ.

Въ апрѣль 1817 г. было получено высочайшее повелѣніе объ отправленіи въ Россію Курляндскаго полка, и 20 апрѣля этотъ полкъ подѣ командою полк. гр. Гудовича выступилъ походнымъ порядкомъ въ Россію.

Въ половинѣ мая 1817 г. было получено распоряженіе отправить въ Россію два полка 9 пѣхотной дивизіи — Апшеронскій и 38 егерскій; первый изъ нихъ былъ вызванъ въ Россію, потому, что явилось подозрѣніе, что онъ «офранцузился» подѣ вліяніемъ полкового командира гр. Полиньяка — француза и бывшего офицера французской королевской гвардіи. Полки эти подѣ командою ген.-м. Полторацкаго, вмѣстѣ съ отправленной съ ними командою неспособныхъ и дезертировъ (600 чел.), начали 5 іюня походъ эшелонами побатальонно и, пройдя черезъ районъ, занятый англійскими войсками, прибыли между 16 и 19 іюня къ Дюнкирхену, гдѣ расположились по деревнямъ и нѣкоторое время ожидали прибытія присланной за ними изъ Балтійскаго моря русской эскадры вице-адмирала Кроуна. 21 іюня полки были посажены на суда и въ первыхъ числахъ іюля прибыли въ Ораніенбаумъ.

Въ маѣ 1818 г. корпусъ гр. Воронцова смотрѣлъ вел. князь Михаилъ Павловичъ, которому были представлены всѣ войска за исключеніемъ оставленныхъ въ крѣпостяхъ караульных командъ. Повидимому, въ придворныхъ сферахъ въ Петербургѣ ходили слухи, что войска наши «офранцузились», что гр. Воронцовъ не обращаетъ вниманія на высочайше утвержденныя правила фронтового обученія и вводитъ у себя «татарщину»; чтобы опровергнуть эти сплетни, великому князю было представлено батальонное ученіе Нарвскаго пѣхотнаго полка, которымъ когда-то командовалъ самъ гр. Воронцовъ, и великій князь остался очень доволенъ, а въ разговорахъ съ приближенными не скрывалъ своего удивленія, такъ какъ ожидалъ найти корпусъ въ безпорядкѣ. Послѣ

смотра вел. князь Михаилъ Павловичъ прїѣхалъ въ Англію и оттуда послалъ государю обширное письмо на 20 стр., съ подробнымъ отчетомъ о состояніи корпуса гр. Воронцова; въ этомъ письмѣ великій князь приводилъ хвалебный отзывъ о русскихъ войскахъ герц. Веллингтона, а затѣмъ передавалъ свои впечатлѣнія, отзываясь съ большою похвалою о 12 пѣхотной дивизіи и, въ особенности, о Нарвскомъ пѣх. полку; въ частности, великій князь указывалъ на отличное состояніе госпиталей и школъ грамотности; больше всего замѣчаній великій князь сдѣлалъ по отношенію къ кавалеріи, гдѣ вслѣдствіе дурной погоды, длившейся до половины мая, прибывшія позднею осенью изъ Россіи ремонтныя лошади оказались недостаточно хорошо выпъзженными. По желанію великаго князя во Францію были посланы образцовые мундиры для трубачей, барабанщиковъ и тамбурмажоровъ, по которымъ приказано было переплать мундиры, сшитые во Франціи.

Лѣтомъ 1818 г. начали ходить слухи о предстоящемъ возвращеніи корпуса гр. Воронцова въ Россію, но окончательно вопросъ о сокращеніи на два года 5-лѣтняго срока оккупачіи Франціи союзными войсками былъ рѣшенъ на конгрессѣ въ г. Ахенѣ въ октябрь 1818 г. Прямо съ конгресса имп. Александръ I проѣхалъ въ Мобежъ, гдѣ произвелъ смотръ войскамъ корпуса гр. Воронцова и нашелъ ихъ въ совершенномъ порядкѣ и устройствѣ, сдѣлавъ одно лишь замѣчаніе, что люди при маршировкѣ «не довольно вытягиваютъ носки»; между прочимъ, государь посѣтилъ въ Мобежѣ и школу взаимнаго обученія и очень заинтересовался ланкастеровскою системою. 13 октября государь присутствовалъ на блестящемъ балу, данномъ гр. Воронцовымъ, и пожаловалъ многимъ генераламъ и офицерамъ корпуса награды; самъ гр. Воронцовъ получилъ орденъ св. Владимира 1 степ., чѣмъ остался недоволенъ, такъ какъ разсчитывалъ быть произведеннымъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ тотъ же день государь объявилъ о возвращеніи отдѣльнаго корпуса въ Россію.

Объ отношеніяхъ нашихъ войскъ къ мѣстнымъ жителямъ во время пребыванія корпуса гр. Воронцова во Франціи лучше всего можно судить по возникавшимъ въ корпусѣ суднымъ и слѣдственнымъ дѣламъ за всѣ три года (1815—1818); въ корпусѣ было возбуждено 95 военносудныхъ дѣлъ, а кромѣ того, произведено 57 слѣдствій, прекращенныхъ безъ преданія суду за отсутствіемъ виновныхъ; при общей численности корпуса свыше 30.000 чел. это число дѣлъ слѣдуетъ признать незначительнымъ. Преобладающими преступленіями нижнихъ чиновъ были различные виды воровства (за что осуждено 40 чел.), побѣги (28 ч. осужденныхъ) и убійства (13 осужденныхъ, изъ нихъ 3 ч. за убійство товарищей); если принять во вниманіе, что въ числѣ случаевъ воровства были и мелкія кражи у товарищей, то за преступленіе противъ мѣстныхъ жителей окажется осужденными за 3 года не болѣе 50 чел., а именно 30 ч. за воровство, 10 за убійство, 7 ч. за грабежъ, 1 ч. за изнасилованіе; кромѣ того, нѣсколько человѣкъ было осуждено за поддѣлку французской монеты и за провозъ контрабанды. Изъ числа прекращенныхъ за нерозыскомъ виновныхъ слѣдствій по жалобамъ мѣстныхъ жителей возникло лишь 12 дѣлъ о грабежахъ и насиліяхъ, учиненныхъ неизвѣстными лицами, и 4 дѣла о провозѣ контрабанды. Съ другой стороны, довольно

часто возбуждались слѣдствія по поводу найденныхъ убитыми нашихъ нижнихъ чиновъ, а также по поводу нападенія мѣстныхъ жителей на чиновъ корпуса; нерѣдко въ нижнихъ чиновъ стрѣляли въ пустынныхъ мѣстахъ неизвѣстные злоумышленники, которыхъ почти никогда не удавалось обнаружить, а при задержаніи ихъ и отправленіи, согласно конвенціи къ мѣстнымъ властямъ, французскіе суды дѣйствовали пристрастно. Когда Овернскій трибуналъ въ 1816 г. оправдалъ таможенного сторожа, безъ всякаго основанія застрѣливаго нашего казака, гр. Воронцовъ объявилъ высшимъ французскимъ властямъ, что «всякаго виновнаго противъ русскихъ француза онъ будетъ судить нашими законами и подвергать по онымъ наказанію, хотя бы и привелось разстрѣлять»; военнымъ начальникамъ было предписано задерживаемыхъ злоумышленниковъ изъ мѣстныхъ жителей не отсылать къ мѣстнымъ властямъ, а представлять въ штабъ корпуса. Несмотря на возраженія французскаго правительства, гр. Воронцовъ привелъ свою угрозу въ исполненіе и, когда черезъ нѣкоторое время въ убійствѣ одного артиллериста были заподозрѣны таможенные, распорядился арестовать всю ихъ команду и отпустилъ ихъ только по разслѣдованіи дѣла, когда оказалось, что противъ нихъ никакихъ уликъ. Этотъ случай настолько подѣйствовалъ, что дальше французскіе суды, по словамъ отчета гр. Воронцова, показывали намъ не только безпристрастіе, но даже усердіе и ревность.

15 октября 1815 г. гр. Воронцовымъ былъ отданъ по корпусу приказъ о выступленіи въ обратный путь въ Россію.

При выступленіи корпуса жители Мобежа, Авена, Ле-Като и другихъ городовъ выбрали медаль съ изображеніемъ гр. Воронцова и поднесли ему благодарственный адресъ, а войска корпуса, съ высочайшаго соизволенія, поднесли гр. Воронцову великопальную вазу съ перечисленіемъ на ней частей, входившихъ въ составъ корпуса.

Гр. Воронцовъ лично довелъ одну колонну корпуса до границы Царства Польскаго, а затѣмъ въ первыхъ числахъ января сдалъ командованіе корпусомъ ген.-л. Алексѣеву и уѣхалъ въ отпускъ въ Парижъ.

А. С. Лыкошинъ.

(Рис. Chaudet, Fontaine et Percier).

— Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Е О Т К Л И К И . —

I. Наполеонъ и романтизмъ.

Л. С. Козловскаго.

I.

и одна судьба не оставила столь яркаго слѣда въ поэзіи, какъ феерическая судьба Наполеона съ его сказочнымъ возвышеніемъ и трагическимъ концомъ. И именно этотъ конецъ придалъ поэтической судьбѣ Наполеона невиданный блескъ. Викторъ Гюго въ одномъ изъ своихъ афоризмовъ, приведя изреченіе Магомета, гласящее, что «солнце взойдетъ съ заката своего», спрашиваетъ, «не про Наполеона ли хотѣлъ онъ сказать?»

Дѣйствительно, закатъ Наполеона былъ восходомъ его солнца въ поэзіи. Изъ-за острова св. Елены надъ океаномъ встало солнце величавое и яркое, и въ лучахъ своихъ бросило въ міръ новый образъ героя, просвѣтленный, чистый и ясный.

Началось новое побѣдное шествіе завоевателя уже въ царствѣ словъ и образовъ. Теперь онъ уже не наполнялъ вселенной пороховымъ дымомъ, выждавшимъ глаза и мѣшавшимъ дышать, трескомъ ружейныхъ залповъ не заглушалъ криковъ свободы и съ полей сраженія несъ не «ужасы войны», а только блескъ славы и героическія чувства. И пѣвцы свободы склонились передъ этимъ новымъ завоевателемъ, склонились тѣмъ охотнѣе, что, возвеличивая его, они бросали вызовъ современнымъ врагамъ свободы—Бурбонамъ и нѣмецкимъ князьямъ, которыхъ такъ унижилъ Наполеонъ. Образованіе наполеоновскаго культа въ романтической поэзіи

облегчалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ поэтовъ того времени изъ дѣтскихъ воспоминаній сохранили образъ императора.

«Однажды въ Пантеонѣ въ день торжествъ—мнѣ было лѣтъ семь тогда—я видѣлъ Наполеона», рассказываетъ Викторъ Гюго въ стихотвореніи *Souvenir d'enfance* («*Les feuilles d'automne*»). Это стихотвореніе—лучшее изъ посвященныхъ французскимъ романтикомъ Бонапарту—очень ярко передаетъ тотъ образъ императора, который жилъ въ романтическихъ грезахъ, оно показываетъ, чѣмъ сталъ Наполеонъ для того поколѣнія поэтовъ, которое видѣло его сквозь призму воспоминаній дѣтства, которое росло вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ росла наполеоновская легенда.

«Что меня больше всего поразило тогда, когда во главѣ кортежа показался императоръ,—рассказываетъ Гюго,—такъ это не видъ всѣхъ этихъ толпъ народа, которыя съ шумомъ плыли за нимъ, какъ ночью плывутъ корабли на свѣтъ маяка, не потерявъ шляпа, казавшаяся лучше всякой діадемы, не десятокъ коронованныхъ вассаловъ, которые шли по его пятамъ и съ трепетомъ взирали на его шпоры, не эти старые гренадеры... Меня поразило видъ этого человѣка-властелина: среди всѣхъ этихъ побѣдныхъ криковъ, среди всего этого шума, поднятаго имъ, онъ шелъ нѣмой и суровый, какъ богъ изъ бронзы»...

И мальчикъ-поэтъ спрашиваетъ отца: «Почему нашъ императоръ, который все приводитъ въ движеніе и все воспламеняетъ, самъ хранитъ такой холодный взглядъ и это неподвижное лицо?» Отецъ объясняетъ сыну, что подъ покровомъ этого мнимаго спокойствія творится великая работа, подобная той, какая происходитъ въ нѣдрахъ земли. Земля, на взглядъ неподвижная, шевелится больше чѣмъ воздухъ, волна и огонь, ибо въ ея нѣдрахъ, не знающихъ покоя, начало всего. Она несетъ на поверхности своей и нивы, и горы, и лѣса, и людей. Все зеленеетъ вокругъ, все улыбается, все живетъ, она подставляетъ вѣтру и дубъ и былинку. И въ лонѣ ея, котораго никакіе роды не истощаютъ, уже невнятный трепетъ будущихъ жатвъ. Такъ и Наполеонъ—нѣмъ и недвижимъ среди шума и блеска его окружающихъ: уже, быть-можетъ, тысяча событій совершается въ его мозгу и все будущее скрыто въ немъ. И, быть-можетъ, подъ этимъ черепомъ, въ ночи этой души, гдѣ міръ въ молчаніи ждетъ своего часа, уже взошло солнце новаго Аустерлица...¹⁾

Почти столь же сверхчеловѣческій образъ принимаетъ Наполеонъ и въ воспоминаніяхъ Генриха Гейне. Поэтъ ребенкомъ видѣлъ императора въ аллеѣ Дюссельдорфскаго парка: «онъ ѣхалъ верхомъ по аллеѣ со своей свитой, и деревья трепетно наклонялись навстрѣчу ему, дрожали солнечные лучи, любопытно выглядывая сквозь зеленую листву, а въ вышинѣ по голубому небу плыла золотая звѣзда... Лицо императора было мраморнаго цвѣта, какой мы видимъ только на греческихъ и римскихъ бюстахъ, и черты его были такъ же благородны, какъ линіи древнихъ статуй, и на лицѣ этомъ было написано: не будетъ у тебя боговъ иныхъ, кромѣ меня. Улыбка, которая согревала и успокаивала каждое сердце, играла на его губахъ... И глаза его тоже улыбались, это были глаза ясные, какъ небо, они могли читать въ сердцахъ человѣческихъ, они сразу охва-

¹⁾ *Les feuilles d'automne* Bruxelles, 1836.

тывали вещи этого міра, тогда какъ мы всѣ прочіе видимъ лишь ихъ раскрашенныя тѣни. Чело его не было такъ ясно, на немъ витали духи будущихъ битвъ, и порою молніи пробѣгали по этому челу: это были творческія мысли, исполинскія мысли, въ которыхъ духъ императора, какъ въ семиверстныхъ сапогахъ, незримо по свѣту носился»¹⁾).

Съ этимъ сверхчеловѣческимъ образомъ, всплывающимъ изъ тумана грезъ и воспоминаній, любопытно сопоставить «человѣческую, слишкомъ человѣческую», фигуру императора въ изображеніи Стендаля. Юноша Стендаль, впоследствии страстный поклонникъ Бонапарта (объ отношеніи его къ Наполеону мы еще будемъ говорить), 14 іюля 1804 года записалъ слѣдующее въ своемъ дневникъ: «Мы отлично видѣли Бонапарта. Онъ проѣхалъ въ пятнадцати шагахъ отъ насъ, онъ на прекрасной бѣлой лошади, въ красивомъ новомъ мундирѣ, шляпа черная, форма полковника гвардіи. Онъ много кланяется и улыбается. Театральная улыбка, когда показываютъ зубы, но глаза не смѣются»²⁾...

Въ другомъ мѣстѣ своего дневника Стендаль записываетъ, что видѣлъ императора въ театрѣ и хорошо разглядѣлъ его: у него линіи носа и лба параллельны, эти черты очень обычны во Франціи и дѣлаютъ фizioномію довольно вульгарной, онъ похожъ на актера Пикара»³⁾.

Какъ мало похожъ этотъ портретъ, набросанный подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ на образъ, сохранившійся въ воспоминаніяхъ Гейне: «вульгарная фizioномія» и «благородныя линіи древнихъ статуй», «театральная улыбка, когда показываютъ зубы, а глаза не смѣются», и улыбка божественная, которая успокаиваетъ и согреваетъ каждое сердце».

Гейне. (Кремеръ).

Ламартинъ, видѣвшій Наполеона во время смотра войскъ въ Парижѣ, послѣ возвращенія Бонапарта съ острова Эльбы, замѣчаетъ: «Нужны призма славы и иллюзія фанатизма для того, чтобы видѣть въ его лицѣ того времени тотъ идеалъ духовной красоты и врожденнаго царственнаго величія, который впоследствии придали его лицу мраморъ и бронза... Его впавшіе глаза безпокойно слѣдили за народомъ и войсками. Его ротъ улыбался механически толпѣ, въ то время какъ мысли, очевидно, были гдѣ-то далеко»⁴⁾).

Эти мысли, ушедшія куда-то далеко, это не тѣ «великія мысли, въ которыхъ духъ императора, словно въ семиверстныхъ сапогахъ, обходилъ свѣтъ», по выраженію Гейне.

Правда, Ламартинъ видѣлъ Наполеона въ очень тяжелую для него минуту, но для Гюго и Гейне Наполеонъ и передъ Ватерлоо не пересталъ

1) Heinrich Heine. Sämtliche Werke. Warschauers Verlag, V Band, S. 115.

2) Journal de Stendal, 1801—1814. Publié par Casimir Stryienski. Paris, 1908, pp. 58—59.

3) Ib., p. 102.

4) Lamartine. Les confidences. Paris, 1860.

быть великимъ. Гюго и паденіе его объяснялъ сверхчеловѣческимъ величіемъ: онъ слишкомъ тяжелъ былъ для земли, онъ Бога стѣснялъ своими размѣрами, и вселенная возстала противъ него.

Тревоги въ глазахъ императора Гюго не увидѣлъ бы и въ это время. Онъ, какъ и Генрихъ Гейне, какъ и всѣ романтики, смотрѣлъ на него сквозь призму славы, видѣлъ въ его лицѣ тѣ черты, которыя придали ему мраморъ и бронза. Другими словами, образъ Наполеона въ романтической поэзіи не есть реальный образъ. Это относится не только къ его фигурѣ, но и къ его нравственному облику, къ его исторической роли.

Поэты, воспѣвавшіе Наполеона, сами сознавали, что дѣйствительность не отвѣчала ихъ представленіямъ, но имъ нуженъ былъ миѳъ, нуженъ былъ герой, и они сознательно закрывали глаза на тѣ черты его, которыя могли бы нарушить цѣльность красиваго образа. Самый безхитростный изъ этихъ поэтовъ Беранже признается:

«Мое упорное и полное энтузіазма поклоненіе генію императора объясняется тѣмъ, что онъ былъ кумиромъ народа, который не переставалъ видѣть въ немъ представителя побѣдоноснаго равенства; это поклоненіе, которому суждено было сдѣлать изъ Наполеона самый благородный предметъ моихъ пѣсень, никогда не ослѣпляло меня относительно все возраставшаго деспотизма имперіи»¹⁾).

Культъ Наполеона не реального, а миѳическаго, уживается такимъ образомъ съ любовью къ свободѣ. Гюго, Беранже и Гейне одинаково воспѣваютъ и свободу народа и славу императора.

Поэзія, въпичающая мраморный бюстъ Наполеона революціоннымъ въпикомъ свободы и равенства, расцвѣтаетъ, конечно, уже тогда, когда отъ реального Бонапарта осталась кучка пепла въ урнѣ, надъ которою «народовъ ненависть почилъ, и лучъ безсмертія горитъ». Романтики—современники Наполеона—иначе относились къ нему.

Во Франціи Шарль Нодье пишетъ оду, въ которой Наполеона изображаетъ тираномъ и грозитъ ему местью («La Napoléone»):

«Les cris des opprimés tonnent sur ta poussière
Et ton nom est voué par la nature entière
A la haine des nations».

«Крики угнетенныхъ вмѣстѣ съ пылью поднимаются изъ-подъ шаговъ твоихъ, и имя твое ненависти народовъ природа вся обрекла»).

Въ другомъ мѣстѣ Шарль Нодье называетъ «царствованіе Наполеона исключительнымъ и единственнымъ въ исторіи всѣхъ народовъ по произволу и беззаконію»²⁾).

Въ глазахъ Шатобріана Наполеонъ — узурпаторъ,—узурпаторъ не только престола, но также славы и генія: величіе его—вовсе не дѣло его рукъ, оно объясняется тѣмъ, что въ его распоряженіе были предоставлены огромныя силы, онъ въ своихъ цѣляхъ использовалъ энергію народа. Наполеонъ — мнимый великій человѣкъ, у него нѣтъ того величія души, которое создаетъ героев и истинныхъ царей. Завистливо стремясь къ оригинальности, онъ почти всегда только подражатель; но его под-

¹⁾ Beranger. Oeuvres complètes, 1857, II vol.

²⁾ Charles Nodier. Souvenirs de la révolution et de l'empire. Paris, 1850, t. II, p. 10.

дѣлки такъ грубы, что каждую минуту напоминаютъ оригиналь, который онъ копируетъ... «Подъ маской Цезаря или Александра проглядываетъ ничтожный человѣкъ и выскочка...» Такъ писалъ Шатобрианъ въ памфлетѣ «Буонапарте и Бурбоны» ¹⁾.

Нечего и говорить, что нѣмецкій романтизмъ начала XIX столѣтія, связанный съ пробужденіемъ національнаго движенія въ Германіи, крайне враждебно настроенъ по отношенію къ Наполеону.

Въ глазахъ поэтовъ - патріотовъ, какъ Арндтъ, Теодоръ Кёрнеръ, Клейстъ, Рюккертъ, Гёррессъ и др., Наполеонъ прежде всего врагъ родины, насильникъ, унижившій Германію, тиранъ, восточный деспотъ.

Гёте и Гегель, съ ихъ равнодушіемъ къ политикѣ, могли преклоняться передъ силою личности и мощью воли, воплощенныхъ въ Наполеонъ, но большинству писателей того времени такое отношеніе къ врагу кажется недопустимымъ. Ненависть къ Наполеону—славная заповѣдь нѣмецкаго «Катихизиса», составленнаго патріотомъ Клейстомъ.

«У Наполеона могутъ быть и хорошія черты,—допускаетъ Клейстъ,—но восхищаться имъ со стороны нѣмцевъ было бы абсурдомъ. Это было бы такъ же бессмысленно, какъ если бы вы восхищались ловкостью борца, въ то время какъ онъ бросаетъ васъ на землю или топчетъ ногами ваше лицо» ²⁾.

Характернымъ образчикомъ литературы, порожденной ненавистью къ Наполеону, можетъ служить пьеса Рюккерта «Наполеонъ» (1814—1815 гг.). Корсиканецъ изображается здѣсь настоящимъ исчадіемъ ада, духомъ зла, который стремится все разрушить и все поглотить. Въ этой литературѣ, порожденной злобой историческаго момента, нѣтъ, дѣйствительно, художественнаго отношенія къ личности Наполеона. Такое отношеніе стало возможнымъ лишь послѣ того, какъ умолкли громы наполеоновскихъ пушекъ, вызвавшіе къ жизни патріотическія пѣсни.

Когда разсѣялся пороховой дымъ, окутавшій фигуру императора, тогда послѣдняя предстала въ трагическомъ освѣщеніи и передъ глазами нѣмецкихъ писателей. Въ поэмѣ «Der Schiffer und sein Sohn», написанной послѣ заточенія Наполеона на островъ св. Елены, Грильпарцеръ хотя и продолжаетъ отрицательно относиться къ Наполеону, но это отношеніе смягчается сознаніемъ трагизма его судьбы.

Плѣненіе Наполеона не могло не привлечь къ нему симпатій поэтовъ всѣхъ странъ. Недавній властелинъ, прикованный къ одинокому утесу среди океана, это было слишкомъ фантастическое и трагическое зрѣлище,

Стендаль. (Давида).

¹⁾ Chateaubriand. Oeuvres complètes. Bruxelles, 1828, t. XXIV.

²⁾ Kleist. Katechismus der Deutschen. Цитирую по книгѣ: «La littérature patriotique en Allemagne» par G. Gromaire. Paris, 1911.

чтобы противъ него могло устоять воображеніе поэтовъ. Смерть его окончательно примирила съ нимъ поэтическіе умы.

«Чудесный жребій совершился: угасъ великій человекъ...» Этотъ Пушкинскій стихъ прекрасно передаетъ настроеніе, охватившее умы и на Западъ при вѣсти о смерти плыннаго императора.

«Императоръ умеръ, — восклицаетъ Гейне, — на пустынномъ островѣ Атлантическаго моря его одинокая могила, и онъ, для котораго земной шаръ былъ тѣсенъ, лежитъ спокойно подъ маленькимъ холмомъ, гдѣ пять плакучихъ ивъ печально опустили свои зеленые листья, и кроткій ручеекъ тоскливой жалобой журчитъ. На его могильномъ камнѣ нѣтъ никакой надписи, но на немъ рука Кліо своимъ правдивымъ грифелемъ пишетъ незримыя слова, которыя въ тысячелѣтіяхъ, какъ духовъ голоса, будутъ звучать.

«Британія! тебѣ принадлежитъ море. Но въ моръ не хватитъ воды, чтобы смыть съ тебя позоръ, которымъ покрылъ тебя, умирая, великій человекъ.

«Святая Елена, это — священная могила; сюда народы Востока и Запада будутъ совершать паломничества на корабляхъ подъ разноцвѣтными флагами, здѣсь они будутъ укрѣплять свой духъ великими воспоминаніями о дѣяніяхъ спасителя вселенной, принявшаго муку при Гудзонѣ Лоу, какъ это написано въ Евангеліяхъ Лясъ-Каза, О'Мэары и Антомарши!» ¹⁾.

Какое вліяніе оказала смерть Наполеона на его прежнихъ враговъ, это лучше всего видно на примѣрѣ Шатобріана.

Послѣдній, какъ мы видѣли, въ памфлетѣ, написанномъ въ 1814 г., отрицалъ геній Наполеона, видѣлъ въ немъ ничтожество «подъ маской Цезаря и Александра».

Впослѣдствіи Шатобріанъ измѣнилъ свою характеристику. Въ статьѣ «Бонапарте и Вашингтонъ» онъ говоритъ о Наполеонѣ, какъ о человекѣ изъ расы Цезаря и Александра: онъ выше человѣческаго роста ²⁾. Объясняя противорѣчіе между этими двумя характеристиками, онъ говоритъ, что первая была вызвана условіями политическаго момента: Наполеонъ былъ опасенъ для Франціи, съ нимъ нужно было бороться. Теперь времена измѣнились.

«Свобода, — пишетъ Шатобріанъ, — позволяетъ мнѣ восхищаться славою: возсылая теперь на одинокой могилѣ, эта слава не возстанетъ уже, чтобы заковать въ цѣпи мою родину...»

«Объ маски Наполеона, сдѣланныя мною, правдивы, но одна снята при жизни, другая по смерти, а смерть правдивѣе жизни» ³⁾.

Здѣсь устами Шатобріана, забывшаго про политику, говоритъ настоящій романтикъ: «Для поэта смерть Наполеона важнѣе его жизни». Въ другомъ мѣстѣ Шатобріанъ прекрасно объясняетъ, въ чемъ обаяніе смерти Наполеона: «Какъ Александръ не умеръ на глазахъ Греціи, а погибъ въ роскошныхъ даляхъ Вавилона, такъ и Бонапартъ не умеръ на глазахъ Франціи, онъ исчезъ среди безмѣрныхъ пространствъ тропиковъ.

¹⁾ Heinrich Heine, V Band, S. 116. Warschauers Verlag. Berlin.

²⁾ Chateaubriand, ib., tome VI.

³⁾ Ib.

Человѣкъ столь мощной реальности улетучился, какъ сонъ, его жизнь, принадлежащая исторіи, развѣялась въ поэзіи его смерти» ¹⁾.

«Бонапартъ теперь уже не настоящій Бонапартъ, это — легендарный образъ, созданный изъ фантазіи поэтовъ, рассказовъ солдатъ и сказокъ народныхъ. Этотъ фантастическій герой останется реальной личностью, остальные портреты его исчезнутъ».

Хотя остальные портреты и не исчезли, какъ предсказывалъ Шатобрианъ, но фантастическій герой, живущій въ стихотвореніяхъ Гюго, пьсахъ Беранже, балладахъ Зейдлица, въ «Двухъ гренадерахъ» Гейне, оказался, дѣйствительно, безсмертнымъ.

Но слѣдъ, оставленный Наполеономъ въ поэзіи, не въ этомъ только фантастическомъ героѣ, онъ въ духѣ, проникающемъ романтическую поэзію, въ ея культъ сильной личности, въ ея грезахъ о сверхчеловѣкѣ. Реальный, историческій Наполеонъ наложилъ тоже свою печать на поэзію.

II.

Для того, чтобы лучше уяснить себѣ вліяніе Наполеона на романтическую поэзію, слѣдуетъ отпѣнить романтическій элементъ въ его личности, его близость, родственность тому душевному складу, который лежитъ въ основѣ романтизма.

Г. Лансонъ въ своей исторіи французской литературы отвелъ нѣсколько страницъ Наполеону, какъ оратору и писателю. «Краснорѣчіе было средствомъ управленія и почти необходимымъ средствомъ для этого выскочки, который, добившись власти, благодаря поклоненію и довѣрію къ его личности, долженъ былъ поддерживать вѣру въ непогрѣшимый гений: нужно было, чтобы каждое слово его давало чувствовать то превосходство, на которомъ основывалось его право. Наполеонъ изучалъ это искусство и преуспѣлъ въ немъ. Онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ великихъ ораторовъ революціи... Лишь только Наполеонъ открываетъ ротъ, онъ — ораторъ; свою рѣчь онъ всегда направляетъ къ тому, чтобы отнять у тѣхъ, къ кому онъ обращается, будутъ ли то отдѣльныя личности или народы, современники или потомство, независимость ихъ сужденія, поработить ихъ умы или ихъ волю» ²⁾.

И Лансонъ обращаетъ вниманіе на то, что въ своемъ ораторскомъ искусствѣ Наполеонъ постепенно освобождается отъ вліянія классическихъ образцовъ, которымъ подражали революціонные ораторы, и, становясь болѣе индивидуальнымъ, приближается къ стилю романтиковъ. Въ образахъ, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, уже чувствуется Викторъ Гюго.

Ламартинъ. (Жерара)

¹⁾ Mémoires d'Outre-tombe.

²⁾ Histoire de la littérature française par Gustave Lanson, p. 858—861.

Отмѣченное Лансономъ сходство наполеоновскаго паѳоса съ паѳосомъ романтиковъ указываетъ на болѣе глубокое сходство натуръ. Дѣйствительно, Наполеонъ — самое яркое, самое гигантское воплощеніе того «эготизма», той гипертрофіи личности, которая такъ характерна для романтической поэзіи.

«Эготизмомъ» одинаково отмѣчено и творчество раннихъ французскихъ романтиковъ Шатобріана и Сенанкура, нѣмецкая романтическая поэзія, и байронизмъ, и міровая скорбь начала XIX в., и произведенія романтиковъ школы Виктора Гюго. «Эготизмъ» здѣсь, конечно, не значитъ непременно «эгоизмъ».

«Эготистъ, — прекрасно говоритъ Шербюлье, — можетъ не быть эгоистомъ, онъ можетъ быть великодушнымъ, сострадательнымъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ будетъ эготистомъ, т.-е. избраннымъ существомъ, отлитымъ въ другую форму, чѣмъ большинство людей, выльпленными изъ другой глины; онъ глубоко проникнутъ сознаниемъ своей исключительности и въ силу этого считаетъ себя обреченнымъ на одиночество, неспособнымъ установить тѣсную связь съ людьми, которые не могутъ чувствовать и думать, какъ онъ; онъ говоритъ имъ съ великопынной гордостью: «вотъ — я, и вотъ — вы, что общаго можетъ быть между нами?» ¹⁾

Въ этихъ словахъ Шербюлье прекрасная характеристика того душевнаго склада, выразителями котораго явились Рене Шатобріана и Оберманнъ Сенанкура; этотъ же самый душевный складъ обнаруживаютъ и юношескія произведенія Наполеона. Вспомнимъ то мѣсто изъ нихъ, гдѣ Наполеонъ жалуется на скуку жизни:

«Жизнь тяготитъ меня, потому что я не вкушаю никакой радости, и все доставляетъ мнѣ страданіе, потому что люди, съ которыми я живу и съ которыми, вѣроятно, всегда буду жить, обладаютъ вкусами столь же отличными отъ моихъ, какъ свѣтъ луны отличается отъ солнечнаго свѣта. Я не могу избрать тотъ образъ жизни, который одинъ только могъ бы дать мнѣ силы переносить существованіе. Отсюда отвращеніе ко всему» ²⁾.

Передъ нами типичный сынъ своего времени, одинъ изъ разочарованныхъ въ родѣ Рене или его автора Шатобріана и, если бы внѣшняя жизнь Наполеона сложилась иначе, онъ, быть-можетъ, соперничалъ бы въ литературной славѣ съ Шатобріаномъ и былъ бы однимъ изъ представителей «міровой скорби». Шатобріанъ не такъ былъ далекъ отъ истины, когда сравнивалъ себя съ Наполеономъ: «Я и Бонапартъ — два неизвѣстныхъ поручика»...

Одно и то же честолюбіе пожирало обоихъ, и они имѣли много общаго въ то время, когда оба были безвѣстными поручиками, но у одного изъ нихъ была желѣзная воля, отсутствіемъ которой страдалъ другой. Эта воля возвела его на тронъ «къ славѣ эготизма», по выраженію Шербюлье.

¹⁾ Victor Cherbulier. *Lidéal romanesque en France de 1610—1816*. Paris, 1911.

²⁾ Lanfrey. *Histoire de Napoléon I*. Tome premier, p. 14—15. „Всегда одинокій среди людей, я возвращаюсь домой, чтобы мечтать наединѣ и предаваться меланхоліи“, записываетъ Наполеонъ въ своемъ дневникѣ въ 1787 г. (Fournier. *Napoléon I*, tome I, p. 18). Наполеонъ того времени типичный юноша конца 18 в.: онъ увлекается Руссо, перечитываетъ пять разъ Вертера Гёте.

«По своему темпераменту, — говорит Шербюлье, — Наполеонъ былъ эготистъ, который вмѣсто того, чтобы стогать въ тщетныхъ грезахъ, сумѣлъ претворить ихъ въ дѣйствіе, потому что у него несравненная фантазія соединилась съ мощной волей и съ гениемъ дѣйствія. Никогда великій человѣкъ не сознавалъ лучше, что его душа была отлита въ особую форму, и не считалъ себя до такой степени въ правѣ смотрѣть свысока на другихъ людей и видѣть въ нихъ только препятствіе для своихъ плановъ, или средство для своихъ цѣлей. И никогда также великій человѣкъ не обладалъ воображеніемъ столь смѣлымъ, столь исполинскимъ; и это воображеніе увлекало его въ приключенія. Вселенная въ его глазахъ была инструментомъ, на которомъ онъ исполнялъ всевозможныя аріи: можно сказать, что онъ былъ осужденъ на вѣчную юность грезъ. «Я люблю власть, — говорилъ онъ, — но я люблю ее какъ художникъ; какъ музыкантъ любитъ свою скрипку. Я люблю извлекать изъ нея звуки, аккорды, гармонію».

«Его фантазія заставила его воскликнуть: «Эта старая Европа мнѣ надоѣла». Она заставила его мечтать о возобновленіи походовъ Александра, о завоеваніи Индіи и всего Востока. О немъ можно сказать также, что, какъ истый эготистъ, онъ сразу жилъ всѣми возрастами. Въ юности онъ уже обладалъ опытомъ старца; въ зрѣлые годы его воображеніе было такъ же юно, какъ на утрѣ жизни. И вотъ это придаетъ его исторіи волшебный блескъ поэмы, эпopeи, легенды, настолько, что всякая другая исторія тускнѣетъ и кажется жалкой въ сравненіи съ его исторіей. И какъ истый эготистъ онъ окончилъ скукой. И какой скукой. Поэты не могли найти ничего лучшаго для сравненія съ ней, какъ коршуна, который пожиралъ сердце Прометея» ¹⁾.

Шербюлье говоритъ здѣсь о субъективной сторонѣ наполеоновскихъ плановъ. То, что въ основѣ ихъ лежала реальная политика (борьба Франціи съ Англіей изъ-за колониальнаго господства), не лишаетъ честолюбивыхъ плановъ Наполеона ихъ эготическаго характера.

Наполеонъ, конечно, не создалъ «эготизма», но онъ въ высшей степени содѣйствовалъ его распространенію. Честолюбіе, жажда славы, повышенное самомнѣніе никогда не были такъ развиты, какъ въ эпоху Наполеона.

«Наполеонъ, — говоритъ Стендаль, — до послѣднихъ предѣловъ разжигалъ честолюбіе каждаго. При царѣ, который былъ артиллерійскимъ

Гюго. (Жерва).

¹⁾ Victor Cherbulies, ib., p. 285—286.

поручикомъ, и при маршалахъ, начавшихъ свою карьеру въ качествѣ учителей фехтованія или странствующихъ музыкантовъ, не было такого кандидата на судебную должность, который не стремился бы стать министромъ, не было такого подпоручика, который не мечталъ бы о шпагѣ главнокомандующаго» ¹⁾).

Насколько мучительна и сильна была эта жажда отличиться и выдвинуться у людей, воображеніемъ которыхъ владѣлъ Наполеонъ, лучше всего свидѣтельствуетъ романъ того же Стендаля, тонкаго и правдиваго психолога „Le rouge et le noir“. Юноша Жюльенъ Сорель, герой этого романа, постоянно думаетъ о Наполеонѣ. Почти не проходитъ дня, чтобы онъ не вспоминалъ о томъ, что Бонапартъ, поручикъ безъ имени и состоянія, сталъ властелиномъ міра при помощи своей шпаги. Это его утѣшаетъ и укрѣпляетъ въ его честолюбивыхъ мечтахъ, но, съ другой стороны, онъ постоянно терзается, сравнивая себя съ Бонапартомъ. «Если я еще потеряю семь лѣтъ, мнѣ будетъ 28 лѣтъ, но вѣдь въ эти годы Бонапартъ уже совершилъ свои самые славные подвиги!» восклицаетъ онъ. Его сердце сжимается при мысли, что прошло время подвиговъ: «О Наполеонъ! какъ хорошо было въ твоё время завоевать свое счастье на поляхъ сраженія!» Въ сравненіи съ тѣмъ, что тогда было возможно, какъ жалко то, о чемъ можетъ мечтать онъ, обреченный жить въ безцвѣтное время реставраціи.

То, что переживалъ Жюльенъ Сорель, переживало цѣлое поколѣніе.

«Мы съ трудомъ теперь можемъ представить себѣ, — пишетъ Эдуардъ Родъ, — состояніе умовъ молодежи, которую паденіе Наполеона лишило будущности и карьеры. Волшебные успѣхи имперіи, въ незыблемость которой она вѣрила, держали ея честолюбіе въ напряженномъ состояніи. Въ каждомъ сраженіи пули дѣлали въ штабъ офицеровъ брешь, которую нужно было заполнить. Самые высшіе чины поэтому казались доступными всѣмъ, у кого достаточно смѣлости. Правда, умирали молодыми, но жизненный путь проходили быстро, а если кто исчезалъ прежде времени, то онъ уходилъ въ сіяніи славы, осыпанный чинами и наградами, оставляя послѣ себя свою страницу исторіи, его провожали со знаменами, которыя вели къ побѣдѣ, салютовали изъ пушекъ, грохотъ которыхъ такъ часто сливался въ одну общую гармонію.

«Никогда не умирали такъ легко, какъ въ эту эпоху, и никогда также не удавалось такъ наполнить короткую жизнь сильными ощущеніями и грандіозными успѣхами... И вотъ послѣ Ватерлоо эта феерія вдругъ кончилась. Впереди лежалъ длинный путь правильнаго существованія, которое въ свое время оканчивается естественною смертію; ровная дорога, на которой не встрѣтишь ни опасности, ни славы, а лишь усталость и благополучіе, — дорога безъ поворотовъ, конца которой не предвидѣлось, которая никуда не ведетъ... Что оставалось дѣлать этой молодежи, опьяненной славой Наполеона.

«Многіе занялись тѣмъ же, что и самъ Наполеонъ: лишенные возможности дѣйствовать, они стали писать, и ихъ литература — съ ея необузданностью формы и содержанія, съ ея меланхоліей и мощными

¹⁾ Stendhal. Napoléon. Paris, 1898, p. 21—22.

взрывами страсти, съ ея порывами вдаль, съ ея романтическими исканіями, съ ея мятежными криками, съ ея крѣпостью и богатствомъ, съ ея сплиномъ и прихотями,—ихъ литература была могучимъ выраженіемъ работы силъ, которымъ преградили дорогу, выраженіемъ ихъ честолюбій, подошедшихъ окольными путями, ихъ вынужденнаго бездѣйствія, съ которыми они не мирились» ¹⁾).

Въ героическомъ характеръ французской романтической поэзіи, въ ея пафосъ слышится отзвукъ наполеоновскихъ битвъ. Не даромъ самыми яркими ея представителями были Альфредъ де-Виньи, вступившій на жизненный путь семнадцатилѣтнимъ офицеромъ въ 1814 г., и Викторъ Гюго, сынъ наполеоновскаго генерала, семилѣтнимъ мальчикомъ смотрѣвшій восхищенными глазами на бога войны.

Романтики этого поколѣнія (послѣ 1820 г.) внесли въ поэзію приподнятый тонъ, повышенное чувство личности, культъ героев и жажду подвига. Героическое, изгнанное изъ жизни, нашло пріютъ въ поэзіи, и поэты стали смотрѣть на себя какъ на героев, вождей, какъ на высшее воплощеніе генія человѣчества. Возродившаяся въ лучахъ поэзіи фигура императора была тѣмъ мостомъ, по которому культъ героическаго отъ геніевъ дѣла перешелъ къ геніямъ слова, отъ полководцевъ, государственныхъ дѣятелей, вождей революціи—къ поэтамъ, мечтателямъ и мыслителямъ.

Дѣло въ томъ, что въ глазахъ романтиковъ Наполеонъ былъ поэтомъ. Вотъ что пишетъ, напр., Беранже:

«Величайшій поэтъ новаго времени и, быть-можетъ, всѣхъ временъ, Наполеонъ, освободившійся отъ подражанія старымъ формамъ монархіи, смотрѣлъ на народъ такъ, какъ должны были бы смотрѣть на него наши поэты и художники... Великій человѣкъ на поляхъ сраженій и среди революціонной смуты рано понялъ, на какую высоту можетъ подняться инстинктъ массъ, умѣлой рукой направляемыхъ. Можно подумать, что именно ради того, чтобы удовлетворить этотъ инстинктъ, онъ такъ утомлялъ вселенную. Любовь, которую питаетъ къ его памяти новое поколѣніе, его не знавшее, достаточно убѣждаетъ, какъ властны надъ народомъ поэтическія чувства» ²⁾).

Отъ вождя-поэта очень легко и соблазнительно перейти къ поэту-вождю. И этотъ шагъ сдѣлала романтическая поэзія: поэтъ въ глазахъ

Шатобрианъ. (Жироде).

¹⁾ Edouard Rod. *Stendhal*, p. 28—31.

²⁾ Béranger. *Oeuvres complètes*. Paris, 1857. II vol. préface.

романтиковъ — вождь и пророкъ, ему дано провидѣть будущее, и онъ къ нему ведетъ народы.

«Peuples! Ecoutez le poète!
Ecoutez le rêveur Sacré!
Dans votre nuit sans lui complète
Lui seul a le front éclairé!
Des temps futurs perçant les ombres
Lui seul distingue en leurs flancs sombres
Le germe qui n'est pas éclos».

(Народы, внимайте поэту, внимайте мечтателю священному! Во мракъ вашей ночи, безъ него безпросвѣтной, лишь его чело сіяетъ! Его лишь взоръ сквозь тѣнь временъ грядущихъ проникаетъ, и въ темномъ лонѣ ихъ онъ лишь одинъ различить можетъ еще нераспустившійся ростокъ).

Такъ поетъ Викторъ Гюго (*Les rayons et les ombres*), а Альфредъ де-Виньи на вопросъ, какой прокъ отъ поэта, отвѣчаетъ: «Поэтъ по звѣздамъ ищетъ того пути, который намъ перстъ Божій указываетъ».

Викторъ Гюго, со свойственнымъ ему оптимизмомъ, воспѣвалъ творческую роль генія. Вспомнимъ, въ какихъ грандіозныхъ образахъ рисуетъ онъ въ «воспоминаніяхъ дѣтства» творческую работу мысли Наполеона: онъ вынашиваетъ будущее въ мозгу своемъ, какъ земля вынашиваетъ ту жизнь, которая расцвѣтаетъ на ея поверхности.

Наполеонъ былъ въ глазахъ Виктора Гюго величайшимъ воплощеніемъ творческой силы генія, и если онъ погибъ, то потому, что былъ слишкомъ великъ, онъ былъ, дѣйствительно, опасенъ для человѣчества, но опасенъ тѣмъ, что сосредоточилъ въ своемъ мозгу всѣ творческія силы, всѣ жизненные соки человѣчества. «Пришло время, когда долженъ былъ пасть этотъ исполинъ. Исключительный вѣсъ этого человѣка въ судьбахъ человѣчества нарушалъ равновѣсіе. Эта личность на свои силы рассчитывала больше, чѣмъ на коллективныя силы человѣчества. Это сосредоточіе жизненныхъ соковъ человѣческой дѣятельности въ одной головѣ, вселенная, прилившая къ мозгу одного человѣка, — это было бы смертію цивилизаціи, если бы это продолжалось».

«Пришло время явить ненарушимость высшей справедливости. Вѣроятно, возмутились начала и элементы, управляющіе тяготѣніемъ какъ въ міръ нравственнымъ, такъ и въ міръ матеріальномъ. Дымящаяся кровь, переполненіе кладбищъ, матери въ слезахъ, это — страшные крики, жалобы. Когда земля страдаетъ подъ непосильнымъ бременемъ, то раздаются таинственныя стенанія мрака, которымъ внемлетъ бездна. Наполеонъ былъ обвиненъ передъ лицомъ безконечности, и его гибель была рѣшена. Онъ стѣснялъ Бога. Ватерлоо не сраженіе вовсе; это измѣненіе лица вселенной».

Въ этомъ изображеніи Наполеона настоящій образъ романтическаго героя-генія, великаго въ своемъ одиночествѣ. Здѣсь это одиночество доходитъ до послѣднихъ предѣловъ: Наполеонъ одинокъ не только среди людей, противъ него и Богъ, и вселенная, и безконечность.

Эту мрачную сторону геніальности, проклятіе одиночества, которымъ отмѣченъ герой, воспѣлъ Альфредъ де-Виньи. И за его героями, устав-

шимъ отъ своего одиночества, которое растеть и тяжело становится по мъррь того, какъ растеть самъ герой, чувствуется «развѣнчанная тѣнь» властелина вселенной. Кажется, что это онъ говорить словами Моисея Альфреда де-Виньи:

*„Hélas! je suis, Seigneur, puissant et solitaire,
Laissez-moi m'endormir du sommeil de la terre!“*

(«Увы, Господь мой, я могучъ и одинокъ, дай мнѣ уснуть сномъ земли») ¹⁾).

Геній, по теоріи Виньи, всегда одинокъ, онъ не можетъ, если бы и хотѣлъ, прильнуть къ человѣческому существу, для этого онъ слишкомъ огроменъ:

*„J'ai marché devant tous, triste et seul dans ma gloire,
Et j'ai dit dans mon coeur: „Que vouloir à present?“
Pour dormir sur un sein mon front est trop pesant,
Ma main laisse l'effroi sur la main qu'elle touche,
L'orage est dans ma voix, l'éclair est sur ma bouche,
Aussi, loin de m'aimer, voilà qu'ils tremblent tous,
Et quand j'ouvre les bras, on tombe à mes genoux“.*

(«Я шель впереди всѣхъ одинокій и печальный въ славѣ своей, и я сказалъ въ сердцѣ своемъ: «Чего желать мнѣ теперь?» Для того, чтобы уснуть на чьей-либо груди, слишкомъ лобъ мой тяжелъ, рука моя ужасъ оставляетъ на рукѣ, которой коснется, буря въ голосъ моемъ и молнія на моихъ устахъ, и всѣ дрожать вмѣсто того, чтобы любить меня, а когда я раскрываю объятія, тогда падаютъ къ ногамъ моимъ»).

Въ этомъ образѣ страдающаго одинокаго титана дальнѣйшее развитіе того «эгоизма», который характеренъ уже для раннихъ романтиковъ-современниковъ Наполеона. Но Шатобріанъ и Сенанкуръ, противопоставляя «я» своихъ героевъ человѣчеству, не придавали этому «я» такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какіе мы видимъ въ романтической поэзіи послѣ наполеоновской эпохи.

Наполеонъ Виктора Гюго и Моисей Альфреда де-Виньи надѣлены чертами сверхчеловѣка. Если страдающій геній Альфреда де-Виньи—не «сверхчеловѣкъ», котораго проповѣдуетъ Заратустра, то во всякомъ случаѣ это одинъ изъ тѣхъ «высшихъ людей», которые у Ницше предшествуютъ появленію «сверхчеловѣка», и къ которымъ Заратустра обращается съ слѣдующими словами: «Нужно, чтобы погибало все больше и больше и самыхъ лучшихъ изъ вашей расы,—ибо нужно, чтобы ваша судьба все злѣе и все суровѣе становилась. Ибо только такимъ путемъ человѣкъ растеть и поднимается на ту высоту, гдѣ его поражаетъ и разбиваетъ молнія».

¹⁾ „Мой Моисей, — говоритъ А. де-Виньи, — не Моисей іудеевъ. Подъ этимъ великимъ именемъ скрывается челоѣкъ всѣхъ временъ, и скорѣе современный челоѣкъ, чѣмъ древній: челоѣкъ-геній, уставшій отъ своего вѣчнаго безплодія, пришедшій въ отчаяніе отъ того, что одиночество его становится все болѣе тяжелымъ, по мѣрѣ того, какъ онъ растеть. Уставъ отъ своего величія, онъ проситъ небытія“ (Цитирую по книгѣ Pierre Lasserre: „Le Romantisme Français“). Поэма „Моисей“ написана въ 1822 г., т.-е. вскорѣ послѣ смерти Наполеона, и его трагическая судьба сказывается въ образѣ генія А. де-Виньи.

Въ романтической поэзіи мы видимъ уже зарожденіе грезъ о сверхчеловѣкѣ, навѣянныхъ опоэтизированнымъ образомъ Наполеона,—грезъ, воспринятыхъ поэтической философіей Ницше.

Наполеоновская легенда убаюкивала не только дѣтскіе сны Гюго и Гейне, но много лѣтъ спустя и сны Ницше, его дѣтство было обвѣяно воспоминаніями наполеоновскихъ войнъ.

Въ полчасъ разстоянія отъ его родной деревни лежитъ Люценъ.

«Здѣсь дважды бились въ исполинскихъ битвахъ, и земля здѣсь напоена кровью почти всѣхъ европейскихъ народовъ. Здѣсь памятники стоятъ и краснорѣчиво говорятъ о славѣ падшихъ героев». Такъ писалъ четырнадцатилѣтній Ницше; Карлъ Іоэль ¹⁾, у котораго я заимствую эту цитату, продолжаетъ: «Недалеко отъ Люцена лежатъ поля Гросгоршена, Россбаха и Лейпцига. Здѣсь юнаго Ницше привѣтствовали Густавъ Адольфъ и Валленштейнъ, Фридрихъ Великій, и Зейдлицъ, и Блюхеръ, и больше всѣхъ Наполеонъ... Этотъ несомнѣнный предшественникъ сверхчеловѣка игралъ большую роль еще въ дѣтскихъ грезахъ Ницше. Когда мать его развлекала больныхъ дѣтей, ей лучше всего удавалось это при помощи легенды изъ временъ ея юности: Наполеонъ на островъ св. Елены. И когда въ часы сумерекъ старая бабушка рассказывала сказки, Фрицъ охотнѣе всего слушалъ про войну и Наполеона. И бабушка такъ описывала Наполеона, что дѣти не сомнѣвались, что она сама присутствовала при этихъ событіяхъ».

Эти рассказы еще въ дѣтствѣ заронили въ душу Ницше преклоненіе передъ Наполеономъ, и это преклоненіе онъ сохранилъ на всю жизнь. Объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ восторженные выраженія, въ которыхъ онъ говоритъ о Наполеонѣ въ своемъ главномъ философскомъ трудѣ «Воля къ власти»:

«Наполеонъ—это расширеніе человѣческой души, страсть къ новымъ возможностямъ души»; онъ «предпринялъ великую борьбу за власть»; онъ «разбудилъ снова человѣка, вернулъ ему мужественность. Наполеону XIX вѣкъ обязанъ своими самыми возвышенными стремленіями».

Культъ Наполеона сказывается и въ тѣхъ гимнахъ въ честь войны и воиновъ, которые поетъ Заратустра, и въ восхваленіи мужества стать «по ту сторону добра и зла».

Конечно, для Ницше Наполеонъ не былъ тѣмъ, чѣмъ былъ онъ для пѣвцовъ демократіи—Гюго и Гейне. Ницше видѣлъ въ Наполеонѣ тоже, что Гёте и Стендаль: величайшее воплощеніе воли. Стендаль въ этомъ отношеніи—несомнѣнный предшественникъ Ницше, ибо у него культъ Бонапарта соединенъ съ характернымъ для Ницше культомъ эпохи Возрожденія,—эпохи сильныхъ страстей и яркихъ индивидуальностей, и характеристика этой эпохи въ книгѣ Стендаля «Исторія живописи въ Италіи», вышедшей въ 1817 г. и посвященной «Наполеону Великому», томящемуся на островъ св. Елены, можетъ считаться первымъ наброскомъ ницшеанской философіи, а эта философія—послѣднимъ отраженіемъ въ художественной мысли Запада личности Наполеона. На тѣхъ горныхъ вершинахъ, на которыя ушелъ Заратустра, еще горятъ отблески того солнца, которое

¹⁾ Karl Joël. Nietzsche und die Romantik, Leipzig, 1905, S. 80—81.

много лѣтъ тому назадъ, такъ величаво и ярко всходило надъ океаномъ изъ-за острова св. Елены. Но это его послѣдніе догорающіе лучи.

Ниже послѣдній изъ великихъ поэтовъ, надъ воображеніемъ которыхъ властвовалъ Наполеонъ. Правда, судьба Наполеона и по наше время не перестаетъ вдохновлять западныхъ писателей, романистовъ и драматурговъ, въ особенности послѣднихъ. Но эта новая литература ни въ идейномъ, ни въ художественномъ отношеніи не представляетъ интереса послѣ тѣхъ образовъ, которыми отразился Наполеонъ въ поэзіи въ эпоху расцвѣта романтизма.

Л. Козловскій.

„XIX вѣкъ“.

II. Наполеонъ и Байронъ.

Проф. М. Н. Розанова.

Окидая югъ и прощаясь съ моремъ, Пушкинъ, въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи, ставитъ рядомъ имена двухъ своихъ современниковъ, приковывавшихъ на себя всеобщее вниманіе и только что отошедшихъ въ вѣчность—Наполеона и Байрона—величайшаго политическаго дѣятеля и величайшаго поэта эпохи. Такое сопоставленіе очень знаменательно: въ глазахъ русскаго писателя, оба они—«геніи», оба—«властители думъ» современнаго поколѣнія, оба вызываютъ удивленіе и восторгъ; послѣ ихъ смерти «міръ» ему кажется «опустѣвшимъ». Такъ было не съ однимъ Пушкинымъ: своеобразное и странное съ нашей теперешней точки зрѣнія сочетаніе культа Наполеона и культа Байрона, наполеонизма и байронизма,—обычное явленіе того времени. Какъ ни противоположны были между собою во всѣхъ отношеніяхъ суровый и безпощадный завоеватель, «бичъ Божій» новой исторіи, и вдохновенный пѣвецъ «міровой скорби», глашатай свободы и гуманности, но у нихъ было, тѣмъ не меньше, нѣчто общее: оба они высоко поднимались надъ современниками, были выдающимися личностями съ печатью геніальности, оба представляли изъ себя могучія и своеобразно развитыя, полныя оригинальности и таланта, индивидуальности, которыми нельзя было не залюбоваться воспріимчивымъ и романтически настроеннымъ душамъ.

Европейскій романтизмъ унаслѣдовалъ и развилъ далѣе тѣ индивидуалистическія тенденціи, которыя проявились раньше, еще въ эпоху Про-

свѣщенія, въ англійской, французской и нѣмецкой литературахъ, и нашли себѣ наибольшее яркое воплощеніе въ увлекательной проповѣди красно-рѣчиваго Руссо и въ стремленіяхъ нѣмецкихъ «штюрмеровъ», питомцевъ періода «бурныхъ стремленій», сходявшихъ съ ума по сильнымъ волею, титаническимъ характерамъ. Тамъ зародилось преклоненіе предъ могучею индивидуальностью, истинный «культъ героевъ». Романтики XIX в. были въ этомъ отношеніи духовными дѣтьми «штюрмеровъ», этихъ крайнихъ индивидуалистовъ XVIII в., и не могли не поддаться обаянію такихъ богатыхъ, могучихъ и титаническихъ индивидуальностей, какими явились и необычайно одаренный корсиканскій солдатъ, волною революціи вознесенный на вершину славы, и поэтъ «Божіею милостью», кровный англійскій аристократъ, превратившійся въ радикала, пѣвца свободы и вождя европейской оппозиціи.

Когда расцвѣлъ лучезарный поэтический талантъ Байрона, наполеоновское «солнце Аустерлица», его счастливая звѣзда начала уже клониться къ закату: первыя пѣсни «Чайльдъ Гарольда» появились въ свѣтъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ до начала Отечественной войны. Прежде чѣмъ англійскій поэтъ принялся за продолженіе своей поэмы, могучій императоръ и властитель Европы превратился въ узника отдаленнаго острова, затеряннаго въ океанѣ. Однако съ дѣтскихъ лѣтъ будущій великій поэтъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за изумительной карьерой Бонапарта. Пятнадцатилѣтнимъ школьникомъ, въ Гарроу, онъ съ энтузіазмомъ защищалъ, при началѣ войны 1805 г., бюстъ Наполеона отъ враждебно къ нему настроенныхъ сотоварищей. Съ этого момента, по собственному позднѣйшему признанію Байрона, Бонапартъ сталъ «героемъ его романа», предметомъ удивленія и симпатіи. Наступившая вскорѣ юность не охладилъ этого дѣтскаго восхищенія, а, напротивъ, еще болѣе укрѣпила его. «Мой маленькій идолъ», такъ характеризовалъ онъ свои отношенія къ поразившей его воображеніе необычайной личности. Когда, послѣ перваго путешествія на Востокъ, Байронъ поселился въ Лондонѣ, его кабинетъ украсился большимъ портретомъ Наполеона въ богатой золоченой рамѣ. Наконецъ, послѣ смерти Наполеона, поэтъ хранилъ у себя, какъ святыню, прядь волосъ съ его головы, которую ему удалось откуда-то достать.

Всѣ эти факты краснорѣчиво говорятъ о наличности у Байрона настоящаго наполеоновскаго культа. О томъ же свидѣтельствуетъ его поэзія, въ которой удѣлено Наполеону довольно замѣтное мѣсто. Своимъ примѣромъ Байронъ увлекъ на путь наполеонизма и многихъ изъ своихъ поклонниковъ. Это хорошо видно на примѣрѣ того же Пушкина. Упомянутая первый разъ о Бонапартѣ въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ» (1815 г.), нашъ поэтъ относится къ нему съ негодованіемъ и презрѣніемъ. Для него Наполеонъ — «коварствомъ, дерзостью вѣнчанный царь», «презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ», «бичъ вселенной» и т. д. Но совершенно иначе сталъ относиться Пушкинъ къ Бонапарту послѣ того, какъ познакомился, во время ссылки въ южную Россію, съ поэзіей Байрона. Ода «Наполеонъ», написанная въ 1821 году, носитъ на себѣ уже явные слѣды вліянія байроновской оды «To Napoleon Bonaparte» (1814 г.).

Наполеонизму Байрона суждены были, однако, сильныя и мучительныя испытанія. Чрезвычайно характерно, что въ его поэзіи Наполеонъ

выступает впервые только въ 1814 году, въ годъ крутого перелома въ судьбѣ избалованнаго счастьемъ завоевателя. Въ борьбѣ Наполеона противъ арміи союзниковъ Байронъ былъ всецѣло на сторонѣ перваго. «Я ему отъ всей души желаю удобрить поля Франціи кровью наступательной арміи,—писалъ Байронъ;—я ненавижу наступателей всѣхъ странъ, и меня злятъ трусливые крики торжества тѣхъ, которые при одномъ его имени становились бѣлѣе снѣга». Получивъ извѣстіе о занятіи столицы Франціи союзными войсками, Байронъ отмѣтилъ въ своемъ

Байронъ.

дневникъ это событіе характерными словами: «Разбойники въ Парижъ!» Разгромъ наполеоновской арміи при Ватерлоо погрузилъ Байрона въ глубокую скорбь, съ тѣхъ поръ онъ не могъ выносить именъ Блюхера и Веллингтона и давалъ имъ презрительные эпитеты.

Чтобы понять причину такого отрицательнаго отношенія къ союзной арміи, сражавшейся за національное освобожденіе отъ наполеоновскаго ига, надо имѣть въ виду политическія убѣжденія Байрона, его радикализмъ. Въ силу современнаго положенія вещей гениальный поэтъ міровой скорби сдѣлался вождемъ оппозиціи противъ того безудержнаго разлива реакціи, который знаменуетъ собою первыя десятилѣтія XIX в. Байронъ былъ убѣжденъ, что дѣйствія противниковъ Наполеона направ-

вляются ненавистными ему реакціонными идеями и что борьба эта являлась продолженіемъ борьбы реакціонныхъ правительствъ Европы противъ революціонной Франціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ дорогихъ поэту освободительныхъ идей.

Байронъ долго и упрямо вѣрилъ въ геній Бонапарта и въ его окончательную побѣду надъ противниками. Вотъ почему извѣстіе объ отреченіи французскаго императора поразило его какъ громомъ. «Маленькій идолъ» сталъ колебаться на томъ высокомъ пьедесталѣ, который воздвигло ему благоговѣніе его вѣрующаго поклонника, а «герой романа» потерялъ

значительную долю того ослепительного ореола, которым окружило его романтическое воображение. «Наполеонъ Бонапартъ отрекся и оставилъ тронъ міра (записалъ Байронъ въ своемъ дневникъ 9 апрѣля 1814 года). Очень странно! Сулла, Діоклетіанъ, Карлъ Пятый поступили лучше; Наполеонъ же отрекся наихудшимъ образомъ... Я сбить съ толка и чувствую себя совершенно подавленнымъ... Хорошо зналъ я, что на вѣсахъ вѣчности все это (т.-е. гениальность, мощь, власть) вѣситъ легко, но все же я думалъ, что жизнь подобныхъ людей вѣситъ на нѣсколько каратовъ болѣе, чѣмъ жизнь другихъ. Увы!—императорскій алмазъ потускнѣлъ и теперь едва ли достаточно хорошъ для гранильщика,—перо историка врядъ ли оцѣнитъ его въ одинъ дукатъ». Сколько горькаго разочарованія слышится въ этихъ быглыхъ замѣткахъ! Но поэтъ, и послѣ этого тяжкаго испытанія, все еще не рѣшается измѣнить своему кумиру. «И все-таки,—прибавляетъ онъ въ дневникъ,—я не хочу и теперь отъ него отречься, хотя всѣ его поклонники, «какъ невѣрные таксы», отпали отъ него».

Въ такомъ настроеніи написалъ Байронъ уже упомянутую оду «Къ Наполеону Бонапарту» (1814 г.), въ которой энтузіазмъ и разочарованіе, похвалы и порицанія сплетаются въ одно трудно примиримое цѣлое. «Кумиръ поверженный» все

еще остается для него «богомъ». Если порицанія здѣсь, можетъ-быть, и преобладаютъ, то они похожи на омоченные слезами упреки горячо любимому человѣку, не оправдавшему надеждъ, на него возлагавшихся:

«Ты ль это, раздававшій троны,
На-смерть бросавшій легіоны?..
Когда бъ ты палъ, какъ царь, въ порфирѣ,
Въ вѣкахъ грядущихъ могъ бы въ мірѣ

Наполеонъ при Эйлау. (Mestrainny).

Возстать другой Наполеонъ.
Но лестно ль — какъ звѣзда надъ бездной
Сверкнуть и рухнуть въ мракъ беззвѣздный?»

(Пер. В. Брюсова).

Наполеонъ не удержался на той завидной высотѣ, на которую былъ вознесенъ: «Со времени падшаго ангела никто не падалъ съ такой высоты, какъ ты». Это паденіе доказало, что этотъ геній, «кумиръ умовъ», не чуждъ былъ и людскихъ слабостей:

«Онъ былъ, какъ всѣ земные боги,
Изъ бронзы — лобъ, изъ глины — ноги».

Недостатки Наполеона, которыхъ Байронъ раньше не признавалъ, дѣлаются ему теперь очевидными: онъ подмываетъ въ падшемъ цезарѣ «тщеславіе», «низкую жажду самовластья», приверженность къ внешней мишурѣ высокой власти и т. д. Но, главное, Байронъ начинаетъ чувствовать, что тотъ культъ свободы, которому онъ отдавалъ всю свою жизнь, непримиримъ съ культомъ человека, который лишилъ свободы столько народовъ. Паденіе Наполеона заставляетъ насъ, по его мнѣнію, еще больше цѣнить свободу:

«Еще дороже намъ свобода,
Съ тѣхъ поръ, какъ злѣйшій врагъ народа
Себя всемірно заклеилъ!»

Разочарованный въ Наполеонъ, поэтъ хочетъ теперь «покоить взглядъ» на истинномъ героѣ свободы «американскомъ цинцинатѣ» Вашингтонѣ.

Это разочарованіе особенно остро ощущалось поэтомъ потому, что внезапный и неожиданный поворотъ въ судьбѣ «баловня побѣдъ» потрясъ въ немъ вѣру въ героизмъ и героевъ. Наполеонъ былъ самою сильною, оригинальною и яркою индивидуальностью среди всѣхъ современниковъ Байрона. Онъ какъ бы воплощалъ въ себѣ тотъ идеалъ сверхчеловѣка, непоколебимаго титана, который такъ обольщалъ умъ творца Манфреда и находилъ отраженіе въ его поэтическихъ обликахъ. Но «императорскій алмазъ потускнѣлъ», и байроновскому культу героевъ былъ нанесенъ сильный ударъ.

Однако тайная надежда, что «потускнѣвшій алмазъ» вновь заблеститъ прежнимъ блескомъ, не покидала поэта. «Я не могу согласиться, что все уже покончено,—писалъ онъ Томасу Муру, прибавляя прямо пророческія слова: —Эльба можетъ превратиться въ вулканъ и выбросить Бонапарта обратно». Когда, дѣйствительно, низложенный императоръ бѣжалъ съ о. Эльбы и началась эпоха «ста дней», Байронъ вновь былъ готовъ увѣрять въ Наполеона: «Невозможно не быть ослѣпленнымъ и пораженнымъ его характеромъ и его карьерой», писалъ онъ Муру (15 марта 1815 г.). Пораженіе при Ватерлоо, больно, какъ мы видѣли, прочувствованное поэтомъ, нанесло новый ударъ этой вѣрѣ, хотя и не могло погасить ее окончательно.

Въ весьма благопріятномъ для Наполеона тонѣ выдержано стихотвореніе «Прощаніе Наполеона», написанное 15 іюля 1815 г. по свѣжимъ слѣдамъ извѣстія о заключеніи Бонапарта на островъ св. Елены. Здѣсь

слышится ужъ «слово примиренія» и дается иное объясненіе вторичному паденію того, кто «боролся одинъ съ необъятной вселенной».

«О Франція! мнѣ предоставивъ кормило,
Ты жемчужиной міра, ты чудомъ была!
Не мое, а твое утомленіе судило,
Чтобъ сіянье померкло и слава прошла».

(Пер. В. Брюсова).

Такимъ образомъ, за судьбу Наполеона послѣ Ватерлоо дѣлается отвѣтственной вся Франція, «утомленіе» которой подрѣзало крылья гению. Въ этомъ примиреніи, несомнѣнно, большую роль сыгралъ тотъ извѣстный фактъ, что въ эпоху «ста дней» Наполеонъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія Франціи, и согласился на либеральную конституцію (22 апрѣля 1815 г.). Это обстоятельство уполномочивало поэта, какъ ему казалось, выставить Наполеона поклонникомъ свободы, готовымъ выступить на ея защиту, если только Франція призоветъ его, «разбивъ цѣпи», въ которыя она попала (sic!), когда «свободы святыя призывы воскреснутъ въ странѣ».

На вполне благопріятной для Наполеона точкѣ зрѣнія стоитъ Байронъ и въ стихотвореніи, названномъ «From the French» (Съ французскаго), дополняющемъ предыдущее. Здѣсь поэтъ старается дать выраженіе тому энтузіазму, съ которымъ относилась наполеоновская армія къ своему вождю, къ его «непреклонному образу». Очень характерны стихи, которымъ поэтъ, повидимому, не можетъ отказать въ сочувствіи:

«Ты былъ войскъ своихъ кумиръ,
Ты и нынѣ — властелинъ!

Многихъ судить этотъ міръ,
Внѣ суда лишь ты одинъ!»

(Пер. В. Брюсова).

Наполеонъ Великій. (D. Mestrayny).

Однако Байронъ вскорѣ вновь счелъ возможнымъ «судить» Наполеона. Это дѣлаетъ онъ въ «Одѣ, переведенной съ французскаго» (15 марта 1816 г.), названной такъ изъ цензурныхъ соображеній и всецѣло принадлежащей англійскому поэту. Впоследствии самъ Байронъ называлъ ее «Одой на Ватерлоо». Здѣсь Бонапартъ характеризуется какъ «свободы сынъ», доблестный «солдатъ-гражданинъ» революціонной Франціи, ведшій ея войска къ побѣдамъ, какъ вождь-республиканецъ. Онъ былъ великъ и непобѣдимъ, пока оставался вѣренъ завѣтамъ свободы. Но онъ не удовольствовался этимъ: «подстрекаемый честолюбіемъ, герой превратился въ монарха». Въ этомъ и заключается источникъ его паденія, такъ какъ всегда такой конецъ:

«Тому достанется на долю,
Кто братьевъ обречетъ въ неволю».

(Пер. С. Ильина).

Поэтъ забываетъ, что самъ еще недавно увлекался блескомъ «императорскаго алмаза», пока онъ не оказался фальшивымъ; теперь онъ страстно желаетъ Франціи вернуться къ республиканской свободѣ:

«Вся мощь ея не въ блескѣ трона
иль Наполеона,
Но въ справедливости одной
Для всѣхъ единого закона,
Въ горящихъ рвеніемъ сердцахъ
На благо общее народа.
Ея спасеніе—свобода.

(Пер. С. Ильина).

Въ апрѣль того же года (1816) Байронъ покинулъ Англію. Пропѣздомъ въ Италію онъ посѣтилъ поле битвы при Ватерлоо; свои впечатлѣнія онъ изложилъ въ нѣсколькихъ строфахъ III пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», которую набросалъ въ маѣ и іюнѣ того же года, живя на берегахъ Женевского озера. Съ нескрываемою непріязнью относится онъ попрежнему къ побѣдителямъ «орла», «развѣнчаннаго судьбой». Наполеонъ—«левъ», его противники—«волки». Европа ничего не выиграла отъ битвы при Ватерлоо: «мѣръ, какъ прежде, въ дѣпяхъ». Осужденіе побѣдителей Бонапарта было уже косвеннымъ его восхваленіемъ; кромѣ того, симпатія къ Наполеону здѣсь сквозитъ въ каждой строфѣ: онъ — «величайшій и не худшій изъ людей», «побѣдитель и плѣнникъ міра», имя котораго продолжаетъ царить въ умахъ, можетъ-быть, больше теперь, когда онъ «превратился въ ничто» (строфа XXXVII); онъ палъ, но «главы не опустилъ подъ гнетомъ тяжкихъ золь» (XXXIX) и т. д. Повторяя прежніе упреки въ властолюбіи, превратившемъ доблестнаго героя въ зауряднаго тирана, Байронъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, старается найти психологическое обоснованіе его образа дѣйствій. Онъ причисляетъ Наполеона къ лику избранниковъ, «чья грудь опалена желаній бурнымъ зноемъ», къ лику героевъ и вождей человѣчества:

«Дыша борьбой, они волненій просятъ;
Какъ лава, въ жилахъ ихъ струится кровь;
Ихъ цѣлый вѣкъ на крыльяхъ бури носить,
Пока не сброситъ ихъ на землю вновь;

А все же имъ дыханья бури мило;
 Когда ихъ жизнь должна спокойно течь,
 Они, скорбя, кончаютъ дни уныло.
 Такъ пламени безъ пищи меркнетъ сила;
 Такъ губить ржавчина въ ножны вложенный мечъ».

(XLIV, пер. П. Козлова).

Какъ одинокія вершины возвышаются подобныя люди надъ другими, и толпа обыкновенно «впнчаетъ злобой» ихъ успль.

Байронъ явно чувствовалъ свое духовное родство съ Наполеономъ и въ приведенныхъ стихахъ постарался отмытить то, что, по его мнѣнію, объединяло ихъ. Субъективный смыслъ здѣсь вполнѣ прозраченъ: дѣлая характеристику такого типа людей, онъ, очевидно, имѣлъ въ виду и самого себя и своихъ излюбленныхъ героев, мятежныхъ и неутомимыхъ, которые всегда «ищутъ бури», а въ бездѣйствіи гибнутъ, какъ Манфредъ въ гордомъ уединеніи. Такое пониманіе Наполеона являлось почти апофеозомъ его личности и подчеркивало всю силу байроновскихъ симпатій къ нему.

Нѣсколько строже отнесся Байронъ къ Наполеону черезъ годъ, затронувъ его мимоходомъ въ IV пѣсни «Чайльдъ-Гарольда» (1817 г.). Погруженный въ Италіи въ античныя воспоминанія, онъ дѣлаетъ сопоставленія Цезаря съ Наполеономъ, весьма не лестное для послѣдняго (строфы LXXXIX — XCIII): Цезарь умѣлъ «обуздывать страсть умомъ», а Наполеонъ былъ рабомъ тщеславья, гордости и честолюбія; сравняться съ знаменитымъ римляниномъ не могъ этотъ «незаконный сынъ Цезаря», который «самъ не зналъ, чего хотѣлъ» и зачѣмъ «проливалъ рѣки крови».

Въ послѣдній разъ говоритъ Байронъ о Бонапартѣ въ своей политической сатирѣ «Бронзовый вѣкъ» (1823), написанной за годъ до смерти поэта. Здѣсь какъ бы подводятся итогъ всѣмъ восторгамъ и всѣмъ упрекамъ, которые раньше расточалъ онъ по адресу своего развѣнчаннаго кумира. За два года передъ тѣмъ не стало Наполеона, и судъ исторіи наступилъ для него. Сатира написана противъ Веронскаго конгресса 1822 г., вдохновлявшагося принципами священнаго союза и созданнаго для обсужденія вопроса о подавленіи оружіемъ испанскаго революціоннаго движенія. «Моя ненависть къ людямъ подбавляетъ моей любви къ тебѣ», говоритъ одинъ изъ героевъ Байрона своей возлюбленной. Такъ было и

Наполеонъ, пробуждающійся для безсмертія.
 (F. Rude).

съ самимъ Байрономъ въ его отношеніяхъ къ Бонапарту: любовь къ нему была тѣмъ горячѣе, чѣмъ острѣе была ненависть къ союзнымъ правительствамъ, какъ руководителямъ реакціи. Величіемъ Наполеона колетъ онъ глаза его «ничтожнымъ» противникамъ. Смерть его «въ изгнаніи душою и въ цѣпяхъ» (Лермонтовъ) только усилила симпатіи Байрона къ нему. Наполеонъ—«витязь нашихъ дней, что, самъ не царь, обуздываетъ царей»; онъ «вольный орелъ», котораго судьба роковая привела въ клѣтку; у него умъ, «плывившій міръ величіемъ вѣщихъ думъ»; имя его, какъ чудный талисманъ, «освятить» пустынный островъ, гдѣ онъ испустилъ духъ, и пропѣзжающіе мимо корабли «пошлютъ ему ликующій привѣтъ» и т. д. Дальше поэтъ въ яркихъ краскахъ и съ большимъ подъемомъ изображаетъ блистательную карьеру Наполеона. Первые строчки могутъ дать понятіе обо всемъ остальномъ:

«О мощь небесъ! Онъ былъ твой ликъ живой.
И ты, земля! Онъ лучший отпрыскъ твой.
И, островъ, ты! Тебѣ за то хвала,
Что ты взлелѣялъ юнаго орла.
Вы, Альпы, гдѣ онъ встрѣтилъ свой разсвѣтъ,
Взвиваясь гордо въ блескъ ста побѣдъ!»

(Пер. Ю. Балтрушайтиса).

Съ трудомъ выходя изъ-подъ очарованія гениальной личности, Байронъ попрежнему не можетъ, однако, забыть, что лелѣемые имъ принципы свободы безжалостно попирались зарвавшимся полководцемъ. Возвращаясь къ темъ, затронутой имъ и раньше, Байронъ свои упреки Наполеону сводитъ къ тому, что онъ не умѣлъ или не захотѣлъ посланные ему свыше таланты использовать надлежащимъ образомъ, т.-е. сдѣлать ихъ орудіемъ освобожденія народовъ, а не ихъ порабоженія. «Увы!—зачѣмъ шагнулъ онъ черезъ Рубиконъ—черезъ Рубиконъ пробудившихся правъ человѣка,—чтобы вмѣшаться въ толпу заурядныхъ королей и льстецовъ?» съ горечью спрашиваетъ поэтъ. Ему кажется, что счастье было такъ близко, такъ возможно:

«Лишь шагъ къ добру, единый шагъ, и онъ
Плѣнилъ бы міръ, какъ славный Вашингтонъ»...

Но вмѣсто этого онъ сдѣлалъ шагъ въ противоположную сторону, и это погубило его. Онъ забылъ завѣты великаго человѣколюбца Прометей: «Слышите ли вы, какъ Прометей со своей скалы взываетъ къ землѣ, воздуху, океану,—ко всему, что чувствовало или чувствуетъ его славу... и учитъ ихъ тому, чему учили такъ долго, часто и тщетно,—учитъ не дѣлать никому зла!» Заключительнымъ аккордомъ горькаго раздумья надъ превратною судьбою Наполеона, обманутыми имъ надеждами и не исполненною освободительною миссіею звучатъ конечныя строки:

«Атлантика! Зачѣмъ твоя волна,
Свободная, теперь хранить должна
Прахъ деспота, его послѣдній кровь—
Царя царей, невольника рабовъ,
Что гнетъ оковъ сегодня расторгаль,
А завтра людямъ новыя коваль,
Поправъ законъ Европы, какъ и свой,
Чтобы витать межъ троновъ и тюрьмой!»

Итакъ, отношенія Байрона къ Наполеону сложны и противорѣчивы. Но не слѣдуетъ преувеличивать ни этой непослѣдовательности, ни этихъ противорѣчій: онѣ были почти неизбежны. Ключъ къ разгадкѣ этой проблемы мы должны искать въ томъ, что Байронъ большею частью отдѣлялъ личность Наполеона, какъ таковую, въ ея, такъ сказать, сущности, отъ ея болѣе или менѣе случайныхъ проявленій, отъ поступковъ и дѣяній. Передъ гениальною личностью Наполеона, его мощною и красочною индивидуальностью Байронъ, воспитанный на индивидуалистическихъ тенденціяхъ и страстный поклонникъ титанизма преклонялся безусловно и постоянно. Это было «влеченіе, родъ недуга». Это было невольное тяготѣніе одной сильной личности къ другой, въ которой онъ подмѣчалъ, какъ мы видѣли, родственныи психологическій типъ. Байронъ гордился тѣмъ, что инициалы Наполеона Бонапарта и его собственные (Ноэль Байронъ) одни и тѣ же. Въ «Донъ-Жуанъ» полусмѣливо, полусерьезно онъ называетъ себя «Наполеономъ царства риѣмы», прибавляя: «Донъ-Жуанъ» былъ моею Москвою, «Фальеро» — моимъ Лейпцигомъ, а «Каинъ», можетъ-быть, будетъ моимъ Ватерлоо. Если я паду, то, по крайней мѣрѣ, паду какъ герой. Я хочу или царствовать, какъ монархъ, или не царствовать вовсе» (п. XI, стр. 55—56).

Однако, слѣпо преклоняясь передъ титанизмомъ наполеоновскаго характера, передъ его мощною индивидуальностью и желѣзною волею, Байронъ вовсе не лишалъ себя права относиться критически къ его образу дѣйствій, къ его дѣламъ и поступкамъ. Здѣсь потребность романтическаго сердца, жаждавшаго упиться реальнымъ образомъ, который, казалось, осуществлялъ собою грезы о сверхчеловѣкѣ, приходила въ неизбежное столкновеніе съ приговоромъ разсудка, съ политическими убѣжденіями, съ принципами свободы и гуманности. И во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Байронъ подмѣчалъ противорѣчіе дѣятельности Наполеона этимъ убѣжденіямъ и этимъ принципамъ, онъ никогда не воздерживался отъ рѣзкаго осужденія, и на голову любимца сыпались горькіе укоры.

Онъ составилъ себѣ идеализированное представленіе о личности Бонапарта, которое далеко не сходило съ дѣйствительностью. Своего «идола» слѣпилъ онъ, въ значительной степени, по своему образу и подобию и по той мѣркѣ, которая входила въ его идеалъ человѣческой личности. Понятны то разочарованіе, та «подавленность», какъ онъ выражался, которыя овладѣвали поэтомъ, когда онъ убѣждался, что поведение Наполеона трудно согласить съ этимъ гиперболически прикрашеннымъ образомъ, въ который онъ увѣровалъ, однако, беззавѣтно. Первымъ движеніемъ Байрона было объяснять подобное разногласіе тѣмъ, что въ данномъ случаѣ Наполеонъ «не вѣренъ самому себѣ» («Дневникъ» Байрона, ноябрь 1813 г.). Вина въ «не Гамлетъ, а безуміе Гамлета» — могъ

Апофеозъ Наполеона. (Энгельс).

бы онъ примѣнить къ Бонапарту извѣстные слова. Но такое объясненіе не выдерживаетъ критики. Если Наполеонъ былъ чему невѣренъ, то это былъ тотъ ложный черезчуръ идеализованный образъ, который поэтъ нарисовалъ въ своемъ воображеніи.

Однако Байрону было чрезвычайно трудно въ этомъ сознаться; слишкомъ жаль было разстаться съ «героемъ своего романа», слишкомъ живъ былъ въ немъ культъ героическаго. Поэтъ переживалъ здѣсь глубокую душевную драму, которая затрогивала самыя задушевныя его убѣжденія и самыя возвышенныя чаянія. Этимъ и объясняются всѣ его колебанія, всѣ его сомнѣнія и недоумѣнія въ отзывахъ о Наполеонѣ—вся эта причудливая смѣсь восторговъ и разочарованій, пылкихъ восхваленій и горькихъ упрековъ, диоирамбовъ и сатиры. И все же, въ концѣ-концовъ, несмотря на всѣ испытанія, образъ Наполеона не переставалъ являться ему въ блескѣ лучезарнаго ореола небывалаго величія.

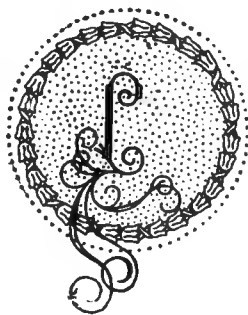
М. Розановъ.

На другой день. (Раффэ).

III Наполеонъ во французской поэзіи.

И. М. Хераскова.

праведливо говорятъ, что послѣ смерти великіе люди живутъ въ воспоминаніяхъ народа. Утвержденіе это нуждается лишь въ одной поправкѣ. Обыкновенно представленіе объ ихъ реальной личности очень скоро вытѣсняется въ этихъ воспоминаніяхъ новыми представленіями, возникающими изъ впечатлѣній текущей дѣйствительности; имя героя становится знаменемъ общественной борьбы, своего рода символомъ, конкретное

содержаніе котораго мѣняется въ зависимости отъ смѣны и разнообразія общественныхъ впечатлѣній.

Наполеоновская поэзія до реставраціи Бурбоновъ. То, что французскіе поэты писали о Наполеонѣ до 1815 г., не было въ сущности поэзіей. Не были ею ни официальные, по заказу написанныя оды, ни злобныя политическія сатиры, въ рукописяхъ ходившія по рукамъ; судьба авторовъ этихъ произведеній была различна— первыхъ награждали казенными пенсіями, а вторыхъ сажали въ тюрьму,—но и тѣ и другіе, съ точки зрѣнія художественнаго творчества, не представляютъ почти никакого интереса. Первымъ проблескомъ свободнаго поэтическаго вдохновенія можетъ считаться тутъ остроумная пьсенка Беранже о королѣ Ивтота ¹⁾, появившаяся въ 1813 г. среди всеобщаго недовольства императоромъ послѣ неудачнаго похода въ Россію. Легендарный король Ивтота «ничѣмъ не прославилъ себя въ исторіи»: онъ не тревожилъ сосѣдей и не ходилъ въ далекіе походы; обложивши подданныхъ налогомъ въ видѣ кружки съ каждой бочки вина, онъ ничѣмъ не беспокоилъ ихъ больше и разбѣзжалъ себя по королевству верхомъ на ослѣ, въ ночномъ колпакѣ вмѣсто короны. Зато и самъ онъ чувствовалъ себя превосходно. и народъ былъ доволенъ; съ ихъ точки зрѣнія это былъ наилучшій въ свѣтѣ монархъ (*modèle des potentats*): «До сихъ поръ его портретъ виситъ въ видѣ вывѣски надъ популярнымъ въ странѣ кабакомъ, и подгулявшій въ праздникъ народъ поговариваетъ, глядя на нее: «И хорошій же былъ король!..»

Беранже (Жерве).

Первая реставрація и 100 дней. Первая реставрація Бурбоновъ произошла при полномъ равнодушіи уставшаго отъ безконечныхъ войнъ народа. О Наполеонѣ жалѣли лишь прямые его сотрудники— ветераны великой арміи—да часть радикально настроенной интеллигенціи, ненавидѣвшая въ Бурбонахъ представителей старой, дореволюціонной Франціи. Выразителемъ ихъ настроенія явился тотъ же Беранже со своими пьсами о «благородныхъ собакахъ Сэнъ-Жерменскаго предмѣстья, подающихъ прошенія о допущеніи ихъ въ Тюильри», о «лакеяхъ, мнѣющихъ ливреи», и о «старыхъ наполеоновскихъ гренадерахъ съ ихъ трогательною преданностью императору:

— Про насъ забыли, Ричардъ!
Полночь бьетъ на дворцовой башнѣ.
— Скоро опять увидимъ Италію:
Завтра простимся съ Фонтенбло.
— И слава Богу!.. Что же?
На Эльбѣ прекрасный климатъ.
— Да хоть на край Россіи

Мы, старики, пойдемъ за старымъ
солдатомъ.
...
— Говорятъ всѣ — отрекся онъ.
Что это такое? растолкуй.
Опять, что ли, республика будетъ?
— Нѣтъ, намъ возвращаютъ короля.

¹⁾ Yvetot — городокъ въ департаментѣ нижней Сены, когда-то княжество, имѣвшее своихъ королей.

У нашего императора хоть сто коронъ
 будь,
 Всѣ готовъ отдать:
 Привыкъ раздавать ихъ направо, налѣво.
 — Во всемъ дворцѣ одинъ огонекъ.
 Чуть мерещится тамъ, въ окошкѣ.
 — Лакеи благородной крови
 Поудирали, запутавши насъ.
 Сдираютъ галуны съ мундировъ,
 Новому хозяину сбиваютъ перья
 убитого орла.
 — Маршалы, товарищи наши,
 Тоже бѣгутъ, польстившись на золото.
 — За чины ихъ заплачено нашею
 кровью.

Хорошо, что не вся еще вышла.
 Слава крестила ихъ на полѣ сраженій,
 А крестнаго отца не хотятъ теперь
 знать.
 — Ужъ 25 лѣтъ прослужилъ я:
 Хотѣлъ проситься въ отставку.
 — Я весь израненъ,
 Пора бы тоже на отдыхъ.
 Да развѣ хорошо бить посуду,
 Какъ выпилъ всю воду!
 Прощайте, жена, и дѣти!
 Мы, старики, пойдемъ вездѣ за старымъ
 солдатомъ!

(«Два гренадера»).

Впрочемъ, и на недостатки наполеоновскаго режима Беранже этого періода не закрываетъ глазъ: «Много красавицъ и много монарховъ любятъ пускать во зло свою власть», говоритъ онъ въ написанномъ во время 100 дней «Политическомъ трактатѣ для Лизы»:

«Ихъ поклонники и провинціи
 Доходили порой до отчаянія.
 Смотри же, какъ бы и въ твой будуаръ
 Не проникли вражда и мятежъ.
 Откажись, Лиза, отъ тираніи,
 Для блага подданныхъ твоихъ откажись!»

Поэтъ упрекаетъ Лизу въ излишество кокетства, дѣлающемъ ее похожей на завоевателей, оставляющихъ родную страну ради далекихъ походовъ, и въ недоступности ея для своихъ подданныхъ, отъ которыхъ отдѣляетъ ее толпа куртизановъ; онъ напоминаетъ ей, что изъ рукъ подданныхъ, а не изъ другого источника, получаетъ она свою власть...

2-я реставрація Бурбоновъ. Беранже и Дебро. Условія, при которыхъ Бурбоны второй разъ вернулись во Францію, дѣлаетъ это возвращеніе больше похожимъ на непріятельское нашествіе, чѣмъ на возстановленіе въ странѣ законной королевской власти. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ это впечатлѣніе не только не изгладилось, а, наоборотъ, еще больше углублялось, благодаря ультра-реакціонной политикѣ Бурбоновъ: къ чувству оскорбленнаго условіями мира патріотизма французовъ примѣшивалось раздраженіе буржуазнаго общества противъ вернувшагося къ власти стараго дворянства. Въ свѣтъ этихъ чувствъ мѣнялось отношеніе къ Наполеону. Въ какія-нибудь 6—8 лѣтъ оно измѣнилось до неузнаваемости: въ 1813 г. народъ встрѣчалъ Наполеона угрозами и свистками, а въ 1821 году даже враги его рыдали при извѣстіи о его смерти; листочки ивы, привезенные съ его могилы, передавались изъ рукъ въ руки, какъ священная реликвія. Въ Наполеонѣ увидѣли вдругъ народнаго героя — страдальца, Прометея, прикованнаго къ скалѣ, Христа, возведеннаго на Голгофу. Съ высоты императорскаго трона Наполеонъ спускается къ простому народу, товарищъ и другъ своихъ старыхъ солдатъ. Его образъ становится символомъ страдающей и оскорбленной Франціи.

Беранже уловилъ эти народныя чувства и съ изумительной силой передалъ въ своихъ патріотическихъ пьсняхъ. Его Наполеонъ—именно тотъ легендарный герой въ сѣромъ сюртукѣ и походной шляпѣ, какимъ рисовала его народная мечта. Въ «Воспоминаніяхъ народа» Беранже будто подслушалъ образованіе этой легенды:

Въ бѣдныхъ хижинахъ
Будутъ долго говорить о его славі...
Соберутся поселяне
Вокругъ какой-нибудь старушки:
«Скоротай намъ, бабушка, досугъ,
Разскажи о быломъ!..
Говорятъ, онъ надѣлалъ намъ бѣдъ,
Но народъ до сихъ поръ его чтить.
Разскажи намъ о немъ, бабушка,
Разскажи намъ о немъ».

* * *

— Черезъ нашу деревню проѣхалъ онъ,
дѣти,

А вокругъ него короли.
Много лѣтъ тому будетъ:
Замужъ въ ту пору я шла.
Я съ холма на него смотрѣла,
А онъ поднимался пѣшкомъ,
Въ сюртукѣ своемъ сѣромъ
И въ маленькой шляпѣ.
Испугалась я, какъ онъ подошелъ,
А онъ мнѣ: «Здравствуй, говорить,
милая,

Здравствуй!»

— Такъ онъ говорилъ съ тобой,
бабушка,
Говорилъ съ тобой?

* * *

— Годъ спустя случилось мнѣ,
горемычной,
Попастъ въ Парижъ.
Опять я увидѣла его и свиту всю.
Онъ шелъ въ соборъ Богородицы.
Всѣ рады кругомъ,
Смотрятъ на нихъ
И удивляются на погоду:
«И небо-то, говорятъ, на его сторонѣ».
Онъ улыбался, добрый такой:
Богъ послалъ ему въ ту пору сына.
— Вотъ счастливый былъ день для
васъ, бабушка!
Вотъ счастливый!

* * *

— Потомъ нашу Шампань
Захватилъ непріятель.
А онъ ничего не боялся:
Будто одинъ и войну-то всю велъ.
Разъ вечеромъ, какъ сейчасъ слышу,
Стучатся въ дверь.
Отворила: Господи, онъ самъ!
И никого-то почти при немъ.
Сѣлъ вотъ сюда, гдѣ я сажу.
«И война же, говорить,
Ужъ и война!»
— Такъ онъ тутъ сидѣлъ, бабушка,
Вотъ тутъ?

* * *

«Голоденъ я», говорить. Я скрѣ
Даю ему вина и чернаго хлѣба.
Потомъ посушилъ одежду
И даже прилежъ отдохнуть у огня.
А когда проснулся, увидѣлъ, что я
плачу,
«Ничего, говорить, не унывай:
Тороплюсь я въ Парижъ,
Отомщу за несчастье Франціи...»
А я вотъ стаканъ его
Сохранила, какъ драгоценность...
— Онъ цѣлъ еще у васъ, бабушка?
Цѣлъ еще?

* * *

— Вотъ онъ... Но на гибель свою
Пошелъ богатырь:
Самъ папа короновалъ его на царство,
А умереть пришлось одному на
далекомъ морѣ...
Никто не вѣрилъ долго:
Говорили — придетъ еще онъ, —
И пріѣхалъ уже будто бы изъ-за моря,
И скоро всѣхъ враговъ покорить.
А какъ увидѣли, что не правда все это,
Горько и тяжело мнѣ стало...
— Богъ утѣшитъ васъ, бабушка,
Утѣшитъ васъ!..

Народныя воспоминанія о Наполеонѣ — постоянная тема пьсень Беранже. Вотъ старый солдатъ, возбужденный разговоромъ съ товарищами, плачетъ въ своей хижинѣ надъ старымъ знаменемъ, спрятаннымъ въ его изголовьи («Старое знамя»). Вотъ другой солдатъ, у порога деревен-

скаго дома качающій внуковъ; онъ возбужденъ видомъ новаго знамени, съ которымъ прошелъ мимо него отрядъ королевскихъ солдатъ; дочь хочетъ успокоить его и поетъ ему вполголоса «старыя пѣсни, наполнявшія когда-то ужасомъ королей». «За тобой, народъ, очередь проснуться отъ этихъ пѣсенъ», шепчетъ старикъ, а потомъ, обращаясь къ внукамъ: «Пошли вамъ, Господи, славную смерть!» («Старый сержантъ»). Вотъ

Мюратъ. (Бюстъ Кановы. Муз. П. И. Щукина).

маркитантка Катэнь, прошедшая съ великой арміей черезъ всю Европу («Маркитантка»); вотъ старый капралъ, котораго ведутъ на разстрѣлъ за оскорбленіе «молокососа-офицера»:

«Кто тамъ смотритъ на
меня и плачетъ?
Ахъ, это вдова барабан-
щика.
Въ Россіи, когда отступали,
Я несъ ея сына и ночью
и днемъ.
Кабы не я, замерзнуть бы
и ей и ребенку
Вслѣдъ за отцомъ...
Теперь пришла помолить-
ся о моей душѣ».
(«Старый капралъ»).

Другимъ народнымъ поэтомъ этой эпохи былъ ученикъ и подражатель Беранже Эмиль Дебро. «Франція плакала тогда о своей военной слави и о подвигахъ, пронесшихся какъ ураганъ», писалъ Беранже въ стихотвореніи, посвященномъ Дебро: «Твой голосъ, Эмми, говорилъ ей о

нашей исторіи, и благородными звуками огласились стѣны харчевенъ». Эти слова приложимы и къ самому Беранже съ той лишь разницей, что кромѣ харчевенъ его знали хорошо и въ буржуазныхъ салонахъ, тогда какъ Дебро, со своимъ мало изящнымъ и неотдѣланнымъ стилемъ остался любимцемъ престога народа. Сюжеты патріотическихъ пѣсенъ Дебро совпадаютъ съ сюжетами Беранже — старый солдатъ, вспоминающій походы, внуки, слушающіе рассказы дѣда о быломъ, корабль, плывущій мимо острова Елены:

«Какъ зовутъ скалу ту, что съ злымъ вскипаньемъ
Цѣлуютъ волны?» я ихъ спросилъ.
Но вдругъ поникли они въ молчаньѣ.
«Какъ звать тѣ скалы?»—я повторилъ.—
Чья тамъ виднѣется могила?
Кто въ ней безвѣстный погребенъ?..»
— Плачь, добрый путникъ: эти скалы...
Здѣсь кончилъ жизнь Наполеонъ...

Наибольшую популярность среди пѣсенъ Дебро приобрѣла въ свое время пѣсня: «Помнишь ли ты?» («Te souviens - tu?»). Старый капитанъ встрѣчаетъ нищаго-солдата, спасаго когда-то его жизнь. Они вмѣстѣ предаются воспоминаніямъ о пирамидахъ, Италіи, Москвѣ, Ватерлоо:

«Помнишь эти ледяныя
равнины,
Куда побѣдоносно вступали французы,
И гдѣ сугробы ихъ кутали потомъ съ головой?
Тамъ ледянѣло ихъ тѣло,
но сердце продолжало горѣть.
Скажи мнѣ, скажи мнѣ,
солдатъ, помнишь ли ты?..

.....
.....

..... А помнишь ли ты?.. но тутъ мой
голосъ дрожить.
Не нужно вспоминать объ этомъ.
Пойдемъ, другъ мой, поплачемъ вмѣстѣ,
Въ ожиданіи лучшихъ дней.

А когда смерть придетъ въ мою хижину
И позоветъ на заслуженный стдыхъ,
Ты тихо закроешь мнѣ вѣки
И скажешь: «А помнишь ли ты?..»

Полина Бонапартъ. (Канови).

Назимиръ Делавинъ. Воспѣвать славу имперіи въ эпоху 2-й реставраціи значило объявить себя врагомъ Бурбоновъ и прослыть революціонеромъ: и Беранже и Дебро поплатились тюрьмой за свои патріотическія пѣсни.

Буржуазія не сразу заняла такую крайнюю позицію. Прежде, чѣмъ окончательно порвать съ Бурбонами, она пыталась примириться съ ними и такъ или иначе внушить имъ уваженіе къ своимъ правамъ. Въ эти первые годы реставраціи не Беранже, а умѣренный Казимиръ Делавинъ былъ ея любимымъ поэтомъ и властителемъ думъ.

Делавинъ, какъ и Беранже, преклоняется передъ геніемъ Наполеона и доблестями великой арміи, но ему чуждъ демократическій культъ императора: онъ пользуется его исторіей не какъ орудіемъ борьбы противъ Бурбоновъ, а какъ источникомъ поученія для нихъ, средствомъ склонить ихъ къ примиренію съ либерализмомъ.

«Ихъ больше нѣтъ, оставьте въ покоѣ ихъ прахъ!»

Такъ начинается поэтъ свою элегію, посвященную падшимъ при Ватерлоо:

Ахъ, не плачьте о нихъ: на ихъ челѣ не истлѣли побѣдные лавры.
Плачьте о себѣ, французы, о вашей отчизнѣ:
Гордость и корысть раздѣляютъ ея дѣтей...
Но небо произноситъ свой приговоръ: онъ возвращаетъ намъ лиліи ¹⁾.
Пролейте же слезу надъ знаменами Аустерлица
И примите цвѣта героя Бувина...» (т.-е. Филиппа-Августа).

Въ элегіи, написанной послѣ смерти императора, поэтъ даетъ ему больше подробную оцѣнку; судьба Наполеона должна служить для Бурбоновъ предостереженіемъ:

«Смѣсь мрака и свѣта; ничтожества и славы,
Звѣзда погибѣли и для свободы и для царей!
Ты бурей вознесенъ къ зениту пути,
И буря унесла тебя прочь.
Ты шелъ своей кровавой дорогой,
И только несчастье твое могло сравниться съ твоей удачей.
Ты былъ какъ богъ среди смертныхъ:
Сами горы склоняли передъ тобой вершины,
Побѣжденные стихіи ждали мановенія твоей руки.
....И ты царилъ бы еще, если бы самъ того захотѣлъ...
Но, сынъ свободы, ты низвергъ свою мать,
На ея права возсталъ со своей эфемерною силой...
Могила, вырытая для свободы, рано или поздно поглощаетъ
абсолютнаго монарха.
Тиранъ погибаетъ, она одна остается жить...»

Роялисты. Умѣренный либераль Делавинъ находился между двухъ крайнихъ теченій: налѣво отъ него стояли демократы республиканскаго отпѣнка, какъ Беранже, направо — преданные Бурбонамъ роялисты. Если первые нашли въ Наполеонѣ своего кумира и даже готовы были признать его борцомъ за народныя права, то вторые съ такой же силой ненавидѣли его и проклинали, какъ крестожаднаго осквернителя трона.

Самымъ виднымъ представителемъ роялизма въ поэзіи былъ въ началѣ 20-хъ годовъ молодой Викторъ Гюго. Наполеонъ для него—«Божій бичъ», одинъ изъ тѣхъ бичей, которые «посылаются на землю разгнѣваннымъ божествомъ» (Ода «Bonaparte». 1822).

¹⁾ Эмблема французскихъ королей.

Ламартинъ. Но и въ лагерь роялистскихъ поэтовъ по отношенію къ Наполеону проявлялось разногласіе. Съ одной стороны, духъ романтизма, воцарившійся въ ихъ средѣ, побуждалъ ихъ оцѣнить въ Наполеонѣ красивую въ своей цѣльности личность, съ другой стороны, благодаря неуклонному паденію въ странъ престижа Бурбоновъ, роялизмъ многихъ изъ нихъ подвергался испытанію.

Поэма Ламартина «Бонапартъ» написана подѣ непосредственнымъ впечатльнѣмъ извѣстія о смерти Наполеона, и контраста блестящей судьбы и одинокой могилы:

«Онъ здѣсь... дитя измѣ-
ритъ его тре-
мъ шагами.
Вражеская ступня попи-
раетъ спокой-
но его могилу.
Мошка мирно жужжитъ
надъ его гроз-
нымъ челомъ,
И лишь сонному плеску
прибрежной волны
Внимаетъ тихо его ду-
ша...»

Историческая роль Наполеона заключается, по представленію поэта, въ разрушеніи миража революціи:

«Въ припадкѣ безсильна-
го изступленія
Одряхлѣвшій міръ тер-
залъ себя собствен-
ными руками,

Среди цѣпей своихъ испуская крики свободы.

Но вотъ явился суровый герой и ударилъ своимъ жезломъ.

Міръ очнулся. Исчезла мечта передъ истины взоромъ».

Если бы вслѣдъ за этимъ онъ «смылъ позоръ съ королевской короны и передалъ скипетръ законному монарху», онъ самъ бы сдѣлался «выше царей» и увѣнчалъ себя неувядаемой славой. Но что ему были эти слова — честь, свобода и слава? «Они звучали ему, какъ бездушное эхо, въ которомъ онъ уловилъ только звуки меча и сигнальных рожковъ».

Каролина. (Музей П. И. Щукина).

Но такая удивительная судьба:

«Быть мыслью и жизнью цѣлаго вѣка,
Смирить кинжалъ и злобу своихъ враговъ,
Потрясти и сдержать неустойчивый міръ,
Въ мрачномъ блескѣ грохочущихъ молній
Оспаривать у боговъ жребій міра!..»

А потомъ упасть съ такой высоты на пустынный утесъ, «увидѣть свой плащъ, разорванный руками враговъ...» Что долженъ былъ передумать онъ, окидывая свое прошлое послѣднимъ взоромъ!.. Одного преступленія не можетъ простить ему поэтъ—роялистъ въ этомъ прошломъ—убійства герцога Энгиенскаго: оно неизгладимымъ кровавымъ пятномъ легло на его чело и омрачило его славу... Но поэтъ не хочетъ произносить надъ усопшимъ окончательный приговоръ. Какъ судить генія? доступно ли это силамъ обыкновенныхъ людей? «Для героя и для насъ у Бога различная мѣра».

Бартеlemi и Мэри. «Наполеонъ въ Египтѣ» Бартеlemi и Мэри (1828), первое эпическое произведеніе, посвященное Наполеону, также вышло изъ-подъ пера бывшихъ роялистовъ. Всего за три года до появленія этой поэмы Бартеlemi въ своей одѣ на коронаваніе Карла X клеймилъ Наполеона, какъ «иностранца, осквернившаго таинство царскаго миропомазанія», а теперь Наполеонъ превращается подъ его перомъ въ героическаго сына республики, одинъ видъ котораго наполняетъ мужествомъ его солдатъ:

«Въ чертахъ его, и благородныхъ, и суровыхъ,
Сіяетъ отблескъ итальянскаго солнца...
Какъ грозная молнія,
Его взоръ вливается въ сердце, проникаетъ до дна сокровеннѣйшихъ мыслей,
И будто растетъ онъ въ сознаніи силы,
И будущимъ полно его могучее чело...»

Онъ собственнымъ примѣромъ и словомъ учить уважать права и свободу туземцевъ, лично ободряетъ больныхъ чумою солдатъ, самъ руководить сраженіемъ, вдохновляя войска своимъ спокойнымъ величіемъ. Въ послѣдней пѣснѣ поэмы въ формѣ пророчества разсказывается послѣдующая судьба Наполеона:

«Солдаты, зачѣмъ эти слезы, эта безмолвная скорбь?
(послѣ отъѣзда Наполеона изъ Египта).
Наступитъ день, и забудете вы объ этомъ мрачномъ прощаньи.
Человѣкъ, дерзнувшій пройти чрезъ пустыню,
Еще встрѣтитъ васъ на полѣ кровавыхъ сраженій,
Когда, отвѣчая на вызовъ Европы,
Франція снова позоветъ туда своихъ сыновей...»

Викторъ Гюго до іюльской революціи. Къ концу 20-хъ годовъ Бурбоны потеряли въ странѣ послѣдніе остатки престижа: ихъ крайняя, реакціонная политика отталкивала отъ нихъ всѣ живые и мыслящіе элементы французскаго общества. Ушелъ изъ лагеря роялистовъ и Викторъ Гюго. Онъ совершалъ ту эволюцію взглядовъ, о которой съ гордостью говорилъ потомъ: «Изъ всѣхъ путей, ведущихъ отъ мрака къ свѣту, самый трудный и доблестный путь, это—родиться аристократомъ и роялистомъ и стать

демократомъ». Стать демократомъ значило тогда во Франціи склониться передъ памятью Наполеона, и Гюго, со свойственной ему страстностью, принакаетъ къ этому культу.

Сперва замѣтно колебаніе. Въ одѣ «Два острова» (1825) два гимна поетъ Наполеону человѣчество: гимнъ хвалебный, который онъ слышитъ въ своихъ дѣтскихъ грезахъ на островѣ Корсикѣ, и гимнъ проклятія, долетающій къ нему на островъ св. Елены. Но черезъ 2 года, по поводу обиды, понесенной наполеоновскимъ маршаламъ на балу австрійскаго посланника, онъ выпускаетъ «Оду къ Вандомской колоннѣ», въ которой патріотизмъ его уже опредѣленно выливается въ форму любви къ Наполеону:

«О грозный монументъ, трофей безсмертной славы!..
Ты знаешь, какъ часто, когда по ночному небу
Несется блѣдная луна или, сіяя, трепещутъ звѣзды,
Я грустный прихожу сюда будить твои анналы.
Горячимъ взоромъ я поглощаю ихъ страницы
И тайнымъ гостемъ вступаю на пиршество славы...

Но что за перемѣна произошла вдругъ въ колоннѣ?
Отъ подножія до вершины послышался неясный
шумъ, похожій на шумъ оружія.
Какъ будто ожили солдаты изъ бронзы, хотятъ
спуститься съ колонны.
Что это значитъ? Почему, какъ одинъ человѣкъ,
Задрожали вдругъ твои легіоны?»...

Это потому, что австріецъ хочетъ «разорвать по листку нашу исторію, написанную окровавленнымъ остриемъ меча».

«Уже не Наполеона ли онъ хочетъ оскорбить, посягая на честь нашей арміи?
Уже не на славу ли старыхъ генераловъ поднимаетъ онъ руку?

Слабо его плечо для такого груза:
Имперія Александра и оружіе Ахилла
Даются только героямъ...

Ужели непонятенъ ему языкъ этихъ гордыхъ страницъ,
Что развертываетъ къ небу колонна?
Пусть онъ учится ему у подножія пирамидъ,
Въ Вѣнѣ, въ старомъ Кремлѣ, въ Эскуріалѣ.
Пусть онъ спроситъ о немъ королей,
Что толпились въ дверяхъ его пыльной палатки...

...«Два гиганта Франціи попирали уже австрійскую корону.
Два слѣда оставила на ней исторія
Слѣдъ отъ сандаліи Карла Великаго
И слѣдъ отъ шпоры Наполеона».

Въ романтическихъ «Пѣсняхъ Востока» (Les Orientales, 1829 г.) отношеніе Гюго къ Наполеону окончательно опредѣлилось. Наполеонъ этихъ пѣсенъ уже не политическій врагъ, да и не историческая даже

Ватерлоо. (Мерсье).

личность, а греза, овладѣвшая душой поэта, образъ, плѣнившій ее своею грандіозностью и красотой:

«Часто Бунаберди (имя Бонапарта по-арабски), султанъ европейскихъ франковъ, выходитъ на выступъ гигантской скалы и обнимаетъ своимъ взоромъ обѣ половины міра, зіяющія пропастью у его ногъ... Облака песку со стороны пустыни и рокотъ моря съ другой стороны по очереди пробуждаютъ его отъ сна: будто незримая огромная армія все идетъ и идетъ безъ конца въ сѣрой дали горизонта... Бѣдный арабъ молится Бунаберди, какъ Богу: «Когда ты вернешься мечтать на вершину, посмотри на палатку мою среди поля. Я свободный арабъ. Я взываю къ Аллаху: и ужъ конь боевой мой летитъ, и глаза его свѣтятъ какъ угли» (Bounaberdi, ноябрь, 1828).

Наполеонъ на остр. св. Елены. (Моншаблонъ).

«Онъ вездѣ и всегда. Его образъ, холодный иль жгучій, одинаково потрясаетъ мой умъ, проливается въ душу дыханіемъ творчества. Я дрожу, и слова такъ и просятся съ устъ, какъ только имя его, лучезарное и огромное, во всю высоту свою встанетъ въ моемъ стихѣ»... Вотъ онъ, молодой офицеръ, отнимающій власть у трибуновъ; вотъ юный и гордый консулъ, похудѣвшій отъ бессонныхъ ночей, проведенныхъ въ грезахъ объ имперіи; вотъ могучій императоръ, съ вершины холма управляющій битвой, съ головой, наклоненной на грудь, и со взоромъ, мечущимъ молніи. А послѣ—плѣнникъ, окруженный насмѣшками враговъ.

«Какъ великъ онъ особенно здѣсь!..

Какъ великъ онъ въ тотъ часъ, когда, готовый увидѣть Бога, Его гаснущій взоръ испускаетъ послѣднюю слезу.

Умирая онъ видитъ въ траурѣ старую армію.
Онъ жалуется ей, что умираетъ одинъ...»

Онъ вездѣ: и на Эльбѣ, и въ Римѣ, и въ грозномъ Кремлѣ, и въ веселой Альгамбрѣ. Египетъ сіяетъ огнями его зари... На Востокъ его славой полна палатка любого араба, и лошади отзываются ржаньемъ на его имя... На крыльяхъ урагана онъ поднимается иногда на пирамиды и озираетъ песчаные океаны пустынь. И снова витаютъ передъ нимъ, какъ для битвы, пробужденные въ гулкихъ могилахъ сорокъ гигантскихъ вѣковъ.

Наполеонъ—герой іюльской революціи. Имя Наполеона настолько тѣсно сплелось съ либеральнымъ движеніемъ 20-хъ годовъ, что его можно было

назвать героемъ іюльской революціи. Возвращеніе трехцвѣтнаго знамени казалось возвращеніемъ имперіи; имя Наполеона было у всѣхъ на устахъ; имъ пестрѣли выставки книжныхъ магазиновъ и театральныя афиши; первое время можно было подумать, что не герцогъ Орлеанскій, а Наполеонъ воцарился въ Парижѣ, какъ это и думалъ мѣстами простой народъ.

Мысль объ іюльской революціи, какъ моральной побѣдѣ императора, нашла себѣ отраженіе и въ поэзіи. Мэри въ одномъ изъ своихъ стихотвореній называетъ іюльскую революцію «реваншемъ за Ватерлоо» (*Tricolore*), а Беранже рисуетъ символическую картину встрѣчи возставшаго изъ гроба Наполеона съ трехцвѣтнымъ знаменемъ: онъ радостно приветствуетъ его, бросаетъ въ море свой мечъ и объявляетъ наступившимъ царство свободы (*Les tombeaux de juillet*). Гюго приписываетъ іюльскую побѣду «питомцамъ воинственныхъ лицеевъ», воспитанныхъ подъ сѣнію наполеоновскихъ знаменъ и не разъ видѣвшихъ императора въ своихъ рядахъ:

«Гляди же и радуйся теперь
На своихъ молодыхъ орлятахъ. (*Dicté
après juillet. 1830.*)

„Наполеонъ“ Эдгара Кинэ. Представленіе о Наполеонѣ, какъ героѣ побѣдоносной демократіи, вдохновило на интересную поэтическую попытку одного изъ виднѣйшихъ историковъ и публицистовъ своего времени Эдгара Кинэ. Въ качествѣ восторженнаго поклонника философо-историческихъ идей Гердера онъ попытался приложить ихъ къ наполеоновской эпопее и сдѣлать Наполеона душою и олицетвореніемъ героическаго періода демократіи. «Въ будущемъ Франціи,—пишетъ Кинэ въ предисловіи къ своей «поэмѣ въ 52 пѣсняхъ Наполеонъ» (1836),—войны революціи и имперіи образуютъ героическій вѣкъ демократіи. Какъ Карлъ при началѣ феодальной эпохи сталъ героемъ феодальной поэзіи, такъ Наполеонъ станетъ героемъ поэзіи народной». «Искусство Франціи прошло уже 3 эпохи, имѣвшія каждая своего героя: эпоха жреческая—Артура, феодальная—Карла, монархическая—Людовика; наступаетъ четвертая, демократическая, героемъ которой становится Наполеонъ». До исторической личности Наполеона поэту нѣтъ въ сущности дѣла: эпическій—герой не личность, а эпоха; въ немъ слышенъ голосъ всемірнаго разума; онъ, какъ древній полубогъ, одной ногой стоитъ на Олимпѣ.

Въ литературномъ отношеніи поэма Кинэ представляетъ попытку примѣнить приемы новой, романтической поэзіи въ области французскаго эпоса. Въ поэмѣ Кинэ живые люди и природа исчезаютъ въ туманъ таинственныхъ символовъ; все принимаетъ необычайныя размѣры и не-

С о п ѣ. (Delpech).

обычайный видъ. Событія совершаются непременно ночью при свистѣ вѣтра, при фантастическомъ свѣтѣ луны, среди пустыни или среди заснувшихъ людей.

Герой со дня рожденія несетъ на себѣ печать мірового избранія. Мать плачетъ у его колыбели, вѣщимъ сердцемъ угадывая его трагическую судьбу.

...«Это было въ тѣ дни, когда Франція вѣнчала республику фригійскою шапкой»... «Народный Сіонъ» творилъ новое право обновленному міру и выпускалъ изъ своихъ воротъ «батальоны солдатъ изъ гранита и бронзы»; всюду, гдѣ копье его касалось земли, изъ нея поднимались солдаты, какъ колосья поднимаются за пахаремъ, бросающимъ сѣмя. «Что станетъ съ ними завтра?—вопрошалъ народъ.—Кто тотъ, сильнѣйшій изъ нихъ, что будетъ нашимъ вождемъ?» Они не видѣли, какъ вдали въ облакахъ, какъ тяжелая туча по Апеннинскимъ вершинамъ, шелъ юный корсиканецъ съ прямыми прядями черныхъ волосъ»...

«Великій Боже, проходитъ твой гнѣвъ!..—поютъ въ шумъ вѣтра убитые при Маренго.—По костямъ нашимъ двинется новая эра».

Ночь наканунѣ Аустерлица—своего рода ночь на Масличной горѣ. Все спитъ кругомъ. На горизонтѣ краснѣютъ огоньки бивака. Не спитъ лишь императоръ. Своей широкою мыслью, какъ шатромъ, онъ покрываетъ своихъ солдатъ.

«Который часъ?—Полночь... Какъ долго не наступаетъ день.
Не спите, маршалы моей имперіи, не спите, солдаты Италіи.
Откройте глаза ваши. Завтра будете спать
Такимъ крѣпкимъ, глубокимъ сномъ, какимъ никогда не спали»...

Аустерлицъ и Ваграмъ завершаютъ великое дѣло.

«Я положилъ конецъ старому міру,—пишетъ онъ ночью императрицѣ;—
Цезарь Золотой буллы,
Цѣлуя прахъ моихъ ногъ,
Сложилъ свою феодальную державу
Подъ стремя моего коня.
Старая Европа покорена,
Подписанъ всемірный миръ».

«Но тотъ городъ со ста воротами изъ слоновой кости,
Куда я поведу моихъ солдатъ,
Лежитъ дальше, чѣмъ старый Кремль,
Дальше волнъ Іордана,
Дальше горячихъ песковъ пирамидъ—
Онъ называется Вѣчность».

Идя за своей мечтой, герой доходитъ до края пропасти, которую онъ и самъ ясно видитъ, но которая неудержимо влечетъ его къ себѣ:

«Хоть часъ одинъ хочу побыть на этой вершинѣ.
Хочу насладиться минутной мечтой моей души.
Всю имперію ставлю на карту. Предвѣчный бросаешь кости.
Посмотримъ же—чья возьметъ!»...

Онъ хочетъ жить для себя; онъ измѣняетъ своему назначенію, и этимъ самъ себя подписываетъ приговоръ. Звѣзда его меркнетъ.

Теперь ничто уже не отворотитъ его паденіе въ пропасть:

«Тамъ, на самомъ краю свѣта, скрыла подъ крыльями зимы свою голову московская орлица. Никакой охотникъ, думала она, не найдетъ дорогу къ моему гнѣзду, на туманномъ полюсѣ, гдѣ кончается міръ».

...То не орлица виднѣлась съ орленкомъ, то виднѣлась великая Москва со своимъ Кремлемъ.

«О, сколько блестящихъ макушекъ и золоченыхъ крышъ!

Сколько минаретовъ въ бѣлоснѣжныхъ тюбанахъ

Сверкаютъ въ сіяніи утра

И грезить о Босфорѣ, какъ
молодая султанша, встрѣ-
чающая зарю.

Прекраснѣе, чѣмъ утромъ
султанша въ гаремѣ,

Была красавица Москва и ея
трудоу народъ.

Зябкіе гномы кавказскихъ лед-
никовъ

Воздвигли куполы этихъ со-
боровъ.

А карлики Урала подъ шат-
рами изъ войлока

Ковали мѣдныя ключи и во-
рота...

Но что это? Какъ только онъ
ступилъ на порогъ,

Ворота рушатся у него за
спиной.

Колокольни и башни, опья-
ненные гнѣвомъ,

Низвергаютъ свои зубы и
золоченныя главы.

И день и ночь несется по городу вой,

Будто вой разъяренной пантеры.

Прощайте, колокольни, минареты, соборы,

Прощайте, храмы и базары стариннаго Вавилона!»...

.....Все рушится разомъ. Подъ Божьимъ дыханьемъ

Городъ сдѣлался моремъ огня.

Какъ корабли, плывущіе къ Кандіи,

Въ этомъ морѣ гибнутъ дворцы.

Кровавыя волны лижутъ прибрежную землю,

Открываютъ широкую пасть и глотаютъ берегъ.

Ахъ, государь, совершилось... Бѣгите...

Вы видите, тамъ колокольня Ивана,

Какъ колдунья, колеблется

Надъ огромнымъ кипящимъ котломъ?

Вы видите руку, что простерлась надъ этимъ огнемъ,

Какъ рука пастуха, зажигающаго костеръ?

Знайте: это рука Господня!..

Англійскій король указываетъ на бутылку, въ которой помѣщенъ Наполеонъ; молитвенно сложивши руки, на колѣнахъ стоитъ Людовикъ XVIII, справа—Францъ, Александръ, Вильгельмъ, слѣва—Шварцъ, Блюхеръ, Платовъ и Веллингтонъ.

(Грав. 15 авг. 1815 г.).

...Все опустыло, погасло, замолкло. Императоръ одинъ, среди темной холодной ночи, стоитъ надъ пепломъ Москвы, и голосъ Бога шепчетъ ему: «Такъ погибнуть твои планы, твоя имперія и безумныя грезы. Такъ вѣтеръ неба погаситъ твой факель и развѣетъ могильный прахъ!»...

Предсмертное завѣщаніе Наполеона на о. св. Елены резюмируетъ смыслъ всей поэмы:

...«Народамъ завѣщаю я мою корону,
Мою вѣчную бурю—покинувшимъ меня небесамъ.
Память обо мнѣ—каждому яркому дню.
Славу—человѣческому роду, дѣло—грядущему...»
...«Океану—песокъ моихъ гордыхъ проектовъ».
...«Тронъ мой—землянымъ червямъ...»

Наполеонъ въ поэзіи Виктора Гюго. Іюльская монархія постаралась въ своихъ интересахъ использовать увлеченіе либеральной буржуазіи Наполеономъ и придать его культу официальный характеръ; возстановленіе статуи на Вандомской колоннѣ и перенесеніе въ Парижъ останковъ Наполеона имѣло цѣлью поднять престижъ новой династіи въ глазахъ народа.

Но, несмотря на официальное признаніе, а отчасти, можетъ-быть, благодаря ему, культъ Наполеона утратилъ послѣ іюльской революціи свою прежнюю непосредственность и связь съ живыми народными чувствами: вдохновеніе поэтовъ не питалось уже оппозиціоннымъ настроеніемъ общества. Умолкаетъ голосъ прежняго Беранже. Первое мѣсто среди пѣвцовъ Наполеона переходитъ къ Гюго.

Наполеонъ Гюго уже не популярный генераль, одѣтый въ сѣрый сюртукъ, а императоръ, облеченный въ пышную мантию. Онъ взятъ изъ живой человѣческой среды и поставленъ на высокіе театральные подмостки. Грандіозныя декораціи смѣняются здѣсь одна за другой.

Въ поэмѣ «Наполеонъ II» (1832) изображенъ моментъ появленія на свѣтъ «Римскаго короля»:

«Безчисленные народы, повергшись ницъ передъ грозною тучей,
Ждали, когда небо скажетъ, наконецъ, свое «да».
Подъ ними дрожали столѣтнія царства,
И Лувръ, освѣщаемый молніями, стоялъ какъ гора Синай.
Они шептали другъ другу: «Рождается кто-то великій!»

Но вотъ раскрывается блестящее облако, и міру является «избранникъ судьбы». Онъ простираетъ впередъ обѣ руки и показываетъ народамъ новорожденного сына.

Отъ дыханія ребенка, какъ колосья дрожатъ отъ вѣтра, задрожали плынные знамена, и огромныя пушки сдвигаются съ мѣста и радостнымъ гуломъ отзываются на первый дѣтскій крикъ. «А онъ, гордо раздувая могучія ноздри, какъ орелъ, добравшійся до крайней вершины, восклицаетъ въ величавомъ восторгѣ: «Будущее! О, будущее теперь мое!»

«Нѣтъ, государь,—декламируетъ поэтъ,—
Будущее ничье, оно принадлежитъ Богу...»

...Надежды, слава, удачи, это—«птицы, присьвѣшя по дорогѣ на нашу кровлю».

«Завтра это—пылающая какъ факель Москва,
Это—старая гвардія, усѣявшая трупами поле.
Завтра, это—Ватерлоо, св. Елена, смерть.....»

Въ поэмѣ «Тріумфальная арка» (1837 г.) сцена перенесена въ далекое будущее, когда этотъ «высѣченный исторіей» памятникъ будетъ переживать судьбу пирамидъ.

Не менѣе театральна картина сооруженія Вандамской колонны (A la Colonne, 1830): императоръ собственными руками кидаетъ въ плавильную печь груды пушекъ, кричитъ плавильщикамъ: «будетъ ли съ васъ?» и идетъ по Европѣ за новыми. Въ этой одѣ, написанной по поводу отказа палаты обсуждать вопросъ о перенесеніи въ Парижъ гроба Наполеона, поэтъ обрушивается на «300 адвокатовъ», осмѣлившихся «отсутяжить» (chicaner) у праха императора могилу, а потомъ обращается къ нему самому:

«Спи, мы придемъ за тобою. Настанетъ тотъ день.

Мы устроимъ тебѣ прекрасныя похороны,
Позовемъ на нихъ народы Европы, Африки,
Азіи.

Юная поэзія будетъ пѣть тебѣ пѣсни юной
свободы».

„Возвращеніе Императора“. Пророчество поэта исполнилось черезъ 10 лѣтъ. Въ 1840 году, въ силу рѣшенія обѣихъ палатъ, прахъ Наполеона былъ торжественно перевезенъ въ Парижъ и погребенъ подъ сводами «Инвалидовъ». Поэты привѣтствовали событія, какъ «возвращеніе императора изъ плѣна», какъ національное торжество. Гюго посвятилъ ему одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній наполеоновскаго цикла—«Возвращеніе императора».

Поэтъ изображаетъ это «возвращеніе» какъ послѣднее, самое трудное, завоеваніе Наполеона: чтобы вернуться въ Парижъ, онъ долженъ былъ «окутаться блескомъ загробной славы» (revenir de la sombre victoire qu'on remporte au pays des morts), привлечь всѣхъ великихъ душою и сердцемъ, стать чуть ли не божествомъ всего міра...

«Когда Наполеонъ, покинутый и ненавидимый всѣми, послѣдній разъ изъ окна своего дворца окидываетъ взоромъ родную землю, онъ даетъ себѣ клятву еще разъ вернуться въ Парижъ—одинокимъ изгнанникомъ, безъ солдатъ и безъ богатства, но вернуться черезъ тѣ же ворота, черезъ которыя онъ покидаетъ его: «Бурной ночью, несомый на крыльяхъ вѣтра, освѣщаемый молніей появлюсь я вновь, полный жизни и силъ... И радостно поднимется мой народъ, какъ только увидитъ во мглѣ

(Истор. Музей).

мою блѣдную тѣнь, мою кровавую руку, обрывкомъ знамени гонящую стадо трусливыхъ враговъ...»

«Да, государь,—говорить поэтъ,—вы вернетесь въ вашу столицу, но вернетесь безъ звуковъ набата и безъ яростныхъ битвъ. Вы вернетесь въ коронѣ и мантии, великій, какъ Цезарь, божественный, какъ Карль; восемь лошадей на пышной колесницѣ повезутъ васъ черезъ триумфальную арку; Парижъ загудитъ вамъ навстрѣчу своими безчисленными головами—барабанами, трубами, колоколами, засверкаетъ своими тысячами огней; молодая армія будетъ кричать вокругъ колесницы: «да здравствуетъ Франція!» «да здравствуетъ императоръ!»

Апофеозъ Наполеона. (Thiébault).

«Тогда, о государь, умы и
чувства міра
Склонятся предъ тобой, и на-
зовутъ въ тотъ день
Тебя царемъ земли, и міровой
порфирой
Народы всѣ твою одѣнутъ
тѣнь».
«Поэтовъ лучшихъ хоръ тебя
святѣмъ прославить:
Безсмертнымъ станешь ты въ
стихахъ и пѣсняхъ ихъ;
Ихъ славословіе враговъ мол-
чать заставитъ
И смоетъ грязь на алтаряхъ
твоихъ....»

И вотъ началось это
мирное завоеваніе Парижа:

«Англія, убивая ненавистью своей геній,
На глазахъ у всѣхъ терзаетъ великаго человѣка.
Гомерическое зрѣлище является міру:
Цѣпь, скала, сжигаемая солнцемъ, и титанъ, и коршунъ...»

При видѣ этихъ мукъ крикъ состраданія проносится по міру; жалость охватываетъ всѣ благородныя сердца...

«Однажды четыре орла Вандомской площади
Задрожали, замѣтивъ въ небѣ чернаго ворона:
Ночь царилъ на островѣ Елены;
Тюремщикъ нечистымъ дыханіемъ задулъ великое пламя...»

...«И спалъ 20 лѣтъ онъ на островѣ дальнемъ
Въ горахъ, возлѣ ивы, гдѣ тихимъ журчаньемъ
Ручей тишину могъ едва побороть...
Онъ спалъ тамъ одинъ подъ холодной плитой,
Одинъ—съ океаномъ сѣдымъ да съ Тобою,
Господь!» ..

...«Въ часъ, когда духъ, погружаясь въ ночное пространство,
Шорохи слышитъ воды, летъ баклановъ, удары о волны
Волнъ, дуновенія вѣтра, что гонитъ тучи съ вершины
Да бесѣду нѣмую двухъ безднъ — бездны времени, бездны простран-
ства,

Въ часть, когда роца дрожить на вершинѣ холма,
 Когда въ глубь океана небо склоняется медленно,
 Море жъ безъ счета звѣзды въ себя принимаетъ
 И будто кипитъ подъ ударомъ
 Яркихъ созвѣздій,

Въ эти часы и пустыни, и долы, и лѣсъ, и небесныхъ
 Круги свѣтилъ,—все сливалось вмѣстѣ въ одинъ необъятный,
 Тихій, божественный хоръ. Онъ забвеніемъ сладкимъ
 Куталъ могилу его, недоступную шуму людскому,
 Мирнымъ покоемъ ласкалъ и баюкалъ великое сердце...»

Въ теченіе этихъ 20 лѣтъ совершилась побѣда — «замкнулся кругъ временъ:

«Войди же въ наши стѣны,
 Геній, вождь, императоръ, страдалецъ!
 Войди во всей славы своей,
 Чтобы никогда уже отъ насъ не отходить».

Демократія развѣнчиваетъ Наполеона: Огюсть Барбье. Демократія 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX столѣтія по своему соціальному составу существенно отличалась отъ демократіи эпохи реставраціи: съ одной стороны, отъ нея отпали верхніе слои буржуазіи, нашедшіе свой идеалъ въ іюльской монархіи, а съ другой стороны, въ ней впервые слышится голосъ рабочаго движенія и отражаются первые проблески соціалистическихъ идей. Если въ 20-хъ годахъ демократія боролась за трехцвѣтное знамя противъ крайностей роялистской реакціи, то теперь ея цѣлью была республика и организація народнаго труда. Въ новой демократіи уже не было мѣста Наполеону; его культъ оставался достояніемъ официальной государственности.

Послѣ іюльской революціи, одновременно съ увлеченіемъ Наполеономъ, намъпчается среди поэтовъ и противоположное теченіе. Поэты-демократы отказываются отъ своего прежняго героя. Ламартинъ, ставшій демократомъ, протестуетъ въ палатѣ противъ перенесенія въ Парижъ императорскаго гроба, заявляя, что онъ не принадлежитъ «къ тому культу силы, которымъ хотятъ замѣнить въ душѣ народа дѣйствительную религію свободы». Самъ Эдгаръ Кинэ сознается вскорѣ, что «исторія отомстила ему, поставивши на мѣсто его Наполеона неумолимую истину».

Первымъ, кто рѣшился пойти противъ теченія и осудить недавняго кумира демократовъ, былъ пѣвецъ іюльской революціи Огюсть Барбье.

Апоѳеозъ Наполеона. (Совр. рис.).

Іюльская революція вдохновляетъ его на инныя чувства, чѣмъ Делавиня и Гюго: не трубные звуки вызываетъ она изъ его груди, а гнѣвный протестъ противъ тѣхъ, кто воспользовался плодами народной побѣды и обезоружилъ коварствомъ окровавленного 3-дневной битвой «народнаго льва» (Le Lion). Его Свобода не похожа на «графиню изъ Сень-Жерменскаго предмѣстья, падающую въ обморокъ отъ каждаго крика». Это— «сильная женщина съ могучими грудями и смуглой кожей; она любитъ крики толпы и кровавыя схватки» (La Cigée).

Стремленіе завершить революцію апоѳеозомъ Наполеона вызываетъ въ немъ чувство негодованія. Онъ раздражается гнѣвной сатирою «Идолъ» на королевскій указъ о возстановленіи Вандомской статуи (май 1831 г.):

«Гладковолосый корсиканецъ,
Какъ прекрасна была твоя Франція
Подъ горячимъ солнцемъ мессидора!
Неукротимая кобылица, она не знала
Ни золотой узды, ни поводій,
Дикая, съ огромнымъ могучимъ крупомъ,
Забрызганная свѣжей кровью царей,
Впервые узнавшая свободу..
Ничья рука не прикасалась къ ея бедру.
Ея спина не знала ни сѣдла, ни иностранной сбруи.
Сверкая шерстью, бросая гордые взгляды,
Она взвивалась на дыбы
И ржаньемъ своимъ приводила въ трепетъ весь міръ...
Явился ты, и какъ только увидѣлъ
Эту поступь и стройныя бедра,
Какъ буйный пентавръ вцѣпился ей въ гриву
И выпрыгнулъ на крупъ...»

И началась 15-лѣтняя скачка безъ минуты покоя и сна, черезъ трупы покольнѣй и по шею въ крови... А когда она, уже едва держась на ногахъ, запросила пощады, палачъ еще сильнѣе сжалъ ее нервной ногой и, повернувъ мундштукомъ въ ее взмыленномъ ртѣ, ей выбилъ въ ярости зубы... Она помчалась опять, но сейчасъ же рухнула безъ силъ среди обломковъ картечи, подмявъ подъ себя пѣздока...

«А теперь, какъ лучезарный орелъ,
Онъ поднялся опять, чтобъ воцариться надъ міромъ.
Наполеонъ уже не наглый узурпаторъ,
Придушившій свободу подушками трона,
Не старый каторжникъ Священнаго союза...
О нѣтъ, сладкогласные льстецы,
Лжепоэты, звонари славословія
Омыли Наполеона отъ грязи и причислили къ сонму боговъ.
Его образъ сіяетъ на каждой стѣнѣ,
Его имя звучитъ на перекресткахъ.
Каждый день со своихъ населенныхъ холмовъ,
Какъ старый паломникъ, спускается Парижъ къ подножію колонны
И склоняетъ передъ нею свое суверенное чело.
А потомъ съ пальмами въ рукахъ и осыпая цвѣтами бронзу,
На которую не смотрятъ матери, создавшія ее на своихъ слезахъ,
Онъ въ дикомъ опьянѣніи, подъ звуки флейтъ и рожковъ,
Весело пляшетъ вокругъ великаго Наполеона свою карманьолу...

.

Проходите великодушные монархи,
 Проходите мудрецы:
 Для васъ нѣтъ здѣсь высокихъ статуй,
 Ваше имя забудетъ народъ.
 Онъ помнитъ лишь тѣхъ, кто стрѣляетъ и рубитъ,
 Чья рука посылаетъ гнить въ полѣ огромныя груды костей,
 Кто заставляетъ его таскать тяжелые камни и возводить пирамиды.
 Народъ, это—трактирная дѣвка,
 Которая цѣнитъ въ любовникѣ
 Властную руку, стальные мускулы и яростный взглядъ.
 Въ убогой лачугѣ, на кучкѣ соломы
 Она даритъ своей распутной любовью того,
 Кто колотитъ ее день и ночь».

Конецъ наполеоновскаго культа въ поэзіи. Послѣ февральской революціи имя Наполеона сдѣлалось орудіемъ бонапартовской демагогіи, направленной противъ демократовъ и республиканцевъ: въ числѣ первыхъ изгнанниковъ новой имперіи оказались прежніе жрецы наполеоновскаго культа—Эдгаръ Кинэ и Гюго.

Въ изгнаніи Гюго обрушился на новаго императора шкваломъ потокомъ горячихъ обличеній и сатиръ, въ 1853 году изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Кары» (*Châtiments*). Наполеону I и великой арміи и въ этой книгѣ отводится огромная роль, но роль эта уже чисто служебная: въ видѣ контраста они должны отпѣнить ничтожество «Наполеона Малаго» и его солдатъ, одержавшихъ кровавую побѣду надъ безоружной толпой.

Наполеонъ въ аду. (Карик. Gillray).

«Намъ грезились битвы иныя для васъ»,
 обращается къ этимъ солдатамъ поэтъ.

«Намъ грезился вѣтеръ пронзительный, снѣгъ
 И черныя сосны подъ снѣгомъ,
 И бреши отъ рвущихся бомбъ, и ночной
 Бивакъ безъ огня и безъ хлѣба.
 Намъ грезились быстрые марши безъ сна,
 И холодъ, и голодъ, и сѣчи.
 Солдатскіе старые въ дыркахъ плащи
 И битвы—одинъ противъ сотни.
 Намъ славная грезилась доля для васъ,
 Солдаты—рабы! Этой долей
 Святая была нищета храбрецовъ
 И слава геройской могилы...» (*Al'obéissance passive*).

Въ poemѣ «Искупленіе» (*Chât. V. XIII*) Гюго произноситъ обвинительный приговоръ и надъ Наполеономъ Великимъ: 2 декабря есть ужасное возмездіе за 18 брюмера—такова ея основная мысль.

Однажды ночью Наполеонъ просыпается подъ сводами «Инвалидовъ». Чей-то голосъ позоветъ его: «Вставай! часъ искупленья насталъ!» И онъ увидѣлъ передъ собою балаганное шествіе шутовъ въ костюмахъ Цезаря и его свиты. Наполеонъ испускаетъ крикъ ужаса и простираетъ дрожащія руки:

«Демонъ мрачныхъ видѣній,
Ты невидимъ, но ты со мною всегда,
Скажи мнѣ—кто ты?»...

«Я преступленіе твое», отвѣтилъ голосъ и на стѣнѣ загорѣлись 2 огненныхъ слова—18 брюмера.

Такъ и Гюго осудилъ, наконецъ, своего героя.

Въ старческомъ произведеніи, посвященномъ «Страшному году» (авг. 1870—іюль 1871 г.), Гюго опять обращаетъ свой взоръ въ военное прошлое Франціи, но онъ уже не видитъ тамъ Наполеона:

«Это наша великая Франція. При чемъ тутъ Бонапартъ?
Развѣ видятъ царя, когда смотрятъ на Спарту?
Устраните Наполеона, останется народъ». (Les deux Throphées).

Эти слова какъ бы завершаютъ исторію Наполеона въ качествѣ героя французской поэзіи...

Ив. Херасковъ.

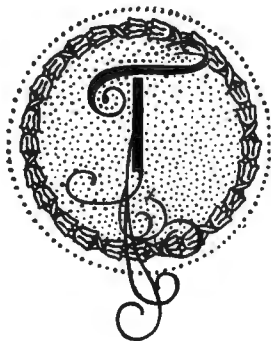
„За родину“.

Наполеонъ въ аду. (Виртцъ).

IV. Наполеоновская легенда въ польской литературѣ.

Л. С. Козловскаго.

Герценъ, описывая свою встрѣчу съ Адамомъ Мицкевичемъ въ Парижѣ въ 1848 г. на собраніи сотрудниковъ газеты „La tribune des peuples“, рассказываетъ, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на него рѣчь польскаго поэта, проникнутая мистическимъ культомъ Наполеона I и нескрываемыми симпатіями къ Людовику-Наполеону. Въ Мицкевичѣ Герценъ чтилъ шьвца свободы, борца за идею братства народовъ, и эти черты въ его сознаніи совершенно не мирились съ бонапартистскими симпатіями.

Какъ мы уже видѣли, въ романтической поэзіи культъ Наполеона легко соединялся съ демократическими и вольнолюбивыми стремленіями. Но Мицкевичъ въ этомъ увлеченіи личностью Наполеона и наполеоновской идеей шелъ дальше другихъ. Какъ ни преклонялся Викторъ Гюго передъ Наполеономъ Великимъ, онъ громилъ и презиралъ Наполеона «маленькаго», который воспользовался популярнымъ именемъ для того,

чтобы захватить власть и уничтожить республику. Мицкевичъ во имя наполеоновской идеи привѣтствовалъ и государственный переворотъ, совершенный Наполеономъ III. И, тѣмъ не менѣе, Мицкевичъ оставался глубоко преданнымъ дѣлу свободы и несомненнымъ демократомъ въ душѣ, и его симпатіи къ Наполеону III говорятъ лишь о томъ, съ какой силою «наполеоновская легенда» овладѣла умомъ поэта, великаго въ грезахъ, но безпомощнаго въ вопросахъ практической политики. Для того, чтобы понять силу и обаяніе этой легенды, нужно вернуться къ тому источнику, изъ котораго почерпнулъ ее поэтъ.

Источникомъ этимъ была наивная, но сильная, вѣра польскихъ солдатъ, проливавшихъ свою кровь подъ знаменами Наполеона на поляхъ Ломбардіи и въ горахъ Испаніи. Поляки-эмигранты, образовавшіе послѣ паденія Польши легіоны подъ знаменемъ французской республики, смотрѣли на тѣ безконечные походы, которые они дѣлали сначала въ республиканскихъ, а затѣмъ въ наполеоновскихъ войнахъ, какъ на длинный путь къ утерянной родинѣ. Въ концѣ этихъ кровопролитныхъ войнъ, которыя они вели съ врагами Франціи, бывшими также и врагами Польши,—Россіей, Австріей, Пруссіей и ихъ союзниками, имъ грезилась обѣтованная земля—освобожденная Польша. И къ этой обѣтованной землѣ велъ ихъ непобѣдимый вождь, побѣдоносный богъ войны Наполеонъ, велъ непонятнымъ, длиннымъ путемъ, но вѣдь солдатъ повинуется слѣпо своему вождю, пока вѣрять въ него, а развѣ можно было не вѣрять въ геній Наполеона? Польскія войска слѣпо вѣрили ему, и вотъ изъ этого преклоненія передъ военнымъ геніемъ Наполеона и страстнаго желанія видѣть его освободителемъ родины и выросъ исключительный культъ императора въ его польскихъ полкахъ.

Годы шли, надежды не сбывались, но не умирали. Наполеонъ самъ ихъ искусно поддерживалъ и позволялъ вѣрять, что никого не удовлетворившее герцогство Варшавское есть лишь первый шагъ къ осуществленію завѣтныхъ надеждъ польскихъ патріотовъ.

1812 годъ съ особенной силой возбудилъ эти надежды. Съ ними переходили Нѣманъ польскіе полки Наполеона, и этой вѣрой ихъ заразился и юный Мицкевичъ, давшій этой вѣрѣ поэтическое выраженіе ¹⁾.

Въ родномъ городкѣ Мицкевича—Новогрудкѣ, были расквартированы войска короля Вестфальскаго и князя Понятовскаго, и четырнадцатилѣтній мальчикъ, будущій поэтъ, съ возбужденіемъ слушалъ рассказы старыхъ солдатъ про великаго и непобѣдимаго Наполеона.

И потрясающее впечатлѣніе произвело на него видѣ этихъ же войскъ на обратномъ пути. Мишле слѣдующимъ образомъ передаетъ слышанный имъ отъ Мицкевича рассказъ про возвращеніе великой арміи.

Это было въ то время, когда начинались сильные морозы, поляки въ сильнѣйшей тревогѣ, въ томительномъ ожиданіи, въ величайшемъ безпокойствѣ каждое утро смотрѣли на градусникъ, который все понижался и понижался... Вотъ стали понемногу подходить люди, и снова люди, все было

¹⁾ И до Мицкевича Наполеонъ воспрѣвается въ Польшѣ въ цѣломъ рядѣ патріотическихъ одъ, восхваляющихъ „бога войны“, „величайшаго изъ людей“ и т. д. Но въ этихъ одахъ нѣтъ того поэтическаго воссозданія чувствъ, пробужденныхъ Наполеономъ, какое находимъ у Мицкевича.

ими полно: частные дома, общественныя зданія, школа, въ которой учился Мицкевичъ. Холодъ становился очень жестокимъ; повсюду для солдатъ разводили огонь. Въ залахъ, въ коридорахъ, всюду толпились французскіе солдаты. Четырнадцатилѣтній Мицкевичъ время отъ времени ходилъ смотрѣть на эти призраки... Многіе изъ нихъ прошли больше, чѣмъ позволяли на то ихъ силы, ими двигала какая-то внутренняя сила, которой нельзя было подозрѣвать по ихъ виду... Великій поэтъ сейчасъ же замѣтилъ одну вещь, о которой никто не говорилъ: эти старые солдаты вовсе не ложились спать; ночью вокругъ огня они полулежали, подперевъ голову рукой, они свыклись съ усталостью, отвыкли отъ отдыха. Другъ другу рассказывали они свою великую исторію. Поэтъ рѣшился спросить одного изъ нихъ:

— Какъ въ ваши годы рѣшились вы итти такъ далеко?

— Мы не могли пустить его одного, — отвѣчалъ старый солдатъ Наполеона...

И Мишле приходитъ въ восторгъ отъ этого отвѣта, въ которомъ сказала вся любовь ветерана-солдата къ своему полководцу...

Въ этомъ разсказѣ Мишле мы видимъ факты преломленными сквозь двойную романтическую призму и нельзя ручаться за точность воспоминаній Мицкевича въ передачѣ Мишле, но несомнѣнно то, что разсказы наполеоновскихъ ветерановъ производили сильное впечатлѣніе на поэтическое воображеніе юнаго Мицкевича, и въ этихъ разсказахъ тайна того ореола, которымъ былъ окруженъ Наполеонъ въ глазахъ Мицкевича.

1812 годомъ Мицкевичъ заканчиваетъ свое лучшее твореніе, величайшее созданіе польской поэзіи, поэму «Панъ Тадеушъ». 1812 годъ живетъ въ его воспоминаніяхъ, какъ годъ весны, какую только разъ въ жизни видѣлъ поэтъ.

«Вмѣстѣ съ весеннимъ солнцемъ какое-то странное предчувствіе овладѣло сердца литовцевъ, словно передъ концомъ міра, какое-то ожиданіе, полное тоски и радости»...

Война въ «Панъ Тадеушъ» обвѣяна поэзіей великихъ предчувствій и ожиданій; что-то необычное творится въ мірѣ: непонятныя загадочныя явленія на небѣ, странныя таинственные слухи въ народѣ, стада, выгоняемыя на пастбища, не хотятъ итти, не бросаются на весеннюю травку, а ложатся на землю и рвутъ... Вся природа чувствуетъ что-то необычное, и самая война кажется проявленіемъ лишь какихъ-то стихійныхъ силъ, весенняго возбужденія и тревоги, охватившихъ міръ. «Стаи птицъ потянулись съ юга на сѣверъ, а вслѣдъ за этими крылатыми и разноцвѣтными гостями появились въ Литвѣ и другіе разноцвѣтные гости: идутъ полки

Адамъ Мицкевичъ.

за полками». Всѣ на сѣверъ, словно вслѣдъ за птицами, и народы устремились въ нашъ край, гонимые непонятною инстинктивною силою, «лошади, люди, орудія, орлы день и ночь плывутъ; на небѣ вверху то здѣсь, то тамъ зарево, земля дрожитъ, гдѣ-то вдали грохочетъ громъ... «Война! война!» не было въ Литвѣ такого угла, куда не проникъ бы шумъ ея. Въ дремучей чащѣ, гдѣ отъ пращуровъ жилъ и умиралъ мужикъ, не выходя за предѣлы своего лѣса, теперь онъ слышитъ отзвуки битвы. Даже зубръ бородатый, солидный, спавшій въ чащѣ на мхѣ, задрожалъ и вскочилъ: граната, заблудившаяся съ поля битвы въ лѣсу, прокладывала себѣ дорогу, срѣзая вѣтви и разрывая стволы. Зубръ испугался первый разъ въ жизни и убѣждалъ искать болѣе спокойнаго мѣста...

«Битва! гдѣ? съ какой стороны?» спрашиваютъ юноши, хватаютъ оружіе, женщины къ небу возносятъ руки; всѣ увѣрены въ побѣду и восклицаютъ со слезами: «Богъ съ Наполеономъ, а Наполеонъ съ нами!»

Мицкевичъ самъ былъ въ числѣ тѣхъ юношей, которые «хватили оружіе и спрашивали, гдѣ битва?» Но онъ былъ слишкомъ юнъ для того, чтобы быть принятымъ въ солдаты¹⁾, и свою неосуществившуюся мечту онъ и воплотилъ въ лицѣ героя своей поэмы пана Тадеуша. Тадеушъ молодой богатый помѣщикъ, ставшій польскимъ уланомъ въ войскахъ Наполеона, вѣрить, что Богъ съ Наполеономъ, и эту вѣру свою въ то, что начинается великое и правое дѣло, онъ подтверждаетъ тѣмъ, что освобождаетъ своихъ крестьянъ и освобождаетъ ихъ съ землей.

«Сами свободные, дадимъ и крестьянамъ свободу и въ собственность имъ землю отдадимъ, на которой они родились, которую кровавымъ трудомъ приобрѣли, и которой всѣхъ насъ кормятъ и обогащаютъ».

Такимъ образомъ въ «Панѣ Тадеушѣ» имя Наполеона связывается не только съ національнымъ политическимъ освобожденіемъ, но и съ освобожденіемъ социальнымъ: дѣло Наполеона, это дѣло человеческой свободы; противники Наполеона, это люди прошлаго, преданные старинѣ и традиціямъ. Такимъ сторонникомъ прошлаго является въ поэмѣ «Панѣ Тадеушѣ» старый шляхтичъ Матвѣй, который не раздѣляетъ общей радости и упрекаетъ Наполеона въ томъ, что онъ «на Литву ударилъ, какъ на врата». Наполеонъ «въ путь собрался безъ Бога, съ папой находится во враждѣ», и старый шляхтичъ не вѣритъ въ успѣхъ его похода на Москву...

Старый шляхтичъ въ своихъ скептическихъ замѣчаніяхъ, вызывающихъ общій ропотъ, оказывается объективно правымъ, но Мицкевичъ не даетъ ему торжествовать въ своей поэмѣ. «Панѣ Тадеушѣ» заканчивается картиной начала войны и радостныхъ надеждъ: конца войны и возвращенія остатковъ, великой арміи мы не видимъ въ «Панѣ Тадеушѣ». Любопытно отмѣтить также, что въ сущности и войны нѣтъ въ «Панѣ Тадеушѣ», поэзія возбужденія и надеждъ 1812 г. не нарушается картинами кровопролитія и другихъ бѣдствій войны. Ничто не портитъ радости великихъ надеждъ. Этотъ характеръ и этотъ конецъ поэмы и создаетъ впечатлѣніе, что мы присутствуемъ при началѣ чего-то великаго и неоконченнаго.

¹⁾ Существуетъ разсказъ, что четырнадцатилѣтній Мицкевичъ явился къ начальнику одного отряда и просилъ, чтобы его приняли въ армію, въ чемъ ему было отказано.

Въ глазахъ Мицкевича, дѣйствительно, дѣло, начатое Наполеономъ, не кончилось ни въ Москвѣ, ни на островѣ св. Елены. Умеръ Наполеонъ, погибла великая армія, но осталась завѣщанная Наполеономъ идея.

Мы видѣли уже, что во имя наполеоновской идеи, Мицкевичъ привѣтствовалъ воцареніе Людовика-Наполеона, но Мицкевичъ настаиваетъ а томъ, что идею Наполеона не слѣдуетъ смѣшивать съ бонапартизмомъ.

«Подъ наполеоновской идеей,—писалъ въ 1849 г. Мицкевичъ въ «La tribune des peuples»,—слѣдуетъ понимать воплощеніе французскаго принципа, борящагося съ русскимъ принципомъ (оба они стремятся къ тому, чтобы овладѣть Европой)! Бонапартизмъ же, наоборотъ, это—стремленіе

Всему конецъ. (Понсанъ).

использовать имя въ интересахъ одного человѣка, одной семьи, то же самое, что орлеанизмъ или легитимизмъ».

«Имя Бонапарта такъ же мало извѣстно народу, какъ имя Бурбоновъ, Мирабо и Сень-Жюста. Народъ въ своемъ революціонномъ прошломъ знаетъ одно только имя Наполеона.

«Что же означаетъ это имя? Оно означаетъ тѣ начала, которыя народъ боготворилъ въ лицѣ Наполеона: вѣру въ великій народъ; вѣру въ принципы, которые этотъ народъ провозгласилъ; вѣру въ побѣду этихъ принциповъ; единство слова и дѣла; краткое слово и далеко гремѣющій подвигъ».

Наполеонъ въ глазахъ Мицкевича это—«революція, ставшая правильной властью. Это социальная идея, ставшая правительствомъ. Наполеонъ, это тысяча еще другихъ вещей, которыя народъ осуществить, а насъ заставить объяснить». Наполеонъ, такимъ образомъ, для Мицкевича, какъ и

для Беранже тотъ образъ, который создалъ народъ,—образъ легенды, а не исторической дѣйствительности.

Но подъ этотъ легендарный образъ, созданный фантазіей поэтовъ и народнымъ воображеніемъ, Мицкевичъ стремится подвести философско-мистическій фундаментъ. Наполеоновская идея основана на вѣрѣ въ національное начало и начало личности, которыя игнорируютъ сторонники теоріи общественнаго договора. Послѣдніе «въ планъ своихъ реформъ не принимаютъ въ расчетъ ни историческаго прошлаго, ни международныхъ отношеній. Наполеоновская идея исходитъ изъ факта величія и историческаго призванія французскаго народа. Нуженъ великій народъ для того, чтобы совершить великое дѣло освобожденія человѣчества. Соціализмъ восторжествуетъ лишь тогда, когда станетъ національнымъ дѣломъ французскаго народа». Но высшее выраженіе величія французскаго народа въ геніи Наполеона ¹⁾, поэтому необходимо идею социализма соединить съ наполеоновской идеей. Такимъ образомъ мы постепенно приходимъ къ идее объ историческомъ призваніи Наполеона: національный мессіаниззмъ Франціи превращается въ мессіаниззмъ ея генія-вождя. Наполеонъ становится мессіей и пламеннаго вѣрующаго, какимъ былъ Мицкевичъ, не шокируетъ сосѣдство именъ Наполеона и Христа. Онъ говоритъ о Христово-Наполеоновскомъ дѣлѣ, которое призвано осуществить человѣчество. Мистическій культъ Наполеона у Мицкевича носитъ въ то же время и ярко индивидуалистическій характеръ.

«Наполеоновская идея провозглашаетъ первую обязанностью человѣка стать героемъ (каждый въ своей области)... На языкъ народа тотъ, кто отличается въ своей спеціальности, зовется Наполеономъ своего дѣла. Въ этомъ смыслѣ не употребляли ни имени Цезаря, ни имени Александра Великаго».

Здѣсь польскій поэтъ въ своей попыткѣ индивидуалистическаго истолкованія образа Наполеона является характернымъ романтикомъ. Культъ сильной личности въ западно-европейской романтической поэзіи тѣсно связанъ съ культомъ Наполеона. У Мицкевича этотъ культъ сильной личности въ лицѣ Наполеона усилился тѣми патріотическими чаяніями, которыя у польскихъ мечтателей связывались съ именемъ французскаго императора.

Мессіомистическій смыслъ принимаетъ образъ Наполеона и у другого великаго польскаго поэта Зигмунта Красинскаго. Въ его «Неоконченной поэмѣ», символической драмѣ, въ которой передъ взоромъ героя драмы юноши и его учителя Алигьери проходятъ въ видѣніяхъ судьбы человѣчества, образъ Наполеона является передъ нами въ самыхъ исполинскихъ размѣрахъ, какіе когда-либо ему придавала поэзія. Сначала мы видимъ кровавыя сцены великой революціи, а затѣмъ надъ моремъ крови уносятся вмѣстѣ съ испареніями несбывшіяся грезы, сны неудовлетворенные, обманутыя стремленія, они кружатся, клубятся въ воздухѣ и постепенно начинаютъ сливаться въ одну душу, становятся одной волей, однимъ дѣйствіемъ... Слышенъ шумъ, словно трепетанье крыльевъ невидимыхъ птицъ, это бѣненіе сердецъ, которыя погибли въ революціи,,

¹⁾ Эту идею Мицкевичъ развивалъ въ своихъ лекціяхъ по исторіи славянскихъ литературъ, читанныхъ въ Collège de France въ 1841—44 гг. За страстное восхваленіе Наполеона правительство Луи-Филиппа, въ концѣ-концовъ, и лишило польскаго поэта спеціально для него созданной катедры.

но теперь оживают и образуют одну жизнь. Море крови исчезает, а в воздухъ появляется сіяющій образъ, и юноша узнаетъ Наполеона. Надъ нимъ шатеръ изъ сверкающихъ золотомъ орлиныхъ крыльевъ, ласковая улыбка на устахъ, а съ чела готова слетѣть молнія...

Это душа Наполеона,—поясняетъ Алигъери,—она одна, но въка въ себя вмѣщаетъ, одна, она все объемлетъ, она—идея изъ милліона мыслей, живая, воплощенная. Теперь Господь ей скажетъ: «иди впередъ», и никто и ничто ея не задержитъ, она пойдетъ и среди мрака найдетъ дорогу. А хоръ воздушныхъ голосовъ поетъ въ это время: «И кто можетъ съ нимъ сравняться изъ тѣхъ, что были и исчезли до него. Все, что когда-либо существовало раздѣленнымъ, ему дало въ волшебномъ соединеніи: и тѣло прежнихъ полубоговъ, не знающее усталости и сна! и душа христіанина бездонная, тоскующая и мечтательная! и творческій духъ, побѣждающій время и пространство? Въ немъ скрещиваются въды судьбы людскія? Всѣ труды и триумфы—мощь и пораженіе, радости и бѣдствія?

«Какъ міръ изъ ничего прямо отъ Бога сотворенъ, такъ и онъ среди людей выйдетъ и вознесетъ изъ ничего? Онъ будетъ героемъ наподобіе Александра грековъ—императоромъ наподобіе Цезаря римлянъ и мученикомъ, какъ святые первой весны христіанства! И умретъ, какъ Моисей, одинъ передъ лицомъ Господа! Умретъ, пророчествуя о волю Господней, предпръившей грядущіе дни человѣческаго рода».

Сравненіе Наполеона съ Моисеемъ у Красинскаго не случайно: Наполеонъ ведетъ человѣчество къ тому будущему, въ которое ему войти не дано. Онъ завершаетъ собою прошлое человѣчества, приводитъ его къ чертѣ новой эры. Онъ, воплотившій въ себя всю волю, душу великой революціи, является послѣднимъ титаномъ, героемъ, послѣднимъ геніемъ внѣшняго строительства жизни, революціоннаго и государственнаго. Послѣ него остаются одни пигмеи, которые уже никого поднять не могутъ, это—соръ, который онъ сметалъ съ европейскихъ нивъ. Правда, тотъ соръ, эти ничтожества восторжествовали надъ титаномъ, но тогда, когда онъ уже исполнилъ свою миссію. Сіяющій образъ, поднявшійся надъ моремъ французской революціи, развѣялся, исчезъ, но не потому, чтобы новый земной образъ могъ его смѣнить, нѣтъ, а потому, что человѣчество вступаетъ въ другую плоскость. Исчерпаны пути внѣшняго, насильственнаго устроенія человѣчества. Если Наполеонъ не могъ силою меча освободить народы, то потому, что мечомъ вообще нельзя завоевать свободу: путь къ ней внутренній, нужно сначала внутреннее освобожденіе, пересозданіе человѣка. Вотъ смыслъ трагической судьбы Наполеона въ мистической философіи Красинскаго.

Гимнъ въ честь Наполеона въ неоконченной поэмѣ Красинскаго относится къ 1848 году, то-есть приблизительно къ тому самому времени, когда Мицкевичъ въ «*La tribune des peuples*» защищалъ наполеоновскую идею. Въ 1851 г. Красинскій вмѣстѣ съ Мицкевичемъ привѣтствовалъ государственный переворотъ Наполеона III, такъ какъ послѣдній, въ его глазахъ, былъ представителемъ «наполеоновской идеи».

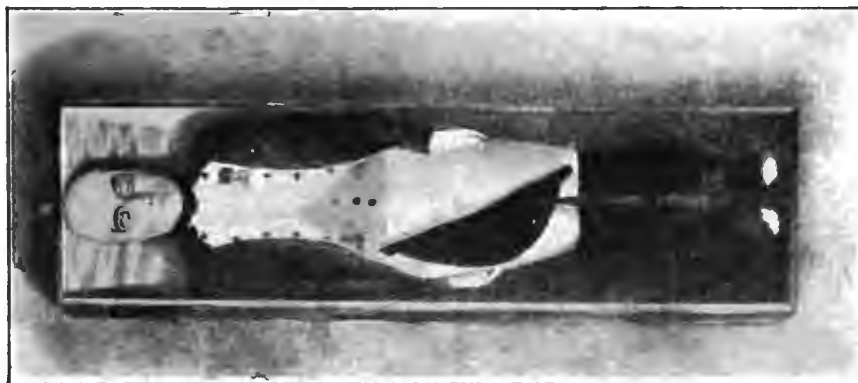
Если наполеоновская легенда процвѣтала на вершинахъ польской поэзіи и властвовала надъ избранными умами Польши, то неудивительно,

что оказалась столь живучей среди широкихъ круговъ польскаго общества. Убѣжденіе, что Наполеонъ I искренно хотѣлъ, но не успѣлъ восстано-
вить Польши, продолжало жить среди польскихъ патріотовъ, а новыя по-
колѣнія перенесли эти надежды на Наполеона III. Только послѣ возстанія
1863 года, въ которомъ поляки тщетно ждали помощи со стороны Фран-
ціи, надежды эти развѣялись.

Живыми разсадниками культа Наполеона въ Польшу были старые
легіонеры, участники наполеоновскихъ походовъ. Во многихъ польскихъ
семьяхъ вмѣстѣ съ изображеніемъ императора и старымъ оружіемъ пе-
редавались изъ поколѣнія въ поколѣніе рассказы ветерановъ про герои-
ческія битвы и славныя побѣды. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ
углахъ продолжала жить наполеоновская легенда уже послѣ того, какъ
потеряла всякое политическое значеніе. Болеславъ Прусь въ романѣ
«Кукла» изобразилъ трогательный и забавный пережитокъ этой легенды
въ лицѣ стараго приказчика Жецкаго. Онъ, несмотря на крушеніе На-
полеона III, продолжаетъ грозить наполеонидами и ждетъ, что явится
новый Наполеонъ, который сдѣлаетъ порядокъ на землѣ. Свою вѣру въ
Наполеона онъ воспріиалъ отъ отца, который былъ тогда въ молодости
солдатомъ, а затѣмъ сталъ писаремъ въ судѣ. Убогая квартира, въ ко-
торой росъ будущій бонапартистъ, вся увѣшана была иконами и портре-
тами Наполеона. Иконы вѣшала набожная тетка, а портреты—отецъ,
боготворившій императора. Въ концѣ-концовъ, портретовъ, изображавшихъ
Наполеона во всевозможныхъ видахъ, оказалось больше, чѣмъ святыхъ,
и тогда набожная тетка, возмущенная такимъ преобладаніемъ свѣтскихъ
картинъ, повѣсила на стѣнѣ бронзовое распятіе. Тогда отецъ, чтобы
«не обидѣть Наполеона», приобрѣлъ бронзовый бюстъ его и помѣстилъ
надъ кроватью... «Помни, что Бонапартовъ Богъ послалъ,—училъ отецъ
сына,—послалъ для того, чтобы устроили порядокъ на свѣтѣ; и до тѣхъ
поръ не будетъ ни порядка, ни справедливости, пока не будетъ выпол-
нено завѣщаніе императора»...

Польскій писатель не выдумалъ этого фанатическаго поклонника На-
полеона. Въ Польшу такіе поклонники, обломки старины, продолжали
существовать и послѣ того, какъ наполеоновская легенда развѣяна была
даже на родинѣ ея—во Франціи.

Л. Козловскій.

Наполеонъ въ гробницѣ.

На морозѣ.
(*Верещагина*).

На этапъ. „Дурныя вѣсти изъ Франціи“.
(*Верещагина*).

Отъѣздъ Наполеона изъ арміи въ 1812 г.

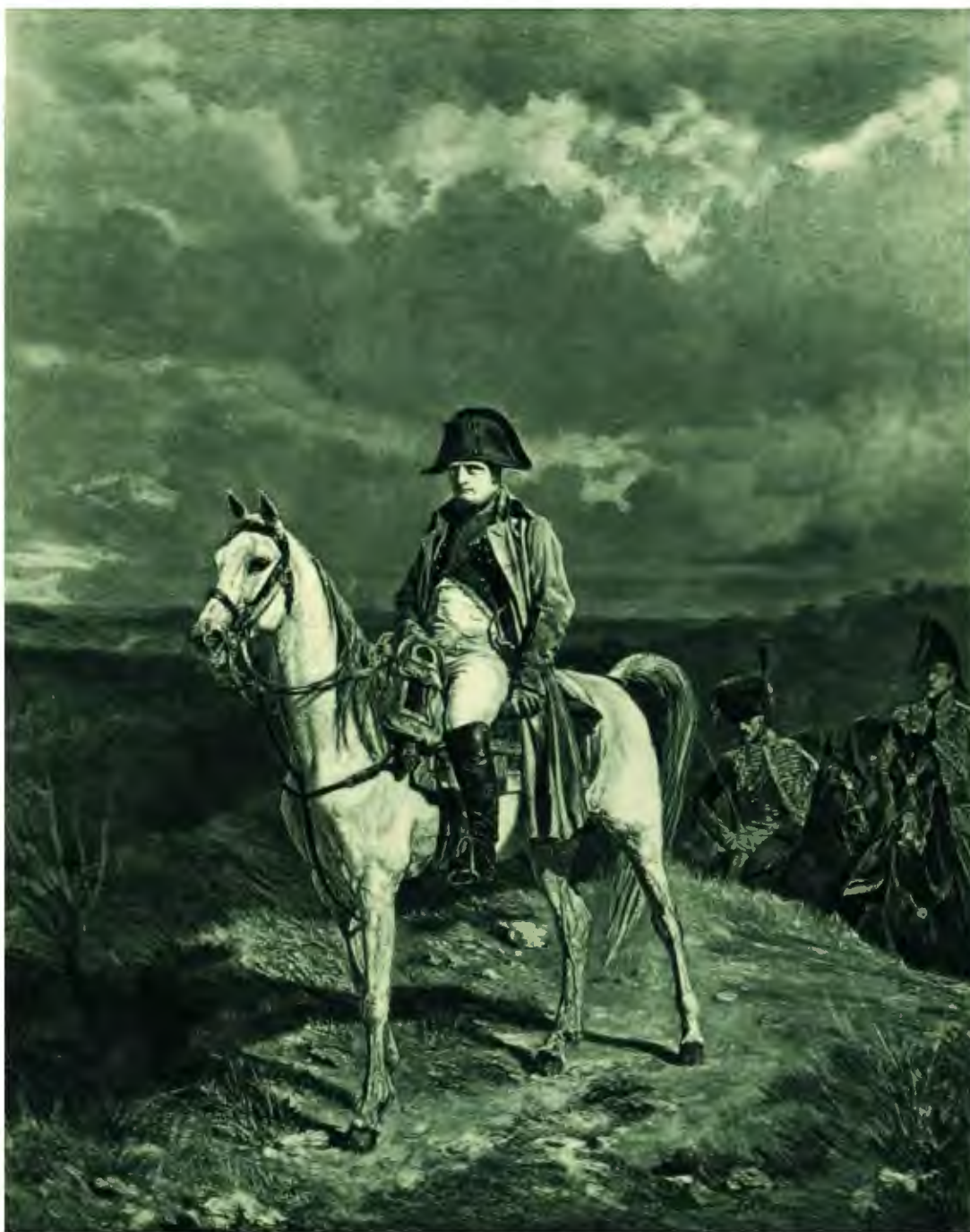
(В. Шельминскій.)

(Неизв. художн.; ориг. въ Ист. Музеѣ.)

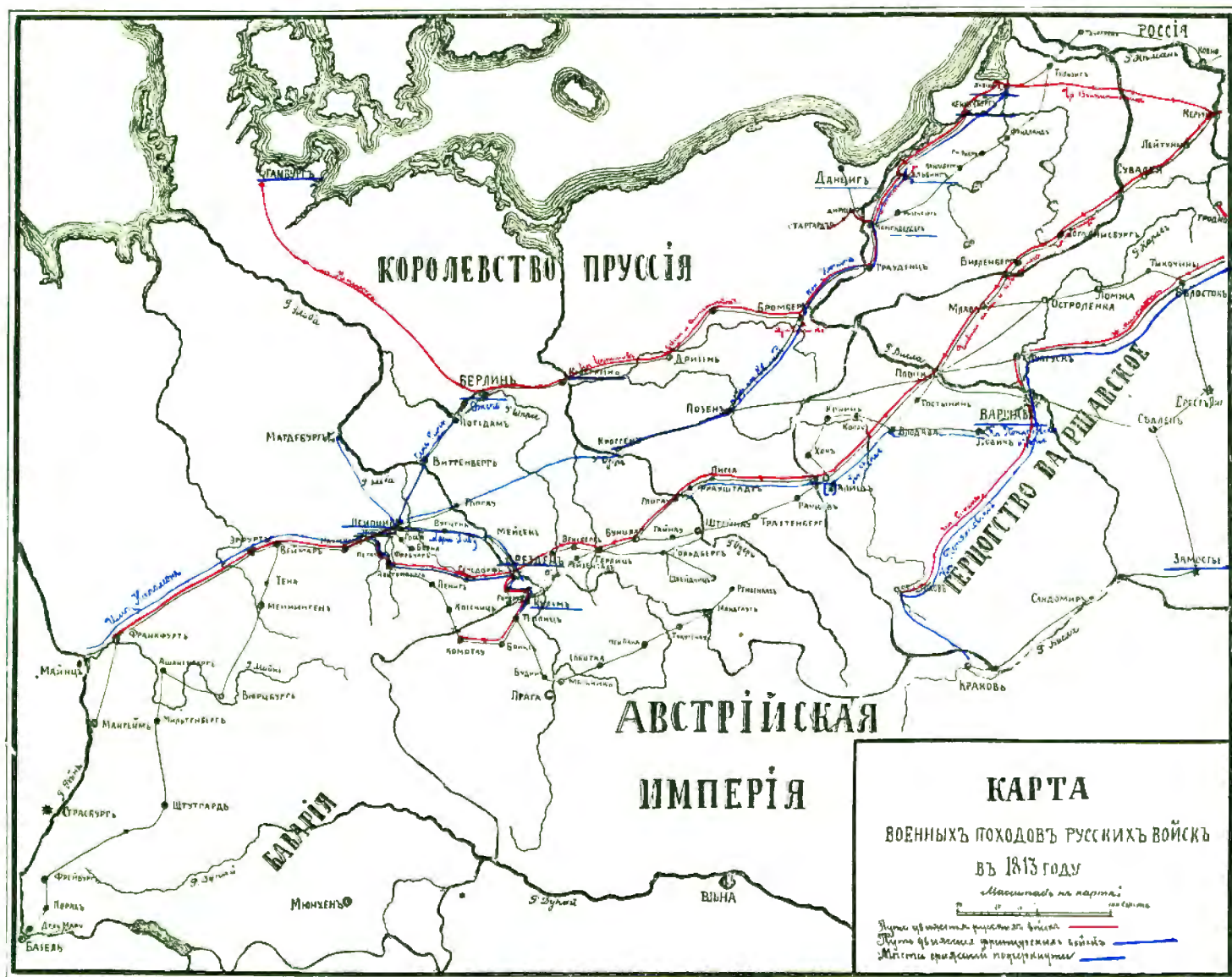
Патріотическія жертвы въ 1813 г.
(Жауфр.)

Наполеонъ въ 1814 г.
(Мейссонъ.)

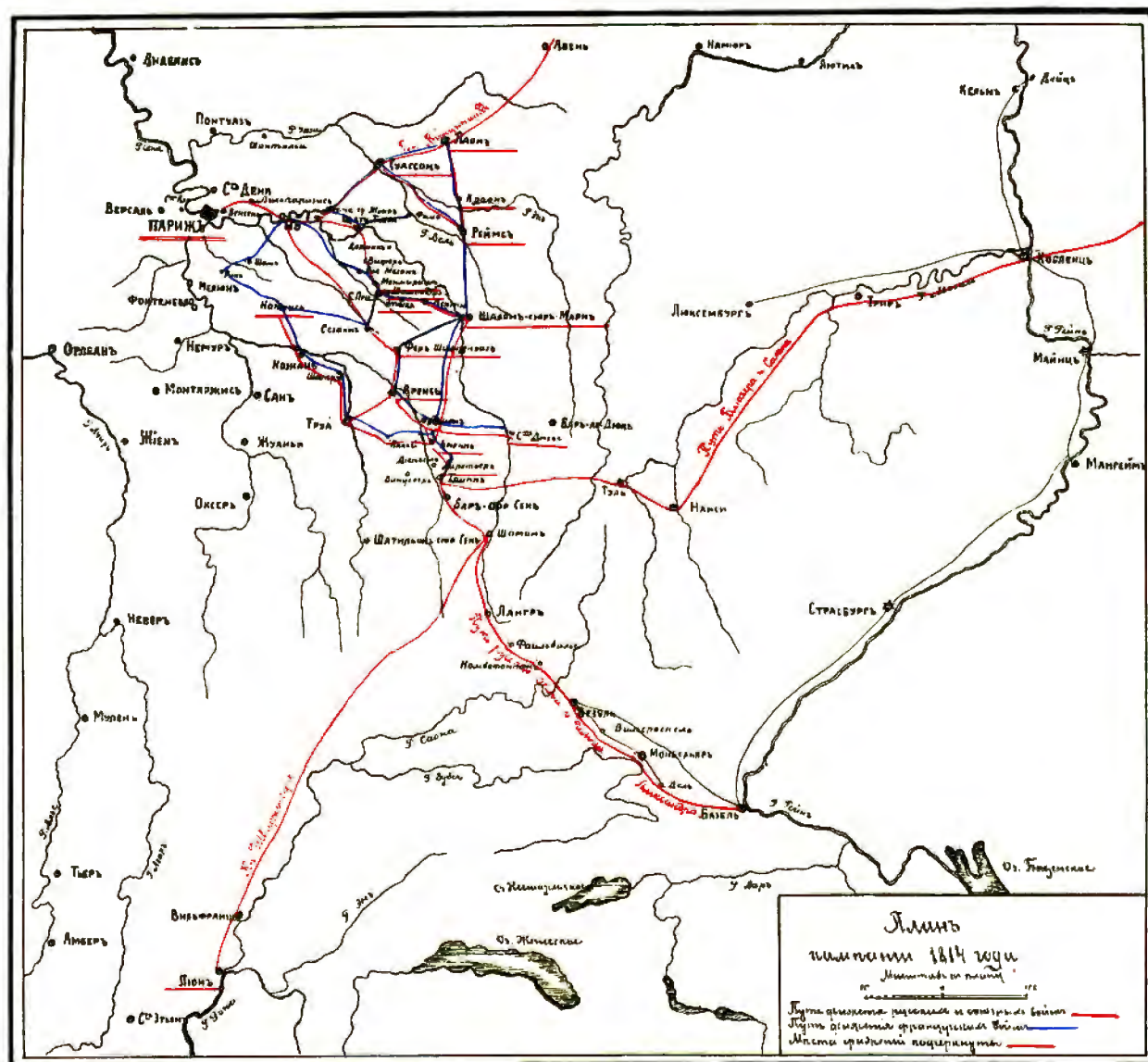

Сраженіе при Лейпцигѣ.

Чертилъ Л. Г. Лукьяновъ,

Редактир. В. И. Федоровъ.

Чертилъ Л. Г. Лукьяновъ.

Редактир. В. П. Федоровъ.

Ген. Моро и его адъютантъ Дессоль на развѣдкахъ.

(Мейссонье.)

Эта картина хронологически относится къ 1796 г.; по ошибкѣ она не была помѣщена въ I т.; мы ее помѣщаемъ къ моменту послѣднихъ дней Моро.

На высотах Монмартра при взятии Парижа.

Прощание Наполеона съ маршалами.

(Верна.)

Отреченіе.
(Сам.)

Вступленіе союзныхъ монарховъ въ Парижъ.

(Свер. грав.)

Возвращение съ острова Эльбы.
(Белланже.)

Видѣнія Наполеона.
(Дюма.)

Отъездъ Наполеона съ острова Эльбы во Францію 1 марта 1815 г.

(Бомъ.)

Возвращеніе съ Эльбы.

(Штейбенъ.)

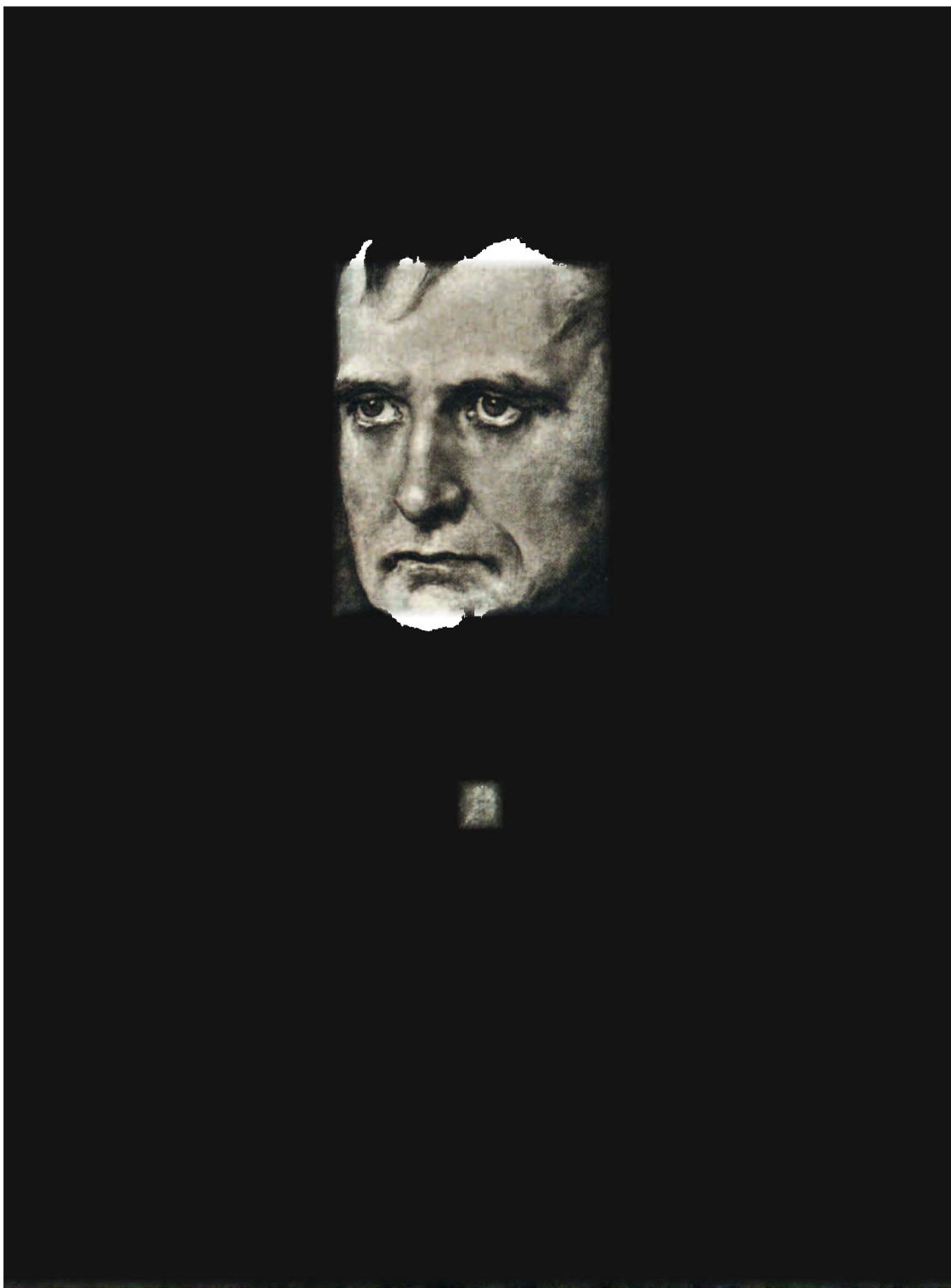
Наполеонъ при Ватерлоо.

(Штейбенъ.)

Битва при Ватерлоо 18 іюня 1813 г.

(К. Андрьє.)

Наполеонъ (на о. св. Елены).

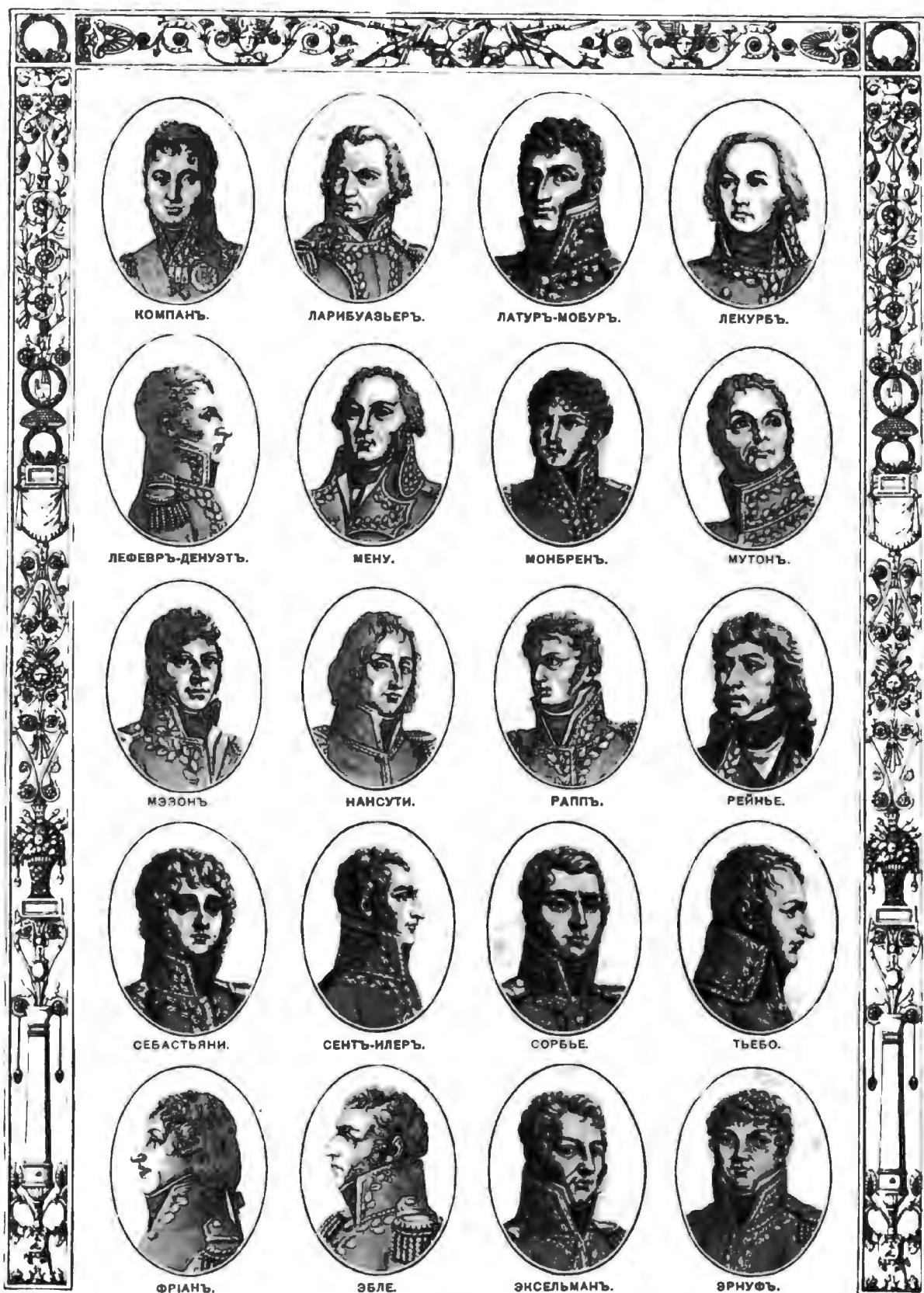

Наполеонъ на о. св. Елены.
(О. Вех.)

Выпускъ офицеровъ С.-Сирской школы въ 1813 г.
(Г. Руссель.)

Два гренадера.
(Косовка).

Наполеонъ въ Версалѣ.

(Жирандэ).

Уничтоженіе Росбахской колонны французскою арміей.
(*Вафаръ.*)

1814 г.
(Мейссонье.)

Возвращение на о. Лобау.
(Муанье.)

Гробница Наполеона въ Парижѣ
(Hôtel des Invalides).

Перенесеніє останковъ имп. Наполеона І 15 дек. 1840 г.
(Гюло.)

Лaгерь казаковъ въ Парижѣ.
(Грав. Опица.)

Въездъ союзныхъ государей въ Парижъ.
(Совр. грав.)

